

НЕВА

2•2026

Ценим прошлое.
Открываем новое

НЕВА

2
2026

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- Михаил ГУНДАРИН**
Стихи • 3
- Ксения ЖУКОВА**
Реновация. Повесть. Пред. Е. Попова • 7
- Андрей КОРОВИН**
Человек не уехал из Питера... Стихи • 37
- Инна КАБЫШ**
Детство — отрочество — детство. Маленький принц. Кого любят хомяки. Урок музыки. Достать чернил и плакать... Lipa Lida. Яблоня. Слово из трех букв. Моя милиция. Сольвейг. Рассказы • 43
- Вера ЗУБАРЕВА**
Исповедь писателя. Стихи • 59
- Александр КУРАПЦЕВ**
Чертовое колесо. Надежда. На тропе войны. Фредидракула. Чертовое колесо. Овраг. Сестра Мама. Рассказы • 65
- Танзиля ИСКАНДАРОВА**
Узник. Рассказ • 77
- Светлана КРЮКОВА**
Ничего лишнего. Стихи • 83
- Александра МЕДВЕДКИНА**
Метод Корчака. Планета. Метод Корчака. Рассказы • 87
- Игорь РОДИН**
Я тот, кто убил Че Гевару. Рассказ • 92
- Николай ЯКИМЧУК**
Стихи из цикла «Неоконченный гамбит» • 99
- Виктор ПЕРЕГУДОВ**
О странностях любви. Возвращение. Маша. Рассказы • 105
- Олег ГАЦЕНКО**
Дыханье Питера. Цикл питерских сонетных элегий • 138
- НЕСТОЛИЧНАЯ РОССИЯ**
- Александр МОЛОТКОВ**
Вот моя жизнь земная. Повесть • 144

Сергей УСТИНОВ

Идеальная хижина. Коралловый гребень морской.
Рассказы. Пред. Е. Попова • 169

ПЕРЕВОДЫ

Карл БЕРНГАРД, Софус ШАНДОРФ

Рассказы. Перевод Егора Фетисова • 181

ЛЮБИМЫЕ УГОЛКИ РОССИИ

Станислав МИНАКОВ

Ксеничкины «дуновения» • 194

ПУБЛИЦИСТИКА

Николай МАРКЕЛОВ

Кавказская война: «Страницы прошлого читая...» • 198

Михаил ДЕНЕЖКИН, Григорий ВЕРХОВСКИЙ

Отражения. «Зеркало–2025» • 223

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Иванна ДУНЕЦ

Русский Гофман. Лица: три поэтические норны • 228

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Территория памяти. *Елена Козачук.* Героика военного детства. Тарковский, Косенков, Прасолов • 237

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

У берегов Испании. Часть 6 • 243

---

*Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства цифрового
развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.*

*Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).*

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор

Александр Мотелевич МЕЛИХОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Игорь Сухих (*шеф-редактор гуманитарных проектов*). **Ольга Малышкина** (*шеф-редактор молодежных проектов*). **Наталья Ламонт** (*редактор-координатор*). **Дмитрий Зенченко** (*контент-редактор журнала, редактор интернет-сайта*).

Дизайн обложки **А. Панкевича**

Макет **С. Булачевой**

Корректор **Е. Рогозина**

Верстка **Д. Зенченко**

Михаил ГУНДАРИН

22 НОЯБРЯ

Вот отпечаток дня: бумага «унибром»,
Звнящая поддельным серебром.
Нечеткое ч/б,
нетвердая рука
подростка (а скорее, старика).
А что на фото?
Полумертвый двор,
глаза кустов, глядящие в упор.
Ноябрьская советская пора.
И правда, где тут сыщешь серебра?
Скорей бы резкость смазал мокрый снег.
Скорей бы новый, новогодний век.
Его презренье, киноварь его,
что выпачкает всех до одного.

* * *

Мятная песня, матовая,
поет ее старый лжец,
вялым ртом перекатывая,
будто бы леденец.
А другая — военная,
металлический еж.
С виду обыкновенная,
но гортань обожжешь.
Русские обе, русские!
Водка и молоко
льются на землю
в узкое
русской иглы ушко.

* * *

Мы пьем на Сретенке коньяк
В последних числах ноября —
Глотаем маковки церквей.
Каким огнем они горят,

Михаил Вячеславович Гундарин родился в 1968 году. Окончил факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Препоает в вузах, кандидат философских наук. Автор более 10 книг стихов и прозы, многочисленных литературно-критических статей и эссе. В соавторстве с Евгением Поповым написал биографии Ф. Искандера и В. Шукшина. Живет в Москве.

Как согревают изнутри
Московской ночи вопреки!
И кажется, что смерти нет,
Бессмертен мир, бессмертны мы.

* * *

Вот и отвык о себе говорить в человеческом роде,
Стал без труда управлять парой маленьких крыл.
Ангел печали, некрупный, навроде Володи
(Знал ведь значение присказки, да позабыл).
Тихо летит по холодной осенней лазури,
Видя добычу, бульжником падает вниз.
Ты был беспечен и весел, душевные бури
Мимо прошли — получай-ка небесный сюрприз.
Кто никогда не печалился — тот не спасется,
Нужен душе нестерпимого легкий урок.
Мы для него будто ведра в глубоком колодце —
Сто утонуло, но триста он вытащить смог.

В ДОРОГЕ

Море в шестом вагоне
Пело о скорой встрече.
Музыка нас догонит —
Станет немного легче.
Слышишь, над кем смеется
Невеселое пламя
В узком горле колодца,
Поднятого над нами?
Резкий рывок состава.
Наклоняется чаша.
Огненная отравка
Льется сквозь солнце наше.

* * *

Злые сухие листья,
Золото мертвых пчел.
Это чужие письма,
Я их давно прочел.
Пыльного света комья,
Сломанных букв обвал
На год вперед запомню.
Я их не зря писал.

* * *

Медленной крови
деревянное колесо
застряло в густой траве.
Хорошо среди летних лугов-лесов
и больной голове.
А здесь я падаю, падаю, не могу
подняться, просто уйти —
сердце, лежащее на снегу,
оставить в чужой горсти.

РАННЕЕ УТРО

Усни, баллада, спи, былина,
Как только в раннем детстве спят.

БП

Осенний, скучный свет в окне
Тоски октябрьской острый угол —
Судьба, приснившаяся мне
Проездом из Твери в Калугу.
Ладонью рану не зажать.
Приехали. Вставай скорее.
То первый снег, то блеск ножа,
То стук мечты по батарее
Я слышу, я уже иду,
Повинной головой качая,
Проглатывая на ходу
Обиду утреннего чая.
Разносят звезды по мостам,
Глазам светло, и сердцу сыро,
Иду сквозь тайные места
Несуществующего мира.

* * *

Толпа, делившая медный грош,
разогнана царским свистом.
Есть время-товарищ и время-нож,
время быть атеистом.
А я, снимая пустынный двор
на «Кодак» своей печали,
все видел стреляющие в упор
каменные пищали.

Ржавый капкан бесполезных слов,
бритву на дне балета,
целый улов слюдяных голов,
лилию пистолета.
Точно ли хуже холодный страх,
чем горячая пуля,
мраморы статуй, чем мягкий прах,
царский дворец, чем улей?

* * *

Жизнь раскатилась на гладком полу
каскадом холодных бусин.
Тяжелая тень появилась в углу,
мы ее видим и трусим.
А она прекрасна, как темный лес,
как первый день после смерти мира
(ведь если бы мир и вправду исчез,
это было бы очень мило).
Но мы не впустим ее сюда.
Останется целым кокон:
в узел завязанная вода,
к стенке прикрученная звезда,
дом без дверей и окон.

ПАСТЕРНАК

Когда четверками, восьмерками	Июньского солнцестояния,
Разрежут воздух чьи-то крылья	Где никого поодиночке.
И вдаль уйдут, едва посверкивая,	Неважно — будь ли то учения
Мы разгадаем без усилья,	Или ракетная опасность,
В какой узор сложились полосы,	Гость из другого измерения,
Еще плывущие над нами,	Дрон или зонд — все это частность.
Стоящими в траве до пояса,	Мы все в секунде, остановленной
Участвующими в программе	Большого счастья накануне.
По прекращению вращения,	Глаза в глаза глядим по-новому,
По остановке в яркой точке	И зной, и смерти нет в июне.

НА БЕРЕГУ ПРУДА

Блогов, богов занавешенные картинки,
черных уключин скрип,
серединки и половинки
пробуют на изгиб,
словно виниловые пластинки.
Прогнулся — значит, погиб.
А я смотрел на мелкие волны
и видел разгром, развал,
плавающий баскетбольный
мяч головой кивал
всему, что красиво, быстро, больно,
как падающий кинжал.

Ксения ЖУКОВА

РЕНОВАЦИЯ

Повесть

Ксения Жукова уверенно существует в современной русской литературе, и я рад, что такой уважаемый журнал, как «Нева», обратил внимание на ее сочинения.

Вспомнил, что в ныне далеком 2003 году Ксения стала призером молодежной премии «Дебют» по драматургии, Может, с этого и началась ее так называемая «литературная известность», но, скорее, писательская страсть овладела ею еще с ее дня рождения, случившегося в Москве в 1985 году.

Ибо она ОРГАНИЧЕСКИЙ, настоящий писатель, А для меня НАСТОЯЩИЙ — это тот соотечественник, который пишет хорошо и пишет ВСЕГДА. Вне зависимости от премий, поощрений, преследований, денег, трудовых успехов и счастья в личной жизни.

Евгений ПОПОВ

32

Дверь

Дверь заклинило в самом неподходящем месте. Маша все дергала ручку и дергала. И вот — результат. Часть ручки в руках у Маши, а часть — неизвестно где. То есть между двумя дверьми. Междудверие.

Во всем виноват Николай Жаворонков из фирмы «Ягуар», — решила Маша. Вернее, не решила, а повторила за родителями. Те несколько дней назад ругались, что им вторую дверь не так установили. Очень и очень высокий верхний замок, сможет ли достать Машенька? Машенька смогла. При этом она что есть силы опиралась на ручку, потому что нужна была опора. И ручка, кажется, немного разболталась. Недельку все было, в общем-то, сносно. Маша принаравливалась.

— Ребенок не может до замка достать! — возмущалась мама. — Как она вообще это делает? Ну как? Маша, покажи.

Маша показывала.

— Но ведь достает же и открывает. И вообще, хватит терроризировать ребенка. У тебя там что-то выкипает на плите. Рагу? Запах какой-то непонятный. Из чего оно?

— Ну как это непонятно? Из того, что сам заказывал.

Ксения Жукова — прозаик, драматург, сценарист, журналист, переводчик. Лауреат премии «Дебют» (драматургия, 2023) и финалист (малая проза, 2011), лауреат премии «Молодые критики» (2021), лауреат конкурса драматургии «Евразия» (2016). Финалист премии «Нонконформизм» (2014), конкурсов и фестивалей «Волошинский», «Кора» (проза), «Любимовка», Корней-Чуковская премия, «Русский стиль», лауреат и финалист конкурса «Маленькая премьера PRO» и др. Дважды лонглистер премии им. Фазиля Искандера (2023). Член редколлегии журнала «Электронные папасы».

Разговор перемещался в другую плоскость.

В итоге все оставили, как есть. Пока ручка хрясть — и не обломилась. Никак теперь Маше не войти. А она после школы — голодная. А теперь сиди тут — на дверь смотри. Вернее, на две двери. Две двери подряд, металлические, а между ними ручка. С новой дверью вообще беда. Привезли не того цвета — мама ругалась. Потом не с теми замками — папа ругался. Потом вообще позвонили в шесть утра, выходной, — все дружно ругались. И не посмотрели, что замки не там, где надо.

— Зачем нам задвижка на уровне коленок, а замок на уровне слонского хобота?

Это опять папа. Этот «слонский хобот» — его выражение. И Маша обижается за слона. Ведь если тот хобот опустит — очень даже низко будет, почти до земли. Она в зоопарке видела. Сейчас зоопарк не работает. Понедельник. Выходной. Это у Маши — учеба. И связка ключей. И никого из соседей. Все на работе. Да и все равно Машина семья ни с кем не общается в подъезде.

— Давно пора всех знать. Пять лет тут живем.

Слова мамы эхом отдают в ушах.

— А кого знать, кого? Тут все снимают и меняются, как попугаи, поди разбери, кто из какой квартиры. Они даже говорить не все умеют.

Это папа.

Маше непонятно, при чем тут попугаи, на всякий случай она обижается. За птиц. И за соседей заодно. Хотя те и правда все время меняются, Маша только привыкнет к одним, тут раз, на тебе — уже другие из этой квартиры: «А вы съезжаете, да?» — «Да, закончился срок аренды. Слишком дорого платить. Еду к себе на родину. Ипотеку взяли, теперь свое жилье будет».

Это Маша все слышит периодически. Дом новый, стены тонкие. И никого вокруг.

Маша спускается вниз с ручкой в руке. Что теперь делать — неясно.

«После школы — сразу домой, — это мама. — Потому что сама понимаешь, какая обстановка». Маша не понимает. Но послушно идет домой. Машин смартфон безмолвствует. Навстречу идет хромой Коля. Им пугают детей. Хромой Коля живет в старых домах, ходил когда-то на костылях. И что он делает в их дворе — непонятно.

— У нас кот убежал. Белый такой, пушистый, перс — не видела? — обращается Коля к ней. Да, именно к ней. А ведь Маше сто раз было говорено: «С незнакомыми ни ни, время такое. И вдруг маньяк попадетсЯ. И пусть даже думаешь, что знакомый, на то и расчет, ты пойдешь со знакомым за угол — а там маньяк. И все». Хромой Коля вовсе не хромает. И Маша не понимает, почему его так прозвали. Он живет с матерью в старых домах на пригорке. И еще работает слесарем. А еще все знают, что у Хромого Коли раньше была дочка, она утонула в тех прудах, что между новым районом и старыми домами. И что Хромой Коля сделал дочке памятник на территории детского сада, потому что тогда работал там слесарем. Это как раз все знают. И что он детей ненавидит — тоже знают. Но у Маши положение — не позавидуешь. Ей надо попасть домой. Телефон разрядился еще после третьего урока. А зарядка — дома.

— У вас есть позвонить? Мне только маме, один звонок.

У Коли нет телефона. Тогда Маша набирается смелости и рассказывает про дверь, может, Хромой Коля что-то придумает? Ведь он же слесарь.

Стоит Маша и видит себя со стороны — жалкая такая, в руке дверная ручка.

— Так, значит, ты не видела кота персикового? — уточняет Хромой Коля и отворачивается.

Маша задумчиво смотрит вслед Хромому Коле. У Хромого Коли никогда не было кота. И опять Маша одна перед дверью. Стоит, как памятник. Но ведь надо на что-то решаться. И лифт не работает. Маша думает, что если не починят к вечеру, то будет

столпотворение на лестнице. Маша представляет вереницы жильцов, которые топают, отдуваясь, вставляют комментарии: «дайте пройти», «обгон запрещен», «вы наступили мне на ногу, давайте дождемся лифтера или будем оформлять протокол», «да где у вас перелом, где, тут и ушиба никакого нет, женщина, не орите, как три поросенка из свинки Рерра», «так их там четыре», «а вы не считайте»...

Кто-то трогает Машу за плечо. Маньяк, конечно, маньяк. Уф. Соседка. Верхняя соседка. Соседка сверху. Дом новый, а соседка их уже три раза заливала. Поэтому и не здороваются. Маша думает, что ей стыдно. А родители ворчат, что надо что-то делать, потому что обои вздулись, свет включается через раз, а соседке хоть бы что, ни рубля на ремонт не дала, надо в суд, тем более все акты на руках.

Маша молчит. Соседка смотрит на Машу. Потом смотрит на ручку в руке Маши. Маша молчит. Соседка уходит. Маша облегченно вздыхает. И зря. Соседка появляется снова, в руках у нее плоскогубцы.

И раз — дверь открыта.

Вечером Маша рассказывает родителям про дверь. Папа костерит Николая Жаворонкова из фирмы «Ягуар». Мама переживает за Машу. А Маша думает про Хромого Колю и его кота, которого у него никогда не было. А утром соседка опять не здороваются. А лифт сам починился. Но Маша на всякий случай спускается по лестнице.

11 Кровать

Гусеница сгорела сразу. По крайней мере, когда Рома прибежал, ничего видно не было. А Яна делала удивленные глаза:

— Какая еще гусеница, не забивай мне голову чепухой. Папа сказал сжечь старую рухлядь, и как можно скорее. Неужели непонятно? Иди играй дальше.

Но Рома не пошел. Остался смотреть. Яна пыталась отогнать его от костра: все-таки воздухом приехали дышать, а не жидкостью для розжига.

Дача была старой. И какой-то ветхой даже. Неприятной какой-то.

Яна дачу не любила. И папа не любил. Мама терпела. А Роме было как-то все равно, главное, чтобы было играть и чтобы друзья были.

Дача была бабушкина. А пупс, наверное, тоже горел. Раз нет гусеницы, то и пупс тоже. Роме стало неприятно. Только-только он нашел гусенице новый дом, только поженил гусеницу со своей старой игрушкой — пупсом, а тут такое.

Гусеница была знатная. Такая зеленая, сидела на смородине. Рома ее сунул в корбочку. Гусеница станет куколкой, а потом бабочкой. Бабочка станет невестой и выйдет замуж за игрушечного пупса. Он ведь тоже куколка. Рома их поженил и оставил в бабушкиной кровати. На ней никто не спал. Это будет пупсово королевство. Кто же знал, что на королевство нападут. И что папа, родной папа, который задерживается на работе, потому что до дачи пилить и пилить, отдаст такой приказ.

— Это чем у вас так пахнет? Химическое что-то жжет? — закричала по ту сторону забора соседка Ирочка. Она же по совместительству подруга Яны.

Яна покачала головой.

— Зачем же химическое? Всего лишь бабушкину кровать.

— Наверное, это очень неприятно, — Ирочка открыла калитку и почти бежала к ним по земляной дорожке, — когда что-то сгорает. Кровать. Вы к ней привыкли.

— Мы новую купим, из «Икеи», — опять влез Рома, — а бабушке все равно, она же умерла.

— Да, — кивнула Яна. — Еще зимой. Вот разбираем вещи.

— Но кровать, зачем же кровать, можно было кому-то отдать?

Кажется, Ирочка очень расстроилась.

— Да что кровать, — в ней гусеница жила и пупсик с ней. А Яна их сожгла, вот кого жалко, — не выдержал Рома.

— Ну я же не знала! — в который раз оправдывалась Яна. — Ты сам мог бы раньше сказать. Ты же знал, что мы старую мебель будем жечь, знал.

— Зато хорошо, что они бездомными не остались. А то скитались бы где-то по дограм, пупсик и гусеница, — попытался утешить себя Рома.

Ира удивленно посмотрела на Рому.

— Вот что, ну ее, кровать эту, приходите к нам лучше на шашлыки. Мама зовет. Знаешь, у нас какие шашлыки? Еще лучше, чем в прошлом году. Давай, Ян, успеем до дождя.

Яна с сомнением посмотрела на маленького Рому. Все-таки родители просили проследить за братом в их отсутствие. Но, с другой стороны, они приедут только утром, а Ромке уже почти восемь. Самостоятельный такой братец.

— А ты не пойдешь, маленький еще. Что папа сказал? В десять уже спать. Жди, я скоро приду.

Яна пошла было, но вернулась и добавила:

— Я принесу тебе шашлыка, хочешь? Да не переживай ты так из-за пупса. В конце концов, он мой был, вот так, мне его подарили, когда тебя вообще еще не было. Да, к костру не подходи, пусть догорает.

Яна посмотрела на серую тучу и добавила:

— Дождик его потушит.

Рома кивнул. Он подождал, пока хлопнет калитка, и тут же бросился к костру. Надел дедушкины рукавицы, схватил палку и стал шуровать в самой гуще несгоревших дровяшек. Пупсу повезло. У него оплавилось только лицо. Но в целом, если смотреть со спины, нормальная такая игрушка. Рукавицам было жарко. Рома терпел. Отнес пупса в свою кровать и положил на простыню. Ну вот, теперь след будет черный. Отстирается ли? — думал отстраненно.

Диван-кровать, на которой спал на даче Рома, был тоже старенький, еще Янин. Интересно, осмелится ли Яна его сжечь после Роминой смерти. Потом Рома стал думать, что Яна ведь старшая сестра и что, наверное, умрет раньше. А уж он-то ее, Янину кровать, жечь не будет, мало ли кто там живет. Поэтому пупсу ничего не грозит.

Рома решительно затолкал пупса под матрас. Не найдут. Надо будет найти ему еще кого-то, чтобы поженить, необязательно гусеницу. И тогда все будет хорошо. Обязательно будет.

43

Почтовый ящик

Дверь квартиры сорок три самая нарядная. Блестит, как леденец. Тут живет Зайцев. Он работает в поликлинике напротив детским стоматологом. Утром он подкладывает в почтовые ящики тех квартир, где дети, всякие дешевые карамельки и леденцы на палочке. В общем, все, что застревает в зубах. Он и соседским детям постоянно подкладывал. И на ручку двери вешал, и на коврик клал. И однажды Лена с Соней гуляли, а навстречу им шел стоматолог Зайцев из магазина, наверное. Он увидел их, заулыбался и подарил каждой по большому мороженому. Лене — эскимо, а Соне — рожок.

— Это чтобы к нему пациенты бежали, — решила Лена. Хотя она сама из зависти это сказала, ведь в соседнем подъезде живет.

Лена леденцы не съедала, а в коробочку складывала — копила. Хотела дяде Зайцеву на день рождения подарок сделать. И чтобы он все разом

А потом стоматолог Зайцев переехал и перешел работать в другую поликлинику, для взрослых. И все жалели, что он ушел.

— Ага, — делилась с Соней Лена, — на взрослых конфеты переводить не надо. У них зубы и так плохие.

Лене стоматолог Зайцев успел четыре пломбы поставить. Совсем-совсем не больно. А теперь вместо него работает Яна Владимировна. Она не кладет конфеты в почтовые ящики, не оставляет у коврика коробки с пирожными, не вешает на ручку двери кульки со сладостями. Она просто нудно выполняет свою работу. А еще она делает зверское лицо и говорит: «Ну, моя дорогая, готова к бою?» И так раз за разом.

Однажды Лена встретила стоматолога Зайцева в центре города. Он был совсем старенький и не сразу ее узнал.

— Скажите, почему вы от нас, детей, ушли? Зачем? И почему вы все время подкладывали нам конфеты?

— Все очень просто, — улыбнулся Зайцев, — конфеты я клал, потому что сам их люблю очень. А в моем детстве не было конфет, я только мечтал о них и хотел делать приятное всем детям. А почему ушел ко взрослым, потому что там платят больше.

Вечером Лена хотела зайти к Соне и рассказать про встречу со стоматологом Зайцевым, но вспомнила, что Соня с мамой давно переехали. А так бы она зашла и сказала Соне: «Представляешь, мы думали, он ушел, потому что у него дочь погибла и ему больно про нее думать. А он из-за денег».

И Соня бы ответила: «Конечно, конечно, а я что говорила». И мир сразу стал бы понятнее.

13

Мусорное ведро

Павел Андреевич занимался тем, что ловил по ночам солнечных зайчиков. И это вовсе не абсурд. И если раньше в детстве все ограничивалось бабочками-капустницами, на большего не хватало, лимонница и то редкий гость. Потом, конечно, жалко стало бабочек. Все ловили, и маленький Павел Андреевич тоже ловил. А еще было ощущение воздушности. Когда ты гонишься за чем-то полупрозрачным, легким, еле уловимым. Все друзья накалывали бабочек на булавку для пополнения коллекции. А Павел Андреевич не мог, какая коллекция, если бабочки одни и те же. Он клал их в коробку на подоконник, а то и просто выпускал. Но что-то шло не так. Вялые, пойманные ложились на подоконник и переставали существовать. Павел Андреевич вырос и решил не поступать, как все. Хотя все вокруг давно перестали ловить бабочек. Интересы другие, да и немодно. А ощущение воздушности все равно требовалось. Павел Андреевич подходил к охоте серьезно. Всех солнечных зайчиков он обязательно утром отпускал — такая была договоренность. Поэтому когда кто-то из нас выносил мусор и видел Павла Андреевича с рюкзаком или хозяйственной сумкой, Павел Андреевич обязательно здоровался, открывал сумку и показывал, что там пусто.

— Видишь? Только что выпустил солнечного зайца очередного. А у тебя что? Мусор? Ну, хочешь, помогу вынести, тяжелое ведро-то.

34

Кресло

Монтировщик Вася вовсе никакой не монтировщик. И даже не Вася. На самом деле он — Витя Ширгин, официант из кафе. В кафе Витя проработал один месяц, вернее, двад-

цать два дня. А потом, потом кафе закрыли. А так бы Витя еще проработал. Он любит работать. До того как работать в кафе, Витя трудился в банке операционистом. Он хорошо работал, старательно. И даже кресло свое принес из дома. Красненькое такое, складное. У Вити было сложное заболевание спины, название которого никто не мог запомнить, так как Витя сам заболевание это и придумал. Сам придумал, сам забыл, сам кресло принес. Не простое кресло — любимое, бабушкино. Но тут банк закрыли самым банальнейшим образом.

Утром, как обычно, Витина голова виднелась за табличкой «Прием коммунальных платежей», в окошечко постучалась самая что ни на есть бабушка. Но не Витина. И ослепительно сверкая протезом (просто как в рекламе крема «Корега»), направила на Витю пистолет модели «Кольт-1911».

Это потом, когда Вите подносили к носу вонючую ватку с нашатырем, рассказали, что это копия оружия. И бабушка эту копию позаимствовала не у внука, как можно было подумать. А с места работы. Работала старушка воспитателем детского сада «Светлячок» в пригороде, тридцать две минуты на электричке, две минуты пешком от станции до банка. Бабушка продолжала улыбаться и театральным шепотом (а Витя в детстве просто грезил театром) просила отсыпать ей наличности. Витя искал ногой тревожную кнопку, пытался улыбнуться, но вовремя вспомнил, что ел с утра маслины с черносливом, а зубной нитью забыл попользоваться. Соответственно, зубы у Вити были сейчас черные и некрасивые, в крапинку какие-то зубы. Витя не нашел ничего лучше, чем упасть в обморок. И как-то неудачно, откинувшись на кресле. Кресло было на колесиках, посему поехало прямо с Витей в другой конец рабочего кабинета и врезалось в операционистку-клептоманку Мальвину Третьякову. Мальвина завизжала, а старушку поймали.

— А пойдите докажите, — только и сказала старушка на все предъявленные ей обвинения. — Это Вася из моей группы сам мне его подарил, на день рождения. У меня он как раз позавчера был.

— Эх ты, Вася! — зачем-то сказали Вите Ширгину сотрудники банка, когда приво-дили его в чувство. И с тех пор Витя стал Васей. И даже фамилию поменял, на букву «Ф», чтобы поближе к началу алфавита быть.

Витя долго думал, увольняться ли ему из банка или еще поработать. Но банк на следующий день вдруг поменял вывеску на «Мебель» и съехал. Куда — неизвестно. А мебельного магазина теперь тоже там нет. Там теперь продуктовый магазин «Десяточка», где можно купить гнилые бананы очень и очень недорого. А еще лук зеленый. И на кассе всегда спросят: «Пакет нужен?» Даже если ты придешь с большим-большим пакетом и будешь махать им перед кассиршиным носом. Все равно спросят. Ибо за спрос денег, как известно, не берут.

46 Лифт

Софочка Морозова шумная такая. Как пришла с порога, так все бубнит и бубнит чего-то. В шумных людях много пустоты и воздуха. Софочке сорок шесть. В десять лет, как рассказывают, она переболела менингитом. Поэтому теперь для нее всегда праздник и вечные шесть-семь лет, даже не десять. Ее мама, грузная старушка в серой кофте с желтым пятном у кармана, пьет чай. Она всегда пьет чай, но чашку с собой приносит. И еще сушки. Всегда. Чтобы не доставлять никому хлопот — вот как она объясняет соседям. То одним, то другим соседям.

Софочка любит кататься на лифте. Она целый день так может ездить. И любит, когда ее просят нажать на какую-нибудь кнопку. Софочка сразу важной становится, и праздник у нее на целый день получается. Особенно нравится нажимать на кнопку «вызов», только мама не разрешает, потому что там вечно «говорите, говорите, вы нажали кнопку, говорите», а Софочке нравится невероятно, что ее просят. Она любит, когда ее просят незнакомые люди. Вот если бы не мама с ее запретами.

Еще Софочка Морозова любит ходить по гостям. А девочка не любит Софочку, боится. Ее настоящие шесть перед Софочкиными «замершими» выглядят слишком взросло и рассудочно. Софочка прыгает мячиком и дарит подарки — бесполезные сувенирчики.

А Софочка обожает ездить на лифте и ходить «по соседям». Софочка хитро улыбается — сейчас ты у меня кое-что получишь, готова? Вот держи, правда, прелесть? Себе тоже такую купила. На голове Софочки полно заколок, бабочек, бантиков, резинок. Софочка любит укрывать свои волосы.

— Вот, в крапинку! Ну не чудо ли?

Чудом оказывается белая ленточка в красный горох. У нее волосы короткие, ленточка ни к чему. Но Софочку обижать нельзя, иначе та будет плакать. А это очень некрасиво и страшно.

Летом родители разводятся. Шумно и как-то трескуче. Девочка забивается в дальний угол и держит в руках ленточку в красную крапинку. В том углу, самом дальнем, настоящее королевство. Но даже и там слышны слова, совсем некоролевские. «Ребенка я не отдам. Нет, и не проси. И вообще, у тебя сейчас свой будет, того и люби. Иди, катись к этой. Идиотка... Сам идиот. Сама идиотка. Да пошла ты. Да пошел». Ленточка кладется в карман, для надежности. Она старается закрыть уши. Пальцы вдавливаются в слуховое отверстие так, что становится слышно только бу-бу-бу, а потом просто шшушууу-ум-ууммммммммм.

Через две недели девочка с мамой уезжают в другой район. Там почему-то все время темно, речка с темной водой, много луж, сыро. Квартира сорок шесть на первом этаже, а свет зажигать надо даже днем. Иначе совсем уж все в тених и серых разводах. И лифта нет, совсем. Все, что есть, запаковано в коробках. Потом надо все открывать и ставить на места. Процесс долгий. Расставляется все кое-как, в спешке, потом-потом будет красиво, а сейчас просто пусть постоит.

Ленточка не нашлась ни в одной коробке. Затерялась при переезде. Или осталась на старой квартире.

12

Звонок

На первом этаже вечно звонки срезали хулиганы. Потому что там обитали женщины хилые и беззащитные. Но не всегда. Однажды все изменилось.

Нет, сначала все жильцы были рады, когда Альбина Борисовна вышла замуж. Да не за кого-нибудь там, а за Руднева Павла Андреевича. Лучшее партии и не сыскать. Павел Андреевич был мужчина подтянутый, занимался тихим малым предпринимательством.

Для этого дела он приспособил квартиру номер двенадцать. Вообще, эта квартира была Розы Кузьминичны. Но она не хотела жить на первом этаже. Темно и низко. Поэтому она отчаянно эту квартиру сдавала. А сама снимала в доме через улицу в шестнадцатизэтажке. Там было относительно высоко, светло и вид на набережную. Правда, потом быстро там стали строить комплекс «Алые паруса», поэтому вид стал не на набережную, а на них. Но ведь Роза Кузьминична помнила, что вид — был. Пусть и когда-то.

Каждый месяц она красила губы «особой» помадой цвета перезрелой малины. И отправлялась на соседнюю улицу в квартиру за номером один. Где как раз Павел Андреевич занимался своей малой предпринимательской деятельностью. Иначе говоря, держал склад канцелярских товаров. Эти товары разносили по школам специально нанятые девушки, где и продавали. Раз в месяц Павел Андреевич отправлялся в гостиницу «Севастопольская» (с двумя пересадками на метро), где закупал на разных этажах всякую мелочовку: ручки в перьях, тетрадки с Микки-Маусом, пеналы с отваливающимися на следующий день замочками, наклейки-сводилки, которую потом с удовольствием покупала школьная малышня.

И вот туда приходила Роза Кузьминична, при помаде и параде. Павел Андреевич целовал ей руку, всегда почему-то левую. Затем, если была пятница, то наливал и рюмку водки. По пятницам всегда считали выручку. Роза Кузьминична получала ежемесячную мзду, закатывала глаза, облизывала губы, забывая, что при этом исчезает помада цвета перезрелой малины, и дарила Павлу Андреевичу разные флюиды. Ей было скучно. Дома ждал внук-школьник, дома ждал обед для зятя, дома было совсем не то. А тут, в ее квартире, которую снимал Павел Андреевич, текла жизнь, вернее, работа. И это все воодушевляло, дразнило. Роза Кузьминична забывала про пятнадцать лет (не в ее пользу) разницы с Павлом Андреевичем и смотрела на него, как будто девушка на выданье. А однажды назначила свидание сначала на набережной у комплекса «Алые паруса», а потом в супермаркете с одноименным названием. Павел Андреевич на набережную не успел: работа закрутила. А в супермаркет пришел, тем более что Альбина Борисовна просила купить курицу, две банки зеленого горошка, половинку черного и бутылку минеральной воды без газа. Там-то около стеллажа с бутылками минеральной воды Роза Кузьминична и набросилась на Павла Андреевича, шепча ему прямо в ухо «малиновыми» губами: «Ммм, как здесь романтично, кругом вода, вода, вода-а...»

— Он с ней в «Алых парусах» целовался! Это все видели! Нет, ну надо же, тоже мне, Ассоль, эта Роза Кузьминична, она же ни капли не похожа, — задумчиво жуя кусок пиццы с грибами, негодовала Альбина Борисовна. — Что ж, я женщина еще хоть куда, может, и лучше даже. Вот Дмитрий Николаевич мне куры строит, я это сердцем чувствую, сердцем. И ничего, что он не в курсе пока. Зайду к нему пару раз с вареньем или соком гранатовым, который наша соседка пьет регулярно. Дмитрий Николаевич и растает. А Роза эта Кузьминична чертова покатится по своим раздутым парусам в платье из парусины, тоже мне, фря.

И Альбина Борисовна решительно давила кнопку звонка. А звонок у Дмитрия Николаевича был не простой, а неработающий. Но Альбина Борисовна не знала и все давила и давила, как облепиху в соковыжималке. Но тут сзади раздалось деликатное покашливание Дмитрия Николаевича. Вернее, до носа Альбины Борисовны долетел сладковато-гнилостный запах зубов Дмитрия Николаевича и его больного желудка. Альбина Борисовна закрыла глаза и наслаждалась ароматами, грозившими стать родными. Еще секунд тридцать, и жизнь Дмитрия Николаевича изменится так, как и образовать себе нельзя. А пока есть еще время, еще секунда-две. Раз. Два, выдохнули.

51

Запроходная комната

Никакой он был не родственник адмирала. Случайно так совпало.

— Ушаков Дмитрий Николаевич, — представлялся и протягивал руку.

У визави в мозгу будто что-то загоралось, неясно так. Ушаков... Дмитрий... так... адми-рал, так? А, родственник.

— Родственник, родственник. И рубль не должен, — привычно переиначил цитату из советского фильма Ушаков.

Это только с виду Ушаков тихим кажется. Таким домашним и скромным. Он мусор всегда выносит при галстукe и в тапочках с помпончиками. А между тем всему подъезду известна вся непростая сущность Дмитрия Николаевича. Ведро для мусора у Дмитрия Николаевича белое, а ручка — вся из проволоки красной. Сам делал ручку к ведру. Рукодельник. У него на двери загадочная буква Z написана, а в скобках еще и «зет», ну чтобы уж все могли в курсе быть. Откуда эта надпись и что обозначает, не знал даже сам Дмитрий Николаевич. Ну и пусть. Зато Дмитрий Николаевич мог ввинтить лампочку в подъезде и открыть самый сложный замок. Еще Дмитрий Николаевич одним мизинцем протыкал банки с консервированным горошком. А один раз с гранатовым соком. Только переусердствовал. И сок пролился на светлые брюки. И не отстирался. С тех пор Дмитрий Николаевич не открывал банки с гранатовым соком. Но светлые брюки носить не перестал. Собаку Дмитрия Николаевича звали Тинка. Но это мало кто из соседей уже помнит. А еще у него была дочка, которую тоже все забыли, так как та давно уехала куда-то в дальние дали за непонятно чем, но явно хорошим. Села в одно прекрасное утро на электричку с букетом тюльпанов и укатила. Но было это очень давно, скорее всего летом. Потому что сейчас зима, и тюльпаны только в магазине. А дочка Дмитрия Николаевича всегда с клумбы срезала тюльпаны, что под окошком.

Звонок раздался, когда Дмитрий Николаевич что-то мастерил у себя и не был готов пускать в квартиру кого бы то ни было.

И вообще, он ждал, что Анна Адольфовна уйдет к себе. Но Анна Адольфовна была полна решимости отомстить мужу за все злодеяния и боль, что тот позволил в ее адрес.

— Вы не позволите мне пройти, дорогой Дмитрий Николаевич? — пропела Анна Адольфовна в малюсенькую щелку никак не хотевшей открываться двери.

— Конечно, Анна Адольфовна, заходите-проходите, дорогая соседка.

— А я, это, к вам, не откроете ли баночку сока гранатового?

Дмитрий Николаевич поморщился. И провел руками по голым коленкам. На нем были синие шорты.

Под ноги Анне Адольфовне бросился пушистый котенок персикового цвета.

— Откуда ж такой зверь? Вроде у вас его раньше не было. Прямо перс какой.

Дмитрий Николаевич помрачнел и зверя унес подальше. И сок открыл еще. Аккуратно отвинтил крышечку, а потом взял и отпил немножко прямо из горлышка. Анна Адольфовна смотрела заворуженно, а потом решила:

— А может, мы телевизор посмотрим вместе, по-соседски? Там передача как раз идет интересная.

— У вас там передача идет по телевизору, идите и посмотрите. А у меня телевизор сломан. Так что вам к себе стоит торопиться, а то вдруг пока мы с вами тут болтаем, вся передача и закончится.

— Точно, — поспешила к себе Анна Адольфовна, — но я ж еще зайду?

— Зайдет она, как же, — усмехнулся Дмитрий Николаевич, открывая замок дальней запроходной комнаты, куда ходил довольно редко. Там Дмитрий Николаевич испытывал эликсир бессмертия, такое уж хобби у него было, банальное. Но ведь небанальных хобби не напасешься. Вот и Дмитрию Николаевичу такое досталось. А ведь мог бы, мог. Эх, да что там.

52

Телевизор

Мальвина Павловна Третьякова страсть как любила петь. Ее в детстве ставили на стульчик с ногами. Единственную из всех — на стульчик! И разрешали даже сандалии не снимать. И она пела. На утреннике, на новый год, на празднике урожая и какие там еще праздники были у них в детском саду. Пела Мальвина Павловна и в школе. Только уже ее не ставили на стульчик. Выросла. И обувь заставляли снимать. В раздевалке. Без сменной обуви — никуда. Мальвина Павловна выходила на сцену и пела, пела. «Ой, то не вечер» пела, «Ой, цветет калина» пела, и «Ой ты, Порושка, Параня». А еще она пела «Ай зайнык серенький» и почему-то «Айн, цвай полицай» (так захотелось физруку на 23 Февраля), еще и «Ай, ай, ай, девчонка». Но это уже на дискотеке, когда там аппаратуру заело. А потом Мальвина Павловна поступать в город поехала. Певицей чтобы стать. И там она тоже пела перед комиссией. Только ее не взяли, вернули в первом туре. Что-то не сладилось, а что именно — Мальвина Павловна не говорила. Но и назад не вернулась. Она на телевидение пошла в реалити-шоу. Там Мальвину оценили. Присвоили ей номер пятьдесят два. И обещали позвонить. И даже через три месяца позвонили. Срочно к нам на шоу, говорят, у нас тут как раз ваш типаж требуется. Но Мальвина Павловна как раз за эти три месяца умудрилась сломать ногу, поэтому распевалась в палате на шесть персон, даже доктор приходил ее послушать, и медсестра процедурная прибежала. Очень уж душевно пела Мальвина Павловна.

А дальше много чего было. И почту разносила, и носки-чулки из Китая на продажу возила, и навоз конский тоже. И страховым агентом была. И грибы вешенки выращивала, и с детьми сидела. И все пела. И замуж так вышла. За Дмитрия Николаевича. Пела. Потом развелась. Пела. Потом за Николая Петровича вышла. Пела. А когда он умер в супермаркете, стоя в очереди, все равно пела. Потом дочка выросла. Дочка не пела. Вышла дочка замуж за хорошего парня, и купили они Мальвине Павловне телевизор на день рождения. Такой большой — экран во всю стену, чтобы смотрела и радовалась жизни. А Мальвина Павловна и радовалась. И пела. И долго так пела, долго, пока не надоело. А может, потому что по телевизору стали передачу показывать, то ли давай скорее уж жениться, то ли любовь с первого взгляда. А такое пропустить уж никак нельзя было. Как же, пропустишь, потом сама себе и не простишь.

55

Двор

Эту девочку звали Зет. И Яна ее обидела. Она во дворе стояла. Яна к ней подошла.

— Ты из какой квартиры? Я из второй, а ты?

А та ей:

— Из какой надо — тебе знать не надо.

Ну Яна ей и вдарила в переносицу, чтобы не задавалась. Девочка побледнела, а Яна достала бумажные салфетки — на, вытри кровь, а то землю запачкаешь. Хотя у девочки из носа ничего не капало. Девочка молчала и салфетку брать не хотела.

— Как зовут тебя хоть?

— Как хочешь, — девочка сделала шаг в сторону.

Яна это заметила и расстроилась.

— Ты не думай, что я дикая, на всех бросаюсь, просто сейчас лето, поиграть не с кем. А мы тут в городе застряли. Ну ничего, скоро на море едем. Два дня потерпеть осталось.

Девочка молчала.

— А ты ждешь тут кого? Взрослого? Мать? Или? Может, ты девочка-икс? Нет, давай ты будешь зет. Все, если будешь у нас во дворе жить — твое имя настоящее у нас не проканает, ты отныне зет, зет!

Яна стала смеяться. Девочка насторожилась, будто к чему-то прислушивалась.

— Хорошо, пусть, — вдруг согласилась она. — Я — Зет. А ты?

— А я — Яна, в третий класс пойду осенью. — Яна обрадовалась, что контакт с девочкой налаживается.

— Не пойдешь, — четко сказала девочка. — Ни в какой третий класс ты не пойдешь осенью. Привет. — Девочка Зет отвернулась и пошла. Пошла мимо второго подъезда, мимо третьего, вышла на магистраль, перешла по светофору. Вот и все. Осталось только добавить, что осенью в третий класс Яна действительно не пошла. Рак кожи, обнаружившийся почти что случайно, через две недели после поездки на море, прогрессировал со скоростью жизни. И Яна, которая всегда была впереди всех одноклассников по бегу, привыкнув к победам, тут взяла и проиграла. А девочка Зет просто гуляла. Мало ли кто забредет в какой двор.

36

Подъезд

Тете Юле подбросили котенка. Она жила одна и пила гранатовый сок. Вечно с банкой в лифт туда-сюда шмыгала. Все полагали, что у нее дома просто стена уже из пустых банок. Но домой она никого не приглашала. И никто не знал, что там у нее. Может, и оружейный склад. Кто этих одиноких дам разберет, тем более — пожилых. И вот ей решили котенка подбросить. Еще вчера приняли решение, когда пришел сварщик и спешно стал закрывать все отверстия в подвале. Все кошки разбежались, а один котенок персикового цвета остался — мало ли почему.

Сначала его в подъезд взяли. И старушка из шестьдесят пятой квартиры ему свою кашу отдала, вчерашнюю. Но котенок кашу есть не стал, а дрожал крупной дрожью во всю свою персиковую шкуру. И стало понятно, что котенку в подъезде холодно. Персикового котенка решили отдать тете Юле из тридцать шестой квартиры. У нее все равно никого нет, пусть с котенком живет, и то дело. Подъезд тут вообще хулиганский. Около двери тети Юли была надпись во всю стену: «Юля-сруля» — и еще мелом странная надпись: «Без палева Юля стала старушкой, а раньше палилась, трахалась с лягушкой». Вот сюда и положили на коврик котенка, позвонили и убежали. Тетя Юля открыла дверь, поохала и закрыла дверь. Все возликовали. И даже видели пару раз, как тетя Юля покупает внизу в магазине «Десяточка» корм для котят. Но и гранатовый сок тоже не забывала.

— Зачем вам столько гранатового сока? — однажды бесцеремонно поинтересовалась Анна Адольфовна, она жила двумя этажами выше. И вроде как дружила с дамой, они были одного возраста. Она ехала с дамой вместе в лифте.

— Ну эт-та, как сказать-то, как от онкологии помогает.

— А у тебя что, то самое?

— Да нет, на всякий случай. У каждого ведь свой срок.

И тетя Юля, церемонно попрощавшись, вышла, держа в одной руке банку с кошачьим кормом, а в другой руке — маленький пакетик гранатового сока. Большой пакет нести было тяжело, да и рук не хватит.

Ровно через двенадцать дней после этой беседы в лифте тетя Юля скончалась.

Новый хозяин квартиры, дальний родственник, оставил котенка в подъезде вместе с пакетом корма. Котенка кормили неделю всем подъездом. Но взять к себе никто так и не решился.

Через неделю в подъезде начался ремонт. Все стало чисто и красиво. Не сразу, но стало. Зеленые стены, никаких тебе надписей «Юля-сруля». Только белый потолок и ничего больше... Зачем подъезд захламлять. Ни кошачьего запаха. Красота.

21 Лестница

Сына дяди Коли не взяли в армию. Повезло. Он и сам не собирался. Но повезло так повезло, нечаянно. Нет, сначала Петя подавал большие надежды. Ездил на другой конец города в школу для суперумных детей. Но потом сам почувствовал: не тянет, не идет учеба у него. А было несколько поздно. На репетиторов денег не было. Жена дяди Коли исчезла в неизвестном направлении. Сам дядя Коля работал учителем труда в обычной школе для стандартных детей с нестандартной зарплатой, то есть малюсенькой-малипусенькой. Вся надежда на Петю, что он поступит в институт, станет профессором и все такое. А тут стало понятно, что вряд ли поступит.

Ехать Пете было два часа в один конец города и два часа обратно. Уезжал Петя рано утром, проглотив кашу из пакетика, а дядя Коля ему еще мелочовку подбрасывал, чтобы обедал Петя, мозг питал. На обеды в школе деньги были, а вот на карманные расходы — уже пшик. И Петя стал копить деньги. А как тут копить и не питаться? Самое дешевое блюдо в школьной столовой — пластиковый стаканчик с пепси. Раз в неделю Петя это пепси и покупал. А еще раз в месяц можно было купить хот-дог. А чтобы не хотеть все время есть, Петя позволял себе трату — пачку жвачки из двенадцати подушечек. Эти подушечки можно разделить пополам и жевать, обманывая голод.

Есть Пете хотелось и правда меньше, но зато стала болеть и плохо соображать голова, что-то постанывало в районе солнечного сплетения, очевидно душа. И вообще, тревожно как-то было. Но Петя держался. Зато у него были карманные деньги, которые он откладывал на репетиторов.

Однажды что-то уж совсем крутило. Петя даже думал, а не стоит ли расщедриться на вторую половинку подушечки жвачки, но зачем-то поднял руку, мол, можно выйти, встал и тут же криво стал сползать под парту.

Так Петя стал обладателем прободной язвы. Прооперировали его удачно. Петя был бледный и почему-то голодный. А дядя Коля всем радостно рассказывал, что армия Пете теперь не грозит.

Навещали Петю одноклассники не очень чтобы часто. Так себе. В этом не было ничего удивительного, одна девочка из его класса как раз в психушку попала: переучилась. Вот это было поинтереснее. Ее одноклассники навещали почти каждый день, согласно приемным часам. Ташили ей запрещенные чипсы и разрешенную газировку. Сладкую, липкую, теплую и всегда выдохшуюся. Одноклассница запрокидывала голову и пила это, обязательно проливая себе на халат.

Так что повезло Пете. Повезло, что тут говорить. Просто повезло.

16 Ключи

Так она зарегистрировалась на сайте знакомств — Тинка.

— Тинка — это Тина — что-то на вроде Алевтины-Валентины?

— Не-а, Тинка — так звали мою собаченцию. Я ее так любила, так любила.

— А... ну понятно.

— А так меня Катя зовут. Катрины Казакова. А еще я тюльпаны люблю. Очень.

— Это намек?

— Считай, что прямое указание, малыш.

«Малыша» он еще вытерпел, а вот остальное уже — не получилось.

Возраст в анкете — тридцать лет. Написано, что в меру сумасшедшая и веселая. Оказалась — здоровая такая, лет сорока бабища. Не в смысле — толстая, а в смысле — что вот именно что — баба. Походка грузная. Волосы в сложной прическе. Что-то там навороченное. У маминой подруги была такая же прическа. Но подруге, позвольте, сорок два. Ладно, пусть будет тридцать.

Друган позвонил.

— Слушай, помнишь, в среду в сауне на корпоративе? Ну там одна, я ее с собой прихватил, ну она еще с сайта одного. Да с сайта знакомств. Короче, ты же не против? Я дал ей твои контакты. Хм, ну что значит все? В общем, она к тебе постучится, в аську. Тинка. Да Катя, может, Яна, но ты ее Тинкой зови. Ну да, совсем ее не помнишь?

Он не помнил.

Условились у подъезда.

— А мы потом в ресторан, да?

Посмотрел ближайший, выбрал наугад. И опоздал.

— Ну, ради такого букета я готова и подождать.

Букет был тяжелый, неудобный. Купил, скорее, следуя ритуалу.

Она долго вертела меню. Официант подходил два раза. Тинка все не могла выбрать.

— Возьмите улиток — они свежие, только привезли.

— Точно! Улиток! И шампанского, да?

Улитки были склизкими и никакими. Ну просто без вкуса. Она еще оглядывалась на другие столики, правильно ли держит щипчики. Но посетители ели в основном пиццу.

У подъезда тянулась губами. И сама же резко отскочила.

— Ну... ты же не думаешь, что я приглашу тебя на чай?

— У тебя какая квартира?

— Ше-е-естнадцатая, кажись.. А что? За-а-ай-ти собираешься?

— Да ничего. Ну, пока?

Она стояла в подъезде, где на стене было написано «Переходи на сторону зла», и думала, что все опять, что все уже было. И все надо заново. И ничего нет.

— Зато, зато я поела улиток, — громко икнув, заметила Тинка. И погрозила кулаком соседней двери с золотой цифрой пятнадцать.

И уронила ключи.

В лестничный проем.

22

Блюдец

Он должен прийти в шесть, само собой, приезжает ближе к восьми. У нее все давно готово. Торжественно вынимает пиццу. Рецепт собственный, составленный из кучи тринадцати книжек про пиццу, — подсчитала. Все впитала эта пицца, с грибами и саллами, с ветчиной, с зеленью и помидорчиками, с оливками и луковыми колечками, на тоненьком тесте с сырной золотистой корочкой. Он равнодушно ковыряет кусочек. Вспомнив что-то, оживляется. Ах да, у моей тещи, я как приезжаю, так она нам с женой такие противни с пиццами на стол мечет. Лена Хлебникова слушает про тещу, слушает про жену. Слушает про сына.

Лена мечтает, что он отойдет на кухню за пиццей, а она проколет все его презервативы. И тогда... Он уходит на кухню — принести тебе еще кусочек? Ей, Булочкина-Коврижкина, хватит киснуть, пиццы принести тебе? Лена кивает.

После всего она смотрит в мутно-прозрачную жидкость, которая трепещет под латексом.

— Смотри, сколько, а ведь могли бы стать мальчиками или девочками.

После его ухода Лена держит блюдечко долго-долго под струей горячей воды, пока не решит, что «помылось».

А расковырянный кусок пиццы безжалостно топит в унитазе. Так ему, так.

66

Сахарница

Ночью к соседке тете Кате Кушаковой пришли мафиози. А у нее и брат нечего. Ну сахарница была, часы там серебряные. Часы — не жалко, не работают. А сахарница — старинная, расписная. Тетя Катя как раз дожевывала последний кусок пиццы и запивала ее гранатовым соком. Тетя Катя была боевая женщина и даже два месяца ходила на карате в далекой безвозвратной молодости. Еще у тети Кати был маленький котенок беспородной внешности, которого тетя Катя подобрала в подъезде. Котенка тетя Катя назвала Зет. Хотела сначала Персиком назвать, но котенок был черный. И персик не напоминал. Черный цвет ассоциировался у тети Кати чем-то загадочным. Загадочной представлялась буква Z. А еще был постер с автопортретом Фриды Кало, которую безграмотный соседский Петька обозвал «женой Иисуса».

— Потому что гвоздей на ней много, — деловито объяснял он.

Но речь не об этом. Начиналось все довольно мирно. Звонок в дверь:

— Кто там?

— Пиццу заказывали?

Да, внук тети Кати пиццу заказывал.

— Вам еще тут бонус — сок гранатовый и улитки — шесть штук — как постоянным клиентам.

Ну как такому не откроешь дверь?

Внук тети Кати был хулиганом, но потом вырос, пошел в банк работать. У них тоже недавно ограбление было. И внук тети Кати там героически поучаствовал, его обморок спровоцировал поимку бандита. Но тут был не банк, а обычная квартира тети Кати. Еще оставались не убраны тарелки с ужина с остатками пюре, как эти мафиози пожаловали.

Тете Кате завязали глаза лентой в горошек, так что у нее стали круги мелькать перед глазами, красные такие круги. В общем, ничего хорошего. Внук в ожидании пиццы во дворе мается. Делать ему нечего в выходной. А тетя Катя тут даже о помощи взывать не может. А тут молнии и гром, как водится. Молнии уж отчетливо буквой «Z» заплясали. Тетя Катя некстати вспомнила, как случайно забрела в чужой дом и нагрубила там одной девочке, а потом еще и сочинила историю, будто с той девочкой плохое случилось. Потом еще несколько лет маленькая тетя Катя нет-нет да и заглядывала в тот двор и видела ту девочку, ничего с ней не случилось. А потом тетя Катя выросла, пошла работать в детском саду и стала на детей кричать. И вот она сидит у себя на кухне с завязанными глазами. И внук не слушается и где-то там гуляет. И стало ей себя так жалко, и она решила, что не будет никогда кричать ни на одного ребеночка и что навестит соседку в больнице и принесет той любимого гранатового сока и еще

много чего... Она вспомнила свои два месяца занятий карате и как скажет — кия — и как двинет куда-то в пространство. И пространство открылось, ленточка спала. А перед тетей Катей сидел стоматолог, некто Г. Зайцев и мрачно глядел в темноту окна.

— Соль у меня закончилась, понимаете, соль — а нападать я на вас не собирался. Я как рассудил: схожу соль попросить, вы молча дадите и дверь захлопнете. А я, может, продолжения хочу. Я как в ваш дом переехал, так потерял покой и разум. А мне нельзя, у меня зубы, то есть не только у меня. А зубы лечения требуют, а у меня руки трясутся. Куда это годится. Вот вы все на меня внимания не обращаете, а я, может, с намерениями самыми лучшими.

Тетя Катя вздохнула и улыбнулась. Задумалась, стоит ли ей идти к подруге Мальвине за солью или ну ее, соль. И не пошла. Главное, что сахарница на месте.

15 Чайный сервиз

Тинка Кокина зарегистрировалась на сайте знакомств сразу, как переехала в большой город. Потому что уж если банковать, так по всем статьям. Недаром она пять лет отучилась в городе невест и потом два года оттарабанила там в местной школе номер два, вкладывая в детские умы размножение бабочек, инфузорий туфелек, митозы-мейозы и маховое крыло голубя. В детские умы влезало все и сразу. А Тинка этих бабочек собирала. И ей все их дарили. Родители детей, мы вас любим, а вы детей любите, на все праздники тоже, на День учителя. Когда Тинка переезжала, то две сумки клетчатые занимала коллекция. Хозяйка квартиры Анна Адольфовна против бабочек в стекле не возражала.

Интернет был скоростной. А мужики Тинке попадались сплошь скороспелки. Тинка грызла печенье, когда не было денег совсем, и заказывала пиццу в день зарплаты. Ей очень хотелось остаться жить здесь, вот тут, ну не в этом доме, не в этом районе, но вот в этом городе, очень. И Тинка делала все для этого. Даже закрутила роман с курьером Васей, что разносил ей пиццу дважды в месяц. Потому что у курьера были прописка местная и мама с метастазами. Тинка посылала ей через курьера гранатовый сок, так как считала, что помогает, ну вычитала где-то. А мама эта посылала ей через курьера банки те же, только без сока, но и не пустыми, а с домашними заготовками. Так что Тинка считала свое замужество делом решенным.

От избытка чувств, а не иначе она стала частенько дубасить курьера по голове, потому что так поступала ее мама с ее отцом — Гуру Александром. Курьер попался смиренным, ойкал, терпел и пиццу подогретую приносил. А вот мама Васина воспротивилась, узрев на сыне синяки и шишки. Это когда Тинка не рассчитала и сиденьем от унитаза его огрела. А потом сервизом чайным. И бабочками из коллекции. И все это — от избытка чувств и широты души.

Потом Тинка перестала посылать Васиной маме гранатовый сок и стала смиренно ждать ее кончины. А та взяла да и познакомила своего Васю с хорошей девушкой Полиной. Та Васю не дубасила и бабочек не собирала. Ну только если в раннем детстве, в саду, когда на спор крылья отрывали, кто быстрее. Но детство Полины давно завершилось.

Васина мама держалась до последнего, до самой Васиной свадьбы. И сервиз молодым подарила красивый, чайный. А умерла уже в свадебном кортеже, по мановению случая превращая его в катафалк. Хотя бабочкам и Тинке это вряд ли было важно.

53

Балкон

Никто не знал, что Варя Штопорова курит. В их семье это считалось неприличным, моветон, в общем. И что было делать Варечке, которой минуло тридцать семь лет, у которой были родители, некурящий муж-спортсмен. Тот самый, что превратил их застекленный балкон в спортзал. Вообще-то, Варечка планировала разбить там сад под оранжерею. Ей виделись сады — райские кущи, запретные плоды в виде спелых лимонов, плющ по стеклу, плетеное кресло-качалка, грабельки в уголке и зеленая леечка с брызгалкой-наконечником. А вместо этого черная гирия и блины от штанги, тоже черные, что совершенно не вписывались в интерьер дизайнерского вкуса Варечки. Турник и какие-то веревки. Лимон засох и отвалился, не созрев, для кресла-качалки не оставалось места. Но самое ужасное было не в этом. Варечка тайно покуривала.

— У нас в семье не курят, — гордо говорил отец семейства, демонстрируя всем жену, зятя-спортсмена и дочку Варечку. Потом отец умер, мать переехала в деревню, а муж-спортсмен и Варечка растили двойняшек в строгости и детском саду. И Варечка, правда, давно не выполняла свою тайную норму — одну сигарету в неделю. Потому что где, везде репутация: на работе — ни-ни, образ. Дома — какой пример детям, муж — разведусь, если увижу, что куришь. В общем, Варечка курила только во сне. А тут тридцать семь лет, измена мужа, который, в общем-то, давно надоел, размен квартиры и раздел имущества. И Варечка понимает: вот он, шанс, жить по-своему. Квартира была так себе, ладно, скажем прямо, дерьмо, а не квартирка. Высокий первый этаж с балконом, две смежные комнаты, кухня — четыре с половиной метра, потолок два с половиной, мусоропровод в другом конце двора, до остановки автобуса через стройку минут пятнадцать плутать. И все-таки, все-таки балкончик, желанный. Где можно выращивать лимоны, качаться в кресле-качалке, пить кофе и позволять себе сигаретку-другую, позвякивая изящным браслетом. Ну, браслет может быть все не изящным, аляповатым даже, но рука, Варечка критически глянула на свою левую руку (держат сигарету предполагалось в левой руке), нда, рука могла бы быть поизящнее. И еще так, она видела, делает соседка Полина. У Полины ходил по балкону пушистый перс, на которого Полина периодически стряхивала пепел. Варечка замороженно смотрела, как звякают браслеты на Полининой руке, и мечтала, чтобы у нее было такое тоже.

Варечка записалась в спортзал, на йогу, шейпинг, растяжку, гоу-гоу одновременно. И где-то там, в спортзале, распаренную Варечку продуло так, что простуда быстро перешла в бронхит, бронхит зачем-то решил не останавливаться и превратился в воспаление легких. И все это летом, среди всякой жары. И уже июль, август, сентябрь, а Варечка все болеет, лечится, и курить ей просто смертельно запрещено. И на балконе хранится рухлядь всякая, а разобрать сил нет, потому что только Варечка соберется поднять что-то тяжелее табуретки, так такой кашель скручивает. Зато руки стали изящные, одни косточки и жилки голубые видны. Только браслеты с них соскакивают. Но не в браслетах счастье. А в балконе.

41

Подоконник

Персик, кот Полины Холодильниковой, балованный. Полина его купила по объявлению «от элитных родителей». Шерсти много, спеси много, перс, одним словом.

Но ласковый. И в туалет ходит всегда в лоток. И дочкам Полининым разрешает за усы себя дергать и за хвост. Летом Полина кастрировала Персика на всякий случай, так он статный такой стал, помудрел как будто. А сейчас уже декабрь, новый год скоро. Старшая дочка Полины ходит во второй класс, а младшей — шесть лет. Она поспорила со своим другом, что отрежет у Персика усы с правой стороны. Сначала она поспорила на челку своей сестры, но сестра так просто бы не далась, а Персик — вот он. Пока Полина на кухне синяк замазывала — муж приложил, потому что Полина обещала в двадцать три часа дома быть, а не утром, но сам виноват, козлина, потому что все знали про то, что Пашка из сорок первой квартиры палится, заходя слишком часто в соседний подъезд.

Полина замазывала синяк дешевым тональником, а Персик, утром еще спавший на плюшевом диване и видевший снег из окна квартиры, не знал, что Холодильникова-младшая раздобыла зеленые ножницы и подбиралась к Персику за усами. Через три минуты мизансцена поменялась. Квартира наполнилась морозной свежестью, Холодильникова-младшая разжилилась царапинами, а Персик осваивал, что такое улица, с которой он был знаком лишь по подоконнику. Полина Холодильникова смазывала раны дочери, лила слезы горькие и писала в фейсбук¹ сагу о взбесившемся внезапно чудовище, что напало на дочку. Усы Полина замела вместе с мусором и выкинула в красное ведро, что стояло на кухне под раковиной. Персик камнем лежал под окнами. Первый этаж.

— Усыпить? — спрашивала Полина у фейсбучных товарищей. Персик неподвижно пролежал под окнами до утра. В пять часов статус Полины в фейсбуке гласил: «Персика кремировали, всем спасибо за советы». В шесть часов Полина вышла из подъезда с красным ведром, мусор выбрасывали в соседнем дворе. Пакеты из-под молока, яичная скорлупа, два презерватива, картофельные очистки, два сломанных карандаша, морковные очистки, рыбы кости, консервная банка, пакет из-под сока и усы Персика отправились в контейнер. Полина с пустым ведром спешила к подъезду.

— Плохая примета, — забеспокоился случайный прохожий и торопливо свернул в соседний подъезд.

26 Унитаз

У Алексея родился не совсем здоровый сын. Ну то есть девять по шкале аппарат было ему обеспечено сначала. А вот дальше начался тихий ад. И молока не было, а кормить прикормом Алексей не разрешал, и жена нервная, и Алексей, хоть и побывал в свое время в зоне чернобыльской аварии, и то не боялся, а тут вот на тебе — забуксовал. Но с женой не развелся, а просто стал в походы ходить и встретил там одну тетю Юлю.

— Зови меня «Беспалева», — так представилась она, — это ник мой такой на сайте знакомств. Я к нему привыкла и что есть силы внедряю в реальную жизнь.

Итогом походов стал младенец Ярослава, тщедушное создание, крикунец.

— На итальянку похожа, — изучив младенца, вынес вердикт Алексей. — Но может, лучше Полина назвать или Варя?

— Иди ты. А Мальвиной не хошь?

Мальвиной Алексей не хотел. Была у него в детстве одна знакомая Мальвина, но бросила его и закрутила роман с солисткой группы «Колледж». А потом ударилась в паломнические бега на велосипеде, который прихватила у Алексея. Вообще, она хорошо успела поживиться в его квартире. Семейного золота и серебра после ее отъезда Алексей недосчитался.

Нет, дочь Мальвину Алексей не желал точно.

¹ Запрещен в РФ. Компания «Meta» признана в РФ экстремистской организацией.

Тете Юле было сорок шесть. У нее где-то обиталась старшая дочь Софья. В недрах одного интерната. У дочери было плохо с головой, она узнавала не всех и не всегда. Но в тете Юле после рождения Ярославы разыгрались материнские инстинкты, да как-то неправильно. Она забрала Софью домой, за Ярославой приглядывать. А Софья взяла и сбежала с ребенком в неизвестные дали. То есть в местный лес. И пыталась на дереве ее вверх ногами повесить. В общем, нашли их. Ювенальная юстиция внезапно решила не дремать. Поэтому Софью забрали и младенца Ярославу у тети Юли забрали тоже. Младенца усыновили некие Цицулины и увезли на Крайний Север.

Цицулины долго не говорили Ярославе, что она приемная. Но потом пришлось сказать, так как Ярослава, перестав быть младенцем, стала выкидывать такие фортели, что тут без дурной крови не обошлось — о чем мадам Цицулина и заявила бывшему младенцу Ярославе. А бывший младенец Ярослава, когда приехала с Крайнего Севера, нашла сестру свою Софью (тетя Юля давно почилла в бозе, а Алексей еще ранее умер на унитазах от оторвавшегося тромба) и отбила у нее мужа в лучших традициях сериала. Сестра Софья так взбесилась, что стала выкидывать вещи мужнины из окна, благо второй этаж, двадцать шестая квартира. Так она и унитаз даже выкинуть хотела, но не смогла выкорчевать, только повредила бачок. И затопила весь первый этаж и подвал. В подвале как раз ночевали два бомжа: Гриша-Врач и Коля-Жаровня. Но с ними ничего не случилось, ибо в тот день они успели замерзнуть заблаговременно, иначе ожоги им были гарантированы.

24

Батарей

«Хочешь, я приглашу тебя на свой домашний праздник? Только я, только камин, который как в сказке про золотой ключик, мы нарисуем сами, потому что мы же не виноваты, что у нас центральное отопление. Да и отопление отключили ввиду аварии. Но мы же будем согревать друг друга своим теплом. Пламенным. Бокал шампанского или кружка глинтвейна — самое то, что тебе не хватает», — писал пятидесятидвухлетний Игорь Колюшанов.

Тут к нему постучалась некая Инга Кокина. Она была не в его вкусе, но закрутить с ней почему-то получилось.

— У меня дядя умирает, нужно тридцать тысяч, срочно нужно. Через месяц отдам.

— Да верю я, верю.

Прошел месяц. Два, три. Инга не появлялась. Дела, дела. В сети огонек горел. Не выдержал, написал.

«Ну, как твой дядя?»

«А дядя хорошо. Умер. Э... он подавился, да. Мясом. Ой, нет, ананасом. Да».

После этого Инга Кокина удалила все контакты и исчезла из всех сетей. Вернее, заблокировала себя для Колюшанова.

А Игорь еще обнаружил, что у него часы с кукушкой старинные пропали. Бронзовые такие. На цепочке. Кукушка не куковала, а была выгравирована на крышке часов. И вот тогда Игорь занялся тантрической йогой. Ну совпало так. Нашел себе жену среди таких же практикующих — Юлю-Комету. У них родилось трое детей, и все от ее любовника Гуру Александра. Который в соседнем здании практиковал йогические пассы.

Но Игоря это мало волновало. Потому что часы нашлись. За батареей. При переезде. Когда жена квартиру разменивала после развода. А находка — это всегда к счастью. Деньги, положенные ему за часть квартиры, Игорь потерял недели через две. Поэтому часы приколол к карману булавкой, не хватало еще и их потерять. А то совсем нехорошо будет. А с часами, пусть и не работающими, как-то человеком чувствуешь себя.

25 Тумбочка

Беременная Татьяна Григорьевна пришла к стоматологу Зайцеву на прием. Она не знала, что стоматологом окажется ее сосед, бывший. Она очень волновалась. Ей выдали талончик. У нее ничего не болело. Но кариозное пятно, как в рекламе про кариозных монстров, внушало уважение к разрушительным действиям. Татьяна Григорьевна разрушалась вся, ей так казалось. Платье было старым, свекрови. И желтым, отчего лицо тоже казалось каким-то желтым. Что было совсем нечестно по отношению ко всегда румяной Татьяне Григорьевне. Разрушитель редко сидел смирно. И пинался в области солнечного сплетения. Какие там бабочки! И кто там врал, что каждое шевеление будто бабочка крылом махнула? Татьяна Григорьевна представляла металлический шарик, который облепили бабочки-монстры. Сама себе Татьяна Григорьевна казалась тумбочкой какой-то на ножках.

Стоматолог Зайцев, похожий на пьяную женщину, сунул ей в руку зеркало в красной оправе.

— Где?

— Что где?

— Ну и где болит?

— Ну, не болит. — Татьяна Григорьевна скривилась, получив очередной пинок от бабочек. — Вот тут дырка такая, видите, вот, угу.

Стоматолог Зайцев принялся орудовать во рту Татьяны Григорьевны. А зеркало так и не забрал. Она держала его, как знамя, в двух руках и смотрела на бормащину, как на аппарат экзекуции.

Зеркало было отобрано менее чем через минуту.

— Вот ваш зуб, без пятна, идите и рожайте, или что там у вас.

— А сверлить?

— Что? Кусок яблочной кожуры? Застрял между зубов, вот вам и показалось.

— У меня ничего нет?

— Может, что-то и есть, но не по моему профилю точно.

Стоматолог Зайцев мрачно сплюнул туда, куда обычно плюют пациенты. И быстро прополоскал рот.

Татьяна Григорьевна выкарабкалась с кресла, насколько ей позволял живот, и радостно по-тумбьи затрусилась домой. Она была спокойна, шар тоже не слишком катался там. До дня предполагаемых родов оставалось две недели. Она собиралась зайти в парикмахерскую и как следует обкорнаться. Чтобы предстать перед глазами сына самой-самой. Хотя и говорят, что младенцы не слишком сильны в зрении поначалу.

Стоматолог Зайцев вытер рот тыльной стороной ладони и снова сплюнул. Беременных он не выносил. Семь лет назад его жену Полину сбили на пешеходном переходе. Она как раз шла из женской консультации. Семь лет назад стоматолог Зайцев перешел из детской поликлиники во взрослую. Больше возможностей — так он объяснял окружающим.

62 Абазур

У Маши Блычевой была няня Гуля. С золотыми зубами. И они ходили на саббо, где Маша активно дубасила себе подобных, а по пути обсуждали мороженое и кормили голубей ненавистным печеньем, которое почему-то давали в школе.

Няня Гуля много рассказывала про себя, про сына Сережку и про сады, что были когда-то на месте дома с зелеными балконами, куда Машина семья переехала. Про сына Сережку няня рассказывала, что он был хорошим мальчиком, тихим, не шалил, на птичек любил смотреть. Только однажды Сережа схватил голубя и сжал его так, что дух из голубя весь и вышел. Эту историю Маше рассказывала няня не один раз. И это был единственный промах идеального Сережи. Поэтому голубя ему простили. Маша разглядывала нянины зубы и запоминала.

Сережу, взрослого дяденьку, Маша видела несколько раз. Такой культурный, говорил тихим голосом. Всегда давал яблоко. А один раз, когда няне надо было уехать куда-то, то этот Сережа с ней остался и заказал пиццу с грибами. Маша сидела в комнате под зеленым абажуром, отчего вся комната казалась немного изумрудной. И пицца изумрудной. И руки Машины изумрудными.

Через два года этого Сережу посадили. Он насиловал и убивал в парках малолетних девочек. Няня куда-то делась. Маша выросла, и няня ей была не нужна. И детей у Маши не было, Маша боялась, а то вдруг кто-то родится, а его убьют, нет уж, нет уж. А еще Маша перестала есть пиццу, совсем. А вот голубей стала подкармливать. Так, на всякий случай. Цып-цып-цып. Ой нет, гули-гули.

54 Стены

Гуля Абдулахерова любила йогу и вертолеты. Вертолеты она продавала, а йогу практиковала. А потом влюбилась в инструктора по йоге и в начальника по вертолетному бизнесу. Это были два разных человека. Гуля долго разрывалась между работой и хобби, пытаюсь понять, кто из мужчин ее судьба, а кто так. Игорь — инструктор по йоге, в возрасте, разведенный, учтивый. Начальник — молодой, свежее мясо, не пользовался дезодорантами даже, так как не надо. Запах как от молодого Аполлона. И вот куда все такое богатство вместить? У Гули за плечами: неудачный брак, удачный сын — ученик первого «а», первый по бальным танцам (в грамотах стена в маленькой комнате, именуемой детской). Грамоты завешивались не просто так, в угоду маленькому первокласснику Расульчику. Грамоты маскировали вмятину, которую в сердцах кулаком организовал муж, обещая раскрутить все вокруг, включая веселую Гульку, а другую вмятину, вернее, серию вмятинок делала старушка, прежняя хозяйка, что лежала в парализации много лет, дожидаясь легкой смерти, моля о ней и не получая. От отчаяния и живого гниения стучала молотком в стену. Тогда к старушке заходила соседка, брала с тумбочки деньги и исчезала на сутки, потом приносила кастрюльку с водой, буханку хлеба, лепетала, что сдачу отдаст после.

Конечно, сдача благополучно забывалась. И все же это была хорошая соседка, она раз в три дня, зажав нос, просила мужа сходить поменять памперс старухе, потому что вот тебе на пиво хватит и ты вроде в гараж собирался. Муж, кряхтя, понимался и с мятюгами переворачивал никак не желавшее уходить тело. Разум разлагался быстрее. А старушка принимала соседа то за своего мужа, умершего сто лет назад, то за племянника, появившегося раз в месяц, то за доктора. И тоже материлась в тон этому мужику, пытаюсь попасть четко в разговор. И не попадала, сердилась на себя и лежала чистая в какой-то момент. А добрый сосед отправлялся в гараж, где с подробностями повествовал, как менял старухе памперс, и был благодетельствован лишним тостом, а большего ему было и не надо. Ну, может, квартиру внуку. По завещанию. Вряд ли. Все равно все отошло племяннику. Должно было отойти. Но отошло дочке, про которую все забыли. Знали только, что много лет назад она уехала с букетом тюльпанов

поступать. И вот ринулась обратно и завешивала стены грамотами за лучшее танцевальное па. Теперь мучилась, кого выбрать, чтобы хватило на ремонт.

— Тебе кто больше нравится — дядя Руслан или дядя Игорь? — решила полагаться не на судьбу, а на выбор сына Гуля.

— Никто, я же все равно сам на тебе женюсь, когда вырасту.

Тогда Гуля выбрала бывшего мужа. Все же уже привычный. Через день после их повторной свадьбы он оставил в стенке еще одну вмятину, а это значит, что сыну срочно надо было получать новую награду, поэтому Гуля удвоила свои силы в вертолетной работе. А на йогу ничего не удваивала. «Йога — это баловство, лучше б обои поклеила — вот тебе и йога!» — сказал бывший настоящий. И Гуля успокоилась.

Хорошо, когда за нее решают, сразу чувствуешь себя женщиной.

44

Прихожая

— Если в тебе пятьдесят четыре кг, то все — жируха, жизни никакой, — причитала Маша. Она стояла в прихожей перед зеркалом.

В Маше было сорок девять кило. Но ведь была еще и коса. А коса была до коленок и тоже имела свой вес.

В этом доме сто лет назад дедушка изменил бабушке. А потом еще раз и еще. Во вкус вошел. Бабушка все терпела. За что получила прозвище Терпила-Комета, потому что астрономом была. Потому дедушка умер, а бабушка занялась тантрической йогой и воспитанием Маши. Потому что Машины родители на Крайний Север укатили с каким-то посторонним младенцем, а Машу бабушке оставили — для соблюдения баланса в обществе.

Каждое утро бабушка заплетала Маше длинную косу, которую вымачивала в кефире и курином желтке. А также заставляла соблюдать диету, «иначе на тебя ни один мужик не посмотрит, а они и так козлы все». И Маша соблюдала. Но однажды сорвалась и украла ананас в супермаркете. Вонзила свои зубы в кору плода, брызнул сок на какого-то дедушку, что стоял в очереди. Дедушка только успел от кассирши услышать: «Шоколад по акции желаете?», так тут же и умер. Не потому, что ананас был отравленный, просто время ему пришло. Дедушке. Но Машу Блычеву это не спасло. Ей впяили срок, хоть и маленький — год, за непредумышленное убийство. В колонии Маша познакомилась с Мальвиной Третьяковой. И они вместе в самодеятельности участвовали и организовали по выходу группу «Колледж». И косу Маша отрезала, так что все эти кефиры и желтки зря оказались. А бабушка очень переживала, но терпела. Она сначала птичку себе завела в утешение, но птичка улетела. Потом котенка персикового подобрала. Но сама же и забыла котенка в автобусе, рассеянная потому что. Потом черепашку завела. И держала в прихожей у зеркала. Чтобы все, кто входил, видели, какая красота у нее есть. И все, как у людей, не хуже других.

33

Окно

Юля-Комета, прозванная так, потому что очень «Кометом» увлеклась и уборкой. К космосу ее прозвище не имеет никакого отношения. Приехала она в этот дом давно — как будто сто лет назад. У нее были маленькие, будто нарисованные груди-пуговицы. И черные кудрявые волосы. В обеденный перерыв завернула в местное кафе, даже не завернула, а почти вбежала. Потому что у них время ланча заканчи-

валось. Заказ у Юли-Кометы простой: суп дня, салат и чайник чая. Юля пальцем по столу водит, заказ ждет. И по сторонам не смотрит. И в окна не смотрит, потому что столик у нее не у окна, а в углу зала.

А на окнах кафе объявление о том, что гражданам надо быть бдительными, поскольку маньяк бродит и на всех нападает. И портрет маньяка, каким его вторая жена стоматолога Зайцева — жертва, чудом выжившая, — запомнила. Нажала Юля-Комета на свои груди-пуговицы, чтобы от боли резкость зрения увеличить, так как она дома очки забыла и бинокль дедушкин. Стала в фото вглядываться, а фотография хоть и нечеткая, но так ее одноклассника Диму Теткина напоминает. Ну, показалось, может. А тут вдруг дверь открывается, и сам Дима входит. Чего только в жизни не бывает. Дима садится за столик у окна, читает объявление и спокойно отворачивается. Но на Юлю-Комету не смотрит, что Юле стало обидно. Пересела Юля за другой столик поближе и себя разглядывает. Может, она поправилась, или волос седой появился и из левой ноздри пучком свисает, или в свитере затяжка, или пятно от вчерашней блевотины не отстиралось, потому что «Комет» закончился, а теперь вводит Диму в смущение? Она подозвала официанта с бейджиком «Валера Ш.» и стала громко заказ требовать свой. Где, мол, суп дня, а где чайник чая и не вчерашний ли у вас салат. Все похохатывает и на Диму смотрит. Официант на Юлины вопросы отвечал, а сам тайком в сторону кухни знаки подавал, мол, похоже, совсем клиентка того, так что в суп дня плюйте смело. Но Дима все равно смотрел исключительно в окно. А что в окно смотреть? Вид там не очень, средний, можно сказать, вид — только один банк и видно. А Дима Теткин все смотрел и смотрел. Юля-Комета не выдержала, опять официанта Валеру Ш. позвала. И передала записку «вот тому столику», где написала, что вот она, Юля, тут сидит, «привет, Дима». Официант записку передал, но не сразу, а когда Дима Теткин уже ушел. Официант очень нервничал, на то были две причины: 1. Он был подельником в ограблении банка и очень переживал, что ему не дадут его долю. 2. Его дедушка подавился ананасом в супермаркете, и теперь Валера Ш. решал, как быть, то ли в супермаркет больше не ходить, то ли на ананасы больше не смотреть. В итоге записку отдал следующему клиенту, который сел за столик вместо Теткина. И его тоже звали Димой. А Дима Теткин не просто так сидел. Обычно он приходил в кафе и подсаживался к компаниям, просил лишнюю чашку и пил так чай. Заодно якобы по рассеянности прихватывал с тарелки чье-нибудь пирожное. И не платил никогда. Все друзья о такой привычке Диминой знали и старались его в кафе не приглашать и вообще никуда не приглашать. Поэтому у Димы Теткина друзей не было. Но Дима не переживал, а заводил друзей одноразовых. Земной шар большой, и на Теткина хватит. Но тут был случай особый: Диме предложили подработать за чашку кофе. Надо было выследить преступников, что собирались ограбить банк. Вот Дима и выслеживал. И все у него получилось. И получил он свою благодарность и чашку кофе. И очень потом расстраивался, когда узнал, что мог бы попить с Юлей-Кометой чай. Потому что чай он любил больше, чем кофе.

14 Двор-2

Варя любила смотреть, как Софочка Морозова гуляет. Софочка радовалась прогулке при любой погоде. В дождь ее, радостно агукающую, можно было лицезреть топающую в босоножках в середине лужи, а зимой наткнуться на нее в сугробе, Софочка лежала на спине, пялилась на небо и молчала.

— Что с тобой?

— Красии-иво.

И самое смешное, Софочка не болела, ну не простужалась, и все тут. А Варя простужалась постоянно. Хоть и не валялась по сугробам и ходила по лужам в резиновых сапогах исключительно.

— А ты знаешь, что вот там, за углом, живут невидимые человечки?

— За углом детский сад, — резонно отвечает Софочка.

Варя и сейчас в него ходит, а Софочке по возрасту и в школе учиться давно не надо. Софочка спокойно может дружить с Вариными родителями, но Софочка дружит с детьми.

— Да, в детском саду, — шепчет Варя, — это секрет. Никто не узнает. Они, эти человечки, в выходные дни заманивают туда детей, и те остаются с ними навсегда в этом саду. Они думают, что поиграют в выходной и попадут домой, а нетушки, невидимки их не пускают. И вот наступает понедельник, — Варя с ходу придумывает, что может быть в понедельник. — Так вот, наступает понедельник, а в сад приводят на одного ребенка меньше. И никто этого не замечает! Все, ребенок в плену у невидимых человечков. Вот так. Так что в воскресенье сюда лучше не ходить.

Софочка согласно кивает. Варя думает, что в морозилке ее ждут клюквенное мороженое и пицца с грибами. Как сложно решить, что съесть сначала. Может быть Софочка подскажет, Софочка?

Софочка не слышит. Она, как загипнотизированная, смотрит на мальчика лет шести, как тот украдкой перелезает через дырку в заборе у детского сада. Мальчик в опасности, Софочка понимает.

Софочка бежит за мальчиком. Невнятно кричит:

— Не ходи, невидимые человечки, не ходи, невидимые.

Но мальчик гуляет себе спокойно дальше, подтягивается на турнике, качается на качелях. Софочке чудится, что вот там, за верандой, мальчика настигнут невидимые человечки. Софочка останавливается, через дырку в заборе она не перелезет, не втиснется. Софочка берет камень побольше и что есть силы швыряет в невидимых человечков. Теперь мальчик спасен. Качели останавливаются не сразу.

Вскоре Софочка с ее мамой куда-то делись. Наверное, переехали в лучший район.

23

Ванная

Саша Пыжова, взрослая девочка, прическа как у тети, взгляд серьезный и взрослый. Ну и кто мог заподозрить ребенка со взрослым взглядом в разрисовывании стен? Да, весь подъезд знал, что Сашенька хорошо рисует. Художественная школа и все такое. Таскалась с мамой на буксире на автобусе сорок минут. Зато оно того стоило. Уже намечалась персональная выставка. И мама уже начала шить умопомрачительное платье, как будто из девятнадцатого века. Потому что ребенок с серьезными глазами как будто с полотен этого самого века сошел. Сашей настоял назвать мистер Пыжов, в честь своей матери Александры Степановны. А ведь мама хотела назвать девочку Лусией или Вероникой, в честь Вероники Кастро, в роддоме как раз шел такой сериал «Иоланта Лухан», и там играла Вероника Кастро. Но мистер Пыжов возмутился: смотри, какой у нее горб, вдруг перейдет на ребенка?

— А твоя мама косая на один глаз, вдруг тоже перейдет на ребенка?

И тут мистер Пыжов взбесился и ушел. На неделю. Потом вернулся, и девочку назвали Александрой Александровной Пыжовой. Мистер Пыжов бросил институт и увлекся

бизнесом — продавал бананы километровой очереди покупателей. А потом стал выпекать булочки ночами, потом расписывать игрушки под гжель, но и тут что-то не сложилось. Мистера Пыжова искали какие-то люди, а что хотите — девяностые и все такое. Мама Пыжова ничего не хотела. Люди все перерыли и захватили часы бронзовые с нарисованной кукушкой и пачку детских памперсов.

Маме Саши эти памперсы было больше всего жаль, так как они только-только стали появляться на рынке производства.

Мама Сашеньки заела горе «Сникерсом» и смирилась с исчезновением мистера Пыжова. Нет, потом он появился. Через несколько лет и по телевизору. Он раздавал обещания обманутым вкладчикам. Сашенька как раз заканчивала восьмой класс. И ей делали уже третью выставку в небольшом центре творчества. И даже вышла заметка в районной газете, и даже брали интервью для другой газеты, но тоже местной, как анестезия. Вроде как организм понятия не имеет, что где-то что-то происходит, только вот тут не чувствуешь. То есть тут как раз и была выставка Сашенькиных работ.

Саша рисовала людей резкими карандашными линиями. А еще ходила в театр в длинных юбках. И кто мог знать, что вот в такой вот длинной юбке Сашенька по ночам разрисовывала стены в подъезде похабными надписями. Юбка длинная гармошкой. И как было догадаться, что Сашенька тут ни при чем? Юбка широкая с карманами отвлекала внимание. Сашенька в тот день имя ходила менять на Анну. И новую жизнь хотела начать, и громко об этом заявляла. И все подумали, раз новая жизнь — значит, рисовать на стенах похабщину будет. А Сашенька, пардон, уже Анечка, согласно выданным документам, никакой похабщиной заниматься не собиралась. Она хотела как-то иначе. Но все перешептывались за Анечкиной стеной. И это очень сказывалось на Анечкиной нервной системе. Она стала рисовать все хуже и хуже. А потом и вовсе хотела повеситься на перилах. Но раздумала и родила в восемнадцать лет от Димы Теткина. Именно тогда тот признался, что рисовал на стенах. «Вот теперь-то Аня-Саша меня простит», — думал он. Но Аня не простила. А пошла в театр, села в первый ряд и стала в трубочку оплевывать артистов на сцене. Это было ее давнишним желанием. А Дима Теткин в это время нянчился с младенцем и купал его в розовой ванночке, которую купил на Выхинском рынке. Потому что там дешевле.

31 Супермаркет

Сын Альбины Борисовны, Коля, любил покупать просроченные продукты. То чай, то колбасу. Все это он относил даме своего сердца Варю, пока той плохо не стало — отравление. Тогда Варя прогнала Колю, мол, зачем ты меня травмишь просрочкой всякой. Коля не растерялся, а указал на местный супермаркет, типа это не я. Это там все плохое производят, а сроки годности сами и переклеивают. В доказательство Коля по будням утром стал продукты просроченные туда подбрасывать. По будням утром — скидка для пенсионеров. Коля старую шапочку наденет и под пенсионера маскируется. Но тут его охранник останавливает, мол, откуда продукты? Это же вынос из магазина, сейчас все оформлять будем.

Бедный Коля шапочку снял, доказать пытается, что это он наоборот, от избытка чувств и от любви к родному супермаркету товары подкладывает. Ну не мог же он про Варю сказать!

— Да, да, это Николай, наш меценат, — неожиданно раздалось в районе касс.

Коля повернул голову — кто-то там рукой ему машет, улыбается. Охранник плечо Колино ослабил, иди, мол, благодари спасительницу. Не поверил, значит.

Коля подошел — а это соседка Маша Заверченко на кассе. Такая вся нарядная, как ягодка. Кассирша Маша, и даже без гриба. Начала Коле глазки строить. А Коля же кремень, свою Варю любит.

Тогда наклонилась к нему Маша и тихо так говорит: «Если ты на меня внимания не обратишь, то я все твоей Вареньке про твои дела расскажу».

Пропал бы Коля. Но тут какой-то старичок около кассы окочился. Говорят, ананасом подавился. Очередь длинная была, он не выдержал, и ну ананас жрать. А потом взял и подавился им, совершенно случайно. Так что сбежал Коля под шумок. И супермаркет тот стороной обходит. И Варю стороной, поскольку после отравления она странная какая-то стала, не узнает никого и не ест ничего. Так что один у Коли путь остался — магазин просроченных продуктов посещать.

61 Шкаф

Девочки пугали Аню то маньяком в эластичных колготках, дефилировавшим по лесу. То утопленником с привязанными костылями под мышками. Подруги часто убегали в парк после занятий, а Ане нельзя было. Яна с Машей посмеивались над Аней, обзывали домашней девочкой, потому что Аня прогуливала школу до черты, до дороги в парк. А потом возвращалась к школьной ограде и делала вид, что только что вышла с занятий. Вид делала для няни. У няни были зубы все золотые. Ужас какой бесчеловечный, а вдруг кто увидит и подумает, что она — их родственница. Такая вот. С зубами и с сыном, который сидела за убийство. А девочки бежали дальше в парк. И приходили домой к вечеру. Им разрешалось. Про парк родители не знали. Яна пропала осенью, в разгар бабьего лета. А потом нашлась через два дня. Она просто к своему парню сбегала на дачу, к Пашке-зэку. А вот когда Маша пропала, то ее никто найти не смог. Искали и не нашли.

— Медведь утащил в лес, — задумчиво поясняла няня. Няня давно была без надобности в Анины четырнадцать. Но родители жалели няню: еще бы, у той сын сидит единственный за изнасилования.

— Которые не совершал, — добавляла няня. — да и как он мог совершить, на костылях еле передвигается? Оговор это.

— Однако же посадили, — рассуждали Яна с Машей, — ну и няню тебе нашли родители.

Аня все боялась, что она тоже пропадет, после Маши. И все ждала, когда это случится — зимой или летом? Ведь Маша-то пропала весной. Было известно, что Маша вместо алгебры пошла в парк. Аня гуляла с няней. А Яна тогда болела. Поэтому Маша пошла одна. Ну и что днем с ней могло случиться, хоть и в парке.

Родители Ани переехали, и Аня заканчивала школу в другом районе. Но с Яной продолжали общаться. Правда, не так часто. Обещали друг друга не терять. И хоть раз в год да виделись. Как-то Аня по делам оказалась в районе жилища Яны. Решила заскочить, не предупредив.

Яна открыла не сразу. Но Ане была рада, если та будет ненадолго, а то все-таки свои дела есть. Успели выпить по чашке чая, вспомнили детство. Про Машу никогда не говорили — табу. Яна молчала и выстукивала ногой ритм популярной песенки. А Аня прислушивалась к шорохам и воображала, что Яна привела любовника, пока муж в командировке, и что любовник этот в шкафу. Больших шкафов в кухне не было.

Пока Яна возилась с посудой, Аня вышла в коридор и подергала ручку двери. Ручка осталась в руках. А он сидел на кровати в домашней пижаме, костыли аккуратно прислонены к стулу. Аня машинально сказала «здрасьте» и аккуратно закрыла дверь.

Яна была в бешенстве:

— А ты знаешь, что он ни за что отсидел? Ты газеты читаешь? Ты тоже будешь осуждать? А ты в курсе, что виновным был уличный музыкант Александр Киселев по кличке Гуру Александр? А вовсе не Сергей. А кто вернет ему здоровье? И что на нем грех только Маша? А все остальное не он?

— Но Маша...

— Да плевать на Машу, все остальное — не он. А ему недолго, может, осталось. А я люблю его. Я ему письма слала, посылки. Я его сразу к себе взяла, как он вышел. Я, может, все годы его любила. Он для меня герой был. А они вот с ним как обошлись. Мне приходится его стесняться теперь.

Аня узнала его, маленького, на костыликах, сына своей золотозубой няни. Хоть он и постарел, но узнала. Все просто выходило. Только вот Маши с ними не было. Нигде и никогда. Интересно, чего бы та стеснялась. Но как узнать.

63

Телефон

У одной девочки Юли убили брата, так бывает, давно уже, она тогда в третий класс ходила. Вообще-то, ее звали Хулиа, а брата, пока тот жив, — Игнасио. Это бабушка у нее была любительница сериалов. Но бабушка быстро скончалась, а мама стала их переименовывать. Юлю успели, а брата нет. Мама сериалы не смотрела и Юле не разрешала. Зато мама по телефону вечно болтала и эсэмэски строчила в Питер с большой скоростью. У мамы был крутой эплский смартфон, а Юле старый купили, с барахолки, китайский, потому что у них еще были рыжая собака Джекки и слепой папа, тоже рыжий. Но он об этом не знал, он слепым был с рождения. Когда на контрольных учительница объявляла оценки, Юля молилась: «Боже, Боже, смотри, у меня братика убили, и папа слепой и рыжий, ты понимаешь, что я должна получить хотя бы четыре? И чтобы триместр без троек, ну совсем без, ты же меня понимаешь?» У Юли была куча родственников, которые их часто навещали и помогали. Родственники часто причитали: «У вас такое горе, такое горе!» И мама кивала, соглашаясь. Потом уже, когда Юля училась в институте, мама сказала, что хочет разменять квартиру на две. Мама уехала к другу-профессору в другой город. А Юля с папой и другой собакой уехали за город, недалеко, электричкой и автобусом. Юля пожила так немножко и поняла, что хочет не так, а по-другому, поближе к цивилизации. Когда двадцать лет проживаешь в центре, тогда понимаешь всю жалость к себе и ничтожность. Тогда Юля отвела отца в парк на скамеечку и сказала, что скоро придет. Собаку она взяла с собой. Отец пришел на старую квартиру, но там были другие жильцы, которым Юля оставила старый телефонный номер, недействующий.

42

Микроволновка

Маша Чумаченко приехала поступать в Москву на учителя начальных классов. Для этого нужна была справка 086 о том, что, Маша здорова и все такое. Справку по форме Маше выдали, к учению Маша приступила. Разведенный с мамой папа оплатил Маше

съемную квартиру у метро «Новогиреево» за полгода вперед и обещал платить впредь. А Машина мама дома осталась далеко на Сахалине. Где жарила рыбу на плите. Жарила и думала о микроволновке: не много ли там излучений всяких, и как они будут влиять на мозг, половое развитие и щитовидную железу. Тем более их крольчиха Агата внезапно умерла летом. Хотя кролики и так долго не живут. А тут звонок. У Машиной мамы руки в муке и рыбе, а мысли все о микроволновке. Она не сразу поняла, что от нее в районной поликлинике хотят. А те хотели не от нее, а от Маши. Им флюорография ее последняя не понравилась. Пятно там было непонятное.

Машина мама трубку положила, рыбу дожарила, а сама все о микроволновке думает. Потом Маше позвонила, через месяц где-то. А Маша в это время спокойно в общественном транспорте ездила и даже не кашляла. И с друзьями встречалась, и в институт ходила, и в клубы. И где только не была.

Потом Маша на каникулы приехала летом. И тут ее как на полгода в больнице и за прут с открытой формой туберкулеза. Лекарств кучу принимать надо, ребро удалить хотели. Но Машин папа, который приехал навестить дочку, был против операции.

Нельзя ли, спрашивает, других таблеток попить, если эти не помогают. И на врачей пачками денег нажимать стал. Те плечами пожали.

Три месяца прошло. Теперь Маше уже два с половиной ребра удалить следовало вместо одного намеченного. За время Машиной болезни Машин папа Маше квартиру купил в Долгопрудном, а маме на микроволновку расщедрился в память о проведенных вместе годах.

Маша потом кофейню открыла, когда выздоровела. Одну, а потом несколько. Целую сеть. И шеф-поваром там теперь работает. А одна девочка, которую Маша заразила, так и не выздоровела. Потому что у нее дома никакой микроволновки не было. Хотя, может быть, дело в другом чем-то, но пока это не изучено.

35

Пол

Дом собирались сносить лет тридцать. Первый этаж, квартира однокомнатная. Роза Кузьминична сдавала по самому плинтусу. Потому что по знакомству: Гриша-Врач когда-то Розе Кузьминичне мост ставил, не через реку, что видна из окошка. А из своего кабинета, с незатейливой табличкой «Зайцев Г. Н.».

Да и кто за большие деньги сюда въехать позарится. Под окнами спиртное льется рекой, потому что магазин — вот он на углу, далеко ходить не надо, нужду тоже тут справляли. Гриша-врач сделал там офис. Вернее, склад товаров канцелярских. Которые тоже закупал по цене ниже плинтуса в гостинице «Севастополь». А потом продавал по школам всю эту канцелярскую дребедень. На выручку жил, платил за склад, а также зарплату продавщицам. Аля с Лансом приехали в большой город по велению хипповского сердца. Аля плела расточки, вырезала незатейливые деревянные трубочки декоративного свойства, продавала все это на набережной. Диплом учителя начальных классов для этого годился как нельзя. Ланс жил подле Али и играл в группах. А еще Аля иногда вспоминала школьные уроки труда и начинала шить юбки стежками наружу, с неровными краями из материи, которую находила в мусорных контейнерах. Она ее стирала, отпаривала, и вперед — какая разница, какая жизнь у тебя была «до». А Ланс играл музыку, вдумчиво и долго. Аскал неумело. Но на сигареты и билет в клуб хватало. Чаще всего в клубы их пускали по «френдлитикет». Но жить все равно надо где-то было. И Гриша-Врач, который познакомился с Лансом на каком-то

клубном празднике жизни, увел у него тогда девушку Сашу, а потом привел к нему Альку в качестве компенсации. Все это было давно на морской набережной. Тут тоже была набережная, даже мост. И Аля с Лансом, которые стали работать на Гришу-Врача, бывшего выпускника МГУ, а ныне коробейника. Аля с Лансом рвали картонки и около окна создавали себе лежанку. Ширмой служил стол. Гриша-Врач лежал на диване, покрытом мехом Чебурашки, и слушал иногда всхлипы Альки и ее слова: «Дурак, я же люблю тебя». Любовь на полу выдержала работу Альки, она оказалась хорошим продавцом, не работу Ланса, вечное присутствие Гриши-Врача, их развела политика. Ланс отправился воевать «за», Алька осталась в ненавистном ей городе как протест «против». Она клеймила всех местных и шила страшные наряды с необработанными швами. А дом вскоре снесли. Роза Кузьминична в новостройку снимать квартиру Гришу-Врача не позвала. В школах торговать канцпринадлелностями запретили. Летом Гриша-Врач ночевал на набережной, представляя, будто это не загаженная городская речка, а море, чистое и наивное море. А осенью он решил слиться с этим морем, не видя иного выхода, после того, как его в очередной раз избил и прогнали местные. Аля переживала, что ей не досталось сшить Грише-Врачу последний наряд, ведь она научилась прямые строчки делать. По крайней мере, ей так казалось.

64 Перед домом

Аня Зайцева всех угощает печеньем. Просто так. Аня Зайцева — красивая девочка, поэтому печенье у нее вкусное. А как иначе? У красавиц все вкусно. А у уродин страшно даже попросить магазинной горчицы, вдруг испортят. Лена давно заметила, что еда у некрасивых людей некрасивая какая-то, невкусная. И есть такую просто страшно. А отказать неловко, вдруг что-то заподозрят. Лена не любит печенье, но печенье у Ани Зайцевой превращается в самое вкусное пирожное, самое-самое. Вот что красота делает с едой.

Из института Лена идет в папиных резиновых сапогах: в других, нарядных, женских, тут никак. Проваливаешься по колено. Строят метро. Кто-то обертывает обувь полиэтиленовыми пакетами, будто помогает, нет, конечно. Идти вдоль забора, держась за доски, а то можно и в канаву. Ничего, зато метро скоро будет, скоро. Да кому нужно это ваше метро, толкучка, и так не влезешь. А в автобусе толкучки нет? То-то. Забор длинный, доски свежие. Лена вскрикивает от внезапного укуса-укола, заноза. Лена морщится, укоризненно смотрит на забор. Читает надпись: «Переходи на сторону зла. У нас есть печеньки». Лена помадой зачеркивает «и» и пишет сверху «е». Долго стоит, задумавшись, исправлять дальше или нет. Не выдерживает, замарывает последнее слово — исправляет на «печеньице». Помада закончилась. Все слова вымараны и поправлены, только зло стоит чистое и непоколебимое.

65 Холодильник

Дима полез в холодильник за мороженым. Сморщился. Мать опять купила на свой вкус, клюквенное. Съел, торопясь, облизывая обертку, но все равно капая себе на футболку. Футболку снял, поежился, расстелил на коленях постер с изображением Фриды Кало. Но и на постер брызнул. А клюквина так вообще на укатилась под Фриды ноги. Все потому, что морозилка не работает, давно. Вот тебе «ЗИЛ». Поклонником

искусства было отец — водитель троллейбуса. Когда-то он вырезал постер из журнала, повесил на стену и иногда, оглядывая фигуру Фриды в гвоздях, глубоко вздыхал. Дима поставил воду, два взмаха солонкой. Интересно, сколько картошки, двух хватит? У матери юбилей как-никак — шестьдесят пять. Он привычно перевернул цифры, эх, если бы пятьдесят шесть... Все должно быть готово к ее приходу. Все-таки праздник, еда должна быть экзотической. Луковица издала громкий «плюх», очистки полетели в ведро. Да, две картофелины — это вполне себе. Сыпанул вермишели на глаз. А у него нет работы, давно уже. Все утешал себя, что кризис, что кризис пройдет, а сейчас уже и не знал, что себе сказать. Матери нет целое утро. Придет как раз к горячему. Суп из морепродуктов.

Мать ушла расклеивать объявления о потере домашнего питомца. Интересно, что о ней подумают? Питомец черепаха Зет как раз и занимала сейчас не работающую морозилку. Дима вынул щипцы для колки орехов и открыл дверцу морозильной камеры — пора приступать. Вот только, кажется, он забыл про лавровый лист. Соседку Яну беспокоить не хотелось. А то еще на суп приглашать, а его чуть-чуть, супато. Но вкус все же пресный. Итак, Яна. Неужели придется? Дима поморщился и подкрутил конфорку газа.

45 Стул

Вася Филитов встретил Ланса в переходе и с ходу набил ему морду. Ну настроение было такое. Жена бросила, и все дела. Не то чтобы он за жену держался, но чтобы бабы уходили сами, это непорядок. Вася женился на Яне и стал ей изменять тут же, просто потому что думал, так надо, иначе чувства остынут, а он этого очень не хотел. Что думала Яна, Вася не знал, так как никогда с ней на эту тему не разговаривал. Вася играл на гитаре с детства, дедушка, водивший туда Васю, назвал его игру «треск кузнечика с примесью грохота канонады». От деда осталось воспоминание, как он учит маленького Васю кататься на велосипеде, а тот заваливается на бок и падает, но дедушка не дает это сделать, а также и дедова квартира. Квартира с совмещенным санузлом, без балкона. Вася тут же сделал из нее музыкальную студию. А еще дверь вставил железную. Таковую, чтобы никакие соседи ни одного лишнего звука не услышали и раньше времени ни обрадовались. Алкаш Колька Жаворонков притащил из своей шарашкиной конторы, прозванной «Ягуар», дверь-выбраковку. Но выбраковка хорошо держала звук. Это стоило Васе трех бутылок рома «Мартин» и жены Яны. Та неожиданно ушла к Жаворонкову. Так, по крайней мере, думал Вася, в пылу игры не заметив стремительного ухода жены. Да и как тут было заметить, репетиция шла вовсю: трещали барабаны вперемешку с кузнечиками. А глухая бабушка-соседка, включив «Мою вторую маму» на полную катушку, невольно стала новым членом музгруппы, о чем вряд ли подозревала. Под монотонное «Мария Сорте, Энрике Нови, Фернандо Чангеротти...» вмешивалось: «Ты не виновата, я не виновата, все мы виноваты».

— У нас русский почвеннический панк, — объяснял Вася Яне до того, как та скрылась из горизонтов его жизни. Потом Вася подумал, что Яна ушла к его другу Леше, но Леша сидел в компе и не реагировал на позывные жизни. Значит, не к нему. Когда Вася со шкафом в лифте ехали, их встречала Яна со стулом, молодец, хозяйственная. Но стул Яна тащила в другую квартиру. И кот под мышкой. Вот так. И тогда Вася вышел на улицу, встретил в переходе Ланса. У Ланса чемодан для денег стоял на складном стуле-табурете, и Вася тут услышал, как тот играет ворованную музыку, похо-

дившую на «Чунгу-чангу» и Васину «Сами виноваты», и пока тот очухивался, украл у Ланса табурет, ибо так восполнялось равновесие, нарушенное Яной. И мир стал прежним. Почти.

56

Кладбище

— Все занято. Больше мест нет, вы же понимаете.

Он понимал. Согласно кивал болванчиком. Совал бестолково деньги. Убеждал, что прошел срок, поэтому вполне можно захоронить сверху. Он же не просит дополнительный участок затронуть. Вот у них сколько.

— Ты все слышал, да?

— Да зря ты так, мог бы ему сказать. Все равно завтра из новостей узнает.

— Да еще же не утвердили. Тем более решили сначала снести, сам понимаешь, земля дорогая, кладбище в центре города — роскошь. Снесем по-тихому. По-тихому начнем строительство. Да можно вообще все списать на смерч или на вандалов, взяли и уничтожили все кладбище. Пойду напоследок прогуляюсь, они мне уже как родные. Все эти Блычевы, Цицулины, Рудневы. Скоро тут и костей не останется. Ну или пропустит ковш пару косточек. Это не страшно. Дом на костях, скорее, даже пикантно. Все косточки перемешаются, неважно будет, где чья... все едины в соседском порыве.

Он этого разговора не слышал. На улице визжала поливальная машина. Все правильно, поливать нужно в дождь. Он поежился, поднял воротник, нахлобучил кепку, призрачная защита от дождя. Засунул руку в карман. Кубики всегда с ним.

Подбросил вверх и загадал, чтобы выпало пять и шесть. Тогда все сложится. Один кубик лег на ладони аккуратными двумя рядами по три точки. А второй соскользнул под поливалку.

Но он не уверен, что там было пять. Просто пытался убедить себя. В конце концов, надо же во что-то верить. Там было пять, пять. А как иначе? Только верить.

Три новых двадцатипятиэтажных дома строили быстро. И, как водится, с нарушениями. Первый корпус обещали очередникам снесенных недалеко пятиэтажек. Но что-то не заладилось, и отдали под коммерческое жилье. Еще на уровне котлованной постройки были раскуплены все квартиры. Только пятьдесят шестая еще пустовала. Словно ждала кого-то. На подоконник один из рабочих положил игровой кубик. Пятью точками кверху.

— Расул, ты идешь? — окликнули его.

Тот на секунду застыл. И вытащил из кармана два игровых кубика чуть поменьше. Подкинул на ладони. Три и два. Тридцать два. Тридцать два зуба. Расул учился на стоматолога когда-то. Ну что ж. Начало пути. Он вышел и аккуратно запер за собой дверь.

Андрей КОРОВИН

ЧЕЛОВЕК НЕ УЕХАЛ ИЗ ПИТЕРА...

ВЕСНА В ПИТЕРЕ: ЗАТОНУВШИЕ КАТЕРА

Светлане Бодруновой

по зеленым каналам Питера — затонувшие катера
непонятное время года — почти что май
льет холодный весенний ливень et cetera
и в кафе «Лоза» согреваешься «Catty Sark» (а при чем здесь чай?)

Невский полон сломанных зонтиков (как в кино)
эти зонтики плавают в лужах (как корабли)
и в ближайшем кафе «Астория» пьешь вино
то зеленое (из Китая) а то сабли

Петропавловку лихорадит и засады на островах
ангел (тот что со шпилья) в спешке у подруги забыл трубу
петербургские строфы вязнут как язык с бодуна в словах
маринисты ушли в пираты и в романтике ни бум-бум

на какую из линий Васильевского ни зайди
параллельно пространству время а ты весне
Николай Гумилев говорит на моем CD
что мол было с одной лаурой а прочее — о жене

в речке Карповке по легенде живет преогромный карп
рядом жил г-н Попов изобретший сломанный телефон
а теперь живет некто Ернев он-то знает что тут и как
он напишет сказку про карпа кстати а вот и он

Андрей Юрьевич Коровин — поэт, прозаик, организатор культурных проектов. Родился в Тульской области возле Ясной Поляны. Автор 18 поэтических книг. Стихи переведены на 16 языков (английский, маратхи, немецкий, португальский и др.), опубликованы в российских и иностранных поэтических антологиях. Основатель и многолетний организатор Международного литературного фестиваля им. М. А. Волошина и литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом».

будешь долго бродить кругами (вокруг Невы)
и очнешься в «Бродячей собаке» — среди теней
а по следу идут разной масти и веры львы
и ты вдруг поймешь львиный рык и язык камней

и тогда мутанты в Кунсткамере оживут
и огромные твари грома Зоологмузей
над землей устроят свой самый ужасный суд
и с других планет на пир позовут друзей

но еще есть время в кружки разлить вина
черный ром «Bacardi» уймет в нашем сердце дрожь
по зеленым каналам Питера — уплывающая страна
оплывает свечами а ты просто лета ждешь

* * *

как хорошо когда мосты
на Невском и кругом
весь Петербург идя на ты
звенит хрустальным льдом

хрусталик неба серебрист
всевидит око дня
и ангел в сущности горнист
приветствует меня

я столько лет скучал в Москве
по слову Петербург
я жил в петровской голове
не покладая рук

есть притяжение огня
боишься но идешь
есть притяжение меня
когда меня ты ждешь

когда встречает человек
державу и коня
творит союз из рук и рек
тогда зови меня

тогда растут из рек мосты
из рук растет река
и ты за все меня прости
взлетая в облака

* * *

Мандельштам это ветер и снег
это свет золотая досада
это взмах улетающих век
за страницами Летнего сада

постучи в деревянную тишь
где скрипит под ногой половица
ты от жизни своей улетишь
чтобы после за жизнью продлиться

делай раз или два посмотри
кто поет в наползающем мраке
это черные звезды внутри
говорящей полярной собаки

Мандельштам говоришь говори
и от имени некуда деться
и на небе высоком горишь
возле самого жаркого сердца

* * *

100-летию русской революции

Зимний взят
а что же Летний
Летний-то не взят
спит невзятый спит последний
зимний Летний сад

спят вены в деревянных
зимних корпусах
сбитых ящиках янтарных
иней на носах

спят былые аполлоны
в собственных гробах
ветер обрывает кроны
императорской короны
с кровью на губах

В ПОИСКАХ БУКИНИСТА

на канале Грибоедова поселились грибоеды
съели букиниста Фетрова и очки его и кеды
и часы его и тапочки и зеленые глаза
грибоеды — просто лапочки! — честно вам хочу сказать

грибоеды с грибоедками совершают променады
о поэтах и поэтках возбужденно говорят
книги букиниста Фетрова всем прохожим раздают
и вознаграждения щедрого за подарки не берут

а в канале Грибоедова плещет мутная вода
грибоеды с грибоедками иногда плюют туда
буквы букиниста Фетрова по гнилой плывут воде
букинист на Грибоедова — подскажите это где?

ПЕТЕРБУРГСКОЕ НАСТРОЕНИЕ

1

двухэтажный бронепоезд
мчится в город Петроград
дева рыжая не дышит
и соседи тоже спят

спит ее вертлявый носик
и смешливые глаза
полуголый тонкий торсик
в серых шортах круглый зад

руки белые как вата
грудь смиренная тиха
спит ни в чем не виновата
в полушаге от греха

2

вспомни Карелии белые ночи
в Питере белом как мел
бродишь по городу сколько есть мочи
свет от Невы черно-бел

лодки-моторки летят как катраны
прет теплохода гора
разных плавсредств по Неве караваны
шастают вплоть до утра

кто-то мосты то разводит то сводит
словно влюбленных людей
тени поэтов по Питеру бродят
сядь у реки и балдей

АРБАТСКО-ПИТЕРСКАЯ ПЕСЕНКА

жизнь сквозь нас течет и протекает
на Арбате музыка играет
музыка играет на Арбе
жизнь трубит на солнечной трубе

жизнь течет а музыка играет
в Петербург мой поезд отбывает
там в забытом мною Петербурге
в шортах ходят северные мурки

белыми не спят они ночами
ночи освещают нам плечами
и на них взирает сверху Пушкин
с набережной Мойки на опушке

* * *

мертвые больше живых
в их полноводной орбите
полиграфия в кривых
вечная 3D-обитель

мертвым везде хорошо
в небе в земле в Ленинграде
пьют себе добрый крюшон
на недоумерших глядя

мертвые любят сильнее
им не страшны расстоянья
мервые ранят больней
острым лучом расставанья

* * *

человек не уехал из Питера
потому что уехать не смог
в эти свитки немого наития
в эти руны российских дорог

в эти зимние скользкие длинные
дни которые от головы
в эти улочки неба старинные
в переулки богемной Москвы

человек не уехал из Питера
где свободы колышется гул

человек не уехал из Питера
человек сам себя обманул

в петербургских трущобах отмеченный
подпирающий небо плечом
человек проходил незамеченный
Гумилев Мандельштам Ювачев

СПБ И ОКРЕСТНОСТИ: ИЗ НЕСБЫВШЕГОСЯ

...И в Комарове властвует весна,
а в стороне, прекрасна и надменна,
стоит она — Ахматова, сосна.

Сергей Белозеров

В Комарово твое, в Комарово,
где с утра поселилась весна —
я хочу туда снова-здорово,
там Ахматова плачет, сосна.

И в пернатые ваши Пенаты,
где глаза по-щенячьи слезят,
собираюсь — смотреть на закаты,
словно Репин столетье назад.

И в кронштадтскую бурную пену,
в этот город дождей и ветров —
как Парис в предвкушенье Елены,
я войду, как вошел Гумилев.

И в загадочный призрачный Выборг,
что синонимом выбора был,
я давно уже в принципе выбыл,
но доехать случайно забыл.

Петербургские белые ночи
взять бы за руку, песенку спеть.
И понять, что чем больше ты хочешь,
тем ты менее можешь иметь.

А очнуться на Финском заливе
в девяносто-лохматом году...
Ты бы мог стать случайно счастливым,
но не в этом прекрасном аду.

Плачьте, сфинксы! Рыдайте, красотки! —
нам не жить в купаже неглиже.
Ведь смертельную порцию водки
я для храбрости принял уже.

ДЕТСТВО — ОТРОЧЕСТВО — ДЕТСТВО

Рассказы

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Поселок назывался Истья, потому что речка — Истья.

И отец, которому было двадцать девять, строил там *газораспределительную станцию*: в свои пять я лихо выговаривала это слово.

Отец был *главным инженером*, а строителями — *зэки*.

На детском жаргоне «зэка» означало «здорово», и потому я была уверена, что папины подчиненные — очень хорошие люди.

А мать, как богиня Фетида, каждое утро окунала меня в Истью — вода была ледяная, и я верещала на всю планету, — а потом докрасна растирала полотенцем: так закалялась сталь.

И так я стала неуязвимой для всего, что предстояло пережить, — кроме правой руки, за которую мать меня держала; этой рукой я пишу.

На речке плавали крошечные утята, а по берегу как угорелая носилась курица и кричала: «Спасите! Помогите!»

И мать объяснила: курице подложили утиные яйца, и она не догадывается, что ее дети умеют плавать.

А жили мы в бараке, его построили специально к нашему приезду, и он восхитительно пах свежей стружкой.

А потом отец купил телевизор.

Чтобы он работал, нужно было протянуть через всю комнату какой-то провод.

Но в пять лет человек все время куда-то спешит — я споткнулась о провод, упала сама и повалила телевизор.

Отец рассердился: шутка ли — «Рубин-106»! А мать робко заметила, что она ведь могла разбить себе голову...

«Голова другая вырастет, — отрезал отец, — а другой телевизор мы не купим!»

Хотя на самом деле он меня очень любил: катал на *бензобаке* своего мотоцикла, а когда я заболела корью, приходил в больницу, садился возле кровати — в накину-

---

Инна Кабыш родилась в Москве. В 1986 году окончила факультет русского языка и литературы Московского педагогического института. Стихи печатались в альманахе «Поэзия», в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов» и других. Член СП СССР. В 1996 году за книгу «Личные трудности» Инна Кабыш была удостоена Пушкинской премии фонда Альфреда Тенфера (Гамбург), в 2005 году премии Дельвига, в 2014-м премии «Московский счет», в 2016-м Ахматовской премии. Автор девяти книг.

том поверх пиджака белом халате — и колол грецкие орехи: руками, один об другой (он же был самым сильным человеком на свете!).

И читал «Конька-горбунка»:

Вдруг приходит дьявол сам
С бородою и с усам...

«Папа, кто такой дьявол?» — перебивала я. И коммунист отец деликатно отвечал: «Спроси у мамы...»

Мать была дочерью пастора — родом из Польши.

Там на завтрак всегда подавались «кавуси-бувечки», и потому в нашем бараке каждое утро пыхтел на плитке зеленый кофейник, только вместо булочек были «пляски з тертой бульбы» — драники.

Но зимой было очень холодно.

Отец расстилал на кровати свои штаны — широкие, на меху — и засовывал меня в штанину: там было тепло и щекотно.

Так что лично я вышла не из шинели, а из штанов.

И — стихов: мать знала наизусть всю русскую поэзию. В пять лет в меня легко зашли «Стихи о советском паспорте»: не понимая, что значит «дубликат», я отлично представляла, что такое «бесценный груз», ведь доставала меня из штанов обычно мать, — и была уверена, что это стихи о любви.

А весной мы усыновили кота.

Дело было так.

Как-то утром мать открыла дверь и увидела, что на крыльце — в корзине — сидит котенок.

Конечно, котенок в корзине у моей начитанной мамы зарифмовался с подкинутым младенцем, и участь его была решена.

Кот — по имени Под (от «подкидыш»), разумеется, тоже в рифму — стал участником всех моих детских игр.

Он попеременно был то ребенком в коляске, то учеником в школе, то пациентом в больнице.

Роковой для Пода оказалась роль клиента парикмахерской: я состригла ему усы. Безусый и помолодевший кот сперва, как пьяный, бродил по дому, а потом пошел погулять — и не вернулся.

Его искали по всей планете...

А потом мать узнала про «парикмахерскую» и пришла в ужас: оказывается, усы у кота — навигатор.

Мать хотела меня наказать, но отец не позволил, потому что в пять лет человеку позволительно чего-то не знать.

А через некоторое время мы с матерью вышли из дома и увидели... спокойно сидящего на крыльце кота. Мы разревелись от радости; слезы помешали нам увидеть, что это *другой кот*.

Когда разобрались, делать было нечего: самозванца усыновили.

Стали думать, как его назвать, но вернулся Под, так что имя нашлось само собой — Лжепод.

Недалеко от нашего барака находился клуб — тоже барак, но большой и разделенный на две половины: в одной, поменьше, на занозистых полках стояли книжки — там мать работала библиотекарем и однажды принесла мне «Маленького принца»;

я полюбила его так, что ни за что не соглашалась вернуть обратно, «значит, нужно отдать другую книжку», — сказала мать, и «Конек-горбунок» поскакал в библиотеку; а во второй был зрительный зал, там по воскресеньям крутили кино, и как-то раз мать торжественно объявила, что в воскресенье мы идем на «Маленького принца»...

Каждое утро я подбегала к календарю, прикипленному к стенке, и вычеркивала начавшийся день, завидуя фонарщику, планета которого вращалась со скоростью один день в одну минуту; и все-таки воскресенье наступило.

...Отец — в костюме с галстуком — и я — в платье с бантом — вошли в зал, где нас ждала мать, по такому случаю закрывшая библиотеку на ключ.

— Здорово, инженер! — сказал, приподнимая невидимую миру шляпу, небритый дядька и сплюнул на пол подсолнечную лузгу.

Мать испуганно посмотрела на отца, и тот пожал плечами, что у меня нет для вас других соседей по планете...

Погас свет — и Маленький принц попросил летчика нарисовать ему барашка, но когда он очутился на планете короля, в зале затопали и раздались крики:

— Кино — фигня!..

— Давай танцы!

Я заплакала. И отец — голосом, которого я у него никогда не слышала — сказал:

— Сначала будет фильм, а потом танцы. Программа ясна?

И Маленький принц полетел на планету пьяницы...

А когда он решил вернуться на свою, где были роза и вулканы — два действующих и один потухший, — то попросил змею его ужалить.

Яд был волшебный, потому что у любой сказки всегда счастливый конец.

...В зале вспыхнул свет, и я увидела, что мы в нем одни.

— А где все? — спросила я.

Мне никто не ответил. Но когда мы вышли на крыльцо, я поняла сама: *все* стояли возле афиши. И небритый дядька сплюнул:

— А теперь идите на х...!

Я не поняла последнее слово, а отец покраснел:

— Здесь женщина и ребенок!..

А дядька ответил, что будешь качать права завтра на стройплощадке, а сегодня у нас выходной, и резко вынул из кармана что-то блестящее.

«Змея!» — мелькнуло в моей голове.

А отец подхватил меня на руки и загородил мать.

Все стали приближаться, и тогда мать скомандовала:

— Бежим!..

И мы побежали.

То есть побежали мать и отец. А я сидела — лицом к клубу — и видела, как от *всех* отделились десять человек (я умела считать до ста) во главе с небритым дядькой и ринулись за нами.

Отец, конечно, бежал быстрее, к тому же наш барак был совсем рядом; мы влетели — и мать повернула ключ.

В дверь стали колотить ногами — Под взлетел по занавеске на карниз и заорал человеческим голосом: «Убивают!..»

Отец опустил меня на пол, и я заревела:

— Папа, почему ты убежал?!

(Ты ведь самый храбрый человек на свете!)

И отец бросил матери:

— Как я буду после *этого* жить?..

— А что тебе нужно было делать? — взвилась мать. — Драться с ним на дуэли? Но у него нож, а у тебя ребенок — почувствуй разницу... И ты был один, а их — сто!

— Десять, — уточнила я.

— А ты не умничай! — повернулась ко мне мать и тоном, которого я никогда не слышала, добавила: — И вообще — марш в кровать!

Я молча подошла к кровати и легла, не снимая платья.

На другой день отец ушел на свою *газораспределительную станцию*, а мать отвела меня в детский сад и пошла в библиотеку.

Домой мы возвращались обычно в таком порядке: мать запирала библиотеку и забирала меня из садика, а поздно вечером — как правило, я уже спала — приходил отец.

Но на этот раз что-то пошло не так: отец зашел за матерью, они забрали меня, и все вместе мы отправились домой.

По дороге мама нарвала букет колокольчиков, а я нашла два гриба — *шампиньона*.

...Дверь барака была открыта настежь, отец и мать переглянулись.

Мы вошли — мать вскрикнула и закрыла мне глаза ладонью, но я успела увидеть свисавший с лампочки провод, на котором качался кот.

Под или Лжепод, я не разглядела.

А утром мать сказала отцу:

— Вчера кот, а завтра ребенок! — и твердо добавила: — Мы улетаем...

И мы улетели.

...Мать всю жизнь вспоминала Истье с содроганием. А я с ностальгией: там была первая речка, первый телевизор, первая смерть — кота по имени Под. (Вторая — отца — была всего через год, так что напрасно он мучился, как будет жить после этого.)

...Маленькому принцу. чтоб вернуться на свою планету, нужно было быть ужаленным змеей.

У меня свой способ.

Точнее, два.

Раскрыть книжку — ту самую, с библиотечным штампом.

Или услышать запах свежей стружки.

Второе бывает гораздо реже...

КОГО ЛЮБЯТ ХОМЯКИ

Считается, что чтобы ребенок вырос добрым, ему нужно завести какое-нибудь домашнее животное (сейчас их называют «питомцами»).

Мне мама решила завести хомяков: а что? — белые, пушистые...

Стали копить деньги.

Деньги, подаренные на день рождения или проезжими родственниками, складывались в копилку.

И вот настал торжественный день: копилку разбили, деньги пересчитали — почти хватало, мама добавила.

И в ближайшее воскресенье мы отправились в знаменитый зоомагазин на Арбате.

Нам подобрали симпатичную парочку — самца и самку, клетку, поилку и т. д.

Я сияла от счастья — мама радовалась моему счастью.

И началась наша жизнь вчетвером: мамы, меня, хомяка и хомячихи.

Сначала она была сплошным счастьем: я кормила и поила своих питомцев, чистила клетку, выносила на улицу и выпускала хомяков побегать по травке.

Проблемы начались, когда хомячиха забеременела, а потом родила шестерых крошечных хомячат. Они были голые и ходили на сосиски.

Как-то утром, перед школой, я подошла к клетке, чтобы задать корму разросшемуся семейству. То, что я увидела, ввергло меня в шок.

Хомяк и хомячиха – каждый – держали в лапе по хомячонку и... завтракали: сначала съедали голову, потом лапы, потом туловище своего детеныша.

Это было самое страшное, что я видела в жизни.

Меня стошнило. Мама вызвала «скорую».

Через три дня меня выписали, и я вернулась домой.

Подходить к клетке с хомяками я категорически отказывалась, но мама строго напомнила, что «мы в ответе за тех, кого приручили», – и я подошла.

Хомяки, съевшие своих детей, явно страдали: отец семейства прогрыз дыру в животе своей жены.

То ли от горя, то ли от злости.

Дыра с каждым днем увеличивалась, и вот наступил день, когда она стала несовместима с жизнью: хомячиха умерла.

Мы закопали ее в огороде.

Оставшись один, хомяк не ел, не пил – то ли от угрызений совести, то ли еще от чего. Поди их, хомяков, разбери.

А через неделю умер.

Мы похоронили его в огороде, рядом с хомячихой.

Клетку выбросили на помойку.

Так закончилась эта история.

Есть такой анекдот (к сожалению, я услышала его, когда была уже взрослой): «Мужчины любят женщин, женщины любят детей, дети любят хомяков. А хомяки не любят ни-ко-го».

Не уверена, что история с хомяками сделала меня добрее.

Но ведь на свете есть не только добро, но и зло, жестокость, ревность, месть, раскаяние...

Может, все это мне нужно было узнать уже в десять лет?

В конце концов, шила в мешке не утаишь, и чем раньше, тем лучше...

УРОК МУЗЫКИ

За первую парту обычно сажали близоруких и маленьких.

Так мы и просидели с Лешкой до шестого класса, а в шестом он вдруг вымахал, а я перешла в другую школу.

То, о чем я хочу рассказать, случилось на уроке музыки, кажется, в пятом классе.

Учительница музыки Инна Борисовна была, не побоюсь этого слова, подвижницей.

Мы жили в подмосковном поселке Газопровод, а Инна Борисовна в Москве, на Плющихе.

Каждое утро легион жителей Подмосковья устремлялся на работу в столицу – навстречу ему двигалась одна-единственная немолодая женщина с тяжелой сумкой в одной руке и коробкой в другой.

Дело в том, что в школьном кабинете музыки не было ничего, кроме раздолбанного пианино. И «музычка», как называли ее ученики, каждый день привозила проигрыватель и пластинки – Лемешева, Вертинского, Лещенко, Шаляпина, – как я теперь понимаю, купленные в «Березке» за валюту.

И каждый вечер увозила обратно: кабинеты в школе не запирались, а «музыка» вообще была на первом этаже.

Мы с Лешкой сидели за первой партой первого ряда – у окна.

И однажды — в яркий зимний день — Инна Борисовна подошла к окну и, увидев на ветке березы снегиря, прочитала:

На Арбате в магазине
за окном устроен сад,
там летает голубь синий,
снегири в саду свистят...

— Я одну такую птицу, — подхватила я, —
за стеклом видал в окне, —
я видал такую птицу,
что теперь не спится мне...

Я дочитала стихотворение до конца. Инна Борисовна, внимательно слушавшая, подошла к учительскому столу, раскрыла журнал и поставила мне жирную «пятерку».

— Это нечестно! — завопил Лешка, единственный из всего класса занимавшийся в кружке игры на баяне местного Дома культуры и считавший себя главным музыковедом.

— Что ты имеешь в виду? — спокойно спросила Инна Борисовна.

— Вы поставили «пятерку» за стихи, а у нас — музыка!.. — задыхаясь от гнева, выпалил Лешка.

— Леша, — так же спокойно ответила Инна Борисовна. — Запомни: стихи — это тоже музыка...

ДОСТАТЬ ЧЕРНИЛ И ПЛАКАТЬ...

Я очень любила школу: собирать портфель, отвечать у доски, делать домашние задания было для меня наслаждением.

Конечно, как всякий нормальный ребенок, я любила и каникулы, но одно дело ху-досочные осенне-зимне-весенние, а другое — три — летних — толстяка: июнь, июль, август.

Летом мне хватало полутора месяцев: за это время я успевала побывать у бабушки, съездить в пионерский лагерь, прочитать весь список книг — к середине июля я начинала мучиться от ностальгии по школе.

Я оборачивала учебники калькой, точила карандаши, закачивала чернила в ручку — и складывала все это в портфель.

И вот наконец наступало долгожданное 1 сентября.

Я шла в школу как на праздник: в белых гольфах, белом фартуке, с белым бантом и неизменным букетом гладиолусов.

Учительница Клавдия Васильевна поздравила нас с Днем знаний, а потом строго сказала: «А теперь мы проверим, не разучились ли вы за лето писать...»

Мы открыли тетради, достали ручки, и Клавдия Васильевна продиктовала: «Как я провел лето».

Я ринулась писать и вдруг с ужасом увидела, что моя ручка не оставляет следов на бумаге: чернила, закачанные в июле, высохли.

— У меня ручка не пишет! — жалобно сказала я.

— Вот!.. — прошипела Клавдия Васильевна. — Ты все пела, а к школе не подготовилась!..

Мне это было особенно обидно, потому что к школе я подготовилась, может быть, лучше и раньше всех.

...На каждой парте в нашем классе была выдолблена дырка, в которую вставлялось маленькое глубокое блюдце. Туда учительница, на столе которой стояла бутылка чернил, подливала тем, у кого они кончались.

Но на этот раз Клавдия Васильевна, что называется, пошла на принцип: ведь дело было не в ноябре или январе, а 1 сентября.

Прийти в этот священный день не подготовленной к школе было кощунством.

— Так поди же попляши!.. — додекламировала Клавдия Васильевна и демонстративно не налила мне чернил. Из меня брызнули слезы.

Но Вовка, мой однопартник и воздыхатель, запасливый, как Чук, сказал:

— Перестань — дело житейское!..

Он вытащил из своего пенала две под завязку закачанные ручки, одну отложил в сторону, а из другой выдавил в чернильницу все ее содержимое.

Я разревелась: чернила смешались со слезами.

— Видишь, как здорово получилось, — шепнул мне Вовка, — у всех синее, а у тебя голубое. И соленое. Как море...

— И небо, — добавила я.

— А разве небо соленое? — усомнился Вовка.

— Разумеется, — ответила я так уверенно, будто была ангелом или космонавтом.

— Ну... или так, — согласился Вовка.

ЛИПА ЛИДА

Когда мать развелась со своим вторым мужем, стали разминивать крупную трешку в центре: получилось очень быстро — две простенькие двушки в спальнях районах.

Впрочем, доставшийся нам район грешно было назвать «спальным»: в нем были Дворец спорта, Дворец пионеров, Дворец бракосочетаний, каждым из которых я в свое время воспользовалась.

Когда мы с матерью подошли к дому, где предполагали жить, мать глубоко вдохнула: возле скамейки росла липа. Стоял июнь — липа была в полном цвету. На скамейке сидела бабка (то есть это мне она показалась «бабкой», а было ей тогда лет пятьдесят). Она повернулась к моей матери и сказала: «Здорово пахнет, — и добавила: — А вы что — новые жильцы?»

И мать, не заходя в подъезд, ответила: «Да...»

Баб-Лида, как звали нашу соседку, была прирожденным лидером: вокруг нее тусовалось еще десять-пятнадцать таких же «бабок».

Каждое утро они собирались на скамейке под липой и обсуждали свои великие дела: болячки, квартплату, цены на продукты.

Я всегда старалась прошмыгнуть мимо них незамеченной, но удавалось это редко.

— Волосы покрасила?

— Похудела?

— Кто это вчера тебя провожал?

Баб-Лида все знала и все замечала: она была вездесуща.

Когда бы ты ни вышел во двор или ни вошел в него, она со своей командой была на боевом посту, даже в дождь — под зонтом.

Она очень доставала: заводила разговор, когда я спешила на работу, задавала бестактные вопросы, лезла не в свои дела...

Прям как у Высоцкого: «...он не в такт подпевал, он мне спать не давал...»

...А потом я стала замечать, что ряды баб-Лидиной команды редуют: исчезала то Таня, то Тоня, то Маша, то Клаша.

И вот баб-Лида осталась одна.

Она и так была незамужняя и бездетная, а теперь осталась совсем одна.

Но что интересно: одинокой она себя не чувствовала.

У нее была куча дел: она кормила котов и голубей, поливала и полола клумбы; особым предметом ее заботы была, конечно, липа, которую она, оказываясь, посадила в день, когда ее приняли в пионеры: каждый новорожденный пионер, посадив дерево, имел право назвать его своим именем — так что нашу липу звали Лида.

Баб-Лида интересовалась всем: РЭУ и ЖКХ, ООН и ЕГЭ.

Однажды, когда я, как всегда, бежала домой, она тормознула меня и сказала: «Передай Коле (это мой муж, он артист), что мне нужно с ним поговорить, — она сделала паузу, — об искусстве...»

Но при том, что Баб-Лида меня страшно раздражала, только она во всем нашем доме помнила мою умершую молодой мать, мою попавшую под машину собаку, моих первого и второго мужей, моего маленького сына...

Казалось, она будет всегда.

Но как-то летом началась глобальная реконструкция нашего двора: сломали старую скамейку, детскую площадку, перестелили асфальт и в процессе этих работ, очевидно, повредили корни липы: лес рубят — щепки летят.

Она рухнула, перекрыв проход к дому.

— Ой! — вскрикнула баб-Лида, которая, конечно, в этот момент торчала во дворе, и схватилась за сердце.

Липу аккуратно распилили, погрузили на машину и увезли.

Во дворе стало, правду сказать, светлее, но, если можно так выразиться, пустее.

Пытаясь отвлечь баб-Лиду от грустных мыслей, я сказала: «Зато какую площадку для детей построили!..»

Баб-Лида подняла на меня обычно живые, а в этот раз совершенно мертвые глаза, и спросила: «А зачем?..»

А ведь она любила детей — и беленьких, и черненьких, которых с каждым годом становилось в нашем доме все больше.

Через неделю двоюродный племянник, не сумевший в течение всей недели дозвониться до тетки, приехал и нашел баб-Лиду мертвой: она сидела у окна (и в свой смертный час не оставила боевого поста).

Я всего этого не видела: стояло лето, и меня не было в Москве — вернувшись домой и не застав баб-Лиду во дворе, я первым делом бросилась к дворнику, он-то все и рассказал.

Поскольку я не видела ее мертвой, баб-Лида осталась в моей памяти живой, вредной, энергичной, доброй, любопытной.

Странно: у меня умерло множество близких людей: отец, мать, тетки, дядьки, друзья — но ни один из них не причинил такую боль, не оставил такую дыру в душе, как баб-Лида: «оказалось, что нас было двое».

...В магазине «Красное-белое», чьим постоянным клиентом я являюсь, под Новый год мне выдали бонус — маленькую живую елочку в горшке.

Елочка оказалась на редкость живучей: пережила Новый год, 23 Февраля, 8 Марта...

Я загадала: если она дотянет до Пасхи, высажу ее на землю.

Елка дотянула и была высажена на место липы.

Она прижилась.

Росла она невероятно быстро.

Теперь каждый Новый год я ее наряжаю. И когда 31 декабря чуть не полдома выходит во двор встречать Новый год, я рада.

В нашем доме сейчас живут узбеки, чеченцы, памирцы, молдаване, ну и русские, конечно. У всех есть свои праздники, но Новый год — это святое.

...Взрослые пьют шампанское на скамейке.

Дети водят хороводы под елкой, которую зовут «Липалида». Мой муж в костюме Деда Мороза, что называется, «зажигает».

...Думаю, баб-Лида, глядя на нас с того света, радуется, но при этом, обращаясь ко мне, строго спрашивает:

— А коты?

— Нет, — твердо отвечаю я, — коты — это не мое.

Я не могу делать так много добра

ЯБЛОНЯ

Вечный школьный сюжет — беременная десятиклассница.

В нашем классе тоже был такой — забеременела Ленка Абеле (полурусская-полулатышка); училась она средне, но была очень хорошенькая — просто ангел.

Нужно отдать должное позднесоветской школе: никаких унижительных педсоветов и комсомольских собраний по поводу произошедшего инцидента не устраивали, родителей Ленки вызвали в школу только один раз — подписать документ об освобождении от экзаменов и получить аттестат зрелости (половой уж точно).

Одноклассники смотрели на Ленку с интересом, я бы даже сказала — с уважением.

Был только один случай.

После уроков я зашла в класс — оставить на учительском столе сочинение — и увидела Ленку Абеле и Тамару Степановну, нашу классную руководительницу и учительницу русского языка и литературы, разговаривающих тет-а-тет.

Я хотела тут же ретироваться.

Но Тамара Степановна строго сказала:

— Ты ведь у нас комсорг? Останься!

Пришлось остаться.

Разговор был начат до моего прихода, но я поняла, что Тамара Степановна настоятельно советует Ленке сделать аборт.

Сама она была незамужняя и бездетная и считала, что счастье — в труде.

— Ты не смотри, — говорила Тамара Степановна, — что все вокруг такие гуманные: и государство, и школа, и твои собственные родители. Родишь ребенка, будешь матерью-одиночкой, не получишь никакого образования, а значит, профессии — в общем, сломаешь себе жизнь.

— А почему вы думаете, — встряла я, — что Ленка будет матерью-одиночкой?

— Это же классика! — Тамара Степановна встала.

— Вот именно классика, — подхватила я, — вспомните, как в «Станционном смотрителе» Самсон Вырин рисовал себе негативный сценарий...

— Негативный сценарий!.. — хмыкнула Тамара Степановна. — Слов-то каких понахватались...

— Так вот, — продолжала я, — смотритель рисовал себе страшную картину, где его дочь, брошенная Минским, метет улицы, и представлялся до того, что умер с горя. А никакого горя не случилось. Дуня вышла замуж за Минского, родила троих детей и жила в любви и достатке, — я сделала паузу, — другое дело, что ее мучила совесть по поводу отца, но это, как говорится, уже совсем другая сказка...

— Вот именно! — подхватила Тамара Степановна. — Сказка! А у нас жизнь...

— Значит, — ухватилась я за слово, — вы считаете, что литература — это одно, а жизнь — совсем другое?

— Разумеется! — Тамара Степановна резко встала и заходила по классу, на стенах которого висели портреты классиков. — Как сказал Лев Толстой, «писатель — это врун».

«Ну не Лев, а Алексей Николаевич», — подумала я, но промолчала.

— Где ты видела корабли с альными парусами и принцев на белых конях?

— Тамара Степановна, — прервала я, — хочу задать вам очень личный вопрос...

— Пожалуйста!..

— Вы любите литературу?

Тамара Степановна пожала плечами.

— Это моя работа...

...Аборт Ленка Абеле не сделала — в июле она вышла замуж за отца своего будущего ребенка; как раз в этот день у нас был выпускной: никто из одноклассников на свадьбу не попал.

А потом начались вступительные экзамены: все были заняты собой.

Между тем — по слухам — Ленка родила мальчика и уехала с мужем на хутор своего отца.

Жизнь пошла своим чередом: мои одноклассники учились, женились, разводились...

Через десять лет в бесконечной очереди за детскими колготками в «Детском мире» я встретила Ленку Абеле: она приехала в Москву отовариться.

Мы обнялись.

— Ты где? Ты как? — засыпала я ее вопросами и вдруг предложила плюнуть на эти несчастные колготки и посидеть в ЦДРИ.

Так мы и сделали — ушли из «Детского мира», сели в ЦДРИ, заказали бутылку шампанского.

И Ленка рассказала, что у них с мужем своя ферма — молоко, яйца, мясо, — трое детей — все мальчики...

Я пригляделась к Ленке: бывшая просто хорошенькой, в своем хуторе, на молоке и яйцах, после рождения троих детей она просто расцвела...

Мы выпили, и Ленка, покраснев, добавила, что хочет еще девочку.

Одной бутылки шампанского оказалось мало...

...А через две недели меня пригласили в родную школу — Тамара Степановна получила звание заслуженного учителя, и мне поручили написать и прочитать стихотворное поздравление.

Еще никогда (а я написала их не меньше сотни) стихотворное поздравление не давалось мне с таким трудом:

Вы разумное и доброе
в нас посеяли навек.
Дай же Бог житье вам долгое,
наш любимый человек.

Аж самой было стыдно...

Когда торжественная часть закончилась, Тамара Степановна пригласила меня в свой кабинет (я же была ее гордостью, ее педагогической победой).

— Чаю? — радушно предложила Тамара Степановна.

— Лучше коньяку, — ответила я.

Тамара Степановна достала бутылку «Хенесси».

— Тамара Степановна, — спросила я после первой, — а вы помните Ленку Абеле?

Тамара Степановна нахмурилась:

— Это которая забеременела в десятом классе?

— Да.

— Помню...

— Так вот: она вышла замуж, родила троих детей и, по-моему, совершенно счастлива, — я глотнула коньяка. — Чистый «Станционный смотритель». А вы говорили, что жизнь — это реальность, а литература — сказка...

Тамара Степановна закурила прямо в кабинете.

— Я и сейчас так говорю. — Она выпустила колечко дыма. — А твоей Абеле *просто повезло*.

«Просто повезло, — подумала я, — тебе, не любящей детей, не знающей и не понимающей литературу, а между тем ставшей завучем и заслуженным учителем с роскошным кабинетом, нехилой зарплатой, вечными цветами и подарками».

Но вслух я этого, конечно, не сказала: зачем портить человеку праздник?

А с Ленкой после встречи в «Детском мире» мы стали переписываться. Через год она родила дочку.

Кстати, Ленка оставила свою девичью фамилию — Абеле.

Да такую фамилию и менять-то было грех: «Абеле» в переводе с латышского значит «яблоня».

СЛОВО ИЗ ТРЕХ БУКВ

Впервые после школы мы с одноклассниками встретились через двадцать лет: учились, женились, разводились, рожали — до того ль, голубчик, было.

Но вот нам — тридцать семь: образование получено, браки сложились или распались, дети родились и почти выросли — можно и повидаться.

Узнали друг друга не сразу: кто-то потолстел, кто-то польсел, кто-то сменил цвет волос.

В частности, я не сразу узнала кинувшуюся обнимать меня тетеньку, оказавшуюся Танькой Мухиной, которую в начальной школе я «подтягивала» по русскому языку и литературе: худенькая хохотушка, она стала круглой и грустной. Танька была замужем за нашим одноклассником Васей Митенковым.

— Ну как ты? — спросила я.

Танька замялась:

— Понимаешь... вроде все хорошо: муж не пьет, не курит, на футболе с мужиками не зависает, зарплату приносит... Дети у нас — мальчик и девочка... Но как будто чего-то не хватает, временами бывает так тоскливо, что хочется все это сломать и начать какую-то новую интересную жизнь...

Я с тревогой посмотрела на Таньку:

— Ты... это... погоди ломать-то...

Я налила.

— Хочешь, расскажу тебе одну историю?..

— Давай, — равнодушно ответила Танька и залпом выпила свой коньяк.

— Моя мать, — начала я, — познакомилась с моим отцом, когда обоим было по двенадцать лет — Ромео и Джульетта отдыхают. Отец тогда сказал: «Давай докажем все-

му миру, что первая любовь бывает единственной...» В восемнадцать лет они поженились. Мой отец был идеалом мужа: хорошо зарабатывал, помогал по хозяйству, возился со мной... И все равно матери порой чего-то не доставало. Она была близка к мысли о разводе. Но вот однажды, по ее словам, она взяла томик Фета и ушла в другую комнату... Фет компенсировал недостаток романтики и восстановил душевное равновесие. Впоследствии она читала Фета всякий раз, когда чувствовала неудовлетворенность личной жизнью... Читай Фета, — заключила я, — и все наладится...

...В следующий раз мы встретились на двадцатипятилетнем юбилее.

Естественно, первым делом я бросилась к Таньке Мухиной.

— Ну как? — спросила я.

— Да так как-то... — пожала плечами Танька.

— А что не так? — уточнила я.

— Ну вот читаю я, как ты велела: «Люблю грозу в начале мая...», «Я встретил вас — и все былое...», «Еще томлюсь тоской желаний, / Еще стремлюсь к тебе душой...» — и как-то не втыкает...

— Танька! — крикнула я. — Это же Тютчев!..

— Кто? — удивилась Танька.

— Тютчев. А я велела тебе читать Фе-та...

— Ой, — покраснела Танька, — теперь запомню: Фет.

— Да уж, — сказала я, — запомни, пожалуйста: Фет, слово из трех букв...

МОЯ МИЛИЦИЯ

День милиции отмечается в нашей стране 10 ноября, но я отмечаю его 6 июня — вместе с днем рождения Пушкина. И вот почему.

В тот год я окончила десятый класс, впереди были экзамены, но все равно в июне, оторвавшись от учебников, я поехала к памятнику Пушкина.

Это старая московская (и моя лично) традиция: с утра люди приходят к Пушкину с детьми и цветами и — по очереди — читают у постамента свое любимое.

Это никто не организует, но все проходит на высоком уровне.

Чтобы прочитать стихи, нужно занять очередь. Когда очередь дошла до меня, было уже десять часов вечера, но толпа не редела.

Я прочла:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило, —

уступила место новому поклоннику поэта и побежала к метро: завтра был экзамен по математике. От метро нужно было добираться на троллейбусе.

Его долго не было, и я решила пойти пешком.

Перед нашим домом разбит чудесный сквер: сирень, яблони и груши.

Я не шла, а летела!

И вдруг услышала мужской голос с восточным акцентом: «Дэвушка, а можно вас проводить?..»

Я прибавила шагу.

Чернявый молодой человек нагнал меня и, скажем по-лермонтовски, «и ласкал он меня, целовал меня», упорно утаскивая в кусты.

Я пронзительно кричала (мама — дело было в двух шагах от дома — потом вспомнила, что слышала крик, но не узнала мой голос). Отчаянно сопротивлялась: царапалась, кусалась, но чернявый был, конечно, сильнее...

И вдруг, когда мне показалось, что все кончено, появился он — милиционер.

(Потом я узнала, что его зовут Виктор.)

Все сложилось, может быть, иначе, не будь на дворе 1980 год — год Московской Олимпиады. Тогда под каждым кустом сидел милиционер.

Виктор отбил меня у насильника, и мы втроем поехали в местное отделение милиции.

Там зафиксировали мои синяки, кровоподтеки и царапины, вызвали мать — завертелось дело.

На следующий день Виктор на своем мотоцикле отвез меня на экзамен по математике.

Я была в таком состоянии, что, наверное, не смогла бы сложить два и два.

Но Виктор сурово переговорил с администрацией школы: мол, девушка пережила такой стресс...

Лучший математик нашего класса Дима Борсук решил мой вариант, и я тупо переписала его в бланк ответов.

Домой — после четырех часов ожидания — меня отвез тот же Виктор.

На Юсуфа (моего обидчика) завела уголовное дело. Виктор под предлогом то того, то сего, стал позванивать.

Мать, прикрыв трубку телефона, иронично шептала: «Твой дядя Степа...»

А потом был суд. Юсуфа приговорили к трем годам работ на вредном предприятии в Новомосковске.

А я тем временем сдала выпускные и вступительные экзамены и поступила в пед.

Однажды, когда я вернулась с занятий, мать сказала: «Приходил твой дядя Степа...»

Я опешила:

— Зачем? Дело закрыто.

— Просил твоей руки, — ехидно сказала мать.

— А ты?

— А я сказала, что ты с самого детства решаешь все вопросы сама. Тем более такой...

— Мама, — пролепетала я, — ты же знаешь, что я решила ждать Сашку Потапова (футболиста нашей классной команды) из армии. Два года...

— Два года! — воскликнула мама и, как всегда, наехала на меня мировой литературой. — Наташа Ростова не дождалась Андрея Болконского *один* год... — и добавила: — Ты понимаешь, что значит *два* года?

— Подумаешь, — ответила я, не подумав.

Но мать и Лев Толстой оказались правы: через год я вышла замуж за парня, читавшего стихи у памятника Пушкину, а потом проводившего меня домой.

Я согласилась: Олимпиада прошла.

Он был дворником.

Тогда была такая мода: интеллектуальные молодые люди — и физики, и лирики — работали бойлерщиками, сторожами, грузчиками — и дворниками.

Мама страдала: «Сначала футболист, потом милиционер, а теперь дворник. Это деградация!..»

Но я, как всегда, сделала по-своему.

Личная жизнь — в тот раз — не задалась: мы с Пашей через год развелись.

Зато задалась работа.

Я окончила филфак педа и попала в прекрасную школу: старую, с традициями, с замечательным коллективом профессионалов и интеллектуалов. И поняла, что только начинаю постигать азы педагогического ремесла. Точнее, искусства.

Каждый год дети средней школы писали сочинение на тему «Кем я хочу стать».

Многие пяти-шестиклассники еще не определились (это я уже в шесть лет знала, что буду учить детей).

Они спрашивали: «Что бы вы посоветовали написать?»

«Написать, — делала я упор на первом слове, — можно все что угодно. А вот *стать* нужно только милиционером» («полицейским» не могла выговорить).

Трое из моих учеников работают в милиции.

Одного из них зовут Виктор.

СОЛЬВЕЙГ

Первые лыжи появились у меня благодаря смерти отца: отец погиб 28 декабря, хоронили его — всем управлением — тридцатого, а тридцать первого в дверь нашей коммуналки постучал дядька, назвавшийся предпрофкома, и «от имени и по поручению» вручил вдове зимние сапоги, а сироте — лыжи.

И то и другое было как нельзя кстати.

Сосед дядь-Саша лыжи просмолил, приладил крепления, проделал дырки в ботинках — можно было мчаться в новую жизнь — без отца, но с матерью и советской властью образца 1970 года.

1 сентября я пошла в первый класс.

Белый фартук, белые гольфы, белый бант — все как надо. В одной руке я несла букет, за другую меня крепко держала мать, всю дорогу причитавшая, что «так и не увидел тебя папа школьницей». (Отец много кем меня не увидел: студенткой, невестой, матерью.)

Путь до школы, кстати сказать, был неблизкий: километр через поле по дороге, вымощенной — нет, не желтым кирпичом — бетонными плитами.

Войдя в здание школы, мы с матерью поднялись на второй этаж и подошли к классу, рядом с которым стоял стеклянный шкаф со спортивными кубками.

«Видишь эти кубки? — спросила мать и, не дожидаясь ответа, добавила: — Твой класс рядом...»

Больше в школе мать не появилась ни разу — ни на родительских собраниях, ни на праздниках.

В дождь, в снег, в майскую жару я шагала по дороге, вымощенной бетонными плитами, с тяжелым рюкзаком на спине и мешком со сменкой в руке.

На шее у меня, как у наследника Тутти, болтался ключ от квартиры, где никогда не было денег. Но слава богу, советская власть, Бога отменившая, никому не позволяла чувствовать себя бедным и несчастным (или — как я узнала позже — «униженным и оскорбленным»).

А во втором классе в меня влюбился Вовка Булкин, и жить стало лучше — во всяком случае, легче.

Мы ходили в школу и из школы вместе, и Вовка носил мой портфель, а главное — лыжи.

Каждый день — потому что учились мы во вторую смену — Вовка появлялся возле моего дома: поверх своего рюкзака, который был у него на спине, навьючивал мой, на каждое плечо прилаживал по паре лыж. Лыжи напоминали вязанки дров, так и хотелось съехидничать:

— Откуда дровишки?

Но я сдерживалась, к восьми годам прочитавшая все главные книги о любви, я понимала: грех смеяться над чувствами влюбленного.

Так проходила зима.

День рождения — главный праздник детства — у меня тоже зимой.

К нему я всегда тщательно готовилась: придумывала конкурсы, репетировала кукольный спектакль, шила костюмы, рисовала декорации.

У матери были другие заботы: она запекала утку с яблоками и мастерила свой фирменный торт «Поцелуй негра».

...Утром праздничного дня в нашей квартире раздался телефонный звонок.

Мать, лихорадочно вытирая руки о передник, бросилась к телефону.

— Это Вова Булкин, — раздалось в трубке, — поздравляю вас с днем рождения дочери!

Мать машинально взглянула на часы — десять ноль-ноль. Праздник был назначен на тринадцать...

— Вова, — осторожно спросила мать, — а разве ты к нам сегодня не придешь?

— Обязательно приду, — заверил Булкин и добавил: — Но ведь она родилась в десять часов утра...

Мать, за кухонными хлопотами позабывшая о часе рождения своей дочери, расплакалась.

Этот звонок она вспоминала потом всю жизнь:

— Мужчина (Вовке было восемь с половиной, как у Феллини), помнящий не только день, но час рождения своей любимой женщины (женщине было девять, как Беатриче), несомненно достоин ее руки...

— И как ты себе это представляешь, — усмехалась я, — выйду я за Вовку и буду Булкина?..

— Что значит имя? — пускала мать в ход тяжелую артиллерию из Всемирки. — Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет...

— А булка пахнет булкой! — парировала я и забиралась в кресло с очередной книжкой.

И замуж вышла не я, а мама. Точнее, «мама вышла замуж» — так назывался не только советский фильм, но и сюжет моей личной жизни.

Из поселка, где до школы нужно было ходить целый километр, мы переехали в Москву, где школа была через дорогу.

Казалось, проблема с лыжами решена навсегда, но... никогда не говори «навсегда».

Через год мать развелась (все вокруг недоумевали: блестящая партия, муж — крупный партийный работник, большая квартира, машина, дача, зарубежные командировки...).

И только я одна знала почему: отчим был занудой.

Я ненавидела его так, что мать испугалась. «Девочка, тем более тринадцатилетний подросток, может сломать себе психику», — сказала она — и развелась.

Я до сих пор, с одной стороны, испытываю чувство глубочайшей вины перед матерью: сломала ей личную жизнь, а с другой — бесконечную благодарность: во времена тотального дефицита, получавшая маленькую зарплату инженера и крошечную пенсию по утрате кормильца, она отказалась от материальных благ, более того — от статуса замужней женщины (а ведь в то время считалось, что «одинокая женщина — это неприлично») ради того, чтобы ее Кюку (от «кукла») не сломали, как Суок, а была она живой девочкой: пионеркой, спортсменкой, красавицей...

Из большой квартиры на Маяковке мы переехали в более чем скромную двушку в спальном районе.

Школа здесь была даже не через дорогу, а во дворе.

Но у меня с ней не сложилось — и я вернулась на Маяковку.

Два года — девятый и десятый классы — я ездила в школу через весь город, это было покруче дороги, вымощенной бетонными плитами.

Опять замаячила проблема лыж: теперь их нужно было даже не носить — возить.

В это время в школу вернулся учитель физики Лев Семенович: он два года стажировался в Англии в качестве преподавателя физики на английском (у нас он вел физику и английский — отдельно).

Когда он уезжал (я тогда только пришла в эту школу), мне было пятнадцать — гадкий утенок, а когда вернулся — семнадцать...

«Какая ты стала!..» — выпалил Лев Семенович на первом же уроке — при всем классе.

(Обычно в кино — советском — ученик влюбляется в учительницу, классический пример — «Весна на Заречной улице». У нас было, как в постсоветском: учитель влюбился в ученицу, кстати, фильм «Географ» появится только через тридцать лет и три года.)

Теперь два раза в неделю Лев Семенович на своем белом автомобиле (я различаю машины только по цвету) останавливался возле нашего дома, сажал меня на переднее сиденье, а между нами, как меч из «Тристана и Изольды», укладывал мои лыжи.

А после уроков — в таком же порядке — вез нас обратно.

Школа стояла на ухах. Но директор Марь-Иванна, учитель домоводства, на одном из педсоветов назвала это «шефской помощью девочке из неполной семьи» — и сплетни прекратились.

Третьи лыжи подарил мне мой первый мужчина Паша Мишин (или Миша Пашин?).

На мой восемнадцатый день рождения он появился на пороге все той же квартиры в спальном районе — с лыжами, совершенно готовыми к употреблению: просмоленными, продырявленными в нужных местах, и с парой ботинок.

— Поехали! — скомандовал Паша (или Миша).

— А ты? — спросила я.

Паша (или Миша) махнул рукой...

И мы поехали.

То есть поехала я, а он побежал следом — проваливаясь в сугробы, отрясая снег, падая и вставая — юный, влюбленный, счастливый...

В глубине парка мы устроили привал. Я сняла лыжи. Паша (или Миша) развел костер, расстелил на снегу свою куртку — и произошло то, что прозаически называют первой брачной ночью, но у нас получилось поэтически: потому что стоял белый день, а до брака не дошло.

В кино в этом месте обычно появляются высокопарные титры: «Прошли годы...»

Но в жизни годы обычно проходят быстро и незаметно.

Лев Семенович — эрудит, джентльмен, аристократ — спился.

Будь он географом, я бы сказала: «Географ глобус пропил». Но он был физиком на английском, и, наверное, пропил томик Шекспира, который всегда лежал на его столе — и на английском, и на физике...

Пашу Мишина (кажется, его звали именно так) убили в драке.

О Вовке Булкине я не знаю ничего.

Но часто вижу один и тот же сон.

Я стою возле своего дома и жду его появления: нам нужно идти в школу.

Он вот-вот должен появиться — с ранцем на спине и лыжами на плече.

Но он не появляется.

Часов — узнать время — у меня нет. Мобильного телефона — выяснить, что случилось — тоже.

И я принимаю единственно верное решение: забрасываю на спину ранец, прикрепляю ботинки к лыжам — и бегу ему навстречу...

Вера ЗУБАРЕВА

ИСПОВЕДЬ ПИСАТЕЛЯ

* * *

Гуляют ветра.
Отдаленные звуки зимы
Бомбят нашу улицу,
Наше жилище, где мы
Едва задремали —
И вновь сотрясается мрак.
Там книга на полке,
И время над нею — тик-так.
Скорее, над нами,
Над нею не каплет оно.
Над нею — другое...
А нам — только это окно.
За ним — то, что слышишь,
Что думаешь. Это — твое.
А книга, а книга...
Давно не листали ее.
Хоть так себе рифма,
Но это уже ни к чему,
Когда все уходит под зиму,
Под лед и во тьму,
И пишет ненастье
последнюю эту главу...
И будет лишь книга,
Лишь книга держать на плаву.

Вера Кимовна Зубарева — доктор филологических наук Пенсильванского университета. Автор книг поэзии, прозы и литературной критики. Пишет и публикуется на русском и английском языках. Первый сборник стихотворений вышел с предисловием Беллы Ахмадулиной. Лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной (2012), Муниципальной премии им. Константина Паустовского (2010) и других престижных литературных премий. Публиковалась в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Знамя», «Нева», «Новый мир» и др. Главный редактор журнала «Гостиния», президент проекта «Русское безрубежье».

* * *

Моя писательская жизнь...
Моя писательская жизнь...
Да так, мелькает что-то где-то,
Но без ответа, без привета.
Ау, читатель!
— Отвяжись!

Я, может, замолю грехи,
Но лучше отпусти стихи.
Они всегда приходят ночью,
Набравшись там бог весть чего,
И этим уж одним порочны,
Как пьянство или ведовство.
А пить украдкой, в одиночку,
К чему, сам знаешь, приведет...
Сижу, тяну за строчкой строчку,
Потом в одну уставлюсь точку,
Что Достоевский идиот.

Всю ночь такая пантомима.
И не одну при этом ночь.
Бежит читатель с рифмой «мимо»
И в направлении рифмы «прочь».
Не он центральная фигура.
Не он, конечно же, не он,
Но вот он здесь. Впустила сдуру.
И это только увертюра
К страстям в сражение за Тулон...

* * *

Стихи никогда не приходят одни.
За ними грядут окаянные дни,
И темные ночи
Бессонниц, и прочее.
Стихи никогда не приходят одни.

Они лишь предвестники, Слова гонцы.
Их пишет прозревший. Читают слепцы.
И с древней страницы
Идут вереницей
Истертыми буквами их праотцы.

И ширится поле неведомых сил,
Рождая мерцалку небесных светил,

И мчатся ордою
С огнем и бедою
Слова, что никто никого не простил.

И ежатся прежние добрые дни,
И ежится город, что полон родни,
И море, и храм, как заглавная буква.
И ждут первых строчек, и знают как будто —
Стихи никогда не приходят одни.

* * *

Ночь. Опять стоим на вахте.
Звезд не видно. Мир впотьмах.
А бывало, сна не хватит,
Чтоб хоть как-то сосчитать их —
Так велик небес размах.
От небес — одни обрывки
Облаков, дырявых сплошь.
Краток сон, как на побывке,
И глаза от бденья пытки
Чуть сомкнешь — вмиг разомкнешь.
Что ты думаешь об этом?
Днем картина не ясна.
И в пространстве беспросветном
Отплываем за ответом
И глядим в бинокль сна.
И сгущаются сомненья,
Набирая виражи,
Будто пишет откровенья
Где-то там, за гранью зренья,
Кто-то на краю души.

* * *

В огонь, во тьму — все в одиночку.
А как иначе мир спасти?
Как за соломинку, за строчку
Хватаешься, зажав в горсти
Все будущее, что сокрыто,
Чтоб вызревали до поры
Его несметная палитра,
Его безбрежные миры.
В твоей горсти — его обитель,
В его обители — твой свет.
Ночь. Стол. Спасатель и Спаситель,
И сброшенной строки завет...

* * *

Сидеть у моря, ждать погоды...
Погоды нет — одни невзгоды.
Повсюду отключили свет.
Во тьме дома и переходы...
И только полны светом воды.
Уж полночь близится (уроды!),
А электричества все нет...
Что в том сиянье звездном пользы
В жестокий век жестокой прозы,
В век прагматических страстей,
Где фараоновы угрозы,
Зависимость и передозы?
Но море зажигает звезды.
И нужно быть. И ждать вестей.

* * *

А ночью дождь — печальный рыцарь —
Был в карауле за окном,
И проплывали чьи-то лица,
И кораблей шли вереницы
И уверяли — это снится.
Но вряд ли это было сном.

Конечно, не было. Скорее,
Всю ночь смотрела из окна,
Как жизнь качается на рее,
И все быстрее и быстрее,
И выпита почти до дна,

Как предков движется лавина.
Не различить — их тьмы и тьмы.
И кажется, что все едины —
Из тех же дум, из той же глины,
С виною той же без повинной...
И приглядеться — те же мы.

И мы идем, себя не помня,
И месим глины древний пласт,
Что на ладони на Господней,
Где бесконечное сегодня
Неспешно лепится из нас

Сказанием ветхозаветным,
Когда земле не до того
Под небом сумрачно-ракетным,

Таким ответно-безответным,
Таким нечитаным, бесследным,
Где все и вся и — никого...

* * *

Ну шепни мне что-то в утешенье,
Что-то, что себе я говорю
Всякий раз, когда звездой вечерней
Гасит кто-то в облаке зарю.

Ну шепни мне что-то, что я знаю,
Как корабль, что знает свой причал,
Допиши мелодию трамваю,
Зачеркни, что будит по ночам.

Что ни ночь — страдания Иова.
Что ни день — отвергнутый Завет.
Все мы вышли из того же Слова.
Ну шепни, что это Слово — «Свет»...

* * *

Какие приходят — за те и спасибо.
Не мне диктовать им, какой сделать выбор,
К кому приходиться, и зачем, и когда.
Есть лучше меня. Я вообще на отшибе.
Жила без фанфар и уйду без следа.

Придут, и внимаю их каждому слову,
Сама удивляясь такому улову.
И жаль их в душе — пропадут ведь зазря.
Нашли б себе лучше кого-то другого.
В моей глухомани лишь папки сырья.

Никто не прочтет их, уйдут в жерло бездны.
А так — может, стали бы даже известны,
И, может быть, знали бы их наизусть.
Но видно, не это в мой дом бесполезный
Влечет их. Ну что ж! Коль желают — то пусть.

Они и приходят. То все, то по строчке,
В течение дня, на заре, среди ночи...
Галдят и зовут меня с разных сторон,
Как будто бы это не я, а Чуковский
И дом мой — не дом, а большой телефон.

Ну что с ними делать! Плевать на усталость,
Коль им это нужно, а мне это в радость.
Придут, перепутают мой черновик...
«Как мало осталось, как много осталось», —
Иной раз подумаешь, глядя на них.

Но с этими мыслями справиться легче,
Пока не умолкли их гомон и речи,
Пока не сидишь сам с собой в тишине,
Гадая — что, утро уже? Или вечер?
И так целый день проживаешь вчерне.

А им хоть бы что! На дворе уже осень.
И слякоть в тетради. Ну где же их носит?
Гадает на сне ворожея-кровать,
И снится, как будто пришли они в гости
В какое-то дивное-дивное после,
В уже навсегда чистовую тетрадь...

МОНОЛОГ ТЕТРАДИ

Вспоминайте меня светло,
Так, как будто вмиг рассвело
После темной тяжелой ночи,
Где гнездятся лишь боль и зло.
Я свой срок отблуждала во мгле,
А теперь вот лежу на столе,
Потому что мой путь окончен
И страницы мои на нуле.

Завтра в ящик положат меня,
Погребут среди бела дня
Меж таких же усопших бумажек,
Где вся прочая наша родня.
Ну а если откроют на миг,
То увидят сплошной черновик,
Беспросветный, как жизнь без поблажек,
С вечной плесенью снов-закавык.

Скажет добрая чья-то душа:
«Хорошо, что она ушла!
Пусть с огрызком карандаша
Там себе и покоится с миром!»
И уйду я в их тарарам,
Но в надежде тайной, что там
Отголоском пиковых драм
Пронесутся Пушкин с Шекспиром.

Александр КУРАПЦЕВ

ЧЕРТОВО КОЛЕСО

Рассказы

НАДЕЖДА

В детстве одним из любимых моих слов было слово кум. Точного значения его я не знал, но предполагал, что значит оно — лучший друг моего отца. В то, что на свете бывают еще какие-то кумовья, я не верил, а папиного друга с названием «кум» видел неоднократно. Особенно мне нравилось, что у отца так же, как и у меня в садике, есть настоящий друг. Поэтому когда мне довелось впервые услышать по радио в исполнении Анны Герман песню «Надежда», песня сразу стала моей любимой. Ведь исполнительница пела про папиного друга. То есть на самом деле пела она: «Надежда — мой компас земной, удача — награда за сме-е-лость», а мне слышалось: «Надежда — мой кум подземной...» и далее по тексту. Я знал, что друг папы работает шахтером, то есть все совпадало, кум подземной — это точно про него. Почему кума в песне называют Надеждой, когда имя он носил совсем другое, я не понимал и думал, что здесь имеется в виду какая-то абстрактная надежда. Шахтер — специальность опасная, поэтому каждый подземный рабочий надеется, что с ним не случится ничего плохого. И всякий раз, когда звучала песня, меня переполняло чувство гордости за папиного друга, ведь о нем поет такая знаменитая певица, и, стало быть, вся огромная страна теперь знает о папином куме подземном.

НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

В поселке Кирово Тудыркинского района прохода не было от ирокезов, делаваров и прочих персонажей Фенимора Купера. Я знал: товарищ Киров был одним из великих вождей, поэтому взял себе индейское имя Товарищ Киров, а соседи звали просто Сережка Чингачгук.

Охотились Товарищ Киров и Сережка Чингачгук на бледнолицых девочек, чтобы снимать с них скальпы или хотя бы бантики. Но бледнолицые девочки не желали, чтобы на них охотились, и предложили нам заключить перемирие. Для этого нужно было зарыть топор войны. Папа Чингачгука работал на шахте забойщиком, и у него был свой шахтерский инструмент: топор и ножовка. Но когда папа стал собираться

Александр Курапцев родился в 1981 году в Донбассе, с 2014 года проживает в Санкт-Петербурге. Пишет стихи, песни, рассказы, выступает как автор-исполнитель. Член Межрегионального Союза писателей (Донецкое отделение). Участник ЛИТО «Пиитер». Один из авторов коллективного сборника о войне в Донбассе «Строки мужества и боли» (2015), участник съезда Международного сообщества писательских союзов в составе делегации поэтов Донбасса (Москва, 2015), XXXII Конференции молодых литераторов Северо-Запада (2016), сборника гражданской поэзии «Донецкий кряж» (2021) и антологии «Великий Блокпост» (2022).

на работу, топор войны пришлось откопать. И тогда волей-неволей нам пришлось готовиться к боевым действиям.

Я нашел кривую гнутую палку и, привязав к ней резинку от старых трусов, смастерил лук. Вместо стрел взял тоненькие палочки. А вот Сережка Чингачгук подошел к вопросу серьезнее. Он долго и тщательно выбирал ровную ветку в кленовых зарослях, аккуратно срезал ее ножом и один конец заострил. Получилось настоящее индейское копье. Чтобы удобнее было держать копье, Сережка обмотал его синей изолентой. Вооружившись таким образом, мы пошли на соседнюю улицу, где обычно паслись стада бледнолицых девочек. Девочки играли на поляне в дочки-матери. Мы подкрались к ним в кустах, одновременно прокричали индейский боевой клич «уйа!» и дали залп по неприятелю.

Моя стрела пролетела всего пару метров и упала в траву — тогда я решил послить ней натянуть лук, но тут тетива не выдержала и соскочила с древка. Мое самодельное оружие оказалось бесполезным, чего нельзя сказать о копье Сережки Чингачгука. Однако после нашего боевого клича бледнолицые девочки бросились врассыпную, и копье, никого из них не задев, улетело в стайку гусей, пасшихся позади. Гуси тоже бросились врассыпную и загоготали. Все, кроме одного. Несчастный лежал на земле и бил крыльями, дергая пробитой насквозь шейей. Сережка сначала растерялся и не знал, радоваться ему или огорчаться. Но тут я закричал:

— Уйа! Чингачгук завалил бизона!

И тогда Сережка обрадовался и тоже заорал:

— Уйа! Я завалил гусена!

— Так это ты?! — завопила внезапно возникшая в наших кустах старая бешеная скво. Она обычно паслась рядом со своими гусями на маленьком детском стульчике и дремала. Но мы своими восторженными воплями ее разбудили. Судя по тому, как ловко старая бешеная скво схватила Сережку за уши и принялась таскать, я понял, что она принадлежит к племени, отрывающему уши соседским мальчикам для того, чтобы потом обменивать их на огненную воду, зеркальца и бусы в стране безухих.

Второго копья мы не имели, поэтому я быстро починил свой лук и бросился в погоню за бледнолицыми девочками. Сережка — он, конечно, Чингачгук феноменальный, но договора охотиться на старых бешеных скво между нами не было.

ФРЕДИДРАКУЛА

Мой старший брат жил у бабушки, и когда мне было семь, я иногда ночевал у нее. Вечером, дождавшись брата с дискотеки, я начинал канючить: «Расскажи ужастик, ну расскажи ужастик». Он сначала отнекивался, а потом сдавался и начинал пересказывать содержание фильма, который смотрел в видеосалоне. Фильм был про спящего вампира со странным загадочным именем Фредидракула. Этот вампир приходил к своим жертвам во сне. Те, у кого он выпивал кровь во сне, умирали взаправду, и через три дня сами становились спящими вампирами и приходили во сне к своим родственникам. Глаза у Фредидракулы светились синеватым блеском, точно так, как фонари около кладбища за нашим окном. Зубы у него клацали цок-цок, цок-цок, точно так же, как клацает большая стрелка бабушкиных старинных настенных часов. Ходил вампир совершенно бесшумно, потому что почти не касался ногами земли, и только собаки могли его услышать. Да и они на самом деле его не слышали, а чувствовали и начинали жалобно поскуливать. Фредидракула тихо-тихо подкрадывался

к спящим, и только золотая цепь на шее позвякивала дзынь-дилинь, точно так, как позвякивает цепь у нашей собаки, скулящей под окном.

Особенно Фредидракула любил пить кровь у первоклашек из средней образовательной школы первой-третьей ступеней № 10. Я тоже был первоклашкой из 10-й школы, и мне становилось по-настоящему страшно. Но я знал, что фильм нужно дослушать до конца, потому что в конце концов злодеи всегда бывают побеждены. Но только не Фредидракула. Когда вампира убивали, внутри у него оказывался живой киборг-убийца, и кошмар начинался сызнова.

После этой истории я всю ночь косился на фонари за окном, прислушивался к тиканью стрелок, к скулящей и явно что-то чувствующей собаке, поджимал ноги, чтобы меня не тянул за лодыжку кровожадный бесшумный Фредидракула. Под утро я просился к бабушке на кровать, резонно полагая, что у бабушки крови больше, чем у худосочного первоклашки. И между нами двумя, если бы я был вампиром, я бы точно выбрал бабушку. Тем более что я лежал около стены, а она — с краю. Брата я во внимание не брал, мне казалось, он сам немного вампир, если знает такие жуткие истории.

Лежа рядом с бабушкой, я наконец спокойно засыпал. С ней было не страшно, ведь бабушка в детстве пережила войну и не боялась во сне даже Фредидракулу. Она не боялась во сне никого, кроме сельского предателя-полицая, который когда-то избил ее, одиннадцатилетнюю, до кровавой мочи, застав за сбором гнилой свеклы на брошенном колхозном поле. Маленькая бабушка собирала остатки урожая, чтобы накормить мать, младших братьев и сестер и самой не умереть от голода. Взрослые ходить на поле боялись, а детей немцы, стоявшие в их селе, не трогали.

В то утро, когда бабушки не стало, я не мог сидеть дома и слушать причитания матери и пошел на репетицию в ДК, где несколько часов подряд орал в сломанный фонарный микрофон, стараясь ни о чем не думать: «Мама — анархия, папа — стакан портвейна! Мама — анархия, папа — стакан портвейна!» Пацанам из нашей рок-группы я про смерть бабушки ничего не сказал. А вечером долго сидел на лавочке у чужого подъезда, не решаясь идти домой. Затем ко мне подошла большая белая бродячая собака с умными человеческими глазами и уткнулась теплой мордой в колени. Мне захотелось прижаться к ней и все ей рассказать, как близкому человеку. Казалось, эта псина поймет меня, как никто другой. Собака грустно улыбнулась, лизнула мне руку, а потом медленно отвернулась и, помахивая белым пушистым хвостом, ушла в туман бесшумно, как Фредидракула.

ЧЕРТОВО КОЛЕСО

В конце 80-х в нашем поселковом парке установили аттракционы: разноцветные лошадки, гонявшие по кругу, лодочки, взмывающие к небу, железную дорогу с почти настоящим поездом. Парк облагородили: заасфальтировали дорожки, вдоль них поставили удобные лавочки, построили из бревен большущий терем — настоящие боярские хоромы, где продавались мороженое и напитки. Для мелюзги смастерили избушку на курьих ножках и крепость из природного камня с зубчатой башенкой и мостом. В парке появились фонари и репродукторы, из которых лилась музыка, а по периметру встали деревянные исполины с дубинами в руках. Казалось, будто попал не в советский парк, а в сказку или, по крайней мере, в один из миров Кира Булычева. Все вокруг ходили улыбающиеся и нарядные.

Над парком и пятиэтажными домами вокруг него возвышалось громадное колесо обозрения — любимый аттракцион мелкой детворы и школьников постарше. Из ка-

бинки, когда она находилась наверху, можно было рассмотреть почти весь поселок и часть города с терриконами и новостройками, а также было видно другое колесо обозрения, находившееся в городском центральном парке в десяти километрах от поселка.

Мы все полюбили наш новый старый парк, ходили туда гулять с родителями и сами по себе. Раньше, если в карманах заводилась мелочь (выклянчивали у взрослых или сдавали пустые бутылки из-под сидро), мы покупали мороженое, а теперь тратили свои богатства на аттракционы. Кто бы мог подумать, что совсем скоро весь этот праздник, как дым, сдует ветром времени...

Эта история произошла, когда мне было двенадцать лет. Парк из места культурного отдыха уже успел превратиться в зону отчуждения, будто был крепко заколдован каким-то зловредным чародеем. Днем по привычке мы ходили туда покурить и поматюгаться в кустах, здесь же выясняли отношения на кулаках под одобрителный свист болельщиков. Иногда в парке проводились уроки физкультуры: школьники сдавали кросс, нарезая круги по дорожкам. Вечером парк оккупировали наркоманы. Все эти бревенчатые строения оказались для них кстати: можно было втихаря зависнуть в боярских хоромах или накуриться до одури в избушке на курьих ножках. В темноте на лавочках сидели в засаде гопники, попивая пиво и высматривая какого-нибудь пассажира, неосмотрительно идущего домой с остановки через парк. Гопники так и обращались к нему: «Эй, пассажир, не найдется закурить?» Если пассажир был догадлив и хорошо бегал, он мог попасть домой запыхавшимся, но целым и невредимым, в противном случае его могли обнаружить поутру в кустах с проломленным черепом или с колотыми ножевыми ранениями.

Еще по тем же дорожкам парка выходил на охоту поселковый онанист Вася. Он высматривал молоденьких женщин и, выбрав себе подругу по вкусу, шел за ней следом, выставив на всеобщее обозрение то, что обычно выставлять не принято. Женщина шла себе по своим женским делам и даже не догадывалась, что в данный момент активно участвует в половом акте. Когда же Вася, приблизившись, принимался постанывать, женщина оборачивалась и начинала кричать. Вася тоже начинал кричать, и они бросались в разные стороны. Оба довольные: женщина — потому что удалось спастись от страшного маньяка, Вася — по другим причинам физиологического характера. Встречались у нас и настоящие маньяки, но они, как правило, на людях вели себя куда скромнее. Короче говоря, парк стал местом темной силы, дремавшей до поры.

Все наши детские радости — качели-карусели — новые власти предприимчиво разобрали и увезли на металлолом. Одно только чертово колесо возвышалось над проклятым парком, будто призрак коммунизма. Пульт управления колесом и тормозной механизм раскурочили и продали, но саму гигантскую махину уничтожить еще не сподобились. И она, не сдерживаемая ничем и влекомая порывами ветра, с металлическим скрежетом крутилась то в одну сторону, то в другую, поднимая и опуская кабинки на несколько метров. Ребята постарше быстро догадались, что если колесу помочь, подталкивая кабинки, то оно совершит полный оборот и даже много полных оборотов — столько, на сколько хватит сил и желания. Так для чертова колеса началась посмертная жизнь.

Днем после уроков у аттракциона стали собираться школьники со всего поселка. Кто-то толкал кабинки, кто-то катался, потом менялись местами. Без электричества, на силе воображения и детском энтузиазме, колесо крутилось гораздо быстрее, чем в прежние времена, когда оно было живо. Пацаны иногда так быстро разгоняли кабинки, что выпрыгнуть при приближении к земле становилось страшно, да и не все успевали это сделать — еще долго носились на бешеной скорости с зажмуренными глазами.

ми то вверх, то вниз, изо всех сил вжимаясь в желтое пластмассовое кресло. Катались до тех пор, пока ребята внизу не устанут толкать машину и не ослабнет сила инерции.

Конечно, не обходилось и без несчастных случаев. Колесу требовалось оправдывать свое название, и оно периодически роняло кого-нибудь на асфальт. Смертельных случаев я не припомню, а руки и ноги ломались с завидным постоянством. Мы сами вращали колесо, перемалывающее нас. И не было ничего интересней и привлекательней: будто мы оседлали время и гоним его галопом в смутное и неизведанное. Чтобы зашифроваться и скрыть свои намерения, при взрослых мы говорили друг другу: «Пойдем к черту». Взрослые, конечно, ни черта не понимали, и мы преспокойно шли в известном направлении.

Обычно игры с колесом длились до вечера, ибо с темнотой, как уже было сказано, в парке пробуждались темные силы: то тут, то там в шелестящих кустах начинали мелькать огоньки, раздавались хохот, вопли, звон разбитых бутылок, из окна избышки на курьих ножках тянуло сладковатым дымом. Лица у деревянных истуканов делались свирепыми: казалось, что они всюду провожают тебя недобрым взглядом, куда бы ты ни пошел.

Взрослым, которым приходилось работать не покладая рук, выкручиваться, чтобы прокормить семью, до нас и нашего колеса дела не было. Только иногда, после очередного несчастного случая, приходили родители пострадавшего и привязывали колесо веревкой или цепью, словно пытаясь заковать время. Но какая цепь его удержит? Металл в той кислотно-щелочной среде таял прямо на глазах, а о веревке и говорить нечего. На следующий день мы опять крутили колесо, а колесо крутило нас.

Однажды я задержался: уроки не успел сделать на завтра. Только раскрыл учебник, как во дворе скрипнула калитка, и в окно постучали. Мама пошла открывать и позвала меня: «Сына!»

Во дворе стояли мать, отец и дядя моего друга и одноклассника Дюхи. Вид у них был озабоченный.

— Саш, не знаешь, куда Андрюшка подевался? — спросила Дюхина мама. — Ушел с приятелем днем, и до сих пор нет его, почти десять вечера...

— Где эта шелупонь шлендрает? — недовольно добавил Дюхин отец. — Слышал, они о каком-то черте брехали. В сатанисты, что ли, записались? Так я ему выпишу, неделю не сядет.

Я сразу понял, о чем речь:

— Это просто игра такая! Они, наверное, в парке аттракционов тусуют. Мама, можно я тоже пойду Андрея искать? Я, кажись, знаю, где он.

Дюхина мама просительно посмотрела на мою, и та нехотя меня отпустила:

— Только домой его приведите обратно, а то поздно уже.

В такое темное время мне в парке бывать еще не доводилось. Оставив за спиной жилой квартал, мы перешли асфальтированный Рубикон и вторглись на враждебную территорию. Мужики были не из робкого десятка: крепкие, жилистые, широкоплечие. Оба включили шахтные фонари-коногонки, у одного за пояс был заткнут топорик забойщика с короткой ручкой, у другого — молоток. Дюхина мама тоже включила фонарик, правда, маленький, карманный. На груди у нее болтался свисток. Стройная, подтянутая, она преподавала в школе физкультуру и сейчас тоже была одета в светло-серую спортивную форму. Мне даже на миг показалось, что мы идем в парк сдавать кросс.

Поначалу тропинка привела нас к обветшавшей танцплощадке под закругленной крышей. Контурами своими она походила на раскрытую пасть огромного змея. Вдруг из пасти выскочило несколько фигур, замелькали красные точки сигаретных огоньков. Кто-то спросил гнусавым голосом:

— Земеля, мелочи не найдется, нам на поллитру не хватает?

Приблизившись и разглядев обладателей фонариков и топорика, «земеля» оторопело попятился назад:

— Все, понял, на нет и суда нет.

Обогнув площадку, мы оказались у двух истуканов, на головах у которых покоилась деревянная узорчатая крыша с коньком. Услыхав сверху шорох, Дюхин отец направил на крышу яркий луч фонаря: на коньке устроился какой-то хмырь.

— В глаза не свети, гад! — закричал хмырь, прикрывая руками физиономию. А потом, уронив обрезок арматуры, с воплем грохнулся в кусты. Дюхина мама вскрикнула. Мужики бросились к месту падения хмыря, но того уже и след простыл. Я подобрал железную палку, встал между мужчинами, и мы двинулись дальше. Дюхина мама шла позади нас. Возле избушки Бабы Яги все погасили фонари и стали прислушиваться. Из окна доносился гомон нетрезвых голосов. Кто-то мычал заунывный мотив под гитару. Вдруг из кустов позади нас вынырнули два парня, поправляя на ходу штаны. Один из них схватил за руку маму Андрея.

— А шо это за краля тут у нас? — призывно поинтересовался он. На что Дюхина мама ловко перехватила его руку, развернулась и швырнула парня через себя обратно в кусты. Второго ударом кулака положил Дюхин дядя — передовик-забойщик шахты имени Ворошилова. На шум из избушки стали выскакивать и падать от ударов и тычков, как бумажные игрушки, все новые и новые супостаты. Ума не приложу, как они могли в таком количестве там поместиться. Я держал арматуру двумя руками и заматывался, боясь подойти поближе к свалке.

Мама Андрея засвистела в свисток, и мужики, как по команде, зажгли фонари. Папа Андрея заорал:

— Всем оставаться на своих местах!

А дядя гаркнул:

— Окружай, уходят!

Драка моментально прекратилась. Кто-то заверещал:

— Шухер! Менты! Облава!

Раздались треск веток, стон гитары и бешеный топот ног, будто стадо оленей спасается от пожара. Через несколько мгновений возле нас не осталось ни одной живой души. Заглянув в избушку, мы там никого не нашли. Окурки, шприцы, пустые бутылки да труп раздавленной гитары: видно, кто-то наступил на нее по запарке.

Так, словно в квесте, минуя препятствия, мы добрались до колеса. Нас встретили пустые кабинки и металлическое поскрипывание, напоминающее смех робота. Мама Андрея позвала его, и вдруг откуда-то сверху послышался слабый, писклявый голос:

— Мама, я здесь! Наверху! Спусти меня, ма-а-а! — и следом неразборчивые всхлипывания.

Дюхина мать схватилась за сердце и заметалась с причитаниями.

Я объяснил мужикам, как мы катаемся на колесе. Вместе мы раскатали нижнюю кабинку, колесо вздрогнуло и ожило. Медленно, с неохотой, черт возвращал нам Дюху. Каково же было наше удивление, когда, повернув колесо, мы обнаружили, что Дюха находился не внутри кабинки, а снаружи: он лежал, раскинув руки, на желтой пластиковой крыше, вцепившись в ее рифленые края. Когда его сняли, он расплакался, как маленький.

Назад мы добрались без приключений. Видно, слух о милицейской облаве быстро разлетелся в настороженном воздухе парка. За чаем Дюха рассказал, что произошло. К черту его позвал дружан из параллельного класса. Там собралось уже много разных ребят, знакомых и не очень. Однако сами они не катались, а катали Хромого Аб-

река, приклатненного пацана из другого района. Тот выделывался, как мог. Забрался на верх кабинки, когда колесо закрутилось, и стал перепрыгивать с крыши на крышу прямо на лету. Кабинки на некоторое время приходят в такое положение, что сделать это нетрудно, но нужно иметь крепкие нервы или быть совершенно безбашенным, чтобы сигать над пропастью. Вдоволь наскакавшись, Абрек объявил:

— Эй, салабоны! Того, кто сможет прыгнуть так же, как я, буду катать целый час! Кто тут не ссыкло?

Связываться с Абреком никто не захотел, и ребята нехотя побрели по домам. Андрею же было обидно сдаваться, ведь он только что пришел. Он полез на крышу и собирался уже прыгнуть, как в последний момент ноги его словно одеревенели. Тогда Абрек затолкал его кабинку на самый верх, еще и друга его заставил себе помочь, пригрозив, что если тот откажется или кому расскажет — узнает, чем пахнут здоровенные кулаки.

— Ты не мужик! Сиди у черта на рогах, трус! — крикнул Абрек на прощание и ушел вместе с его товарищем. Так Дюха и пролежал на крыше до самой ночи, боясь пошевелиться. Спасти его было некому. Вечером люди со здравым рассудком обходили парк десятой дорогой, а у наркоманов и гопников помощи он попросить побоялся.

С тех пор я катался на колесе обозрения много раз: в Донецке, Харькове, Мариуполе, Москве, Петербурге, в Сочи и Севастополе. Все эти колеса стояли посреди современных благополучных парков, утопающих в зелени и веселом смехе детворы. Но каждый раз, когда я смотрел вниз, мне то и дело мерещились пацанчики в синей школьной форме, изо всех сил упирающиеся и толкающие нижнюю кабинку, чтобы чертовое колесо времени не вздумало остановиться и замереть, уступая силе трения и нечистой силе...

ОВРАГ

Был жаркий июньский полдень. Мы с Сантосом и Преусом гуляли в районе старой заброшенной шахты на окраине поселка. Шахтный двор с хозпостройками давным-давно снесли, ствол и запасные ходы замуровали под землю. Только два сросшихся, как сиамские близнецы, конусообразных серо-бурых террикона напоминали о том, что когда-то здесь горбатились горняки. И в поселке все еще ходили слухи: то корова провалится в степи возле бывшей шахты под землю и пропадет, то пастух в старый шурф угодит. Но мы в эти рассказы не верили и бродили в надежде отыскать какой-нибудь незасыпанный вход и полазать там.

Моя бабушка жила по соседству с Сантосом и бабушкой Преуса, и мы часто играли втроем, особенно летом. Мне и Сантосу было по тринадцать, а Преусу одиннадцать лет. Преус, несмотря на то, что был младше, ставил себя с нами на равных. Он, помимо нашей компании, водил дружбу с приклатненными пацанами — ухажерами его старшей непутевой сестры, которые пили водку, матерились через слово и вызывали у меня и у Сантоса отвращение. Особенно неприятен был Карташ, нынешний бойфренд Преусихи. Наглый жестокий чувак с хриплым прокуренным голосом, гнувший пальцы веером и плюющийся через слово. У Преуса, кроме сестры, были с этой компанией еще какие-то дела, о которых он упоминал вскользь, давая понять, какой он серьезный пацан.

...Так вот, бродили мы возле терриконов, бродили, а потом вздумали забраться наверх, чтобы осмотреть окрестность с высоты. Авось и дыру в земле разглядим.

Подняться наверх для нас не составило особого труда, несмотря на то что уклон был довольно большим, и порода под ногами то и дело осыпалась — ведь мы уже были опытными лазальщиками по терриконам. Преодолев половину пути до вершины, мы с Сантосом заметили, что Преус отстал. Оглянувшись, мы увидели, что он болтает вниз с невесть откуда взявшимися тремя блатными дружками, среди которых был Карташ. Они, видимо, тоже искали вход под землю, а может, уже и нашли и теперь решили отвадить непрошенных гостей. Из-под земли можно было вытащить много железной всякой всячины, которая оставалась там гнить после закрытия шахты. Пункты приема металла в те дни выросли повсюду, как грибы.

Мы остановились, наблюдая за мирной беседой Преуса. Внезапно беседа перестала быть мирной. Карташ схватил Преуса за шиворот и, ухмыляясь, начал отпущать ему оплеухи. Тот закричал, прикрывая голову руками. Мы с Сантосом не хотели связываться с блатарями, но и смотреть на хладнокровное избиение нашего кента не могли. И, не сговариваясь, стали швырять небольшие куски породы вниз на головы супостатам, рискуя угодить и в Преуса. Блатари, не ожидая такой подлянки сверху, с проклятиями в адрес охреневших малолеток бросились в сторону и нырнули в глубокую промоину — словно в морщину на лбу великана, — образованную дождями и водой от тающего весной снега. Вести по ним прицельный огонь мы уже не могли, зато Преус с низкого старта рванул к нам наверх — и через пару минут мы все вместе хохотали над обращенными в бегство врагами, которые только и могут, что втроем бить одного малолетку. Мы кричали им сверху всякие обидные слова, не стесняясь в выражениях, приглашали на дуэль камнями:

— Выходите, трусливые гондоны! Мы сверху, а вы снизу — посмотрим, кто кого!

Но трусливые гондоны не выходили. Они как-то подозрительно не подавали признаков жизни из растреклятой морщины. Мы с Преусом все еще продолжали веселиться и орать благим матом, а Сантос тем временем поднялся наверх. Вдруг лицо его побледнело, он попросил нас заткнуться и поманил к себе. Тут мы обнаружили, что трусливые гондоны не отсиживаются в промоине, а тихонько поднимаются вдоль нее прямо к нам. Их почти не было видно, только иногда мелькала чья-нибудь макушка и тут же скрывалась из виду да катился вниз камень, неосторожно задетый ногой. Блатари, судя по всему, хотели незаметно подняться к месту, где два террикона соприкасаются между собой, а потом в обход забраться к нам в тыл и атаковать. В общем, это им почти удалось, и если бы Сантос случайно не заметил их маневра, нам пришлось бы туго. Недолго думая, мы поскакали горными козлами вниз, стараясь не шуметь. Когда враги наши оказались на вершине конуса, мы уже бежали через поле, покрытое высокой сухой травой, в сторону лесопосадки, тыча в сторону фигурок, мелькавших на вершине террикона «факи», и показывая, где пришиты рукава рубашки.

Посадку от поля отделял земляной вал. Мы перемахнули через него и, мокрые от пота и летней жары, завалились на траву, хохоча и ликуя, что снова провели старших придурков. Сантос рисовал в лицах, как они, должно быть, обалдели, когда внезапно выскочили наверх, а нас и след простыл. Потом мы притихли, разомлели, смотрели в небо на причудливые барашки облаков, которых гнал и гнал в сторону Донца сухой ветер.

Тут меня настигла малая нужда, я лениво поднялся и пошел в ближайшие кусты. Только я справился со своим нехитрым делом, как вдруг услышал приглушенные голоса с другой стороны вала. Наши преследователи стояли метрах в десяти и пытались определить, в каком месте мы перешли земляную насыпь. Я обомлел, сердце бешено заколотилось. Стараясь не шуметь, я метнулся к валяющимся на траве Сантосу и Преусу, и шепотом заорал: «Гондоны здесь!»

Мы рванули в лес, не разбирая дороги, будто три оленя, уходящих от волков. Сзади послышались крики, хруст ломающихся веток. Сантос бежал впереди, а мы с Преусом, подгоняемые стадным инстинктом, следовали за ним. Не знаю, как долго мы бежали, пока, порядком выбившись из сил, не выбрали к широкому, темному оврагу, который тянулся поперек леса. Склоны оврага поросли кустарником и низкими кривыми деревьями. Мы с друзьями нашли тропинку и спустились вниз. Там было прохладно и сыро. К тому же и погода начала портиться: небо затянула большая темно-синяя туча. По дну оврага тек узкий неглубокий ручей. Вода казалась черной, как нефть, и небо в ней отражалось черное. Мы пошли вдоль ручья; вскоре овраг сделал изгиб, и, выйдя из-за поворота, мы заметили, что впереди прямо в ручье лежит какая-то светлая тряпка.

Преус подбежал к тряпке и вдруг заматерился. Подойдя ближе, мы увидели мертвую женщину. Она лежала лицом вниз, волосы темные, голова в воде, руки раскинуты в стороны. Светлое платье намокло, задрано выше колен, показывая полные голые ноги. Цвет кожи уже начал отдавать желтизной. Правая нога лежала прямо, левая была чуть подогнута. Казалось, будто женщина танцует, лежа лицом в ручье. Мы не стали долго ее рассматривать: позади в овраге послышались шум и плеск воды — то ли порывом ветра бросило в ручей сухую ветку, то ли кто-то двигался в нашу сторону. Сантос, перепрыгнув через ручей, побежал по тропинке наверх на другую сторону оврага, и мы с Преусом кинулись следом. Поднявшись сквозь перелесок, мы увидели несколько дворов с хатами и сараюшками, огороженных ветхим забором. Сантос вошел в один из дворов, отодвинув в сторону калитку, которая не висела на навесах, а просто была приставлена к пустому проему забора. Подойдя к древнему деревянному домику, Преус принялся стучать в двери, а Сантос в окно. Окошко распахнулось, из него выглянула сухая сморщенная старуха в синем цветастом платке и молча уставилась на нас.

— Бабушка, там, в овраге, женщина мертвая лежит, надо в милицию позвонить! — закричал Преус.

— Нехай мерці ховають, — ответила старуха, глядя куда-то сквозь нас.

Мы с Сантосом переглянулись.

— Бабушка, вы нас не поняли. В овраге женщина неживая, может, ее убили, нужно милицию вызвать.

— Прийшли три вуя, ходять та й ходять! Працювати треба! Грошей даси, мати! А робити хто буде? Яка я тобі мати, померти та й не встати. Пенсію усім кортить, а працювати — ні в чорта лисого. Із труни вийшов мрець, та й скавчить, хай тобі грець. Мамко, мамко, а я не мамка, не мамкай! Не мамкай! Ху-ху-ху!

Бабка брызгая слюной и расходилась все больше. Глаза у нее загорелись, как угольки, и она замахала на нас кулаками.

— Бабушка, успокойтесь, — попытался было увещевать безумную Сантос.

— Зара. Зара. Зара. Зара приїде Великий Вуй і всіх у свою шухляду покладе. Зара. Зара, — продолжала бесноваться бабка.

Вдруг раздалась страшные, дикие крики со стороны оврага — мне показалось, что я услышал хриплый голос Карташа. Тут же сверкнула молния, разломив почерневшее небо на две неравные части, и раздался оглушительный грохот, заложивший мне оба уха. Хлынул ливень, бабка принялась истерически хохотать, показывая на нас пальцем:

— Ось вони! Ось вони! Ось вони!

И мы в приступе необъяснимого страха бросились бежать в противоположную сторону от оврага — по проселочной дороге, которая тянулась от хуторка куда-то в степь. Вымокнув до нитки, мы через некоторое время добрались до трассы,

где нас подобрал попутный шахтный грузовик, возивший породу на новый террикон за город. Так на грузовике и доехали до нашей остановки. Водитель все удивлялся, как далеко нас черти занесли в эдакую непогоду. Мы отбрехали, сказав, что по биологии дали задание на лето нарвать и засушить всяких полевых растений.

Шофер поинтересовался:

— Где же ваши растения?

— Так ведь дождь все намочил, вот и выбросили, — ответил находчивый Преус.

— Ну-ну, — недоверчиво хмыкнул водитель.

Мы с Сантосом и Преусом договорились никому не рассказывать о нашем приключении и мертвой женщине. На следующий день Преус поведал нам, что Карташ с друзьями пропали неизвестно куда, мол, сестра волнуется. А еще через два дня всех троих нашли в заброшенном шурфе, неподалеку от сросшихся терриконов: вроде как газом задохнулись металлоискатели. В местной газете о них даже статью написали, а шурф запечатали и засыпали.

СЕСТРА МАМА

Когда умер мой отец и распался СССР, а проклятые капиталисты освободили нас из социалистического рабства, чтобы продать в рабство капиталистическое, мою маму охмурили пятидесятники.

Была зима, я долго гулял на терриконе шахты имени товарища Хряченко, продуваемый всеми ветрами, и подхватил свинку. У меня поднялась температура, лицо мое стало похоже на футбольный мяч, было больно глотать и дышалось тяжело и печально, язык стал зеленым и заплетающимся. Поселковая врачиха сказала, что я все равно рано или поздно вырасту и превращусь в свинью, потому что все мужчины свиньи. Так что лучше бы мне воспользоваться удачным стечением обстоятельств — спокойно помереть и стать ангелом. Мамин младший брат стал ангелом в три года, поэтому мама решила, что одного херувима с нее достаточно, и привела домой пятидесятников. Они пели псалмы из брошюр, молились, стоя на коленях, возлагали на меня руки и обещали Царствие Небесное вместо Коммунизма Всечеловеческого. И по слову пастора Миклухи, свинья из меня вышла.

И спросила свинья голосом соседки, что жила за стеной и любила подслушивать и сплетничать: «Куда же мне войти?», ибо закон сохранения энергии действует даже на свиней, а свято место пусто не бывает. И разрешил ей брат Миклуха вселиться в вегетарианские котлеты «Веджибергер», которые братья и сестры принесли нам в рамках гуманитарной миссии. И вселилась свинья в котлеты вегетарианские, и захрюкали они и стали на вкус мясными. И сделался я братом Сыном, а мама стала мне сестрой Мамой.

Мы стали ходить на религиозные собрания, петь, молиться и возлагать руки. Пятидесятники подкормили нас гуманитарной едой, придели гуманитарной одежкой и положили в наши головы гуманитарные мысли. Так из математика я постепенно стал гуманитарием. Считал только до пятидесяти, рифмовал «грешник-скворешник» и «небеса-колбаса» и с нетерпением ждал, когда же закончится проповедь и все усядутся за один религиозный стол. Халявным обедом адептов кормили после воскресной службы, так что раз в неделю можно было наесться от пуза.

В одно из первых наших посещений молитвенного дома меня обступили пятидесятнические пацаны. Было видно, что грешникам со стороны они не сильно рады.

— Ты чей? — спросил самый здоровенный из них, надвигаясь на меня, как туча на город Ершалаим.

— Мамин, — ответил я, застигнутый врасплох вопросом, а другого ответа у меня для них не было.

— А мама чья? — спросила туча, совсем уже нависнув над Ершалаимом.

— Моя, — ответил я быстро. Ведь мама и правда была моей, хоть она мне теперь и сестра.

Пока пятидесятнический пацан распутывал хитросплетения нашего генеалогического древа, я по наитию воскликнул:

— Аллилуйя!

Все тут же упали на колени и закричали хором:

— Аллилуйя!

После этого все вопросы ко мне отпали, и я стал заправским пятидесятническим пацаном.

Вел службу обычно брат Миклуха; ему помогали несколько пятидесятников, уже успевшие принять Святого Духа в тела свои, который вещал через них то ангельским наречием, то всеми земными диалектами сразу.

Первое время мне становилось жутко, когда в какофонии общей молитвы адепты бормотали что-то неразборчивое, а входя в экстаз, несли откровенную тарбарщину. Это Дух Святой вселялся в них и начинал играть языками, паря над семантической бездной, как в первый день творения. Сами верующие утверждали, что иностранцы, присутствуя на молитвах, разбирали родные слова и свидетельствовали о чуде. И правда, это было похоже на чудо, когда бывший комсомольский секретарь, рожденный и выросший в Донецке, начинал молиться на языке древнего племени мачапунга или же и вовсе на украинском.

Брат Миклуха умел также насыщать одним батонем всю паству, исцелять больных и воскрешать мертвых. Некоторые адепты умирали по несколько раз за год, но паства во главе с братом Миклухой дружно молилась, и мертвецы возвращались. Когда я попросил брата Миклуху воскресить моего отца, он ответил, что пятидесятники — агнцы Божьи, а шахтеры работают в Преисподней, потому такой запрос надо отправлять сатане или хотя бы генеральному директору угольного объединения.

Спустя несколько лет брат Миклуха с семьей поехал на повышение квалификации в Германию. Там он сделался Bruder Michail, а семья его die Familie, и они стали еще ближе к Святому Духу и к гуманитарной помощи, потому решили остаться. Вместо себя Bruder Michail поставил братанчика Кузю. Кузю обратили в истинную веру на зоне, где он сидел, осужденный несправедным мирским законом. Благодаря покровительству Церкви ему удалось освободиться досрочно и обнаружить у себя недюжинный талант проповедника.

— Братаны и сеструхи, — проповедовал братанчик Кузя, — в натуре, в натуре базу, аллилуйя!

— Аллилуйя! — дружно отзывалась паства.

Наступало время всеобщей молитвы, и адепты, одержимые Духом Святым, начинали молиться по фене, которой совсем не ведали, но ведал Дух.

Громче всех молился, причитал и всхлипывал братанчик Кузя.

— Гадом буду-у, Господи-и! Гадом твои-им... — вопил он, обливаясь слезами. И всех наполняло благодатью и страхом Господним. И плакала, стоя на коленях перед Господом и братанчиком Кузей, сестра Мама моя. Плакала обо всех голодных, униженных и оскорбленных, обо всех стоящих в очереди за хлебом, на квартиру и на воскрешение, и о детях своих плакала, и о родителях.

Но однажды в воскресенье по дороге в молитвенный дом сестру Маму встретили братья, приодетые словно манекены в нашем универмаге: в костюмах, галстучках и с дипломатами в руках. Они рассказали ей, что Царство Божие на земле строит вовсе не Германия, а Америка Северная. И нет чудес на свете, пророчеств и воскрешений, а есть только бездна, в тебя смотрящая, и башня сторожевая.

— И ежели прочтешь тысячу и один журнал, который мы дадим тебе, то опустятся тебе грехи, не отходя от дивана, и получишь ты бланк на выдачу угольной нормы от шахты имени товарища Бождарчука.

И подарили сестре Маме журнал с картинками, где Иисус улыбался, как Мел Гибсон, и одаривал негрят с китайчатами «Баунти».

Поскольку зима приближалась, сестра Мама перестала ходить к пятидесятникам, а начала принимать у себя свидетелей Иеговы¹. Вскоре у нас в сарае сложились горы угля, а дома — башни журнальных цветных картинок. Так что можно было не беспокоиться о том, чем растопить печь. К тому времени все запасы старых советских газет давно были сожжены, а на новые у нас не хватало денег и пролетарской ненависти.

Всю зиму носили нам сектанты журналы. А потом поймали наших свидетелей харизматы залетные и загнипнотизировали их в баптистов да в субботников.

А мама моя с молитв и поклонов переключилась на «Санта-Барбару», обрела благодать всесериальную и перестала быть мне сестрой.

---

¹ Решением Верховного суда РФ деятельность религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России» и его региональных отделений признана экстремистской и запрещена на территории России.

УЗНИК

Рассказ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Ты меня не знаешь, но я тебя знаю. Не бойся, я не психопат. Скажи, зачем ты занимаешься литературой? Литература — зло. Ты пребываешь во грехе, но спасешься.

Я буду с тобой откровенен.

Все началось еще в детстве. С тех пор как я научился читать, книга стала моим лучшим другом, надежной опорой. Эта безусловная любовь или, быть может, — тягчайшая зависимость — сыграла со мною злую шутку. Реальность как таковая не имела для меня никакого значения. Все, что находилось за пределами печатных страниц, казалось настолько посредственным, что я с отвращением отворачивался и возвращался в придуманные кем-то миры.

Рос я, надо сказать, среди скандалов и взаимных обид взрослых. И потому до сих пор не переносу криков, громких звуков и всего, что может нагло врезаться в мою жизнь. Библиотека стала мне вторым домом, где можно укрыться от всех и вся.

Время шло, я замыкался в себе еще глубже, до тех пор, пока наконец не оказался там, где никогда не должен был быть. Наверное, ты догадалась где...

Ты знаешь, на самом деле я ни о чем не жалею. Мне нравится эта жизнь. Мне нравится, что я могу окунуться в придуманный мир, раствориться в нем, стать его частью. И нет того средства, что могло бы изгнать эту способность.

Вот так.

Для меня было важно написать тебе это письмо, Танзиля.

— Ульяна, не отвлекаю?

— Нет.

— Я получила странное сообщение. Пишет какой-то неизвестный тип.

— Где?

— В тг. Можешь прочитать?

— Давай.

— «Вложение».

— Да, странное письмо.

Танзиля Фаритовна Искандарова живет в Санкт-Петербурге. Состоит в Мастерской драматургов при Санкт-Петербургском отделении Союза театральных деятелей. Ее произведения входили в шорт и лонг-листы Всероссийской премии им. А. Левитова, Всероссийского литературного конкурса «По тропам башкирского фэнтези», Всероссийского фестиваля «Как хорошо уметь писать», Всероссийского литературного конкурса «Место, где я живу». Имеются публикации в периодических изданиях.

- Как ты думаешь, кто это может быть?
- Да кто его знает... Слушай, может, это псих какой-то.. Заблокируй его и не отвечай.
- Я хочу узнать, кто он.
- Будь с ним осторожнее.
- Хорошо.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Здравствуй, Танзиля.

Говорят, многие не помнят, что творят в минуты своих отчаяний. А вот я, как мне кажется, помню (а что есть реальность, ты знаешь?).

Это случилось ночью. Луна тогда казалась огромной и красной. Из-за нее я отвлекался, выныривал из написанных кем-то историй — луна притягивала непонятым тревожным светом. Я не мог не обращать на него внимания. Буквы расплывались, и я сам будто бы тоже расплывался. Мне казалось, я исчезаю. И тут я понял, что все это — обман. Кто-то отвлекает меня, а сам крадется, ползет, чтобы я не услышал. Но я-то слышу, я чувствую! И был прав! Нечто развернуло меня от окна, опрокинуло на лопатки и навалилось всей тяжестью. Оно сдавливало, царапало, мучило! Мне бы дотронуться, скинуть с себя это внезапное зло, но нет — не могу — тело будто предало меня! Не повернуться, не закричать. Стало ясно, черная нежить — кошка, что является в ночи ко всем неспящим, заметила и меня! Осознав это, я услышал ее дыхание, увидел ее круглые горящие глаза. Она, зная свое дело, молча впивалась когтями в мою грудную клетку. Я задыхался. Дикий страх охватил меня! О, зачем, я позарился на эту алую луну! Зачем сорвал огненный цветок! «Завещание, — зашипела она, — у тебя нет завещания! Ты не успел его составить! Кому достанутся все твои книги?» Рыдание, самое отчаянное, которое может родиться из несправедливости, вырвалось в ответ. А кошки, как ты знаешь, боятся воды, особенно соленой.

Я проклял ту ночь, а после — впервые оказался на больничной койке. Мне было пятнадцать.

Сейчас, вспоминая тот случай, я засомневался в том, что видел и чувствовал тогда. Быть может, я просто утонул в чьих-то книжных страданиях?

А ты что думаешь насчет этого?

- Ну что, Танзиля, заблокировала своего психа?
- Нет.
- Почему?
- Это хороший материал для литературы.
- Осторожно со своей литературой!
- У тебя тоже работа опасная, каждый раз неизвестно, кто такси закажет.
- Мои пассажиры мне не пишут.
- Я все время думаю, откуда он меня знает...

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Я тут задумался над важным вопросом. Скажи, а как смеяться и не привлекать к себе внимания? Такое возможно? Как спрятать улыбку от всех? Спрячь улыбку, иначе упекут!

Меня смущает, что кто-то замечает мою радость, даже самую незначительную. А ты, тебя это не смущает? Я знаю, они обязательно попробуют отнять любую мою радость! А я не хочу делиться ею. Ни с кем, даже с близкими.

Учительница по литературе говорила, что мне нужно писать сказки. Но я уже тогда понимал, что все это не мое. Я что, дурачок, чтобы сказки писать?! Нет! Никаких сочинительств! Одна правда. Но и ей не всегда стоит верить. Иногда я пишу, находясь внутри себя, а там, знаешь ли, все по-другому!

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

В последнее время я ничего о тебе не слышу. Прячешься? Понимаю, я тоже прячусь. На самом деле в этом нет ничего плохого. Лучше бы никто никогда ни о ком не знал. Никто никогда никого не видел. Может, на свете было бы больше счастливых людей?

Иногда, в последнее время крайне редко (очень жаль), у меня вырастают крылья.

Когда это случилось впервые, я рассказал о своем открытии единственному человеку, последнему, кому доверял — матери. И что ты думаешь? Да, правильно — она упекла меня в больницу.

Я страдал. С тех пор я точно знаю: радость, особенно случайно обнаруженная, должна быть спрятана, скрыта от всех, как талисман или реликвия.

И вот я летаю или, точнее, путешествую со страницы на страницу, но теперь молча, пряча улыбку (иначе сама знаешь что...), из одного мира в другой. Только тогда я счастлив. Но украдкой, чтобы не видел никто. Отчего тогда рассказываю? Не знаю. Мне кажется, что сейчас терять уже нечего. Я налетался.

Танзиля, прошу, не обижайся, но твои детские сказки — несерьезно. И вообще, любые сочинения — это несерьезно. Уж поверь мне, я их столько перечитал! Неужели ты настолько проста?!

Я знаю, что мы с тобой особенные. Ведь не зря именно у меня иногда вырастают крылья (почему не всегда?). Я обрел их, когда перестал читать.

Признаюсь, я презираю писателей. Они испортили мне жизнь (понимаешь?!). Если бы я только знал, как это опасно, я бы никогда не взял в руки книгу! Почему нет никаких предупреждений, что писатели — наши враги. Из-за них теряется связь со всякой реальностью.

Танзиля, прочти внимательно, что я пишу, и пойми — я никакой не сочинитель. Я пишу лишь правду.

Однажды я видел слонов.

Слоны

Слоны передвигались украдкой, чтобы их никто не заметил. Солнце обжигало. Очень хотелось пить. Слоны шли днем и ночью, безмолвные, как пустыня. Дикие, хитрые твари, что преследовали их, чуюли только запах. Твари злились, но не могли ничего поделывать, ведь слоны — невидимы.

Каждому слону сердце его служило компасом, указывающим путь. И путь этот — долгий, изнуряющий. «Вот если бы у нас были крылья», — думали слоны. Но нет, им не дано иметь крылья. В прошлом они растоптали свои мечты и потому были наказаны. Отныне слоны, ведомые вечной жаждой, безропотно продолжали идти. Гонимые и неприкаянные. Таково проклятие.

Вожак стаи Осман знал, что ведет в никуда доверившихся ему слонов. Но боялся признаться в этом даже самому себе.

— Куда ведешь ты нас? — спрашивали Османа другие слоны.

В ответ — суровая тишина. Лишь ветер смеялся над ними и осыпал их песком.

«Лучше бы мы стали видимыми, лучше бы нас съели», — думал вожак. Но нет. В этом и есть наказание — слиться с пейзажем. Неприметность. Что может быть хуже? Ничего.

«Если однажды у нас вновь вырастут крылья, мы исправимся, — думал вожак, — мы начнем мечтать. Нас заметят голодные твари, они съедят нас, и души наши вознесутся над знойным, душающим миром. Мы больше никогда не узнаем, что такое жажда».

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Танзиля, скажи честно, ты считаешь меня ненормальным? А что такое вообще «нормальность»? Кто поставил рамки? Почему они так сомнительны? Нормальность — понятие шаткое. Ты так не считаешь?

Что ж, сочувствую тебе и всем, кто не согласен со мной.

Вся моя жизнь — один сплошной обман. Выдумка. Иногда мне кажется, что я никогда не вылечусь. Если так, то пусть лучше вырастут крылья до самого неба, и я обрету свободу.

Слова сковывают, но письма эти — единственный голос, который сейчас есть у меня.

Танзиля, я хочу предупредить, ты должна знать. Мир этот так устроен, что стоит кому-то приоткрыться (заметь, не открыться, об этом и думать не следует), как тут же — требуют! Пойми, обнищавшие воображением голодари охочи до чужих выдумок! Поэтому прошу: не делай из моих писем литературу! Во-первых, это несерьезно. Во-вторых, от тебя потом не отстанут!

Душу свою лучше закопай поглубже, нигде не публикуйся, а если что-то и пишешь, то никому не показывай. Может, тогда душу твою оставят в покое. Рано или поздно о ней забудут. А если забудут, значит, и не было ее никогда. Никому не подвластно уничтожить то, чего нет. Стало быть, это несуществующее — бесконечно, а значит, вечно.

Ты выиграешь.

Скажи, знаешь ли ты притчу о Ловце ветров?

Ловец ветров

Ловец ветров нигде никогда не был. Но ему казалось, что он — житель одинокой пустыни. В ней никто никогда, кроме него, не жил.

Каждую ночь Ловец сидел под звездами и ждал — когда ветер объявится. Но тот не объявлялся. Ветер знал, что его могут поймать, и потому всегда прятался. Он ждал, когда Ловец уснет. Тогда он осторожно, бесшумно пролетал над пустыней, передвигал барханы с места на место, пересыпал песок и делал пустыню неузнаваемой. Пейзаж утренний разительно отличался от пейзажа вечернего, что был накануне.

Ловец ветров сокрушался, как же он не услышал такую бурю.

Да. Ветер хитер и опасен. Ловец вновь, причитая, брался наводить порядок. «Каждой песчинке — свое место», — говорил он. И так целый день.

Но ночь неизбежно наступала, и Ловец ветров, как ни старался, засыпал. Ветер (вор и разбойник!) возвращался и снова разбрасывал драгоценные песчинки, унося самые ценные с собой в другую страну.

Жители той другой страны дивились золотой россыпи, доселе ими не виданной, и задавались безответным вопросом: «Так где же это заветное место? Как узнать к нему путь?»

Ветер не слышал их, он мчался к своему Ловцу, чтобы быть когда-то пойманным.

— Ульяна, у тебя есть какой-нибудь знакомый, кто взламывает страницы?

— Все-таки достал тебя твой псих?

- Странное ощущение. Когда я пишу, мне кажется, что кто-то стоит у меня за спиной.
- Это из-за писем?
- Думаю, да.
- Так не читай их.
- Я хочу узнать, кто мне их пишет.
- Может, кто из знакомых писателей тебя разыгрывает?
- Не знаю, все возможно.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Танзиля, в прошлом письме я попытался что-нибудь придумать, сочинить, удивить тебя. Но не смог. Я еще раз убедился в своих неспособностях — в неумении сочинять. Это против моей природы. Выдумывать, оказывается, много сложнее, чем писать правду.

«О, бездарное времяпровождение, откуда ты свалилось на меня! Зачем?!» — вот о чем я думал, когда пытался хоть что-то сочинить.

Это неблагоприятное, никчемное занятие выматывает. Зачем ты до сих пор занимаешься этим?

И эта кошка... она вновь ко мне приходила...

Я — весь в царапинах, весь в каких-то изъянах.

Но речь не об этом. Раз уж я не могу придумывать, я напишу очередную правду о себе. Есть у меня один знакомый, который всюду ходит за мной по пятам. Он и одежду мою носит (без спроса!). Злоупотребляет тем, что я не могу от него отказать, ведь иначе совсем один останусь. А мне все-таки тоже хочется, чтобы кто-то рядом был, хоть и в моем шмотье. Пусть. Зато не уйдет. И кошка эта его боится...

А я боюсь, что ты все еще веришь в литературу.

Я не умею сочинять истории, но я многое видел, когда летал. Однажды я увидел сухопутный корабль.

Безвестность

Сухопутный корабль прошел не одну пустыню и не две, а великое множество. Денно и ночью он покорял зыбучие пески, стремясь уйти в безвестность. Но не знал, что дорога туда навсегда сокрыта.

Капитан корабля, некий Обреченный, беспрестанно изучал карту неба, и каждый раз, когда ему казалось, что заветный путь найден, он вновь терял дорогу. Команда корабля роптала на горе-капитана, что увлек их когда-то мечтою. Все злились. Невдомек им было, что именно поэтому безвестность ускользала из виду. Злоуманной пеленою застилало взоры ищущих.

— Безумцы, — шептала безвестность им по ночам, — зачем тревожитесь вы напрасну? Никогда не ищите меня. Придет время, и вы утонете в моих песках.

Наутро все сказанное растворялось в палящих жгучих лучах. Никто так и не понял, что нужно покинуть корабль.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

В последнее время мне тесно. Дышать как-то тяжело. Все сдавливает. Внутри меня, а точнее — в голове разрастается нечто, и это нечто требует большего пространства, оно говорит со мной.

- Скажи, ветер, куда уносишь меня?
- В другую страну.
- А разве она существует, другая страна?
- Да.
- А какая она?
- Скоро, совсем скоро ты увидишь ее сам.
- А кто живет там?
- Мечты.
- Сбывшиеся, надеюсь?
- Сбывшиеся? Нет. В той стране живут другие мечты.
- Недостигаемые.
- Недостигаемые? Стало быть, они настоящие?
- Да, самые настоящие.
- Значит, и мне предстоит стать чьей-то мечтою? Так ли это, ветер?
- Ты уже стал ею, лишь поэтому мы летим туда.
- Для кого же я недостижим?
- Для всех тех, кто нормальный.
- Нормальные? Не знаю таких. А крылья, будут ли у меня крылья?
- Разве ты не чувствуешь, как они растут у тебя?
- Я чувствую боль.
- Она нужна, чтобы подняться над землей.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Танзиля, скажи, то, что я пишу, это литература? Мне страшно об этом думать. Я не хочу плодить зло.

Я же писал тебе раньше, какая опасность таится в книгах. Ты становишься беспомощным. Ты — узник чужого воображения. Сначала прячешься в книгах, как в некоем прибежище от всякого зла, а потом они поглощают твоё сознание. И никто, никто не может оттуда выбраться.

Но мне повезло. Я вырвался из плена.

Моя мечта сбылась.

Я ждал, долго ждал. Но я понял, что во всякой мечте присутствует печаль. Мечта знает, что она не всегда может исполниться. Ровно так же, как и слеза, которая должна была пролиться, но так и не пролилась.

Скажи, ты когда-нибудь думала об этом?

— Не могла до тебя дозвониться. Сегодня подвозила одного странного типа. Представляешь, он назвал меня Танзилей, а потом очень испугался.

— Что?! А как он выглядел?

— У него безумные глаза. Перезвони. Я боюсь за тебя.

Светлана КРЮКОВА

НИЧЕГО ЛИШНЕГО

* * *

Любить ближнего, и ничего
личного...
Ничего лишнего.

* * *

Ни облачка
на нарисованной картине,
солнце и чистое небо.
Навсегда...
Припадая на правую ногу,
подволакивая левую, плетется бездомный,
бездонное его одиночество
следом волочится.

* * *

Железная, как дорога, вера...
Из неверующих в верующие,
из Фомы в Павла, из Павла в Савла!
Господи, как тебя найти, я подумаю
на обратном пути.

* * *

Что за зима! ни снега, ни мороза,
ни ослепляющего солнца в вышине...
Эта дорога куда-то ведет:
налево, направо, затем в обход —
но мне бы туда, где беснуется Черное море.

Светлана Крюкова — поэт, эссеист. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор стихотворных книг «Интерактивное небо» (2018), «Это неОбо мне» (2023), «Под небом Древней Греции» (2023). Стихотворения, эссе публиковались в различных журналах, альманахах.

* * *

Не нарушая тишины падающего снега,
говорю с небом...

* * *

Господь дает сил ровно на один день,
ровно на один час, ровно
на сейчас.

* * *

...Огонь остановился у этого камня...
Истукан каменный со следами пламени,
в выжженной глубине твари крылатые!
Не каждый мог сюда войти, вхожу в полутьме
в выветренный до основания зал.

* * *

Где много солнца и мало воды, глубока
синева неба...

* * *

Меняет цвет от золотого к зеленому море —
бьющееся, бьющееся, бьющееся о
скалы...
Вот только все это не то, мазки ложатся,
но
не там — неуловимое промелькнуло
и сошло в безмолвие.

* * *

Тлеющее кострище,
тепеющий в руке камень.
Поэзия витает в огне
лепестками...
Поэзия витает вовне,
поэзия витает во мне,
я — пространство времени.

* * *

Листва становится шелестом...
Листья шелестят в слове,
будто это сам Бог рассыпал пазл, а мне
его собирать.

* * *

Выпавшее столетие...

* * *

Махаон на кипарисовой ветке,
свежесрезанные розы
на дубовом столе...
Сбиваются люди в стаи, и мы устали —
говорим с тобой — вроде бы о любви,
на самом деле о боли.

* * *

Настоящее
не станет прошедшим...

* * *

Когда я уходила на войну, светило солнце,
птицы пели — солнце заслоняли трели,
когда я уходила на войну...
Деревья пали, выворочены корни,
над полями мертвая тишина — не последняя
закончилась война.

* * *

Из двух солнц сегодня выберу
солнце,
садящееся за гору.

* * *

Ночное сентябрьское небо: живое — с изъязном.
Сегодня ты не в настроении, Черное море.

Как понимаю я тебя, черное море!
Не убавляя холодных нот, волны ложатся
у моих ног...

* * *

Взлетаешь, но крылья уже не те — крылья
раскрываются на высоте!

* * *

...Сегодня
собираю камни,
завтра — разбрасываю...

* * *

Плющ плетется по серым камням,
считаю по дням оставшееся время...
Плачущего в ночи не слышит Бог!
На что надеешься? Он и себе помочь
не мог.

* * *

Из камня и воздуха сложен мир...
Где сегодня собираю камни, вчера
извергались вулканы.

* * *

Вспышка угасающего солнца,
прикосновение холодных халцедонов.
С неистовым постоянством ветер рвет
околоземное пространство.
Пенные гребни волн прорываются
через горизонт — между мирами, между морями
вспроницающее время.

Александра МЕДВЕДКИНА

МЕТОД КОРЧАКА

Рассказы

ПЛАНЕТА

В детстве на меня, бывало, находил страх, что меня не заберут вечером из сада, как забирают всех, — забудут! Не раз случалось, что одного за другим ребят из группы уводили мамы, родители приходили поодиночке или вдвоем — редкость для 90-х, — и друзей по игре, как мышей, «выщипывали» с участка. Жутко, когда забирают одного за другим, а за тобой никто не идет. Только что ты бежал за кем-то, чтобы отобрать ведерко, отобранное у тебя, и вот оглядываешься, а друга нет, озираешься по сторонам и видишь уже далеко-далеко на асфальтовой аллее его фигурку: идет, подпрыгивает рядом с мамой. Темнеет, уходят нянечки, натягивая кофты и летние плащи, а твоей мамы все нет.

Детский сад, в который я ходила, был далеко от дома, за трехэтажным универсамом «Рубин», похожим на серый кубик Рубика. Иногда, когда мы с мамой возвращались домой, проходили мимо «Рубина» и всегда перед входом встречали какое-нибудь великолепие. С лотков продавали ледяной разноцветный сок в узких пакетах-сосисках, журналы с Микки, Гуффи и волшебными пони, на раскладных столах рядами, как морковь или кинзу, выкладывали кукол. Барби тогда только появились, рынки распухли от китайских подделок, и у «Рубина» я наслаждалась подделочными редкостями: «мусорное волшебство». Хорошо помню чемоданчик с куклой ростом в мамин указательный палец: в чемодане у куклы были спальня, шкаф с нарядами. Платья были коричневые и оранжевые, так что кукла походила на бабочку-крапивницу. Я захотела ее страшно, но попросить даже мысли не было, мне казалось, куколкин чемодан стоит, как автомобиль.

В общем, в день, когда случилось чудо, то ли мусорное, то ли нет, мама долго не приходила; ожидание опаздывающих родителей было еще и страшно унижительным. Все уходят, а ты нет. Что с тобой не так? И это не один раз, это часто! И все же не настолько часто, чтобы ты освоился с этим. Никогда не знаешь, каждый вечер — лотерея.

В тот день тех, кто задержался после шести — а воспитательница говорила нам, сколько времени, когда мы спрашивали, — перевели на другой участок, передали другому воспитателю. А когда осталось человек пять — было уже без двадцати семь, в семь сад закрывался, — новая воспитательница разрешила нам ходить по всем

Александра Викторовна Медведкина родилась в г. Высоковске Московской области. Окончила Московское медицинское училище № 30, Литературный институт им. А. М. Горького. С 2010-го живет в Санкт-Петербурге, работает на Радио России редактором («Театр у вас дома») и ведущей передач «Дар слова», «Несгораемый шкаф». Публиковалась в журналах «Звезда», «Нева», «Вторник», в «Невском альманахе».

участкам. По всем! Это было немислимо. Обычно шаг в сторону — окрик, никаких походов «в гости» на другой участок. А тут — свобода, и, в общем, мы разбрелись. Я хотела покачаться на качели-перекладине, к обеим сторонам которой были прибиты белые лошадиные головы, но не нашла пары и побрела на спортивное поле. Огромное, почти бесконечное, оно было холодным и уже мокрым от вечерней росы. Сюда я каждое утро вылетала первой и бежала, пока меня не окликала физкультурница. Она уже не ругалась, просто старалась гаркнуть как можно раньше, прежде чем я успевала дернуть. А я старалась дернуть до окрика, мне надо было — на счастье — промчаться через поле и дотронуться руками до карусели-ракеты на той стороне. Но это никогда не удавалось. Так что каждое утро у меня была цель.

Я постояла на краю поля. Заглянула под лавку, которая как бы отмечала границу: «Дальше лавочки — не ходить!» По утрам я собирала под перекладной мотыльков и смотрела, отложили ли бабочки яйца (они были сложены золотистой горкой, я никогда их не трогала). Но сейчас под лавочкой было пусто. Вдалеке горела ракета, солнце обводило ее левый бок, так что от прутьев шли длинные лучи-отсветы. Но небо темнело, и поле было неприветливое, не как утром. А вдруг мама придет, и я с той стороны не услышу, как она зовет меня?

Я вернулась на участок к лошадам, устроилась в деревянном седле и стала сама пружинить ногами, отталкиваться и падать. Скоро подошел мальчишка из другой группы. Как его зовут, я не знала, он меня — тоже. Было так поздно уже, что мы не разговаривали и не играли, — играть, когда так сильно ждешь маму, было все равно что играть у отходящего поезда. Мы молча качались, я не смотрела на мальчика, смотрела в небо, которое заволакивали тучи. То и дело кто-то из наших бегал к воспитателю спросить, сколько времени, и она каждый раз говорила: сорок пять минут седьмого, пятьдесят, пятьдесят семь — она и сама нервничала, ей тоже надо было домой.

Клац-клац, говорили качели, и я то подлетала почти до неба, то шмякалась вниз. Тучи стягивало в плотный сливовый мрак. Вот переполох: чья на аллее мама? за кем пришли? Клац! Мы с соседом замерли. Он повис наверху, я прижимаю подошвы к земле. Каждый готов бросить другого тут же, сей же миг. Но — нет, это не за нами. Опять клац-клац. Высоко-высоко тучи закрубились так бурно, мощно, как в мультфильмах, когда рисуют бурю. А потом что-то оттянуло их в разные стороны, и в центре оказалась коричневая планета. Большая, размером с баскетбольный мяч. Чуть темнее и со светящимися зелено-желтыми прожилками, как у драгоценного камня. Она прокрутилась один раз — ну, как бывает, крутят мяч на пальце, но медленно.

— Смотри, — крикнула я соседу, боясь, что он не успеет посмотреть и до конца жизни мне все будут говорить, что я эту планету придумала. — Смотри, смотри, смотри!

Планета прокрутилась трижды, и тучи ее затащили — как будто их за крючки подтащили друг к другу. Как будто сошелся занавес. Я побежала к воспитательнице: она видела? Нет, она не видела. Это была луна.

— Луна не коричневая! Луна не крутится, не крутится! Это была планета! Блуждающая планета.

Воспитательница сказала, что уже семь часов, ей пора домой.

— Что мне с вами делать?

Я оглядывалась: что, никто не видел планету? Но оставшиеся дети смотрели на аллею: косяком пошли родители, они пришли чуть ли не все разом, по крайней мере, никто не остался на площадке один после того, как планета скрылась. Мы с мамой шли домой, у нее была тяжелая авоська, по дороге в сад она зашла в магазин, и стояла в очереди,

и купила пряников, — и я по дороге съела сразу два. Я рассказала ей о планете, что это был Юпитер или Венера, но, скорее всего, это была безымянная планета, она заблудилась, и мы видели ее случайно, ни один астроном и, может, даже никто из сада, а только я.

— У нас к чаю ничего не было, — сказала мама. — Я вот и решила хоть пряников взять. А теперь не успею ничего приготовить. Может, картошку пожарим? Ты будешь картошку?

В общем, в саду планету не обсуждали, и я решила тоже про нее не говорить.

До осени — до первого сентября — было еще далеко. Когда мама задерживалась, я просилась на участок с лошадками. Если у меня не было пары, я качала себя сама и таранилась в небо. Клац-клац. Клац-клац.

В то последнее детсадовское лето мир обзавелся другой стороной, и на той, вечерней стороне небо было затянуто тучами, и в тучах вращалась планета, готовая меня принять. Знали темные окна, знала холодная трава: однажды мама опоздает так, что мне будет не вернуться. Мы с ракетой стартуем до того, как мама появится наallee. Она будет махать мне от ворот, она побежит, бросит авоську, но небо уже раскроется, и планета без имени притянет меня. Она будет больше, она будет ближе, она скажет, как ее зовут.

МЕТОД КОРЧАКА

Дед мне рассказывал, что, когда был молодой, то есть десять лет назад, когда ему было семьдесят, он нашел метод. Такой своеобразный метод путешествий. Он назвал его «Метод Корчака». Потому что у писателя Януша Корчака есть такая книга: «Когда я снова стану маленьким». Там герой засыпает и во сне возвращается в прошлое. Он довольно много времени там проводит, ходит в школу и все такое. И мой дед сказал, что это не фантастика и не метафора, а правда так бывает. Только очень редко. Дед вообще любитель всякого такого, наверное, он был страшно рад, обретя свой метод. Ну, или украв его у Корчака.

В общем, однажды он уснул на веранде. Меня тогда тут не было, это было весной, а я в Апрельск приезжаю только на лето. Дед говорит, это был странный сон. Тело стало такое тяжелое-тяжелое, и он все хотел повернуться с одного бока на другой и не мог. У него кушетка стоит на веранде, вот там он и уснул. Дед очень высокий, кушетка та — чисто для отдыха, не знаю, как он вообще на ней помещается. Говорит, было чувство, что он вот-вот свалится на пол, но тело как окаменело и не двигалось. Ему только казалось, что он пытается себя раскатать, разбудить, вырваться из полусна этого странного — но ничего не получалось. Наконец, говорит, удалось так сползти к краю, что рукой он дотронулся до пола. И почувствовал подушечками пальцев шершавое: ковер. А на веранде нет ковра. И это так деда ошеломило, что он проснулся. Лежу, говорит, трогаю ковер.

Ковер, которого нет. Зеленый ковер с узорами. Такой лежал на полу в их с бабушкой старой квартире, когда они еще жили в Автозаводске, под Самарой. Он трогал ковер, постепенно просыпался и наконец сел. Но только не на кушетке уже, а на старом диване. Летний полдень, дома никого нет. Солнце так светит сквозь занавески, как будто день какой-то то ли выходной, то ли праздник. Так дед это описывал. Ну, он встал, размялся. Он был в своей старой квартире, он все там знал, только как будто забыл некоторые детали и тут видел: у дивана стоит старая ваза, в ней —

камьши. Бар приоткрыт, там зеленеет стекло. Подошел, взял оттуда папиросницу, я ее тоже помню: такая коричневая, сверху полосочки, как обои, внутри красные дула: туда надо вставлять сигареты. Он покрутил ключик вниз: папиросница заиграла. Я знаю эту мелодию, то есть помню, как звучит, но что за песня — не знаю. Какая-то старая советская. Он поставил папиросницу в бар и пошел в прихожую. А там смотрит в зеркало — у них такое с ящичками висело над полками для обуви, — а в зеркале молодой он. Лет, говорит, ему тридцать. Отец, значит, мой еще совсем мелкий был в то время. Ну, дед стал хватать вещи, проверять: вот плащ жены, вот куртка сына, вон кеды его на полках. Он еще раз посмотрел на себя в зеркало, полюбовался и вышел из дома. Он, наверное, хотел найти жену и сына на площадке или поискать их, но когда увидел свой дом — снаружи, — говорит, в уме помутилось. Это был его дом, его настоящее прошлое.

Представляю себе. Вот мусорка, вот ЖЭК, вот плавильня черная, где летом вечно подкипает гудрон; вот дом, они живут на первом этаже, и бабуля вечно ругает сырость, но комнаты такие большие, тенистые. А снаружи летний мягкий полдень. Дед оглядывает свои руки, снова ощупывает лицо. Молодо шагая, идет по улицам города, счастливо находя приметы времени. Он помнит все прекрасно. Помнит, какими должны быть вывески и как должно пахнуть в июле.

Это невероятно: видеть улицы своего детства. Запах другого времени будоражит дедовы ноздри. И в то же время он уверен, что может взорваться каждую секунду — он этому времени теперь чужой. Прошлое стало настоящим. Оно текло в своем праве. На своем месте. Только дед был тут тайным пришельцем. Он боялся, что его буквально арестует милиция, что собаки станут лаять на него и весь мир заметит и поймет, что он чужой.

Он наклонился над дорогой, ухватил горсть гальки в яме — скоро ее зальют гудроном — и сжал в руке.

Дед чувствовал, что это время — настоящее, а то, в котором он, старый, живет в Апрельске, — фальшивое. Слишком невесомое, быстротечное. Оно не пахнет, оно не живое, и сам он в нем живет, как набитое старыми тряпками пугало. А здесь — тополиный пух. Тут пахнет асфальт, и каждая травинка, и небо — вы видели где-нибудь такое небо, как в Автозаводске? Нигде такого нет. Оно так высоко, что даже Гагарин не смог бы до него долететь.

Как бы ему остаться здесь?

Он потел, у него кружилась голова. Он прошел по Молодежному бульвару, по всему, до конца, под всеми этими кудрявыми березами, и справа ему попадались киоски, и он так захотел пива, просто слов нет как, и в кармане брюк нашел пару смятых рублей. Ну, кто говорил, что Бога нет, а?

Он пил, пена щекотала его нос, и он старался не торопиться, но все равно торопился. А потом пошел дальше, хмельной, и каждый шаг был как праздник, каждый шаг был ликование и счастье. Так дед добрал до площади Свободы. Это было просторное место, слишком уж открытое и солнечное, не самое его любимое. Но сегодня, сейчас весь Автозаводск до последней пылинки был его любимым местом.

Он сел на лавку, ветер перебирал его волосы. Старая красная футболка шла пятнами.

«А что, — думал дед, — если доехать до Волги?»

Он мог, прекрасно мог это сделать. Проехать автобусом до края города. Увидеть весь город в нетронутых 80-х. Но он сидел, сердце гулко тарыхтело в груди, надсадно. Он подумал, что это ему от радости трудно дышать, решил посидеть, отдохнуть и подумать: ну как, как бы тут остаться?

С того края площади за забором из высоких прутьев зеленело тренировочное поле-стадион, дед смотрел, как псы взлетают по лестницам тренировочных вышек. Он оттягивал ворот футболки, по вискам сбегали дорожки пота, глаза не могли выносить этот мягкий нежный свет. Дед задыхался.

— Молодой человек, вы не сердечник? — рядом с ним села женщина, клацнула застежка ее сумки. Он приоткрыл глаза. Дама лет шестидесяти. Моложе его в Апрельском «настоящем». — У меня есть с собой таблетки. Дать корвалол под язык?

«Молодой человек! — думал дед. — Молодой человек — я!»

— О, не надо, — пробормотал он. — Все в порядке. Не ел. Давление упало.

Она смутилась, а он смотрел на нее, ошарашенный, одуревший, влюбленный в нее и во все вокруг, в душно-пряный запах далекого поля, в лай собак, в сладкий воздух. Боже, каким острым был его нюх, какое было зрение!

Он с трудом разлепил губы, во рту пересохло, в правом виске пульсировало.

— Вы такая красавица, — сказал дед.

— А вы не выпивали? — она нахмурилась. — Почему вы не на работе, простите за любопытство?

Нервно клацнула ее сумка, дед подумал: может быть, у нее есть цитрамон?

Он избрал машину времени. Он попал в прошлое. В его времени, десятых, эта женщина уже мертва. Дед помотал головой, пропуская вопрос о работе.

— Забыл позавтракать.

Она кивнула.

— Тогда берите конфету.

Розово-белая помадка из пакетика. Он смотрел в голубые глаза женщины, пока это не стало неловко, потом сказал «спасибо» и положил конфету в рот.

Конфета была настоящая. Более настоящая, чем он когда-либо ел. Помадка пузырилась, тая, пощипывала язык. И дед так испугался, что проснется. Испугался так сильно, что хватил воздух ртом, конфетная крошка проскочила глубже. Он сильно закашлялся. Женщина отреагировала моментально — что было силхватила его по спине.

В глазах у деда померкло, и конфету он выкашлял уже на подушку в Апрельске. На подушке, тонкой, как половик, лежала розово-белая, в дырочку, поблескивающая от слюны помадка из 80-х.

Тянуло в груди, тянуло, он все-таки свалился на пол. Дед позвонил бабушке, и она вызвала «скорую». У него был сердечный приступ.

Он говорит, пока ехал в «скорой», чувствовал запах той женщины, ее духов, ее кожи. И знал, что в этот раз он не умрет.

Игорь РОДИН

Я ТОТ, КТО УБИЛ ЧЕ ГЕВАРУ

Рассказ

1.

Старик сидел на стуле перед кабинетом. Он почти не шевелился. Ладони лежали на коленях, а взгляд был устремлен прямо перед собой. Глубокие морщины, избородившие лицо, говорили о том, что прежняя его жизнь отнюдь не была безоблачной. Новый костюм сидел мешковато, поскольку был велик на пару размеров. Это наталкивало на мысль, что старик не слишком хорошо выбирал его в магазине. Или что костюм, по меньшей мере, год после покупки провисел в шкафу, а за это время его обладатель успел заметно потерять в весе.

Мигель подошел ближе и сел через несколько стульев от старика. Делать было нечего, по крайней мере, еще целый час брат будет занят. А отрывать его от работы ни в коем случае нельзя. Тем более от такой важной работы, которой тот занимался. Сколько себя помнил Мигель, Алехандро всегда для него служил непререкаемым авторитетом. Да и родители постоянно твердили: «Бери пример с Алехандро». И Мигель старался. Правда, это не всегда получалось. Он прекрасно помнил тот день, когда они из пригорода переехали в Сантьяго. Школа, куда определили Мигеля, располагалась за три квартала от дома. Но не это было главное. В классе, где он теперь учился, негласными лидерами были трое парней. Один был здоровенный, как гоблин, два других поменьше. После уроков они отвели Мигеля в сторону и, как водится, попытались доходчиво объяснить местные неписанные законы. Придя домой, Мигель на вопросы родителей о происхождении синяка под глазом наврал, что упал во время игры в футбол. Брат с учебы, как всегда, вернулся поздно. Он ни слова не сказал, поэтому Мигель подумал, что он тоже поверил. Однако следующий день показал, что Мигель ошибался.

На этот раз троица зажала его в тупике позади школы. Мигель весь сжался, страх липкой волной перехватил горло. Однако в этот момент позади местных громил возник Алехандро.

— Как же так? — спросил он спокойно. — Втроем — и на одного?

Игорь Олегович Родин — писатель, переводчик, драматург, автор более 200 книг. Родился в 1965 году в Москве. Окончил филологический факультет Московского педагогического института им. Ленина, затем аспирантуру Института мировой литературы Российской академии наук. Член СП России. Победитель литературных конкурсов им. Крылова, Достоевского, Куприна, Блока. Награжден медалями «За вклад в литературу XXI века» и «За мастерство и подвижническую деятельность во благо русской литературы».

Троица разом обернулась. Алехандро стоял, засунув руки в карманы брюк, и спокойно смотрел из-под полуприкрытых век.

— А твое какое дело? — немного поколебавшись, зло отозвался здоровяк. — Шел бы ты своей дорогой. Радуйся, что тебя не трогают.

— А что, можешь тронуть? — улыбнулся широкой улыбкой Алехандро. — Попробуй. Нет ничего проще.

— И попробую! — здоровяк ни в какую не хотел давать заднюю перед своими приятелями. Подбадриваемый их возгласами, он двинулся на Алехандро, который был чуть ниже ростом и весил, как минимум, килограммов на десять меньше. — Сейчас я отучу тебя совать свой нос куда не следует!

Зря он это сказал, потому что в одно мгновение фигура Алехандро напряглась, он принял боксерскую стойку, и через секунду сокрушительный хук справа отправил здоровяка в нокаут. Знал бы тот, с кем связывается, тридцать раз бы подумал, прежде чем соваться.

Алехандро подошел ближе к оставшимся двум. Достал из коробка две спички, одну сломал. Потом, зажав в руке, протянул вперед.

— Кто вытащит короткую, будет драться с моим братом. Так будет честно. Думаю, он сумеет показать, что способен постоять за себя.

Короткую вытащил тип в желтой майке. Второй испуганно отступил назад. Алехандро взглянул на брата.

— Ну, вперед, братишка. Покажи, что ты настоящий мужчина.

Когда они вернулись домой, у Мигеля к синяку под глазом добавилась еще разбитая губа. Но осознание того, что он смог дать достойный отпор, что противник понес гораздо больший ущерб, наполняли его гордостью и неподдельным ликованием. К этому примешивалась огромная благодарность Алехандро, что он не просто заступился за него, а дал возможность сделать все самому.

На следующий день троица в полном составе подошла к Мигелю с уже вполне мирными намерениями.

— Ты парень что надо, — сказал здоровяк. — Нам такой приятель как раз нужен. Пошли с нами после занятий гулять по центру?

Когда Мигель к вечеру вернулся домой, Алехандро, у которого сегодня не было дежурства, поинтересовался, где он все это время пропадал. Мигель, которого так и распирало от гордости, все в красках поведал брату. Но вопреки его ожиданиям тот не обрадовался.

— Выходит, ты дрался с ними лишь для того, чтобы стать таким же, как они?

— Почему это? — не понял Мигель.

— Ну, как же? Ты с радостью вступил в их банду, значит — они правы. Мало того, выиграли. Ведь теперь их стало на одного больше. Получается, все, чего ты добивался — это чтобы тебя приняли в их число.

— Но я не этого хотел!

— Интересно у тебя получается. Хочешь одно, а выходит другое.

Алехандро покачал головой и ушел в свою комнату готовиться к занятиям. А Мигель не спал почти полночи и все думал, думал...

На следующий день, когда троица подошла к нему с новым предложением, он отрез отказался.

— Я не собираюсь враждовать с вами, — сказал Мигель. — Но знайте: мы не друзья. И еще. Хочу, чтобы вы знали: мне не нравится, как вы ведете себя по отношению к другим, а еще то, что постоянно обижаете слабых.

Троица была неприятно удивлена, но предпочла — особенно ввиду недавних событий — удалиться.

Вечером Мигель подошел к Алехандро.

— Отведи меня к своему тренеру, — попросил он. — Хочу тоже заниматься боксом. Алехандро отложил в сторону тетрадь и ручку.

— Зачем тебе это?

— Хочу стать таким же, как ты, сильным и ловким.

— Ну, хорошо. Вот ты стал сильным и ловким. Для чего?

— Чтобы защищать слабых. Чтобы восстанавливать справедливость. Чтобы делать жизнь лучше.

Алехандро улыбнулся своей широкой белозубой улыбкой и потрепал брата по плечу.

— Молодец. Завтра отведу. Но знай, если бы ты ответил по-другому, я бы не стал этого делать.

Помнил Мигель и другой разговор с братом, который произошел у них через пару лет. Настала пора выбирать профессию, и после недолгих раздумий Мигель заявил:

— Хочу учиться на врача, как ты.

К этим словам Алехандро отнесся очень серьезно. Он усадил Мигеля напротив и спросил:

— Скажи, что, по-твоему, главное в профессии врача?

— Знания? — ответил Мигель, немного подумав.

— Знания важны. Но не это главное.

Мигель озадаченно замолчал.

— Доброта? — наконец предположил он.

— Доброта очень важна, — согласился Алехандро. — Но и не она главная.

— Ну, тогда я не знаю! — разозлился Мигель и попытался встать.

— Терпение. Терпение — вот что главное, — улыбнулся Алехандро и усадил Мигеля на место. — Все, что ты сказал, правильно. Без знаний врачом не станешь. Но для того, чтобы им стать, надо едва ли не десять лет учиться. А без терпения это невозможно. Без доброты врачом тем более не стать. Но подумай, чем будет доброта без терпения? Больные часто раздражительны, даже злы, несправедливы, порой проявляют отнюдь не лучшие человеческие качества. Но они... больные! И их надо лечить. Подчас долго и упорно. Поэтому из того, что ты назвал, знания идут лишь на третьем месте. На втором — доброта. А на первом — терпение. Отсюда вопрос. Хватит ли у тебя терпения, чтобы стать врачом?

Мигель немного подумал и уверенно ответил:

— Хватит!

Через полгода организовывалась миссия сюда, в Боливию. Алехандро к этому времени уже специализировался в офтальмологии, и его включили в состав тех, кто должен был ехать. Почти две недели Мигель упрашивал брата взять его с собой. Во-первых, ему нужна практика — как-никак он теперь учащийся медицинского колледжа, во-вторых, он никогда еще нигде не был, тем более за границей, и, в-третьих, в следующем году Алехандро обещали отправить на стажировку в какую-то известную клинику в России, а Россия находится вообще на другом конце земного шара, так что сколько они не увидятся, одному Богу известно. В конце концов доводы Мигеля возымели свое действие.

— Так и быть, я попрошу за тебя, — сказал Алехандро. — Но сам понимаешь, решение зависит не только от меня. Нужно согласие руководителя, придется оформить кучу бумаг...

Надо признать, надежда Мигеля, что вопрос разрешится положительно, была слабой. Каково же было его удивление, когда Алехандро попросил его на следующий день утром прийти к руководителю на собеседование. Мигель очень волновался, но собеседование оказалось легким. Руководитель по большей части спрашивал о какой-то ерунде и то и дело отвлекался на разговоры по непрерывно трезвонящему телефону. Через пятнадцать минут подобной беседы Мигель был включен в группу. Ему предстояло выполнять роль медбрата, санитаря, носильщика — и вообще, делать все, что скажут. Возни с бумагами оказалось действительно много, но Мигель был вне себя от радости — ведь это была его первая серьезная работа.

Ла-Пас во многом его разочаровал. Весь центр занимали двухэтажные дома в колониальном стиле, на которые Мигель вполне мог полюбоваться и в Сантьяго. Впрочем, на осмотр достопримечательностей у него особо не было времени. Работы в клинике оказалось много, всем от него постоянно было что-то нужно: то поднести, то унести, то записать, то простерилизовать... Одним словом, он крутился как белка в колесе, и к вечеру заниматься еще осмотром достопримечательностей у него уже не было никакого желания. Впрочем, дня через три-четыре он привык к подобному темпу жизни. Помня наставления брата, он старался все делать с терпением и добротой, всегда был готов взяться за работу, о которой его даже не просили, чтобы научиться чему-то новому.

В этот день он работал до четырех, потом заступал сменщик. Сегодня они с Алехандро договорились наконец-то пройтись по городу. Однако до окончания рабочего дня Алехандро оставалось еще порядка часа, и Мигель не знал, чем себя занять. В конце концов он решил использовать время с пользой и понаблюдать за пациентами. А заодно поупражняться в столь важном для профессии врача терпении.

Старик все так же сидел неподвижно и смотрел прямо перед собой.

«Ну прямо древнеегипетский сфинкс», — подумал Мигель, вспомнив картинку из учебника, где был изображен гигантский лев с человеческой головой на фоне пирамид.

— Вы в этот кабинет, дедушка? — поинтересовался Мигель, чтобы прервать молчание.

Старик даже не повернулся. Только едва заметно кивнул. Но Мигель обрадовался и этому: какая-никакая коммуникация все же налаживалась.

— Не беспокойтесь, — добавил он. — На Кубе самые лучшие врачи. Ну, после русских, конечно. Вылечат обязательно.

Старик все так же молчал.

— У меня здесь брат врачом работает, — доверительно сообщил Мигель. — Правда, он только еще начинающий и в основном ассистирует. Но очень скоро он станет настоящим врачом, — уверенно добавил он.

Старик слегка повернул голову в сторону Мигеля, смерил его отстраненным взглядом и снова уставился перед собой.

— Я тоже буду врачом, как брат, — сказал Мигель после паузы. — Естественно, для этого нужны знания, но это дело наживное. Еще нужна доброта. Здесь сложнее. Но самое трудное — это терпение. Брат говорит, что я слишком нетерпеливый. Но я обязательно буду над этим работать. И тогда смогу приносить пользу людям. Ведь это самое важное — быть полезным людям. Лечить их, продлевать им жизнь. И тогда ты будешь уважаемым человеком, достойным членом общества.

Старик поднял руку, вынул из кармана носовой платок и высморкался. Затем снова засунул его в карман. Мигель из вежливости с минуту подождал — не захочет ли старик что-то сказать. Но тот молчал.

— В Америке, да и вообще там, где капитализм, лечат только за деньги, — Мигель решил, что пора придать беседе просветительский характер. — Если нет денег или стра-

ховки, то лечить никто не будет. А у нас лечат всех. Потому что у нас справедливое общество. У всех равные возможности, у всех равные права. За это сражались наши отцы. И наш лидер Фидель Кастро. И команданте Че Гевара. Кстати, он тоже был врачом.

Мигель распахнул медицинский халат и показал черно-белый портрет Че Гевары у себя на майке. Старик по-прежнему не произносил ни слова. Только веки слегка подрагивали.

— Я сам стараюсь брать с них пример. Особенно с команданте Че. Подумать только, быть министром, вторым человеком в государстве — и оставить все для того, чтобы возглавить борьбу против империалистов в Африке, а потом здесь, у вас в Боливии. Красивая жизнь. И красивая смерть. Я тоже выучусь на врача, а потом отправлюсь куда-нибудь бороться за свободу, если только, конечно, до тех пор в мире еще останутся угнетенные народы. В Боливии все тоже изменится, я в этом уверен. В свое время широкие массы здесь не поддержали партизанский отряд команданте Че, но ведь сознательность людей со временем растет. Необразованных, темных крестьян становится все меньше... Так что скоро и у вас наступит справедливое общество. Разве не о том же мечтал ваш Симон Боливар?

Старик повернулся к Мигелю, но сказать ничего не успел. Дверь кабинета открылась, в коридор выглянул врач и, сказав «Заходите», снова пропал.

Старик медленно встал и побрел в направлении кабинета. Вот он взялся за ручку, но в следующий момент застыл на месте, после чего внезапно обернулся и, взглянув Мигелю в глаза, отчетливо произнес:

— Я тот, кто убил Че Гевару.

Через пару секунд дверь за стариком закрылась. Мигель сидел в растерянности. Затем покрутил головой.

«Какой странный, неприятный дед, — подумал он. — То сидел молча, то вдруг начал говорить какие-то глупости». Мигель уже успел понять, что на свете встречаются люди, которые специально пытаются сделать что-то плохое окружающим: сказать неприятное, как-то унижить, оскорбить. Особенно часто такие попадались среди больных. «Оно и понятно, — думал Мигель. — Ведь они больные. Они хотят внимания, чтобы кто-то разделил с ними их боль. Все так, как и говорил брат». Но были и другие — это Мигель тоже успел понять. Они встречались там, за пределами больниц и поликлиник. И на первый взгляд они были абсолютно здоровы. Но это только на первый взгляд. На самом деле они тоже больны, хотя и не подозревают об этом. «Ведь стремление причинять зло окружающим — это всегда признак внутреннего неблагополучия. Что ж, нам, врачам, предстоит еще много работы, — решил Мигель. — А старик... Может, я просто надоел ему своей болтовней? Как бы то ни было, я выполнил свою программу на сегодня и хорошо поупражнялся в терпении».

Мигель улыбнулся. До окончания рабочего дня брата оставалось не более двадцати минут. На улице было солнечно, гомон толпы и сигналы машин влетали в распахнутое окно. Вдохнув полной грудью, Мигель засвистел услышанную недавно песенку и отправился к старшей сестре сдавать халат.

2.

Операция прошла быстро и успешно. Никаких осложнений после нее тоже не наблюдалось, и сегодня старику должны были снять с глаз повязку. После этого он мог отправляться домой.

В кабинете пахло дезинфекцией и какими-то лекарствами. Старик неуверенно прошел в кабинет и сел в кресло.

— Ну, как мы себя сегодня чувствуем? — весело спросил доктор, садясь рядом. — Пора снимать повязку. Все хорошо. Уже сегодня будете дома.

Доктор принялся разматывать бинты.

— До этого вы смотрели на окружающий мир словно сквозь туман. Зато теперь увидите его во всей красе! А он полон света и всевозможных разноцветных оттенков... Так, что здесь у нас?.. Все отлично. Даже лучше, чем следовало ожидать... Да, но слишком не увлекайтесь. Глаза пока нельзя перенапрягать. Для того, кто долго сидел в полумраке, яркий свет может быть не безопасен. Сейчас оформлю выписку, а вот здесь рекомендации, что нужно делать, какие капли и сколько раз капать...

Старик слушал молча, только один раз едва заметно кивнул. Медленно он открыл глаза и тотчас зажмурился: свет показался ему нестерпимым. Достав из кармана заранее припасенные темные очки, старик надел их. Теперь он мог открыть глаза.

Сестра, придерживая за локоть, проводила старика к лифту, потом вывела во двор. Здесь его уже дожидалось такси. Старик осторожно сел на заднее сиденье и отрывисто назвал адрес. Машина тронулась.

Прошло несколько минут. В такси стояла тишина. Старик упорно молчал. Водитель сначала решил было завязать с пассажиром непринужденный разговор, но дед на него так зыркнул, что тот мгновенно умолк.

Старик неподвижным взглядом смотрел в окно. Мимо проплывали улицы города со спящими по ним жителями, гостиницы и обыкновенные дома, супермаркеты и маленькие магазинчики. Везде кипела жизнь — непростая и разная, бесконечная и пестрая, как картинки в детском калейдоскопе. Машина повернула на перекрестке, и внезапно впереди появился многоэтажный дом, у которого сбоку, во всю высоту, было нарисовано гигантское граффити, воспроизводящее известный портрет Че Гевары. Лицо самого известного на планете революционера обрамляла лохматая шевелюра, сверху красовался берет со звездой, а взгляд был устремлен куда-то вдаль, словно там, в этой дали, он пытался разглядеть очертания какого-то другого, более справедливого и счастливого мира.

Старик пошевелился. Лицо его исказила едва заметная гримаса, губы беззвучно что-то прошептали. Он отвернулся от окна и откинулся на спинку сиденья. После чего закрыл глаза и постарался успокоиться. «Так, контроль дыхания и максимальное расслабление, как советовал тот профессор месяц назад», — подумал старик и принялся дышать глубоко и размеренно. Однако прошло пять минут, а спокойствие так и не наступило. И дело было вовсе не в этом дурацком огромном портрете. А в чем?

Старик заерзал на сиденье и постарался выбрать позу поудобней. Но это не помогло. «В чем же дело? — подумал он снова и тут же понял: похоже, его все же чем-то зацепили слова того мальчишки у кабинета, того самого, которого он встретил почти неделю назад, еще до операции. — Дурак, сопляк. Весь пропитан пропагандой. Вишь ты, хочет быть похожим на Че Гевару. Ты его видел в жизни хоть раз? Нечесанный, месяцами не мытый, из-за чего даже друзья прозвали его „боровом“, — старик усмехнулся. — Увидел бы ты его в жизни, на самом деле, а не на разных дурацких портретах... Хотя, надо сказать, держался тот до конца. Что он там сказал мне? Ах, да. „Я знаю, что ты пришел убить меня. Стреляй, трус!“ Никогда я не был трусом. Никогда! Впрочем, он прав. Я стал им на старости лет... Вот имя свое вынужден скрывать... Но я не чувствую своей вины! С нами были американцы, мы подчинились правительству. Даже когда у трупа отрезали кисти рук и помещали в колбу с формалином, чтобы отправить в столицу для идентификации, я не считал, что это неправильно! И даже когда захоранивали его вместе с другими убитыми партизанами в яме под

взлетной полосой аэродрома, а сверху заливали бетоном, чтобы не только могилы не осталось, а чтобы само имя стерлось из человеческой памяти, — я был согласен. И что же? Прошло всего каких-то тридцать пять лет — и труп нашли, отрыли, перевезли на Кубу и с почестями захоронили в специально выстроенном мавзолее! Американцы сбежали, от прошлых властей не осталось следа... Жители деревни, где я настигнул свинцом этого авантюриста, стали почитать его как святого. Предатели. Мерзавцы. Даже наш боливийский министр МВД сбежал на Кубу, прихватив с собой дневники „товарища Че“ и ту самую колбу с кистями его рук...»

Старик попытался взять себя в руки. Дыхание его участилось, пульс сделался чаще, спина распрямилась. Старик на мгновение замер, потом глубоко вдохнул пару раз и откинулся на спинку сиденья. Через минуту он открыл глаза, взглянул в окно. Там по-прежнему царил городская суэта и раздавался невнятный шум голосов. Старик с отвращением отвернулся и снова закрыл глаза.

«О чем это я?.. Да, портреты! Везде они! Повсюду! На майках, на флагах, на открытках, на плакатах, даже на стенах! А за что? За то, что везде стремился посеять смуту, нарушить заведенный порядок? Почему повсюду он, почему не я, Марио Теран, выпустивший девять пуль в этого врага государства, отомстивший за убитых им боливийских солдат, моих друзей? Почему я должен скрывать свое имя, чтобы мне кубинцы сделали операцию на глаза, которую мне должно было сделать государство за то, что я служил ему всю жизнь? Почему я прозябаю в неизвестности и почти в нищете? Он всегда был нарушителем спокойствия, а я всегда поступал правильно, как было предписано. Я не нарушал законов, всегда выполнял приказы вышестоящих и, даже когда на меня пал жребий привести приговор в исполнение, не стал отказываться, потому что понимал — это правильно. И это мой портрет должен быть здесь, на этом чертовом доме! На меня должен хотеть походить тот сопляк из клиники! Подумать только, даже мой собственный внук носит майку с изображением этого смутьяна! Даже у теперешнего нашего президента Моралеса в кабинете висит его портрет! А где среди всего этого я? Тот, кто выполнял приказы, рисковал жизнью ради вас, тот, кто всегда поступал, как предписано? Все предали меня... И что со всем этим делать? — старик повернул голову и посмотрел в окно. — Где тот мир, который я защищал? Почему я здесь, среди всех этих неизвестно чему радующихся людей? Что пошло не так, и я вдруг оказался заброшен на чуждую мне, неведомую планету? И что теперь делать? Что дальше? — Старик опустил голову и едва слышно прошептал: — Доживать... С мыслью о том, что я убил Че Гевару».

ИЗ ЦИКЛА
«НЕОКОНЧЕННЫЙ
ГАМБИТ»

НАЧАЛО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В воздухе носятся безвремяе и страх.
Розы белые в петлицах у стукачей.
А по городу бродит черный монах.
Им пугают детей.

Но женщины, проходя мимо витрин,
всё равно бросают восторженный взгляд
на шпильки, подвязки, хвосты осетрин.
Капает вычурный яд.

Вот на коне император хмельной
в бронзу толстой брони одет.
И каждый идущий в ночи из пивной
крестит оставшийся свет.

* * *

В России спасает водка
или подводная лодка.

Или любовь до гроба,
когда молодые оба.

Или россыпь иллюзий,
данник ты их и узник.

Николай Якимчук родился в 1961 году. Поэт, драматург, издатель, художник, телеведущий, кинорежиссер. Главный редактор альманаха «Петрополь». Член Гильдии драматургов России, член Союза писателей Санкт-Петербурга. Лауреат премии «Люди нашего города» (2001), лауреат премии Андрея Толубеева (2012), лауреат премии Александра Володина (2014), лауреат литературной премии им. А. К. Толстого (2015, 2018). Автор 16 книг. Стихи и рассказы печатались в журналах «Юность», «Арион», «Знамя», «Новая Юность», «Радуга» (Эстония), «Новый журнал» (США), «Интерпоэзия», «Нева», «Аврора». Стихи переводились на болгарский, итальянский и немецкий языки. Автор 14 пьес, переведенных на английский, французский, немецкий, латышский, китайский, польский языки. Соавтор сценария фильма «Дело Иосифа Бродского» («Черный крестный»). Автор и режиссер 47 игровых и документальных фильмов, многие из которых были участниками и призерами международных кинофестивалей в России, Румынии, Франции, Тунисе, Чили и др.

Или трава забвенья
с музыкой Воскресенья.

МАЯКОВСКИЙ. 1930

Любовная лодка
разбилась о быт...
Владимир Маяковский

Этот мир покидать не стоит, но и стоит одновременно. Я к невгодам любви нестоек. Стою столько. Не надо меня.	Мне тебя не понять, как прежде. Солнце жжет, и кусают ливни. Доверяю патрон надежде... Нас любовью и тьмой залили.
---	---

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

Не спится мне. Зажечь свечу?
Да только спичек нет.
Весь мир молчит, и я молчу,
Гляжу на лунный свет...
Георгий Иванов

Читал Георгия Иванова
при свете лунного луча.
Хотелось откровенья тайного
и золотого калача.

И на Сенной, как будто в чайную,
за ним я воровски проник.
Он розу нес кому-то чайную,
подняв осенний воротник.

Он сел за столик тёпломраморный.
Над ним клубился сизый дым.
И лунный луч, совсем израненный,
казался легким и пустым.

* * *

Мы были музыкой во льду.
Я говорю про всю среду...
Борис Пастернак

Я пью за разоренный дом...
Анна Ахматова

Мы были музыкой — со льдом,
гудели гулкие причуды...
Туда стреляли... И оттуда...
Крошился разоренный дом.

И этот хаос время длило
и никого не пощадило.
Один уехал. Умер тот.
А может быть, наоборот.

Мы были музыкой — со льдом:
коктейль безумный или пресный.
Дышать и петь неинтересно
в тяжелом воздухе пустом.

* * *

Все попытки сблизиться с Музами кончаются осечками.
Они равнодушны или пьяны над Черными речками.

Они простоваты или глупы, хотя и кокетки.
Они бескрылы, увы, заснули на зимней ветке.

Но что же делать, старик, если мир обезмузел?
Сиди в своих лабиринтах и распутывай свой узел.

АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ. 1936

Дневник Ладинского читаю.
Какая горькая судьба.
Париж. Поэт повсюду с краю.
Строк удивленных ворожба.

Еще на бал, на эмигрантский
идет недужный офицер...
Поэт лиричный, не гражданский.
Забывтый временем пример.

МОНОЛОГ ПУТНИКА СЕРЕДИНЫ ВЕКА (XX)

Уходя, уходи, — это веку
Было сказано, как человеку:
Слишком сумрачен был и тяжел.
В нишу. В справочник. В библиотеку.
Потоптался чуть-чуть — и ушел.

Александр Кушнер

Я старался удержаться
в этом городе из мрака.
Я пытался удивляться
этим снам из красоты.
Я стремился быть свободным
там, где каждая собака
лает грозно и недужно,
научась у пустоты.

Это все теперь не в моде,
не в народе и не в тренде.
Это все теперь изыски.
Вот — тюрьма, а вот — сума.
И гремит свобода наша
кандалами на партсъезде,
и съезжает год который
вся страна твоя с ума.

Совести и славы нету
ни в богах, ни в человеках.
Только есть на дне колодца,
а колодец далеко.
Там, за райским окоемом,
распрощаемся мы с веком...
Зачерпнуть святой водицы
оказалось нелегко.

ЧИТАЯ КУШНЕРА «НАД ОБРЫВОМ»

Шла жизнь — и шаг ее тяжел,
шли письма, шла подмога...
Александр Кушнер

«Заходите, Коля, как-нибудь, — выпьем по рюмке водки!» —
как-то Кушнер меня приглашал.
Не случилось дружбы нашей короткой.
Я куда-то все шел, шел, шел, а потом бежал.

А теперь читаю Кушнера над обрывом¹,
в темноте читаю и на густом свету.
И что делать с жизнью — непостижимой и прихотливой —
и как услышать заветную музыку ту?!

Время поэта так трепетно и пугливо,
вижу, вижу мужество, горечь et cetera.
Александр Семеныч, давайте по рюмке неторопливо —
как вы приглашали — в нездешние вечера².

ТВАРДОВСКИЙ

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...
Александр Твардовский

Я убит подо Ржевом...
Александр Твардовский

Стаканами он пил вино,
за все Отечество в ответе...
Твардовского я помяну.
Его уже не знают дети.

¹ «Над обрывом» — название книги Кушнера (2018).

² «Нездешние вечера» — книга М. Кузмина, высоко ценимого Кушнером.

Его уже не вспомнит тот,
кто был схоронен подо Ржевом...
В полях небесных недород.
Зло расправляется с посевом.

И нет уже путей назад
в оглошшем мире сиротливом...
Здесь переправа. Так-то, брат.
Стакан приму неторопливо.

* * *

Информационная болтанка —
удар по мозгу, как из танка.

Где правых нет и виноватых —
везде подстава или вата.

И бедный чел стоит разиней,
а слух его скрипит резиной.

Все тише ход на звездном небе...
Живу, жую... А может — не был?!

ПОД СЕНЬЮ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

Кабы не было зимы,
А все время лето...
Юрий Энтин

Кабы был я нобелиат —
стал бы весел я и богат.

Не писал бы уже ничего,
лишь немое смотрел кино.

И мотался в Париж, Бомбей
вне почтовых, блин, лошадей.

Пел и пил золотые деньки,
позабыв о рабах деньги.

* * *

Судьба меня переиграла.
Теперь уж точно, ясно, да.
Меж пальцев время убегало —
заговоренная вода.

Не то чтоб глухо или плохо,
а как-то вбок и мимо слов.
Такая, судари, эпоха —
без вкуса, счастья и основ.

* * *

Зима, ни шаткая, ни валкая,
стояла бедной приживалкою,

и бил январский дождь арктический,
а время плавилось критически.

Игрушки старые замерзли,
на елках — золотые звезды.

И тени — отблеском костра
в саду плясали до утра.

* * *

Звонят незванные мошенники
по десять раз, прости, на дню.
И даже тихие отшельники
канают в эту западню.

Идет война, война тотальная —
мошенники обсели Русь.
Упала тувелька хрустальная,
и счастьем я не поделюсь.

И те отпетые мошенники,
что врут по сорок раз на дню,
опять в обед меняют ценники
и служат адскому огню.

* * *

Мышке нравится крупа.
Вот она приходит в полночь,
одинокчество тая...
Человечек — что за сволочь! —
недоволен этим всем,
шкафчик запирает в семь.
И ложится в грезы сна,
близко с девою невинной.
В голове его весна
рядом с пробочкою винной.

Наливает, жадно пьет.
Деве спуску не дает.
Так проходит год за годом.
Это все круги природы.
Это контуры судьбы.
Это времени суды.
Это песенка моя.
Мышка серая — родня.

Виктор ПЕРЕГУДОВ

О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

Рассказы

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В это повествование от первого лица, несколько хаотичное в силу известной хаотичности всякой человеческой судьбы, авторской волей вплетены описания поворотных событий жизни моего странного героя. Я много лет знаю этого человека, но до сих пор не решаюсь судить о нем в той распространенной манере, согласно которой мы слишком легко навешиваем на людей ярлыки типа «умный», «душа-человек», «талант», «полный дурак», «везунчик» и пр. Ярлыков много, но в них мало правды, потому что они не содержат подробностей и деталей, в которых, как принято считать, скрывается дьявол. На мой взгляд, и ангел-хранитель тоже.

* * *

Студент Петр Безбородов, лицо которого украшал клинышек иссиня-черной цыганской бородки, вел меня ранним, но очень темным ноябрьским вечером в гости к местному поэту гражданского направления. Погода была революционная. Хмурая. На официальной городской площади в центре закономерно отцветшей клумбы возвышался оранжевый столб-флагшток, на котором обвисал мокрый темно-красный флаг. В световых конусах далеко отстоявших друг от друга фонарей косо летели струи небесных слез. Так я их поэтически неточно определил. Дождь не слезы, не душ, не водопад и никакие, конечно, не струи, потому что струя непрерывна, а дождь дискретен. Я перебрал нити, потоки, ручьи, брызги, и даже слово россыпь предложило себя, но по неоглашаемой здесь причине было отвергнуто за сухое и свистящее сдвоенное «сс». Одним словом, дождь был сильным. Но это слово тоже не годилось, ибо определяло обильность, а не силу, невозможную для текучей и разрозненной плоти дождя. Так же и мороз привычно называется сильным или крепким, но это хоть как-то оправдано его умением обращать жидкую воду в твердый лед, а влагу воздуха в снежинки-балеринки. При всей своей изысканности снежинки на вкус такие же пресные, как дождинки. Соли в воздухе нет. Богу нечем посолить осадки. Он не плачет, потому что мудрость не слезлива. Мне, тайно верующему юноше, тайно желающему, чтобы милые девочки знали об этой тайне, хотелось спросить у Бога, как понимать эту непрерывную игру со словами, занимающую теперь почти все мальчишеское время и продолжающуюся даже во сне. Иногда я думал, что я психически

Виктор Перегудов родился в 1949 году в городе Лиски Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского университета, работал в воронежских, а с 1980 года в центральных изданиях, издательствах, на госслужбе. Автор книг «Великие сосны», «Сад золотой», «Окна и зеркала», «День и ночь любви» и других. Живет в Москве.

болен. У таких больных бывают, наверное, полеты над миром и родным языком — полеты, в которых я, как мне тогда казалось, преуспел до невероятной изощренности. «И дольней лозы прозябанье, и гад морских подводный ход» — я это не просто тонко понимал. Я это видел, и мне, конечно, незачем было спрашивать, почему Пушкин написал «гад», а не «гадов», «дольней», а не «дальней» и «лѳзы», а не «лѳзы».

Я понимал значение слов, нагруженных не изначальным смыслом. Однажды, скосив глаза, прочитал на уроке коротенькую записку, полученную моей любимой хорошей девочкой Лидой от ее подруги Нины: «У меня уже флаги были!» Лида закусила нижнюю губку и, опустив глаза, плавно кивнула Нине, что означало «У меня тоже». И каштановая челка качнулась над ее античным лбом. Я тогда ясно понял, о чем речь. Вдохновение как следствие этого понимания пало на душу юноше немного позднее, а именно по пути к местному гражданскому поэту. И началась лучшая, великая, игра в слова.

Сильнее сердца застучали (опять вылезает сила, но «быстрее» тут не подходит), Им душу (или «души»?) тревожит смятение. Так девочки флаги встречают, или испытывая, или почувствовав, или впервые расслышав... Напрашиваются волнение, сближение, обновление, но это не те, это все неправильные слова. Возвышение, вдохновение, нет. Нет. Благодарение. Может, почувствовав Благословение. Может быть, близко. Но ведь вначале «сердца застучали», и тогда откуда тут «души тревожат»?

Тревожней сердца застучали,
Девчонок тревожит смятение,
Когда они флаги встречают
Как светлое благословение...

Тревожней? «Флаги» не читаются. Буквально читаются. Флаги на древках. На крепких древках. И рифмы слишком уж слабые.

И для чего и почему смятение, если получено благословение? Да и рифмы слабые — это ведь ни о чем.

Слова позванивали во мне поодиночке, потом они переговаривались между собой, а вслед за тем то толкались, то брались за руки, обретая единственно правильное место в коробке строфы. Но если нарушали неумолимую дисциплину стихотворного размера лишним или недостающим слогом, то коробка безобразно сминалась.

Мы шли к гражданскому поэту нашего городка, а я на ходу сочинял стихотворение про девичьи флаги, трактуя их как высшее благословение.

— Что ты там бормочешь? — спросил Петр.

— Осмысляю шум дождя, — ответил я.

— До гнезда горного орла примерно двести метров. Давай рванем, а то совсем вымокнем.

Мы рванули, но ближе к концу пути перешли на ровный достойный шаг, потому что бежать на казнь, а я именно ее и предчувствовал, было бы унижительно.

Поэт перед нашей встречей прочитал, конечно, мои стихотворения, поместившись в тонкой школьной тетрадке. Я их специально переписал для него и передал через Петра; такая же была у меня. Она немного промокла; мне это казалось плохим предзнаменованием.

Я тоже заранее прочитал его тонкую книжку областной выделки. Ее дал мне Петр, но просил об этом поэту не говорить. Пусть думает, что я его преданный читатель-почитатель. Прочитанное мне не понравилось.

Летит сверхскоростной ракетой
Двадцатый наш советский век.
В нем сделает Луну советской
Советский новый человек!

Этот образчик наглой по отношению к Луне графомании я помню до сих пор. Другие стихотворения воспевали надрывную любовь к родному краю (поэт умолял родной край простить его «за все»), зарю жизни — босоное детство и готовящуюся к подвигу тревожную юность. Было много стихотворений про труд, стерильно очищенный от примет какого-либо ремесла. Ни щиплющего в носу острого сухого запаха окалина в кузнице, ни смолистого аромата желто-розовой сосновой стружки в столярке, ни цветения только что наклеенных, чуть сырых обоев столь деликатного и убедительного рисунка, что обои должны были бы, в стихах, пахнуть, как пышные осенние георгины.

Зато часто упоминался пот — рабочий, соленый, горячий, крупный — и это неопровержимо свидетельствовало о природной лени автора. И в каждом стихотворении выпирали строки, представлявшие постыдный грех перед русским языком. К примеру:

Паровозы гудят! Тут составы
Через реки спешат по мостам,
И причины заслуженной славы
Из окон здесь видны тут и там.

Перед вечерним визитом мы упивались шедевром славного поэта. Там повествовалось о посещении автором Мавзолея на Красной площади. Блистали такие перлы: «А он лежит, такой безукоризненный» — о сакральном прахе, и «Огни социализма кружевой» — о подземном свете мавзолеевых лампочек.

На уютной окраине нашего городка мы остановились перед домом поэта. Калитка была гостеприимно не заперта, и мы вошли во двор. Собака, слышав нас, захрипела в чреве большой кирпичной будки — уменьшенной копии дома. Мы поднялись на крыльцо. Нам открыл сам хозяин с трубкой в зубах, в шейном платке тропических цветов поверх белого свитера крупной арктической вязки. Он был похож одновременно на Хемингуэя и Вознесенского. Разулись в прихожей. Хозяин дома провел нас в гостиную, и мы сели за круглый стол.

— Я поэт Иван Ноябрьский, люди знают, давайте сразу за работу. Время дорого, друзья. Спешите, пока горит свеча! — сказал поэт, пыхнув трубкой. — Чаю можно сразу налить.

Сахарница, заварной чайник, чашки и блюдца с детским земляничным рисунком стояли на столе тремя парами. Никелированный, холодно блестящий самовар претендовал на родство с медальными тульскими, но гордился тем, что он внутри электрический. Чай был заварен на местных целительных травах, собственноручно собранных поэтом, о чем он нам поучительно сообщил. Под вступительный глоток чая Ноябрьский спросил, давно ли я пишу. Я ответил, что с четвертого класса.

— Сейчас ты, Александр, хотя и не Пушкин, — он хохотнул, — в девятом?

— В десятом. И я Сергей, а не Александр, — сказал я.

— Ну, и что же пишет нам десятиклассник и комсомолец Сергей не Есенин? — Ноябрьский обратился к Петру. — А он нам вот что пишет.

Это менестрели запевают,
 Это жизнь в бокалы наливает
 Слезы, вина, летние дожди,
 Это тысячи любовью созревают,
 Верь в одну. Она придет, я знаю. Жди.

Строфа, на мой взгляд, была невинной и даже, в духе советской эпохи, оптимистической. В восьмом классе я ее написал.

— А, Петр? — воскликнул Ноябрьский. — Что скажешь, как будущий преподаватель русского языка и русской литературы?

— Я на историческом факультете учусь, — уклонился Петр.

— Так тем же более, тем же более! — оживился Ноябрьский. — Смотри, вернее, слушай, — он обращался к Петру, как бы не замечая меня. — «Это менестрели запевают». Где они запевают? Кто они? Исполнители народных песен? Наемные певцы в замке барона? О чем поют? Надо же хотя бы намекнуть на содержание. Неясно! «Это жизнь в бокалы наливает». Наш комсомолец о чем тут мечтает? О винах в бокалах? Что он нам пророчит на наши головы? Слезы?

— На ваши головы я пророчу летние дожди, — сказал я.

— Помолчи пока, юный пророк. Тысячи любовью, это как? На сколько человек?

— Должно всем хватить. Влюбленным, — улыбнулся я.

— А глагол «жди» в повелительном наклонении ты у кого украл?

— Ни у кого.

— У Константина Симонова. У великого советского поэта и писателя-фронтовика. «Жди меня, и я вернусь...» — подвывая, он романтически закатил глаза.

— «Только очень жди», — сухо закончил я. — Я домой хочу, дядя Петя!

— А я никого не задерживаю, — поэт перевернул пустую чашку и поставил ее на блюдец.

— Так тем же более, тем же более! Дядя Петя, валить отсюда надо! А то нас повяжут! — хулигански воскликнул я.

Да, в те годы я был способен на такие поступки!

Когда мы с Петром вышли на крыльцо, дождя не было. Гряды темных облаков двигались по небесному полю с северо-запада. Собака на нас даже не захрипела. Фонарь на столбе покачивался под ветром.

— Мало у нас в городе фонарей. Но ничего, скоро народ сотни лампочек кружевой развесит, — сказал Петр.

— И сделает Луну советской, — засмеялся я.

— Ты на него не обижайся.

— Я не обижаюсь, — сказал я.

— Я тебя специально к нему привел. Привыкай к реалиям литературной жизни.

Если Петр так их себе представлял, то он был простодушным оптимистом, но это я понял гораздо позднее.

Когда мы шли по Первомайской, сзади, из-за поворота, показался автобус. Они редко тогда ходили (вот язык у нас — автобусы ходили!). Мы припустили бегом к остановке, но автобус нагнал нас, остановился и дружелюбно открыл переднюю дверь.

Мы вошли. Водитель приветствовал нас необычными словами:

— Милости прошу на борт, господа! Петя, привет тебе! И тебе, быстроногий отрок.

Мне понравилась молоденькая красивая кондукторша. У нее были алые губы, большие черные глаза под соболиными, напоминающими крылья бровями и длин-

ные фортепьянные пальцы. На конечной остановке водитель сделал перерыв на двадцать минут, по ночному расписанию. Открыл обе двери, пассажиры, молодые ребята, пять друзей водителя, кондукторши и Петра, собрались на задних сиденьях. Они все в этом автобусе друг друга знали. Распили по кругу три бутылки красного вина. Не обошли и меня.

Дождь закончился. Мы курили и обсуждали фильм «Мужчина и женщина». Мы с разных точек зрения о нем судили, откровеннее, наверное, чем если бы это было днем и между трезвыми. И я свое, с поэтическим нажимом, слово к месту вставил. Людочка, так звали кондукторшу, взглянула на меня с ободряющим интересом и хмельно заявила:

— У нас девушки иногда тоже на первом свидании дают!

Меня обожгло. Я потом уснуть не мог. А в школе утром смотрел на свою любимую девочку, которая не знала, что она любимая, и думал про нее и не про нее: как это — на первом свидании? Как это может быть?

И я не понимал, что я испытывал от этих мыслей. Но смелая автобусная Людочка не уживалась во мне с любимой Лидочкой.

* * *

Я стал ходить по вечерам на последнюю остановку ждать автобус. На маршруте их было несколько, и в каком приедет Людочка, я знать не мог. Но мог видеть. Мне было не холодно ждать, потому что я был в красивой теплой куртке с подкладкой. Не в магазине купленной, как же, разевай рот шире, а в привезенной братом из портового города Таллина. Там говорившие между собой на русском таллинцы прервали свою наполненную паузами беседу, когда брат спросил их, где можно купить ликер «Вана Таллин». Таллинцы посмотрели друг на друга, и один таллинец сказал моему брату: «Мы не понимаем русский язык», а второй таллинец согласно кивнул головой. Он тоже не понимал значение слов «Вана Таллин».

Брат спросил, понимают ли они немецкий:

— Sprechen Sie Deutsch?

— Ja, natürlich ist es eine schöne Sprache!

— Это точно, — сказал брат. — А я в Берлине служил, командир танка.

Время идет и идет, и их случившийся в прошлом веке короткий многозначительный разговор на двух языках наливается горькими смыслами с шершавой, как наждак, исторической подоплекой.

А контрабандная канадская куртка меня в те вечера на остановке всесторонне согревала. А я согревал бутылку ликера «Вана Таллин» во внутреннем кармане. Я все заранее рассчитал. Приедет автобус, все выйдут, а Людочка останется, ведь она кондуктор. Кондукторша. Я сразу войду в автобус, как будто мне ехать надо. Водитель будет сидеть в кабине, он привык. Автобусу стоять двадцать минут. Люда меня узнает, а я ей скажу: «Люда, дайте мне билетик на счастье». А потом скажу: «В столь холодный вечер я просто обязан предложить вам хороший ликер!» А она будет отрывать мне билетик своими музыкальными пальцами, а потом даст сдачу с рубля, и мы соприкоснемся руками. Руками, а не как у Цветаевой: «И не краснеть удушливой волной, слегка соприкоснувшись рукавами».

Приехал автобус с Людочкой. Больше там никого не было. Водитель даже двери не открыл. Выключил свет. Я не мог уйти. Ждал. Через двадцать минут он включил свет. Я отпрянул за дерево.

Водитель вышел покурить.

А я, стоя за старым вязом,пил ликер и плакал злыми мальчишескими слезами. Хотя это были уже слезы юноши. Они солонее детских.

* * *

Хотя преснее слез мужчины среднего возраста. В моем случае воображаемых, потому что давно не было у меня ни единой капли слез в глазах.

Хотя я много страдал. Да на каждом этапе своей жизни!

Я, например, страдал на выпускном вечере, потому что моя любимая хорошая девочка Лида ушла из вечера в ночь до утра с моим другом.

Я страдал, когда, до армии, по пути на свидание к красивой фрезеровщице из нашего цеха меня укусила собака. Я не пришел в назначенное место в назначенное время, а фрезеровщица обиделась и не поверила, что меня укусила собака. Когда я ей объяснил, что мне колют уколы от бешенства, она спросила: «Ты надеешься, я с тобой целоваться буду после этого?» — и засмеялась.

Я страдал в армии, когда не получал писем ни от одной из девушек, а писал я, вкрапляя стихотворные строчки в основной текст, двум девушкам — на улицу Красных Зорь и на Краснознаменную. Стихотворения в письмах были разные, потому что девушки были разные.

Я страдал на смотровой площадке на Воробьевых горах, глядя на чашу Лужников за Москвой-рекой, потому что одна девушка, которая мне понравилась, поступила в университет (я в нем сейчас преподаю стилистику), а я нет. А я уж думал, что женюсь на ней.

Я очень сильно (опять сила!) страдал, когда одна студентка оставила меня ночевать у себя, потому что была, после долгой вечеринки, поздняя ночь, но студентка положила между нами, вдоль середины кровати, фломастеры в линию и сказала: «Если хотя бы руку ко мне протянешь — прокляну. Я колдунья».

То еще было мне больно, что эти фломастеры она раскладывала, выравнивая их ряд прелестными длинными пальчиками, и это волновало меня до головокружения. Так бывает с мужчинами.

Через четырнадцать лет, я точно помню, я приехал в родной городочек, где все знают друг друга, и мне сказали, что у кондукторши Люды, что жила на Первомайской, дочь отравилась снотворным. Ей и было как раз четырнадцать. Первая любовь. Беременность. Никто не знал и дознаться не мог от кого.

От известия о смерти этой незнакомой мне девочки я заболел там. Я ослаб до того, что еле ходил. Так у меня выражается моральное страдание. Я узнал адрес Людочки и послал ей денег. От кого, она узнать не могла.

* * *

Довольно давно это было, но никогда не забудется.

Я однажды сказал одной женщине, с которой был близок, что у нее красивая спина. Она, к немалому удивлению моему, неподдельно удивилась:

— А что там в ней красивого? Лопатки? Ну, я понимаю, плечи, а спина...

— Подожди, — сказал я, — а почему женщины на балах носили платья с открытой спиной?

Я описал ей женскую спину. Она сделалась угрюмой и сказала, что хочет, чтобы я немедленно увидел то, о чем только что так красиво говорил.

Мы расстались, потому что характерами не сошлись. А ведь у нее были красивая походка и длинные тонкие пальчики.

Я ясно понимаю, что это у меня такая не совсем, может быть, понятная на первый взгляд потребность или желание эстетического свойства — видеть длинные музыкальные женские пальцы. Рассматривать их. Трогать. Целовать. Пальцы, длинные, тонкие женские пальцы есть часть образа, который уже создан более ста лет назад.

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу.
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.
И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.

И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.

Ахматовой было двадцать четыре года, когда в 1913 году она написала это стихотворение. Время любить по-женски, а не по-девичьи. Но Ахматова и на склоне жизни была девочка, и в девчонках была мудрой. Это легко понять, сравнивая портрет Ахматовой, написанный Натаном Альтманом в 1914 году, лаконичный карандашный набросок «Обнаженная» Амедео Модильяни и портрет Иды Рубинштейн Валентина Серова. Серов изобразил драму женщины вне возраста, Альтман и Модильяни показали женщину, которую любит бог любви.

У моей школьной любви хорошей девочки Лиды была чудесная незавитая ахматовская челка, но я тогда не знал об этом родстве челок.

А та близкая мне женщина ходила так, будто у нее под ногами плот, а не паркет. Это не неуверенная, как можно ошибочно представить, походка, а именно почти летящая, надплотная, потому что плоть ее была божественно легка. И если вдруг такая женщина чуть споткнется, то она своими длинными пальчиками всего лишь, слегка присев, обопрется о паркет ли, о плот, о тротуарную плитку — и походка ее будет снова полет.

Таких женщин мало, и я не ищу их специально, потому что судьба ко мне благоклонна — они все-таки есть в жизни. А если их долго не бывает, я иду в театр и смотрю балет. В Большой попасть довольно трудно, но мне повезло: один мой друг, кинооператор, снимал фильм об искусстве балета, я ходил с ним, как будто я ассистент, на репетиции и видел этот адский труд, эти пальчики ног в крови, этот нервный злой накал, эти слезы обиды и боли, но главное, эти лебединые руки балерин, остающиеся лебедиными в самой обычной жизни, а не только на сцене.

...Нет, я не маньяк. И любовницы-балерины у меня нет и никогда не будет. И я понимаю, что балерины — это тоже женщины, а не божественные существа. Однажды мы с моим другом-кинооператором вино пили в компании двух балерин, не скажу, в каком театре они служат. Просто вино пили, болтали без продолжения сюжета. Я пьянел от вида их рук, а трезветь стал, когда у балерин вдруг стали проскакивать слова из той

части лексики русского языка, которая считается заимствованной из тюркской языковой группы.

И после этого очарование балеринами еще сильнее овладело мной.

Мой друг-кинооператор одно время часто ездил по стране со съемочными киногруппами и однажды сказал, что в каждой поездке он бывает с местной женщиной, и иногда не с одной. «Они в провинции любят москвичей» — так он глупо сказал, а я ответил, что настоящее наслаждение бывает только с любимой женщиной, а с кем попало — это суррогат и пошлость несусветная.

Он призадумался. Влюбился в актрису у себя на студии имени Горького, развелся с женой, а молодая жена оказалась неверной ему, и он мне сказал, что я его вывел на дорогу, ведущую к страданию. Возвышенным тоном высказал очевидную мысль.

Я ответил, что все дороги ведут к страданию. На то и любовь.

Об этом собрания сочинений Анны Ахматовой и Марины Цветаевой.

Я думаю, что в муфте Ахматова грела длинными пальчиками оранжевый мандарин. Я в этом уверен.

А я тогда стал писать стихи реже и реже.

* * *

Я стал доктором филологических наук, столичным профессором, и я давно не пишу стихов. Все это романтическое, возвышенное и трудновыразимое, что является сутью поэзии, мне теперь не дается. Дело не в технике стихосложения, это сколько хочешь. И печатать будут, но я себя уважаю.

Поэтический талант оставил меня. Я долго и мучительно это переживал.

Я избрал для себя что-то вроде литературных мистификаций. Под непрозрачным псевдонимом сочиняю серию детективов из жизни вянувшей на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков русской аристократии и энергичной плеяды тогдашних новых людей, пренебрегавших как старой дворянской моралью, так и новым железным, но в умелых руках гибким законом. Они вишневые сады пускали под дачные участки.

Таких людей и сейчас пруд пруди. И подобный жанр тоже не открытие в литературе. Но дело в том, что я тонкий стилист. Не поэт, увы, уже не поэт, но стилист, каких мало.

Это самое главное. Дело не в сюжетах, они не что иное, как варианты нескольких базовых схем. Дело всегда в стиле. А я стилист. И в литературе, и в жизни. Я в жизни много чего попробовал на вкус.

И еще одно примечание, важное: стиль — это плен. Это коридор, а не простор. Он так не осознается, но он лишает пишущего творческой независимости. Стиль — это человек, или уж лучше на языке оригинала: «Le style c'est l'homme». Как же, как же, помним старика Бюффона. Только очень часто человек стилистически разнороден, вот в чем дело. Кожа у него одна, а одежды много. Да и кожу, бывает, затейливо и иногда безобразно татуируют, как будто отказываются от своей человеческой природы.

Петр Безбородов еще раньше меня вышел в доктора истории. Мы остались старыми друзьями. Он меня консультировал, когда я закручивал сюжетные линии моих петербургских и московских, по месту основного действия, романов.

Коллеги по кафедре, кто помоложе, завидуют мне, а выходцы из позднего СССР морщатся. У них генетическая память и возможность сравнивать времена и нравы, и они считают золотым веком России время СССР, хотя Союз существовал менее века. А золотой век был у нас во времена империи.

А империя — это стиль власти.

После Сталина «большой стиль» (а он, жестокий и монументальный, был) сменился утопическими программами и был обессилен не слишком образованными вождями, не признающими высшую ценность культуры и политического стиля.

Дальнейшее известно.

Я пишу легкие увлекательные романы для не слишком требовательного читателя. Про жизнь, происходившую довольно давно до нас и даже до Советского Союза. Такие читатели любят, когда роман исподволь льстит им. Я покрываю свой современный литературный язык благородной патиной имперской лексики, оживляю в подсознании читателей впитанные ими в школе и в кинотеатрах элементы системы образов, созданной Пушкиным, отчасти Лермонтовым, во многом Толстым и поэтами Серебряного века, порожденного золотым имперским веком России. К месту тут и якобы криминально мыслящий Достоевский, которого Ленин из чувства революционной ненависти напрасно назвал архискверным. Ильич слишком высоко ставил литературно бесцветного Чернышевского, чья слава оказалась не громче относительно ее политизированного звона. На моей стороне и Антон Павлович с его очевидной пристрастностью наблюдателя и судии поступков и стремлений измученных и заблудившихся людей.

Дело в том, что все мы вместе и каждый в отдельности немного заблудились, а все дороги, как я заметил выше, ведут к страданию, и это не только о дорогах, тропинках и магистральных маршрутах любви. Это вообще о жизни. Покажите мне счастливого человека, и я напишу о нем. Но таких не бывает, потому что счастьем мы обыкновенно называем ожидание счастья в молодости и довольство удачами жизни в средней ее части. В старости мы полагаем счастьем налаженную жизнь детей, мало-мальски обеспеченный покой и остаточное здоровье. Избыточный покой, однако, доводит до хронической бессонницы, а здоровье все время ухудшается.

Потому я пишу эти свои грезы-романы, отвлекая читателей от их перенасыщенной грехами и скукой жизни, даря им возможность пережить кошмарные преступления, не совершая их лично, примерить к себе жгучую страсть в любви и ее, страсти, упоительное богатство, и благодарно, но безосновательно ощутить свою духовную близость к красоте века минувшего.

Отсюда мои огромные тиражи и неплохие экранизации. До стилизованных сериалов дело дошло.

Да, про стихи два слова. Мне однажды прислали с родины (так у нас там говорят) газетку со статьей старейшего гражданского поэта нашего городка, и он о себе сообщал в этой статье, что был моим учителем в поэзии. Во как!

А я из поэзии ушел. Нет, это она от меня ушла. Как Анастасия.

* * *

Когда любимая женщина Анастасия Румяная улетела из Москвы в Париж, якобы преподавать в Сорбонне русскую литературу, я тяжело заболел звериной тоской, мучительной ревностью и потерей смысла жизни. Я поверил в ее любовь — и получил предательство. В мои-то годы! И при моем немалом и отчасти успешном, как я полагал, мужском опыте. Но опыт пережитых любовных романов и «повестей» — этот опыт стал не нужен и даже мешал мне, профессору, доктору филологических наук Сергею Сергеевичу Ростовцеву.

Кристоф Бенуа увел у меня Анастасию Румяную с непостижимой легкостью. Французик из Бордо, как я мысленно называл Кристофа, однажды без всякого как будто повода пригласил меня поужинать. Пили мы «Божоле нуво» в «Жан-Жак». Эта мода давно уже прижилась в Москве, и ресторан не пустовал. И молодое вино, гулять так

гулять, лилось рекой. После первоначальной болтовни на смеси двух великих языков я понял, что дело не в празднике молодого вина, не в моих с Кристофом добрых отношениях и схожих научных интересах, а в том, что французский коллега хочет сообщить мне нечто важное. Он и сообщил:

— *Sergei, je ne veux pas te décevoir, mais Anastasia est devenue ma femme.*

Я отреагировал спокойно:

— Я не огорчен, что моя Анастасия не стала, но может стать твоей женщиной. Бери и пользуйся. Если получится.

— Я осторожно взял, и я буду деликатно пользоваться, Сергей, — ответил Кристоф. — Если ты так спокоен, а я рад, что ты так спокоен, то давай выпьем вина и продолжим болтать.

— Продолжим, — я привстал и через стол влил Кристофу тяжелую затрещину, соотносимую с травмирующим ударом.

— Понимаю, — сказал Кристоф, тряхнув головой, — русская культурная традиция. Духовные скрепы.

— Они, товарищ. — Кристоф промокнул платком каплю крови в углу рта.

— Я сказал Анастасии, что у нас не будет бракосочетания в мэрии. Нас не регистрируют в Посольстве России на бульваре Ланн в Париже. Мы вообще не будем регистрировать брак. Просто будем жить вместе.

— Живите, — сказал я и ударил Кристофа по левой щеке. Голова француза дернулась.

— Этого достаточно, Сергей, — сказал Кристоф. — Ты отомщен. Я получил по заслугам. Анастасия все равно будет тебя любить — я знаю русских женщин. А по лицу бить — это действительно ваше национальное проявление знаменитой духовности?

— Так точно, товарищ.

— Раньше, профессор, и русские, и французы стрелялись из-за женщин.

— Мне, Кристофер (я так его назвал), хочется тебя убить. Ты улетай поскорее.

А про русских женщин ты ничего не знаешь, — сказал я.

Бросил на стол сто евро и ушел. А насчет убить — это, возможно, не была болтовня.

* * *

На следующий вечер я пригласил Анастасию в дорогой, дальневосточный по характеру, ресторан. Она не отказалась. Мы не скандалили. Я, затаив боль, позволил себе сначала, в связи с полученным от Кристофа известием, только одну мальчишескую фразу:

— Дура ты и предательница, Настя.

— Ты говоришь, Сережа, как первокурсник. Скажи еще, огребешь с этим французишкой, — ответила она.

— А это даже не сомневайся. Огребешь. Чем он тебя взял?

— Тем. Чем любящий мужчина берет.

— А чем?

— Словесного унижения ждешь? Пострадать тебе хочется?

— А давай, не откажусь. Но сперва водочки выпьем. Под черную икру.

— Можно, — сказала Анастасия. — Сережа, я знаю, что ты на сериалах разбогател, но я не продаю себя.

— Ну да, ты себя бескорыстно отдаешь. Отдаешься. Просто.

— Ну что ты пошлишь, Сережа! Тебе не идет.

— Скажи прямо, в стиле Солженицына: тебе не личит. Нет, ну чем таким особенным он тебя взял?

— Трудно сказать. Он всего-навсего однажды предложил мне поездку из Парижа в Довиль. В прошлом году. По пути из Довиля в Париж он сказал, что мы проверим наши чувства в Москве. Он не наглед. Прошло довольно много времени. Все это время ты раздумывал насчет свободы. Думал, что если женишься, то и свободе конец. Что мне было делать, Сережа?

Я молчал. Потом спросил:

— Это кино тебя так опрокинуло? «Мужчина и женщина»? Я помню, ты этот фильм обожаешь. Там ведь эта дорога между Парижем и Довилем? Это же до твоего рождения было снято.

— И до твоего. Но после моего и твоего рождения, Сережа, на этом уровне ничего сделать не удалось. А музыка... А Анук Эме... А Трентиньян!

— Я это все допускаю. Бывает. Но слушай, не дури. Чем он тебя взял?

— Я все ждала, что ты на мне женишься. А ты на мне никогда не женишься. Я так понимаю, что ты меня изучаешь. Что-то от меня берешь для своих роковых дворянок и страстных мещанок. Узоры срисовываешь с моих бабочкиных крыльев перламутровых, правильно? А мне как-то жить надо. Не как-то, а хорошо, надежно. Но ты не заметил, что на моих трепетных крылышках выгравирован, среди прочих узорчиков, узор гильюши. Он бывает на купюрах. Соотечественник Кристофа его придумал, инженер Guillot. Для защиты от подделок.

— И что, Настя?

— Я беднячкой не хочу быть, вот что. В университетскую ученую воблу не хочу превратиться.

— Хочешь быть владычицей морскою?

— Думай, как хочешь. Долго он со мной не будет, у него пропеллер в душу встроен. Это я тебе, знаешь, почему так откровенно говорю?

— Почему?

— Потому что ты хочешь Кристофа убить. Он в русской любви ничего не понимает. Убьешь его — я к тебе вернусь. Простишь меня?

Я не ответил прямо. Я сказал:

— Скоро он, возможно, поймет про нашу русскую любовь. Насчет простить — не знаю. Тебя бы лучше придушить, я считаю. Но тут неудобно. Люди кругом. Проводить тебя в аэропорт? Это было бы по-французски. Кристоф бы оценил.

— Я бы тоже, честно, оценила. Но не надо, не провожай.

— Почему?

— Зачем международный скандал между вами устраивать?

— И то правда. Это я могу. Настя, сейчас носят меховые муфты?

Она не удивилась моему вопросу, ответила так:

— Будет мода — буду носить.

— Тогда играй в муфте оранжевым мандарином.

— Обещаю, — сказала Румяная.

Я проводил их в аэропорту, но они меня не видели. А Анастасия, я заметил это, украдкой оглядывала зал. Искала меня глазами. И я подумал, что живу в одном из моих сериалов. Переехал в него из собственной жизни. Я заболел. Ни в какую ее и их любовь я не верил.

* * *

Два года назад, когда я поближе познакомился с экономическим бандитом Игорем Литвиновым, то очень удивился моральной простоте этого человека. Как-то зашел

у нас разговор о его семейной беде. Его сын, семнадцатилетний девственник Миша, посадил к себе в машину девушку с обочины. Он предполагал, что такая всему научит и смеяться над его неопытностью не станет. Девушка подошла к делу серьезно. Влюбила в себя дебютанта любви, вовлекла его в несоразмерные расходы. И он сказал отцу, что ему плевать, что она бывшая проститутка, что он ее любит и скоро женится на ней, а если отец против, то такой отец ему не нужен. Игорь ответил сыну Мише, что поперек такого чистого и сильного чувства пойти не может, сам любил, поэтому единственного своего сына понимает и поддерживает.

— Ты что-то с ней сделал? — спросил я.

— Нет, зачем? Просто она с тех пор не появляется в Москве. И никогда не появится.

— Она жива? — спросил я.

— Ты что, дурак? На хрен она мне нужна, трогать ее! — ответил Игорь.

Он ее перепугал до полусмерти, она уехала из Москвы, залегла там за уральскими горами и телефон поменяла. Он ей денег дал. Откупился. Сына выкупил. Я допытывался у Игоря, какие у нее пальцы, длинные или нет. Он сказал, что да, длинные. После этого в моей бедовой голове завязался сюжет роскошного сериала. Юный, взрослеющий от серии к серии герой решил, по моему замыслу, расставаться с девственностью там, где в конце девятнадцатого века это делали юноши из приличных московских семей. То есть в одном из публичных домов в одном из переулков близ Трубной площади. Неким необъяснимым для нелитераторов образом я объединил в своем воображении смерть девочки, в реальности случившуюся в моем городишке, историю Миши, которого наделил страстью к тонким и длинным женским пальцам, мою Анастасию и Кристофа. Петр Безбородов сохранил в моем замысле звание профессора и призвание историка, став отцом юноши Миши. Районный графоман превратился в истрепанного развратом литературного старика, на которого в сериале пало страшное подозрение в совращении невинной девочки. Совратил же ее француз Кристоф. А раскрыла преступление, то есть расплела туго затянутый узел, энтузиастка анализа и сыска Анастасия. Своими божественными пальчиками расплела. Для этого ей пришлось ехать в Париж и оттуда выманить Кристофа в Москву. Такая вот стилизация. Все это варилось и бродило в моем воображении, и я наслаждался замыслом мелодрамы, выстраивая сюжет, упиваясь диалогами и восхищаясь своим даром тонкого стилиста. Но дар этот слишком далеко меня завел, потому что литературный замысел пытался воплотиться в жизни. Я заболел болезнью творчества, и мне безумно хотелось погубить Кристофа в сценарии. Может, прямо в Париже. Чтоб он в Сене утопился. Или об Лувр головой разбился. Об стеклянную масонскую пирамиду во дворе музея. Которой, кстати, в те времена еще не было. Еще не набрали масоны той силы, которая появилась у них в двадцатом веке. Да черт с ним, со сценарием. Настя Румяная не ошиблась: я задумал убить Кристофа.

* * *

И вот я вспомнил этот разговор с Игорем и позвонил ему. Мы с ним встретились в центре Москвы в баре. Поговорили, обсудили мою ситуацию. Я спросил:

— А если человек живет, скажем, в Бельгии? Можно его наказать?

— Где он живет? Про Бельгию врешь ведь.

Я рассказал Игорю всю мою историю. Даже то, что Кристоф с полуживым богатым отцом живет в Париже. И Настя там же. Только, сказал я, ты забудь навсегда все это. Ничего делать не надо.

— Ты не понял ситуацию. Ты мне друг, и ты руку уже поднял. Теперь я возьмусь за дело. И не бесплатно.

Я не понял смысла этих слов, а зря.

* * *

Я вскоре выяснил, что означают его слова о том, что я поднял руку и теперь он сам возьмется за дело. В криминальном мире, если, например, бизнесмен просит одних бандитов дать ему «крышу» от других бандитов, то эту крышу ему дают, но половину бизнеса отгрызают. Или весь. Такова бандитская справедливость. А что он собирался у меня отгрызть за причинение Кристофу несовместимого с жизнью вреда? А вот что: мой талант. И это было серьезное намерение. Игорь был экономический бандит с культурными чудачествами. Любитель Бодлера и Рабле, презиравший почему-то Диккенса и часто говоривший об этом своим презрением как о какой-то особой и редкой заслуге. Слушал органные концерты, «Токкату» Баха часто, с плеера. Но об этом я узнал несколько позднее, а тогда, после того, как я «поднял руку», он напросился прийти ко мне на факультет. И пришел. И сказал, перейдя на академическое «вы»:

— Я тут в священных стенах оробел, как студент на первом экзамене. Хотел я стать ученым, да куда мне. Рад бы в рай, да грехи. Тяжкие. Стал сочинителем, начинающим. Дилетантом. От юности моя борют мя страсти. Литературные.

Я спросил без обиняков:

— Понятно. Прозу пишете?

— Как вы догадались, Сергей Сергеевич?

— Лексика, Игорь Александрович. Характер. Склад личности.

— Я автора строчки о страстях не знаю. А музыка, я помню, Чеснокова. Я хор Мина люблю. И орган.

— Мы в таком случае могли быть слушателями на одном из концертов. Текст принадлежит, скорее всего, святому Феодору Студиту. Возможно, его брату архиепископу Солунскому Иосифу.

— Для меня ваши слова сами по себе музыка. А уж на концерте мне вдвойне приятно было бы, Сергей Сергеевич, увидеться.

— И я бы, мне кажется, не огорчился. Но что вас ко мне привело?

— А мы могли бы не у вашей кафедры переговорить?

— Парижские тайны? — спросил я.

— Мадридского двора, — ответил Игорь, и мы приятно засмеялись.

Когда мы уединились в Чеховской аудитории, то он первым делом спросил, почему она так называется. Этот вопрос, до основного разговора, мне понравился.

— Аудитория могла бы называться Чаадаевской, Грибоедовской и Булгаковской. Причину вы, конечно, понимаете. Но давайте к делу, у меня пара через полчаса.

— Понимаю. Понимаю. Сергей Сергеевич, я принес вам рукопись. Всего их три. Эта первая.

— Почему не прямо в издательство?

— Потому что текст должен быть безупречным. Знаю, сейчас и муть печатают, но я хочу большой судьбы для того, что я пишу. И огромного тиража. Серилал что-бы потом сняли.

— Это понятно, это, простите за прямоту, стандартное желание. И все равно вам лучше сразу в издательство. Или прямо на киностудию.

— Нет, Сергей Сергеевич, нет. Я прошу вас не как редактора, а иначе, в другом качестве, вы сами определите свою роль в проекте, стилизовать три рукописи. Две под Булгакова, одну под Чехова.

— Игорь Александрович, это, вы уж простите, нелепая, а потому и невозможная просьба.

— Да ладно, — сказал он. — Я вам деньги заплачу. Ну, и с Кристофом разберусь.

— Как? Каким образом?

— К нему мои люди поедут. И накажут. И с Румяной Анастасией разберутся.

— Как?

— В Москву ее привезем. Ей Кристоф не нужен будет.

— Почему?

— Он ее из-за страха бросит.

— Откуда у него страх возьмется?

— Мы ему средний палец отрежем.

— Игорь, ты спятил?

Мы произвольно перешли на «ты».

— Да шучу я! А вот ты попал. Ты руку поднял!

— Ты, может, и мне палец отрежешь, если откажусь?

— Ты не откажешься.

— Почему?

— Потому что тебе такого сюжета не выдумать, какой самой жизнью сейчас пишется.

Он прав! Я тупо замолчал. Потом воскликнул:

— Да черт вас всех дери с вашими пальцами! Не хочу я ничего.

— Хочешь, — сказал Игорь.

— Чего я хочу?

— Набухаться. В кабак не зову. На поселок ко мне поедем. Там поймешь, что такое настоящая баня. Скажи мне, какой русский не любит быстрой езды? В сторону настоящей бани.

И чем все происходящее не годилось для сценария нового сериала, задуманного безумным стилистом?

* * *

После посещения бани меня стала мучить депрессия. Я взял академический отпуск и целыми днями лежал, униженно обессиленный, в постели. Ждал Зинаиду. Всякий раз когда она приходила, шутливо предлагала себя одной и той же несколько комической фразой: «Давайте, Сергей Сергеевич, утолим наши печали». Я, автоматически следуя предложенной лексике и интонации, отвечал: «Зинаида, я бы и рад, но планеты нынче никак тому не благоволят». Все это была ставшая привычной игра. Зинаида понимающе молчала, потом наигранно фыркала. Мы улыбались друг другу, я лишь краем вялых губ. Она шла делать бутерброды с красной для себя и щучьей, крепко соленой икрой для меня. Прикатывала к моей постели сервировочный столик с бутербродами, кофе и медом, и мы завтракали. Очень редко, если был вечер, пили коньяк, но не французский, потому что после отъезда Анастасии все французское я отверг. Однажды у нас произошел откровенный разговор.

— Зина, — сказал я, — если еще раз подашь мне кофе с виагрой, я тебя придушу.

— Можно посылить чего, если на вас не действует, — она по привычке наигрывала сельское простодушие.

— Вижу, надо прямо сейчас душить. Зинка! Уймись!

— Сергей Сергеевич! Вы не поняли, — она говорила теперь совершенно серьезно. — Ну, уважаю я вас. Ну, жалко вас. Ну, помочь хочется. Да забудьте вы ее!

- Кого забыть?
- Сами знаете кого.
- Я тебе запрещаю о ней говорить. Это — не твое дело.
- Да. Я понимаю. Просто у меня женское сердце.
- Я тоже понимаю о сердце. Иначе ты бы здесь никогда не появилась.

Дело в том, что однажды, когда температура перевалила за тридцать девять, я не разрешил ей вызывать врача и в горячке рассказал свою историю с Настей и Кристофом, с Людочкой, с ее несчастной дочерью. Потом пожалел об этом. С первой нашей встречи у Игоря в бане я испытывал к Зинаиде всего лишь целомудренную нежность. В этом чувстве теперь как раз и скрывалась причина невозможности постельной терапии и для Зинаиды, и для меня. Вросший в сознание корень такого нашего солидарного состояния я без труда отыскивал в недалеком прошлом, точнее, в одном вечере, не получившем ночного продолжения.

Это был тот вечер, когда я поехал в баню. Баня на усадьбе Игоря в элитном поселке была роскошной. Большой мраморный бассейн, мозаичные, под античность, стены, блестящий шест для стриптиза, розовая спальня с широкой постелью, дубовый стол с креслами вокруг, стилизованная, как бы доколумбовой эпохи, географическая карта над столом. Собралась традиционная, как оказалось, компания — четверо относительно молодых, от тридцати пяти до сорока, здоровых благополучных мужиков. Один — Ростислав — был основной хозяин и этой бани для своих, и всего коттеджного поселка, который он построил вместе с друзьями. Второй был Игорь. Третий совладелец поселка — Леонид — был набожный, осторожный, бывший военный человек, который в основном и занимался всеми поселковыми делами. В крепостной будке красноцерковного кирпича на монументальном въезде на территорию поселка сидел крепкий седой охранник с автоматом. По торжественным православным праздникам он звонил в колокола часовни. Их было три, знаменитого воронежского литья, прекрасного сферического звука. По воскресеньям в двенадцать часов дня стрелял большим облаком конфетти из потешной пушечки-мортиры. К этому выстрелу всегда собирались дети поселка. Обыкновенно няни их приводили. Обо всем этом я позднее узнал, когда Игорь сказал, что этого звонаря надо в Париж свозить. Я решительно отказался. Три владельца поселка были прототипами трех сочинений большого графоманией Игоря. Мы все тогда надрались чем покрепче, напарились, наплавались в бассейне под органные хоралы, опять напарились, а потом откуда ни возьмись появились девушки. Но еще до их прихода я до безобразия раскис. Ко мне подседа одна из девушек, и я окончательно опьянел, когда увидел ее длинные музыкальные пальцы. Она взяла меня за руку и увела в спальню. Знала туда дорогу. Легла.

- Как вас зовут? — спросил я.
- Кто как. Вы как будете меня звать-называть?
- Как вас зовут?
- Зинаида.
- А по отчеству?
- Степановна. Да чего вы чудите? Разогреть вас?

Она взмахнула руками, как крыльями, пальцы были как лебединые концевые перья. Я истерически зарыдал от стыда. Встал, вышел к столу, сказал, что ничего не хочу, а хочу немедленно домой. И что я заболел. У меня и впрямь сердце засигналило непонятной болью.

- Зиночка тебе не понравилась? — спросил Игорь. — Накажу ее.
- Да не трожь ты ее! Черт! Женщин беречь надо. Не обижай ее. И без того она в беде.

— Как скажешь. Тебя сейчас домой отвезут. Хочешь, с собой ее возьми.

Зинаида с радостью поехала ко мне домой, спокойно выпалась на диване в кабинете, а утром приготовила завтрак и сообщила, что с веселой жизнью завязывает.

— Русский и литературу буду в школе преподавать. В Москве учителей не хватает, а зарплата приличная. Квартира у меня есть. Ипотеку закрываю. У меня высшее филологическое. МГУ. Вы у нас как-то лекции читали, подменяли нашего преподавателя стилистики. Литературной деятельностью, может быть, основательно займусь.

— Что? — изумился я.

— Да у меня, если хотите знать, публикации есть. Да что вы удивляетесь? Вы, я гляжу, не в себе.

— У меня сердце болит.

— Я вам «скорую» вызову.

— Не надо. Справлюсь.

— Ладно! А почему вы удивляетесь, что я пишу?

— Я с нынешнего утра ничему не удивляюсь. Русского литератора удивить невозможно. Он сам кого хочешь удивит.

— Я, когда мне плохо на душе, литературой лечусь, — сказала Зиночка.

Я ответил:

— Литература не лекарство, а боль.

Зинаида Степановна задумалась. Больше я ее никогда не видел. Стихотворения ее я нашел на литературном портале. У нее было то, что называется словом «способности».

* * *

Безумная мечта убить Кристофа снова завладела моим подсознанием. Это состояние я по трезвому размышлению определяю как помрачение разума. Оно потом бесследно исчезло, хотя замысел мог быть осуществлен при помощи Игоря даже без эксплуатации моего таланта. От дружеского содействия литературно беспомощного бандита-интеллигента я откупился тем, что подарил ему труды Лотмана, Гаспарова, Томашевского, «Родную речь» Вайля и Гениса и Энциклопедический словарь юного литературоведа. Игорь сперва увял, но потом благодарил меня за то, что я, как он выразился, вознаградил его высшим знанием. В благодарность он пригласил меня слетать во Францию, просто так, не убийства Кристофа ради, а чтобы побродить по Парижу, где над Латинским кварталом и Люксембургским садом витает дух Бодлера. Он растрогал меня тем, что нашел некую странную параллель между моей историей и драмой, пережитой Шарлем Бодлером в детстве, когда его отец после смерти жены — матери Шарля — женился на другой женщине, которую юный Бодлер возненавидел. Не сломаться в первой в жизни трудной жизненной ситуации помогла ему милая служанка Мариетта, которой он впоследствии посвятил стихотворение «Служанка скромная с великою душой». Игорь читал наизусть:

Холодным декабрем, во мраке ночи синей,
Когда поют дрова, шипя, в моем камине, —
Увидевши ее на креслах в уголку,
Тайком поднявшую могильную доску
И вновь пришедшую, чтоб материнским оком
Взглянуть на взрослое дитя свое с упреком, —

Что я отвечу ей при виде слез немых,
Тихонько каплющих из глаз ее пустых?

Читал и плакал. О себе же, применительно к незадавшемуся литературному творчеству, цитировал из Бодлера: «Я не чувствую призвания к чему бы то ни было». Я сказал Игорю, что перевод «Служанки» не слишком хорош, потому что петь и шипеть одновременно дрова в камине не могут. На худой конец следовало бы перевести «горя», а не «шипя». Он согласился. А я подумал, что бывает все же, что горящие дрова поют сухие, а сьрое полence может зашипеть.

Мы добрались до Парижа, поверх санкционных барьеров, через Анкару и Афины. Париж 2024 года мне не понравился. Недавней Олимпиадой попахивал, как мне показалось, но потом великий город все же взял свое. Но я там все равно налился новой ненавистью к Кристофу. Позвонил ему. Предложил встретиться поговорить. К моему удивлению, он легко согласился, не почувствовав, видно, что к нему смерть искоса присматривается. Игорь подсказал мне, что встретиться лучше всего в известном ему знаменитейшем кафе «Le Pгokore», но Кристоф объяснил, что там длинный лист ожидания, с улицы так просто не зайдешь.

— Решим, — сказал Игорь. — Пусть не переживает.

— Мы зайдем, не переживай, — сказал я в телефон.

— Готовьтесь к сюрпризу, господа москвичи, а я, со своей парижской стороны, полностью готов, — ответил Кристоф по-русски, но непонятно. Я не хотел встретиться там с Настей и сказал, что это плохая идея — встретиться там с Настей.

— Я огорчен, — сказал Кристоф.

«Ну, еще бы», — подумал я.

Игорь известным ему способом мгновенно организовал нам столик, к удивлению Кристофа. Еще до его прихода мы полюбовались треуголкой Наполеона в стеклянной витрине. Он ее когда-то оставил тут в залог, потому что ему нечем было расплатиться за обед. Появился Кристоф, присел за столик, слегка кивнув головой, потом спросил на французском:

— Серж, а где же Анастасия?

— Настя где? — встречно и грозно спросил я.

Он с неприятным изумлением вытаращился на меня:

— Как это где? В Москве!

— Лжешь! — воскликнул я.

Кристоф долго смотрел на меня. Молчал. Набрал телефонный номер и отдал мне телефон.

— Ты зачем, забытый и ненужный, мне звонишь?

Анастасия говорила на французском ледяным голосом.

— Ты не забыта, и ты мне нужна, Настя!

Она, ошеломленная догадкой, молчала несколько мгновений. Потом спросила шепотом:

— Ты его убил? Ты же с его телефона звонишь. Ты же этого моего номера не знаешь.

— Нет, пока не убил. Есть за что?

— Сережа, я с ним даже не спала! Я на третий день в Москву вернулась.

— Почему мне не позвонила?

— Поверишь? — спросила она.

— Поверю, — ответил я.

— Гордость и стыд, — сказала она.

Я ответил последним словом моего юношеского стихотворения:

— Жди.

— Полетели домой, — сказал я Игорю. — Дело закрыто.

Игорь вынул из сумки и положил на скатерть стола большие ножницы по металлу. Кристоф напрягся.

— Не бойся. Это подарок. Игорь — известный в России скульптор по металлу, — сказал я.

— Ну вас к черту, русские! — ответил Кристоф.

— У нас лучшие в мире женщины, — буркнул я. — Набери еще раз Настю.

Он снова набрал номер и дал мне трубку.

— Настя, я тебе, когда в Москву лететь будем, стихотворение напишу.

— Жду, — ответила она.

* * *

В Москве я к вечеру заехал к ней и привез ее к себе домой. Мы долго разговаривали, но я только музыку запомнил из этого разговора. Потом — потом — потом Настя спросила:

— Ты обещал мне стихотворение написать.

— Я написал.

— Прочитай.

Я прочитал:

Бывает, встретишься глазами
И долго помнишь встречный взгляд.
И думаешь: уж не она ли
Во сне звала тебя назад?

В минуту юности далекой,
Откуда прибыл ты сюда.
Там зелена была осока.
Там глубока была вода.

Лесное озеро сияло,
Был несказанно нежен день,
И безмятежно возлежала
Там девушка, не прячась в тень.

Мы с ней встречаемся глазами,
Но солнце нам слепит глаза.
Слюдой блескучей между нами
Ее слеза, моя слеза.

Но помню взгляд...

Настя долго смотрела на меня. Сказала:

— К тебе талант вернулся.

— Любовь, — ответил я. — Любовь. Любовь.

МАША

О, если бы знал я, как прекрасна и легка будет дорога из Петербурга в Москву по завершению особой миссии, вмененной мною себе самому и исполненной в Северной столице. В жизни у меня, как, верно, и у каждого человека, случались ошибки и иллюзии. Иллюзии были иногда чудесны, а из ошибок некоторые следует признать драгоценными. Я был вознагражден одной большой и одной несостоявшейся любовью. Ни первое, ни второе чувство никогда больше не сможет повториться, как не может повториться рождение и смерть. В моем повествовании двух моих героев (они жили в девятнадцатом веке) разлучила смерть.

Женщина, с которой мы так и не смогли полюбить друг друга, обрела надежду на любовь своего кумира, великого ученого (не меня).

Я, повторю, вознагражден любовью. Что ж, короткая увертюра сыграна. Начинается балет характеров, обстоятельств и судеб, который я представляю в этом моем правдивом повествовании. Речь пойдет о любви, как вы, верно, догадались.

* * *

В четвертом часу звездопадной августовской ночи я глубоко вздохнул, поставил точку в рукописи моего романа и почувствовал, что голова кружится от усталости. Я подошел к открытому окну и сказал, глядя на луну, похожую на старинную музейную монету:

— Прощайте, граф Лев Алексеевич Перовский! Отпустите вы меня, наконец.

— С Богом. Отдохните, Егор Андреевич, — прошелестело из открытого окна. — *Votre roman ne dit pas tout sur moi, mais tout ce qui est dit est vrai.*

Перевожу с французского: «В вашем романе обо мне сказано не все, но все сказанное является правдой». Никогда ни один мой герой ничего подобного мне не говорил. А сейчас это случилось! Жаль, я не пью шампанское, но каплю коньяка ночью по знаменательному случаю это можно. Это и Перовский мог себе позволить, подписав, например, для представления на высочайшее имя записку, исполненную веского исторического смысла. Он был выдающимся архитектором государственно важных письменных сооружений, но доводить их до стиливого блеска поручал начальнику секретного отдела Министерства внутренних дел Владимиру Далю и коллежскому секретарю того же министерства Ивану Тургеневу, который, по глухим сведениям, был одно время резидентом русской разведки во Франции.

Пишу об этом по той причине, что согласен с Пушкиным, утверждавшим, что «роман требует болтовни». Хороший рассказ тоже. Но лестно, однако, что Перовский, явившись мне при свете нумизматической луны, назвал истинно правдивым мое художественное все-таки сочинение. Хотя чего удивляться, он ведь, будучи бюрократом имперской выделки, обладал отменным художественным вкусом.

Утром я нарочито сдержанно, между делом, сказал Маше-жене, что закончил роман и совершенно в нем уверен. Невиданной красоты женщина одобрительно хмыкала, но не понуждала быстрее ехать в издательство за толстым авансом.

— Стерляжку уху, значит, будешь варить, писатель? — спросила Маша.

— А как же! Шесть ух уже мы с тобой съели по подобному поводу. Терпи, Маша! — воскликнул я.

— Чего терпи! Я стерлядь-то уже разморозила, писатель. И раков. Сердцем учуяла твою потребность. Слышала, как ты ночью сам с собой разговаривал.

— Что же такое я говорил, чуткоухая Маша?

— Ай да Гринев, ай да с... сын! Вот это самое ты говорил!

Я покраснел и ответил:

— У меня веская причина была!

— Знамо дело! Знаю я вас изнутри и снаружи! Все вы таковы, писатели!

— Кто все, Маша? — вкрадчиво спросил я и взял в руки острый нож.

— Гении, — сказала Маша.

— Дай я тебя поцелую! — вскричал я.

— Ну, целуй меня, целуй, хоть до крови, хоть до боли, — пропела она из Есенина. —

Иди-ка ты сюда, писатель. О, остолбенел! Иди, иди, не бойся! Ну, иди же!

Потом мы варили уху. Стерляжья уха хороша с холодной водкой, но Маша парадоксально выбрала для себя красное вино. Я спросил, откуда у нее эта дикая, если не сказать безобразная прихоть. Ответ ее был неопровержимо убедителен:

— Мне вкусно. А ты почему пьешь водку? Она горькая, писатель.

— Потому, Мария, — высокомерно отвечал я, — что мой коллега, он тоже писатель, Гоголь, писал так: «Стерляжья уха с налимами и молоками шипит и ворчит у них меж зубами». Но это только у меня, Маша-жена. Я ведь ледяной водки выпил большую рюмку. А у тебя не шипит между зубами.

— Ты страш-ш-ш-ный, — зашипела Маша, и я захохотал.

Счастливым случился день, но сколько-нибудь беспечное счастье долго не длится. Я уже тогда знал, что Перовский не отпустит меня. Он ведь сказал «Отдохните». Значит, снова явится, бесплотный, но давящий на мою волю гость. Я в моем романе должен был ярче писать о его любви к Екатерине Горчаковой, так он считает. А я лишь теперь, по завершении рукописи романа (уже понимаю, что не завершил я ее), догадался, что все, что делал Перовский после смерти жены, было посвящено ей и ею вдохновлено. В министерских своих трудах он стал неистов и ревностен до фанатизма. Превратившись в аскета и жестокого к себе трудоголика, он сотворил и реализовал множество государственно полезных инициатив и реформ. Данью красоте было его страстное увлечение археологией, результатом чего стало, прямо говоря, учреждение археологии в России и обогащение Эрмитажа коллекциями Перовского. И никогда после ухода Екатерины Горчаковой не любил он ни одной женщины. Никогда.

Граф Лев Алексеевич Перовский снова усадит меня за роман. Не отстанет, а ведь мне надо уже делать одно важное новое дело. Начать новую книгу. Я решил не откладывать работу в долгий ящик. Тем более что книжное издательство, где ждали рукопись о графе, придерживалось исторического направления, а потому финансово бедствовало и авансов не давало. Подождет.

* * *

Я торопился хотя бы начать новую работу. Непонятно посуровев, как это бывает в начале творческих мук, открыл новый файл. И тут же заторможенно задумался. Олеша писал, кажется: «Ни дня без строчки!» Да ладно! Ни дня...

Меня тогда уж очень душила жара. За тридцать три градуса она перевалила на пике солнечной бури. В одну неделю дом перегрелся под напором яркого светила. Краснокирпичные сталинские стены не успевали остывать за короткие ночи. Квартира превратилась в капсулу с горячим воздухом. В рабочий полдень поперхнулся и отключился кондиционер. Не приносили облегчения ни душ, в котором даже холодная вода была теплая, ни шуршащие, как дождь, вентиляторы.

И не дарил блаженства бледнеющий от лимона чай в большой фарфоровой кружке. На ее белом боку была изображена тройка коней, влекущих сквозь национальную метель то ли большую кибитку, то ли небольшую карету. Я домысливал картину в не слишком оригинальном подсознательном направлении. Назову его интимистическим. В обитой изнутри бархатом каретке (пусть будет изящная каретка) гусар, побледневший от напора ярких чувств, лобзал деву. Это бы ладно, такова культурная норма. Но он ведь дерзновенной рукой мял и морщил под крытой соболями шубкой не только прохладный шелк платья, но и, о боги, таинственные девичьи кружева. В эту минуту целомудренно отведем в сторону наш внутренний взор. Как ни прельстителен и даже поэтичен намечающийся сюжет, вовсе не об этом я хотел написать. Не о любви гусарской. На самом ведь деле о гении-математике и о науке математике хотелось мне образно поведать городу и миру. На то была неотменимая причина: в моей юности случился чудесный роман-первоцвет, но меня и предмет моей любви безжалостно разделила злая математика, а я ведь именно посредством математики хотел завоевать сердце красавицы. Известно, к чему склонное. Любовь и математика соотносимы по красоте и сложности. А где сложно, там и рвется.

Однажды моя возлюбленная, десятиклассница Серафима, воскликнула: «Я люблю тебя, Егор!» Я и до этого признания ее по детско-юношески любил, но она меня почему-то держала в холодке. Она получила на московской математической олимпиаде золотую медаль. Она была круглая отличница, а у меня круг не был замкнут, потому что Вера Николаевна ставила мне тройку, не требуя ни решения задач, ни ответов у доски, на что я не был способен. Мы сдавали, до математики, выпускные экзамены по главным предметам, получали с Симой одинаковые пятерки и горделиво отчитывались ими перед ее бабушкой Тоней, которая после каждого победного экзамена накрывала нам чай со сладостями и премиальным лимоном. Я прекрасно понимал, что скоро, через неделю, Сима получит пятерку по математике, а я тройку. Мы придем к бабушке Тоне, но она в этот раз не спросит, как мы сдали, полагая, что мне будет стыдно за мою не пятерку. И я тайно взбунтовался.

За эту неделю я, не выходя из дома, прошел всю школьную математику. Решил все проверочные задачи. Доказал все теоремы. Освоил до автоматизма логарифмическую линейку. И получил вожделенную пятерку!

Отличница Сима ликовала, но перед бабушкой Тоней мы предстали с постными физиономиями. За чаем, сладко облизнувшись, Сима спросила ласковым голосом:

— Бабуль, почему ты не спросишь, как мы сдали математику? Тебе не интересно?

Бабаля почуяла подвох:

— А как же вы ее сдали?

— На две пятерки!

— О Господи! Егор! Молодец ты! — перекрестилась бабушка Тоня. — То-то нынче туч не было, а гром гремел. Шпаргалка?

— Бабуля! — возмутилась Сима. — Какую ты неправильность сказала!

— А что, я школу помню. Я при Хрущеве училась.

— Ну, и хорошо. А я, бабушка, Егора люблю, — сообщила Серафима. — Егор, я тебя люблю!

— Симка! — воскликнула бабушка Тоня. — Ты смотри у меня!

— Я ослепла от яркого чувства! — заявила Сима.

После окончания школы прошло почти двадцать лет. Иногда, нечасто, я звоню Симе, но обязательно по традиции в день двух пятерок. Дата у меня в памяти. В этот раз она не ответила на звонок по мобильному. Я набрал домашний номер, Сима сразу же отозвалась:

— Привет, друг юности моей!

И я тут же услышал пьяный мужской вопль:

— Опять, дрянь такая, мужикам звонишь!

Я положил трубку. Серафима была самым молодым в России доктором математических наук, профессором и метила в члены-корреспонденты в составе Отделения математических наук Российской академии наук. Замужняя. Бездетная. Знаменитая в научных кругах, где профильная слава бывает только золотой пробы. Муж ее, по научно-гражданской линии, имел всего лишь скромную степень кандидата математических наук, а по военной служил в Министерстве обороны. И как тут не бить жену-академика! Он замарал честь ученого и офицера.

* * *

Я, как и всякий человек, не слишком-то свободен в реалиях собственного бытия; в отличие от меня граф Перовский в моих снах прямо-таки своевольничает. Иногда я смотрю это мистическое ночное кино, не играя в нем никакой роли, но, бывает, мы беседуем. И я не знаю, на что это похоже. Например, я вижу себя в старом аэропорту Симферополя. Я его хорошо помню. В новом же, который в форме волны и называется красиво — Айвазовский, я еще не бывал. Во сне мне точно известно, что в Крым я приехал из Керчи по гигантскому путинскому мосту. Теперь идет полным ходом Специальная военная операция. Я это все знаю, я в свое время, и вдруг во сне — никакого аэропорта, а мы прогуливаемся по мелласской набережной в 1839 году. Я в шортах и расстегнутой до пояса белой легкой рубашке, на ногах сандалии. Граф в легком курортном костюме, в соломенной шляпе, по моде, царившей на Лазурном берегу Франции в тридцатых годах девятнадцатого века. Напоминаю: мы в Крыму. Перовский, несмотря на курортное одеяние, выглядит как скупой человек на дорогом морском отдыхе. И я спрашиваю:

— Граф, вы, к счастью и по заслугам, человек не бедный, и я восхищен тем, что вы выкупили более версты береговой линии. Но позвольте же узнать, в чем цель сего приобретения?

Граф смотрит на меня с едва уловимой, ему самому при этом неприятной, потому что она не графского уровня, иронией.

— Для того, досточтимый Егор Андреевич, чтобы на большой мозаике поместились бы не только я, Эльсон и все, кто мне дорог... — он делает паузу, потом поправляется: — Кто был мне дорог в жизни.

Он повел рукой, и из зыбкого жемчужного сияния проступила, постепенно складываясь, огромная мозаика. Кусочки, искорки, маленькие плиточки цветной драгоценной смальты сложились в пышные, снеговой белизны облака, в фигуры людей на набережной и в саму линию набережной. Как бы белым крепким швом она сшивала голубое, с искрой, полотно моря с темным скалистым берегом. Я видел дворец с четырьмя башнями по углам. Меллас. Вдоль кромки набережной стояли сиятельный граф Лев Перовский, его знаменитые братья, их отец граф Алексей Кириллович Разумовский, а рядом с ним их матушка — невенчанная супруга Разумовского Марья Михайловна Соболевская. Революционерка, террористка и родственница Софья Перовская затесалась в компанию к добрым людям. Еще был голубоглазый император Николай Первый, слева от него Александр Первый, а справа Александр Второй, рядом с которым могучий Александр Третий, а затем уж и потупивший взор грустный Николай Второй. Притулились с краю Владимир Даль с томами своего словаря и Иван Тургенев с романом «Отцы и дети». Достойный вид имел архитектор Мелласа Эльсон.

На левом краю набережной, там, где море особенно волнуется, стоял задумчивый опальный Пушкин. И он не смотрел на меня. На правом краю мозаики я разглядел графа Алексея Константиновича Толстого, унаследовавшего Меллас после кончины Перовского. Никто и ничем меня в мозаичной картине не удивил, но я должен был убедиться, что угадал двух женщин в легких коктейльных платьях. Первая женщина была моя невиданной красоты женщина Маша-жена, вторая — моя первая возлюбленная Сима. И они, как две подруги (быть подругами они никак не могли), независимо расхаживали мимо ряда мозаичных исторических личностей.

Две женщины рядом в мистическом сне ночью порою привиделись мне... Стихами заговорил. Ладно, понятно: на то и сон, подсознание никогда не спит. Но тут вдруг побрел вдоль мозаики бомжеватого вида лохматый мужик в осеннем, мокром от дождя пальто и мятых штанах. И он шаркал немолодыми кроссовками. Мужик был красив лицом. Глаза его пылали внутренним пламенем. И это была не краткая вспышка соломленного огня эмоций, а радиационное свечение напряженной неустанной мысли.

— Здравствуйте, Григорий Яковлевич! — сказал я.

Математик Перельман (это был он!) даже не откликнулся. Что мне до них, до всех этих людей, кроме Маши и Симы? Что касается математика Перельмана, то он и отдельно, сам по себе, стал мне часто сниться. С некоторого времени я напряженно интересуюсь этим таинственным человеком. И собираюсь произвести кое-какие действия, чтобы лично увидеть его, хотя знаю, что он доподлинный неприступный отшельник. А после того крымского сна я, как булгаковский Берлиоз, встретившийся с дьяволом на Патриарших прудах, подумал: «Пора в Кисловодск!» Я твердо знаю, что я этого не говорил, а просто подумал. Но тут вспомнил, что случилось после таких слов с Берлиозом, и от страха закопался под простыню. Маша ее с меня стащила и сказала:

— Чтобы стать счастливым, необязательно ехать в Кисловодск. Просто будь моим.

Потом мы сладко уснули и проспали на час больше обычного. Но перед этим блаженным, после блаженства, сном я успел подумать, что на мозаике не было жены Перовского. А ведь она сначала была здесь, одетая в белое, с зелеными лентами платье, тихо улыбающаяся, по-чахоточному аристократически бледная Екатерина Горчакова. Перельман, что ли, ее увел!

* * *

Да, увел. Но оказалось, однако, что он увел не чужую жену, а мою Серафиму, и давно уже. В жизни. Только оговорюсь сразу, увел он ее не в так называемом «известном смысле». Не надо тут пошлостей. Он ее устремил к небу. Опять оговорюсь, к математическому небосводу. Он своим научным примером заманил ее в науку, как в ловушку, и она даже считала себя его ученицей, и даже в университете штата Нью-Йорк в Стон-Бруке она два раза якобы разговаривала с ним. Я ее уличил, сверив даты:

— Ты там обучалась, когда его след простыл. Он тогда уже в Россию вернулся.

Она ответила:

— Это не вранье у меня. Это мечта. Как математическая гипотеза, которую я хочу доказать. Я увижусь с ним и...

— Что «и»?

— Ничего. Просто И. Знак после запятой.

Никогда, ни разу она моею не была, хотя в ночь после выпускного вечера мы были ко всему уже готовы. Бабушка Тоня охранительную вахту не выстояла, похрапывала себе тихонько в спальне за закрытой дверью. С узкого дивана мы скатились

на толстый ковер на полу. Сима была раздета, впервые совсем, и мы чувствовали, что объятий и взаимных ласок нам мало. Но я неожиданно спросил напряженным голосом:

— Ты с Николаем целовалась нынче на выпускном?

Она похолодела:

— Да. Прости. Он сказал, что знает, что я тебя люблю, но сказал, что умрет, если мы не будем целоваться с ним. Спрыгнет с крыши школы. Я испугалась. Но он не между нами!

— Ты, значит, между нами. Он слева от тебя, а я справа.

Она дала мне пощечину. И мне на душу тогда ледник сошел. И мы сидели голые на полу, и плакали, как дети, и даже целовались, но не так, как до этой пощечины, и я вдруг понял, что никогда она не была моей даже в душе. И я ужаснулся перед неотвратимым этим пониманием, что так бывает, что любовь — это не два умножить на два, а она, любовь, в миллион раз сложнее алгебры. Все тогда как отрезало, а боль осталась. И шрам был.

Она вышла замуж не за Николая. Узнав об этом из единственного от нее письма в армию и не выясняя, за кого же она вышла, я ее даже не искал, но через десять лет пришел на встречу выпускников. Мы там друг друга не избегали (время лечит), потом с этого вечера сбежали и оказались в ее второй, пустой, квартире, которую они с мужем купили, чтобы сдавать гостям Москвы. И мы там очень резко выпили. От отчаяния, что ли, от горечи жизни, от жалости к себе. От невозможности любви, непреодолимости десяти лет и всего, что случилось и не случилось с нами. Она сказала, что вышла за офицера.

— Почему ты за него вышла? — спросил я.

— А ты куда сбежал? — спросила она жестко. — Ты даже в МГУ не поступил, загремел в армию. А после армии ты не в Москве жил? И сейчас живешь.

— Но я же тебе писал из казармы, ты знала, что я тебя люблю.

— Я тебя ждала, но не удержалась всего один раз.

— Любила меня? — спросил я, ожидая ответа «Люблю».

— Любила, — ответила она.

Я посерел.

— Плохо тебе? — заволновалась она.

И ничего, и никогда у нас с ней и тогда, и потом не было. Таковы странности любви. Недавно, в день двух пятюрок, я позвонил Серафиме и спросил:

— Сима, где ты сейчас?

— В Петербурге, — незамедлительно ответила она.

— Вчера из Москвы на «Сапсане» прилетела. На математический форум. А зачем спрашиваешь, Егор?

— А ты где остановилась? Ты там одна?

— Да. Конечно. Одна. Я теперь все время одна. И в Москве тоже. Зачем спрашиваешь?

— А где же муж?

— На войне, где.

— Я перезвоню.

— Жду, — сказала она и отключилась.

Любовь? При чем тут любовь, прозорливый читатель? Не за любовью я на первом подходящем поезде рвану в Петербург. Меня там ждут Перовский и Перельман. И да, оказалось, что и Серафима, но Маше я о ней ничего не сказал. Она легко отпустила меня. Она в меня верила.

— А то ты, писатель, с ума, боюсь, сойдешь. Мозаика какая-то у тебя в голове. Бре-дишь во сне уже! Где Горчакова, где Горчакова? Пушкин один на мозаике!

- Дело, Машенька, не в Пушкине. Просто пока я не побываю на могиле у Перовского и не увижу Перельмана, они меня не отпустят.
- Они такие, — сказала Маша.

* * *

Перельман захватил мое воображение после того, как по телевизору с гордостью рассказали, что он сделал великое математическое открытие, за которое ему положена мировая премия в миллион долларов, но он от нее отказался. Дикторша, жалея Перельмана, не особо гордилась величием его научного подвига. Какой-то Пуанкаре сто лет назад задал головоломку, а наш Перельман ее раскусил. Делов-то! Не советский по духу человек она была, дикторша телевидения, вот что. Но тут понять можно: сейчас в магазинах бери что хочешь, разные тряпочные прелестности, всякие такие штучки, бриллианты, брендовые сумки, а он, красивый мужик, хотя идиот, конечно, и одет плохо, пренебрег целым миллионом. И женщинами. Ума нет!

Ладно, не бывает, наверное, женщины, не влюбленной в красоту. Понять, правда, можно. Я стал дознаваться про открытие Перельмана. И дознался. Теперь пристегни ремни, читатель, ибо от диковинности информации можно свалиться со стула. На что уж я в средней школе математику на пятерку сдал, но тут сдался.

В 2002—2003 годах Г. Я. Перельман опубликовал в Интернете (на сайте arxiv.org, а не в академической прессе, как положено у ученых) три свои знаменитые статьи, в которых кратко изложил оригинальный метод доказательства гипотезы Пуанкаре. Первая статья называлась «Формула энтропии для потока Риччи и ее геометрические приложения» (англ. *The entropy formula for the Ricci flow and its geometric applications*). Вторая статья имела название «Поток Риччи с хирургией на трехмерных многообразиях» (англ. *Ricci flow with surgery on three-manifolds*), а третья «Конечное время затухания для решений потока Риччи на некоторых трехмерных многообразиях» (англ. *Finite extinction time for the solutions to the Ricci flow on certain three-manifolds*).

Ничего, разумеется, не поняв, я тогда захотел узнать, кто такой Пуанкаре, имея в виду, что тот, кто сотворил оригинальную математическую гипотезу, не уступит в странных чудачествах тому, кто ее доказал. Я направил свои ременно-обутое в сандалии ноги (как древний римлянин) на Знаменку, в Российскую государственную библиотеку.

Не могу, согласно пушкинскому завету, удержаться от болтовни. Эти самые римляне не разделяли сандалии на женские и мужские, и даже на правые и левые. А вы говорите, римское право, римское право!

За редкими, неинтернетовской доступности, книгами куда же и идти мне было, как не в Ленинку! Да к тому же генеральным директором там работал мой старинный друг В. Ф.

В знаменитом Третьем зале библиотеки, где так уютно светят зеленые настольные лампы, жизнь когда-то свела меня с невиданной красоты девушкой-библиографом Машей, которая, вот удача-то, недавно прочитала мой, на то время лучший, роман. Но она, в тогдашнем девичестве Маша Казначеева, не особенно удивилась нашему знакомству, потому что писатели в библиотеке не диковинная редкость, а просто читатели. Многие из них, как Маша поведала мне позже, приходили в библиотеку специально на нее посмотреть. С очевидным расчетом на возможность встреч не на ее работе. Мы с ней всякий раз, когда я навещался в библиотеку, негромко, шутливо об этом болтали. Так, репликами. Я конфиденциально спрашивал:

- Маша, опять писатели домогались?

— Долюшка женская, — Маша деликатно сморкалась в платочек тонкого кружева. Однажды я ей сказал, пригласив, когда почувствовал, что это приглашение может быть принято, в ресторан после работы:

— Я, Машенька, к вам можно буду в библиотеку не книги читать приходиться? Или еще, куда скажете, буду приходиться? — спросил я.

— Я перед вами, Егор, девочка практически беззащитная, но вы все равно берегите меня и ведите себя не слишком.

— Как? — переспросил я.

— Не слишком, — ответила она.

— Машенька, а знаете, что про такого, как я, у Булгакова в «Театральном романе» написано?

— В «Записках покойного», — дополнила она название романа. — Что же такого там написано о таком, как вы?

— Мухи не обидит. Мухи!

— Так это муха! А я, как-никак, библиограф.

— Да какая разница? — спросил я.

— Действительно! — воскликнула она.

— Маша, у меня предельно серьезные намерения. Я вам предложение делаю.

— Я, дерзкий Гринев, тоже не легкомысленна, — ответила Маша. — Так что посмотрим. Взвесим вашу заявку.

Далее, читатель — потом, потом, не сразу, — были букеты и много чего еще более предварительно прекрасного. Но Маша вела себя почему-то «не слишком».

Потом она исчезла. На звонки даже не отвечала. Я заподозрил неладное. Это была жуткая депрессивная ревность.

Я приехал на Знаменку, зашел к генеральному директору и спросил с дрожью в голосе:

— Куда вы Машу Казначееву дели?

Он внимательно посмотрел на меня, помолчал и скорбно ответил:

— Мы ее потеряли.

Я задохнулся.

— Да что ты за сердце-то хватаешься? Она редактором ушла в издательство, — он назвал известное мне издательство, где меня раньше печатали.

— Шутки у тебя, — выдохнул я.

Через час я поднялся на шестой этаж издательского дома и зашел в редакцию прозы. Заглянул сперва к старшему редактору Сергею Ш., спросил, как дела.

— Мы, Егор, новую девочку младшим редактором, на вырост, взяли, — сказал он. — Из категории «красивая умница». Только хмурая почему-то. В окно смотрит. Она, бедняжка, до этого в библиотеке насиделась.

— Предъявите! — воскликнул я.

— Нет, вы гляньте на него! — засмеялся Сергей. — Ваш интерес подозрителен. Третий кабинет по левой стороне от моего.

Я вошел к Маше, не постучавшись.

— Нашел, проклятый! — простонала она с интонациями гоголевского «Вия».

И мы начали целоваться. И я понял правоту моего утверждения, которым начал недавно написанный рассказ: «Лучшие женщины в нашей жизни появляются внезапно». Как великое открытие.

Все мои женщины прекрасны. Если у кого это не так, тот сам виноват.

* * *

Из биографии Пуанкаре я выяснил, что 20 апреля 1881 года состоялась его свадьба с Луизой Пулен д'Андеси и у них было четверо детей.

Это меня успокоило, так как я, тревожась безбрачным одиночеством Перельмана, подумал, что, Бог даст, у него появится своя Луиза, которая одарит его пылкой, но верной любовью и детками. Луиза, а не, например, Серафима.

У Перовского, Перельмана и меня детей не было. Мы с Машей, правда, уже думали о дочери и сыне (сперва нянька, потом лялька, говорила афоризмами редактор Машенька), а Лев Алексеевич до конца дней своих оставался верен Екатерине Горчаковой, отобранной у него злым недугом, охочим до утонченных красавиц.

Что касается Григория Яковлевича Перельмана, довольно схожего по буйности шевелюры и напористости взора с молодым Алексеем Константиновичем Толстым, то у него некоторые шансы были, потому что ему письменно объяснилась в любви коллега Серафима — новая звезда математики. Он, однако, не ответил даже и на повторное письмо.

* * *

По прибытии на Московский вокзал Санкт-Петербурга я поздоровался с Петром Первым (бронзовый бюст кивнул мне гордой головой), взял такси и поехал в весьма роскошную гостиницу на Обводном канале. К математикам на форум.

Серафима встретила меня, внимательно разглядывая могучих атлантов в парадном входе дорогого отеля. Мы подошли к рецепции. Проблем с моим расселением, к счастью, не возникло.

Я заказал обед в номер. Когда мы выпили — она шампанское, я коньяк, а потом я глоток шампанского, а Серафима маленький тюльпанчик коньяка, — она сказала:

— А у меня горе. Ну, проблема!

— Какая? — встрепенулся я.

— Перельмана не будет! Он, сказали, на математические форумы из принципа не ходит. А я так ждала! А еще прочитала, что он не читает любовные письма. Ты представь себе!

— Почему он не ходит?

— Он считает, что в мировой математической среде пренебрегли этикой, а это для него категорически неприемлемо.

— Как это? — поразился я. — Научной этикой в самой точной из наук?

— Этикой, гуманитарий, пронизаны не только все до одной науки, но вся наша вселенная.

Серафима немножко захмелела, стала совсем уж красивой, но поняла, что я это заметил. И сказала, успокаивая себя:

— Никогда бы не подумала, что ты из-за меня поедешь из Москвы в Петербург. Не бойся, Егор, я в тебя не влюблена. В одну реку два раза не войти. Давай тему сменим. Знаешь ли ты, что во Вселенной на экзопланетах живут, между прочим, такие же люди, как мы с тобой. Видел у Тарковского в «Солярисе», как Наталья Бондарчук по Банионису страдала? Она вроде как порождение интеллектуального океана, а живого хотела любить.

— Видел, — ответил я. — Убедительно сыграно.

— То-то!

Серафима долго смотрела на меня и сказала:

— Я перед тобой виновата.

— Ни в чем ты не виновата, — сказал я мягко.

Я трезво представил, что всю эту сцену видит Маша. И поэтому сказал:

— У тебя муж на фронте.

— Да ладно! Муж! Он изменщик. И ни на каком он не на фронте. Писаришка штабной! А не батальонный разведчик. Красивая я?

— Красивая крайне.

— И на этом спасибо. Иди к себе, верный муж не мой. Иди, иди отсюда.

Она затуманилась. Бедная прекрасная Сима.

Я пошел в свой номер, включил планшет, стал читать. Искал про моральные аспекты отношений Перельмана с сообществом математиков. Нашел.

Он был прав.

Для человека на ледяном пике вершины миллион долларов не дороже комочка глины. Что миг, что вечность — все едино. Что вспыхнувшая сверхновая, что черная дыра. И дело не в миллионе и даже не в приоритетности открытия, а в чем-то более высоком и неопровержимом.

В моральности человека и вселенной.

И я, как я думал, открыл закон Перельмана. И это не простодушный, утешительный для бедных постулат: «Не в деньгах счастье». Это: «Ты царь. Живи один». Если ты царь.

А он несомненный царь. Потому что из многих тысяч самых знающих математиков его доказательство теории Пуанкаре понимают всего несколько человек. Так они сами считают. Когда-нибудь доказательство Перельмана будут в школе проходить. К тому времени этот математический инструмент поможет создать, например, источник вечной энергии. Или на другие планеты летать станем. Или у мирового правительства мозги переключатся на инвестиции во всемирный и полный мир.

А сейчас Перельмана мало кто понимает. Поэтому он не любит ни одну женщину.

* * *

Задремывая у себя в номере, я запутанно думал, что про земную любовь в наиболее высоких и сложных ее явлениях и проявлениях, равно как и в прямолинейных, много чего сказано и написано. И симфонии есть, и балет, и Шекспир с Пушкиным, и трагические праздники во всех религиях, и картины, и шедевры киноискусства.

И вот, да, большинство людей ведь влюблялись, любили, вождели, обладали, некоторые с ума сходили, другие — кто вешался, кто стрелялся, кто сонеты сочинял, но что такое любовь, объяснил ли хоть один человек?

Нет! Потому что если бы кто-нибудь объяснил, что это такое — эта любовь, то все были бы счастливы и никто бы не скучал ни в прочном браке, ни в чужих постелях. Брошенных бы не было ни одного, ни одной! А то сплошь и рядом!

Я заснул.

* * *

С набережной Мелласа видна была прибрежная часть Мухалатки, за ней Кастрополь, в котором, предполагал Перовский, находился в незапамятные времена храм Девы. Там, где совершала жертвоприношения Ифигения — дочь эллинского царя

Агамемнона. В тихо угасающей с античных времен Мухалатке была когда-то византийская крепость, это Перовский знал из истории и задумывал провести здесь археологические раскопки. Он, тоскуя от горя, подумал, что это Ифигения принесла в жертву его княжну Екатерину Васильевну Горчакову. Она скончалась в 1833 году от «внутреннего воспаления».

* * *

На третий после приезда в Санкт-Петербург день я, пока Серафима была на форуме, посетил некрополь Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, где, по энциклопедической справке, был похоронен Перовский, а ранее Перовская (урожденная княжна Горчакова) Екатерина Васильевна. С большим трудом мне удалось обнаружить на Россиевской дорожке прямоугольную могильную плиту, под которой покоилась Екатерина Перовская. На поверхности плиты виден был вдавленный круглый отпечаток. След снесенного или украденного памятника. От могилы Перовского в Лазаревской усыпальнице осталась лишь безымянная напольная плита.

Я вспомнил из вступления-оды к моему мелласскому роману:

Звучал здесь нежный стон восторга
Из уст красавицы молодой,
Когда дневная недотрога
Дарила лаской огневой,
Лишь месяц золотой двурогий
Засветит ночью над горой.

В этой строфе правды нет ни слова, потому что прекрасная княжна умерла до того, как был построен Меллас — этот некрополь ее души и их с Перовским бездетной семьи.

Оттого в Мелласе бывало мне бесконечно грустно. И то еще больно осознавать, что княжна выходила за Перовского, став вдовой Дмитрия Петровича Уварова, шталмейстера двора Ее Императорского Величества. Испытаниями здоровье ее было разрушено.

Построить Меллас Перовский решил внезапно, как будто пробитый болью в те минуты, когда с мучительным вниманием вглядывался в прелестное бледное лицо жены с пятнами болезненного румянца, с тенями под глазами, двумя тонкими морщинками и опущенных вниз уголков губ. В Италии это было.

Я об этом размышлял целый день, мысленно видя рядом с собой Перельмана, которому внушал, что без любви жить нельзя. Или можно, но это тяжело и плохо. Перельман отвечал мне, что, судя по моему роману, и с любовью человек не обретает счастья.

— А дети! — воскликнул я.

— А вершина знания? А мама? — ответил тихо. — Это и есть моя любовь. Иного не надо.

Гений. Сумасшедший. Перельман.

И я отпустил его бродить в скучное Купчино, где он жил. Купчино не от слова купец, а от древнефинского Kupsilla, что значит заяц. Совсем еще недавно, до того, как вошли в НАТО, финны любили приезжать в Санкт-Петербург, и они называли Купчино Купсила. Их пращуры тут жили, а до них жили ныне позабытые ингеры. Когда Петербурга еще и в помине не было.

Была там когда-то и красивая, намоленная каменная церковь, которую при советской власти равнодушно уничтожили.

Мост. Вечность. Любовь. Математика. Перельман.

Маша.

На дворе цифровой век. Не до романтики тут. Многие девушки о любви даже думать не хотят. Не умеют. Песня есть под названием «За деньги — да!».

Я посмотрел, это похоже по смыслу на перевод с латинского. Мертвый древний язык. На нем сейчас врачи рецепты пишут. А больше никто ничего.

Но любовь есть.

Amor, ut lacrima — ab oculo oritur, in cor cadit.

Любовь как слеза — из глаз рождается, на сердце падает.

Маша.

* * *

Я спрашивал Машу, почему она ушла в издательство, не сказав мне ни слова. Даже по телефону. Даже свой библиографический паблик в сети закрыла, как шторы на окне задернула.

— Пушкин знает.

— Конечно, но не уходи от ответа, пожалуйста.

— Егор! Ты читал «Капитанскую дочку»?

Я вопросительно поднял брови.

— Эпиграф помнишь?

— Оба помню.

— Первый там какой?

— «Береги честь смолоду».

— Теперь понятно тебе?

— Так, Маша, я и первую нашу ночь помню.

Она порозовела. Сказала:

— Егор, меня один богач настойчиво сватал. Девушку юную. Ну, как сватал? В кофточку настойчиво влек. Руками хватал девушкино тело. Очень богатый и целеустремленный. Сказал, что я ни в чем материальном не буду знать отказа, если стану спать с ним. А не стану, то он меня уничтожит. Убьет. Я поверила. Я с испуга рассчиталась в библиотеке, затаилась в издательстве между гранками. Боялась, что он меня найдет, а ты нет. А ты нашел, потому что любил меня. А он и не искал.

Потом она рассказала, как обрадовалась нашему знакомству в библиотеке, никакой не Ленинской и не РГБ, а в Румянцевской на самом деле, по первому названию.

— Иди ко мне, Маша Гринева, — сказал я.

— Я, Егор, давно поняла, что ты знаешь, что самые страстные женщины на свете — это библиотекарши. Мы любим симфонически.

Что правда, то правда.

Потом она сказала, что изо всех сил влюбилась в меня еще в Литинституте, когда я там выступал на празднике в Лицейский день 19 октября. И с того времени этот день для нее самый прекрасный в жизни. Самый-самый.

Я это признание крепко запомнил..

* * *

Через день, утром мы завтракали в ресторане. Серафима, свежая и, скажу прямо, чертовски привлекательная, расспрашивала меня, где я был и что делал после того, как сперва позорно сбежал из номера, а потом на целый день исчез с локаторов.

— К Перовскому ходил, — сказал я.

— И как он?

— Да грустно, Сима, грустно. Пожаловался мне, что его памятник куда-то пропал.

А потом обрадовался.

— Чему обрадовался и когда потом?

— Я ему сказал, что скоро у него будет нерукотворный памятник в виде моего романа о нем и о его любви.

— Расспрашивал про содержание?

— Нет. Зачем ему? Он свою жизнь лучше меня знает.

— Но хоть что-то спросил?

— Спросил, как называется мой роман.

— А как он называется?

— «Меллас. Дворец уединения» — мне приятно было ему эти слова произнести.

— Мне их тоже приятно слышать, — сказала Серафима. — И что он тебе сказал, услышав название?

— Он заплакал, — ответил я. — Он повторил эти слова — Меллас. Дворец уединения — и заплакал.

— Гордись, — сказала Серафима.

В это время к нам подошел бородатый математик с бейджиком участника форума, шаркнул ногой и сказал:

— Серафима Сергеевна, с нетерпением жду вашего сегодняшнего доклада. В кулуарах шепчутся, что сам Перельман будет.

— Извините, но его ни в коем случае не будет, — не удержался я.

Серафима представила нас друг другу, почему-то сэкономив отчества:

— Егор, писатель. Рудольф, математик.

Рудольф спросил, откуда у меня такая информация о Перельмане.

— Я с ним вчера разговаривал. Я о нем кое-что пишу.

— Да вы что! Интересно, в каком ключе? — наседали настойчивый Рудольф.

— Он мне запретил разглашать сюжет.

— Это в его стиле, — сказал Рудольф и пожелал успеха Серафиме и мне.

— Знаешь, почему он подошел? — спросила Серафима.

— Да он же сам сказал.

— Нет, дело не в этом. Он вокруг меня давно уже кружит. Говорит, у чувств и желаний есть свои права. Но это мои права, я считаю, а у него прав нет.

— Что ты собираешься тут еще делать, кроме доклада?

— В Питере пить, — сказала она. — Слышал такую песню?

— Да кто ж ее не слышал. А я предлагаю экскурсию по крышам Петербурга.

— Согласна. А потом — в Питере пить. Да ладно, шучу я.

— Посмотрим, — сказал я.

— Чего смотреть! Давай хоть молодыми побудем! Второй раз в жизни.

* * *

До крыш мы не добрались, да меня, честно говоря, интересовала лишь одна из них — крыша Эрмитажа. Зимнего дворца. Мне тихо мечталось и настойчиво хотелось пройти по царской, Николая Второго, тропочке шириной в один метр, расположенной по крыше Эрмитажа. По мосткам. Они и сейчас целы, но в тот день экскурсий не было.

Мы зато поехали на угол Казначейской и Столярного, по которому, у Достоевского, шел Раскольников в начале романа. Старинный дом, арка перегорожена закрытыми железными воротами, и виден двор, а над аркой, на третьем этаже, узорчатый, ста-

рого металла, красивый балкон. Я сказал Серафиме, что Федор Михайлович, скорее всего, заходил в этот дом, к себе, со двора. Когда мы двинулись дальше, я оглянулся и увидел, что через арочные ворота вслед нам тяжело смотрит Достоевский.

О, Петербург, Петербург...

Я не стал рассказывать Серафиме, что однажды получил из Петербурга письмо, в котором были истинно петербургские мотивы. «Я сегодня зашла в свою квартиру. Здесь мои и родительские вещи. Я тут не жила семь лет. В детстве мисс Хэвишем из „Больших надежд“ меня пугала. А теперь мой дом, покрытый семилетней пылью, стал в чем-то таким же. Но решила зайти и потихоньку привести квартиру в порядок. Подошла к окну. Окна у нас на тихую Казначейскую, где Федор Михайлович встретился со своей женой. Тут у меня колокольчик на двери звякает».

Я это письмо по его получению в Москве читал Маше, которая была в курсе нашей писательской переписки и заочной дружбы.

— Надо бы съездить в Питер, — сказала тогда Маша.

— И даже всенепременно! — с восторгом воскликнул я.

— Как она недавно тебе написала мощно: «Кровью писать легко»!

— В крови правда, в страдании глубина, — сказал я.

С Серафимой мы тогда еще прошли по Невскому, посмотрели на бронзовый памятник Чижик-Пыжику, про который мне рассказывал, когда еще живой был, Андрей Битов, который его и придумал. Скульптурочка была на своем законном, с 1994 года, месте на Фонтанке у Михайловского замка, рядом с Первым Инженерным мостом. Я сказал Серафиме, что был даже на открытии сего шедевра. И что Чижика-Пыжика воровали семь раз.

— У нас в Москве нашего Петра Первого ни в жизнь не своруют, — засмеялась Серафима. — Он, часом, не выше Александрийского столпа?

— Я не измерял, — улыбнулся я в ответ.

— Ну, так что, писатель, — Серафима обратилась ко мне, как Маша, отчего я даже вздрогнул, — будем мы завещание исполнять?

— Какое?

— Что Чижик-Пыжик завещал! На Фонтанке водку пить! Где тут хороший трактир типа старая таверна?

В процессе исполнения питейного завета, унаследованного, как я полагаю, от знавшего в этом деле толк Петра Первого, мы то веселились, то грустили.

И в конце сложно скроенного монолога, в который был вмонтирован подлый муж, с которым она на самом деле в разводе, она сказала:

— Как же я жалею, Егорушка, о нашем юном прошлом. Как же я жалею...

Мы вернулись в отель на Обводный канал и попали на завершение почти уже отшумевшего банкета. Сели в углу за столик. Кофе пили без коньяка. Подошел пьяный Рудольф и спросил у Серафимы:

— Почему вы, Серафима, не пришли на банкет? Вы меня лишили счастья. Но оно еще ведь возможно.

— Нет, невозможно.

Я сказал:

— Рудольф, для тебя праздник закончился.

Он вдруг взбесился и бросился на меня с кулаками.

Я ударил его боковым в челюсть. Не очень сильно.

Несколько математиков кинулись на меня стаей, как дворовые хулиганы, но другие хорошо воспитанные математики нас быстро разняли. Я проводил Серафиму до дверей ее номера.

Через полчаса я позвонил Серафиме. Она сказала, что лучше бы я ее у мужа с кулаками отбивал. И пожелала мне спокойной ночи.

Я вернулся к себе в номер, разделся, умылся и рухнул спать.

* * *

Толпой они ко мне ввалились в сон, герои и персонажи «Мелласа». Даже разбудили меня под утро. Я встал, смотрел на мерцающую воду Обводного канала. Потом принял горячий душ и влез под одеяло.

И спал долго еще и без всяких снов.

Меня разбудил телефонный звонок. Маша!

— Маша, ты где?

— Двери мне откройте, Гринев!

В этот день (19 октября) экскурсии не были отменены, и ровно в двенадцать часов дня мы с Машей, гуляя на крыше Эрмитажа, услышали традиционный петербургский пушечный выстрел с Нарышкина бастиона Петропавловской крепости.

Потом рядом с нами появились граф Перовский в мундире с орденами и его супруга Екатерина Горчакова в летнем белом платье с зелеными лентами, которыми, протирая их над Дворцовой площадью, играл холодный октябрьский ветер. Перовский обнимал жену, согревая ее.

Далеко от нас на противоположном конце царской тропы стояли, глядя друг на друга, мужчина и женщина. Серафиму я сразу узнал, а тот, кто держал ее за руки, был лохмат и плохо одет.

Такого не бывает, скажете. Да в жизни все бывает!

Олег ГАЦЕНКО

ДЫХАНЬЕ ПИТЕРА

Цикл питерских сонетных элегий

1

Обманный лёд на искренность воды
у невских плёсов бросил паутину,
оставив полынью утех утиных
в излучине реки пятном пустым.

Вздыхает день, с берез срывая мелочь,
последним листопадом, как Малевич,
рисует авангардные черты.

Пейзаж угрюм, застыл в оконной раме:
в стекло скребется призрачная стынь,
сплетеньем рук чугунные мосты,
свели пролеты в сумрачном тумане,
и сгорбленный свинцовым небом дым,
обняв тоску осенней наготы,
над крышами ползет вслед за ветрами.

2

Играл прибором на клавишах песка,
взбивая воду в пену длинной гаммой,
и отражался трелью фортепьянной
в кристаллах капель у подножья скал,
и колокольный звон, поймавший ветер,
вещал волне о жизни и о смерти,
даря покой, который я искал,

Олег Юрьевич Гаценко работает в области информационных технологий и защиты информации, доктор технических наук, действительный член Петровской академии наук и искусств, автор более 200 научных работ. На протяжении многих лет является активным участником и членом Творческого совета различных поэтических серий и сборников, посвященных Крыму и Санкт-Петербургу. Стихи Гаценко опубликованы в многочисленных альманахах, сборниках, журнале «Аврора». Является автором книги стихов «Я сердце свое обнажаю стихами» (2020), победителем и лауреатом различных поэтических конкурсов, проводимых российскими и международными литературными объединениями, а также «Литературной газетой». Живет и работает в Санкт-Петербурге.

а остров прятал сущность дня в тумане,
созвучьем веры обнимая тех,
кто, как и я, в истлевшей суете
отринул время, собирая камни,
и просьбы возносились к небесам,
и препарировал мне душу Валаам,
слова молитвы сохраняя в тайне.

3

На горизонте ртутном облака
клюют барашки Финского залива.
На пляже одиноко, сиротливо
полощет ветер выцветший плакат.
Холодный термос, смятая газета,
дымится день зажженной сигаретой,
и ловит время сетью паука.
Осенние остатки чая в море
плеснула жизнь, наполнив до краев
стакан надтреснутый. Сухой паек
в груди окаменел, местами черен,
надкусанный дождями октября,
крошится в грязь, бездомный, как и я,
и кормит строчки чаек рифмой зерен.

4

Ушедших дней осадок слишком горек,
на складках ветра тает след тепла,
анорексичных тополей метла
окрашена настоем хлебных корок,
и с облаков безвременьем чужим
в многоэтажном холоде вершин
стекает на асфальт осенний морок.
И я иду среди плачущих домов,
ловлю зонтом штрихи унылых капель.
Я лишь нечеткой истины искатель
в несущейся реке полутонов.
И шепот струй прилеплен к серым крышам,
и в трубах водостока можно слышать,
как стих дождя читает град Петров.

5

Под звук рожка в глубоководном небе
танцует плазма солнечного дня,
и ветер гонит кучевых ягнят
на пастбища в пространственную небыль,

Там над лесами горизонт обмяк,
и зреют зерна атмосферных влаг,
и прорастают дождевые стебли.
Там пелена из морсящих слез
поет с фоническим разнообразьем,
и катятся сферические стразы
по изумрудной мантии берез.
Там путь земной очищен от пороков,
и семицветьем радужной дороги
простер благословение Христос.

6

Мозаикой созвездий витражи
легли на свод небесного предела.
В угасшем пульсе городского тела
лишь редкий звук движения машин
пронзает пустоту на побережье.
Случайным эхом память, как и прежде,
несет меня в рефлексию души.
И я, как сфинкс, забывший шепот Нила,
опять с Невой грущу наедине,
и плачет одиночество во мне
под плеск волны, смывая пятна ила
прошедших лет на отблесках ночных,
и лунная дорожка для двоих
напоминает мне о том, что было.

7

Иду в рассвет, не ведая зачем,
оставив мглу на берегу светила.
Вкраплением тумана даль застыла
на гранях дня в чуть тлеющей свече.
Парящих снов пролитые чернила
рисуют отражением в воде
нечеткость петропавловского шпиля.
Мостов, повисших в жидкой пустоте,
чугунную шершавость лижут тени,
и груди куполов в плену мгновений
блестят огнем в лиловой высоте,
и, раздвигая горизонт вселенной,
сочатся неба проткнутые вены
прощением на облачном кресте.

8

Над темной гладью водного покрова
отары сонных звезд бредут в рассвет,

и биссектриса режет пенный след
круизных катеров из Петергофа,
    почти неразличимых вдалеке,
    где дамба тонет в мглистом молоке
    и в цепи фонарей залив закован.
Бесформенность слияния с волной
индиговых теней на побережье
бросает отблеск призрачной надежды
на сны из прошлого, где ты со мной
    танцуешь на песке воспоминаний
    и волосы щекочет воздух пьяный
    в сюрреализме Балтики ночной.

9

Попробуй осень Питера на вкус
с горчинкой сумрака на ивах ржавых,
щепотку брось шафрановой приправы
в туманную осиновую грусть.
    В коньяк дубов плесни тоску мелодий,
    с ней облака танцуют в хороводе,
    роняя мелкий дождь из серых уст.
В печаль берез добавь полночный иней
асфальтовой реки полутонов.
Буханки черствые немых домов
подсвечивают сумрак светом линий
    озябших окон, фонарей и снов,
    и черный ветер с пением псалмов
    готовит городу десерт предзимний.

10

Нить времени прядет веретено,
пульсирует, выстукивая ритмы,
и с ветром в унисон, твердя молитвы,
бездомный дождь стучит в мое окно,
    в глухую одинокую обитель,
    капелью экзистенции разбитой
    скитание воды завершено.
Поэму брызг я на стекле читаю.
В застывшем парке грозди воронья,
обглоданные ветви ноября
цепляют хмарь, ползущую по краю
    пергамента небес, ненужных слов,
    и прячет тень забытых адресов
    оставленные чувства где-то в мае.

11

Чугунных облаков изгибы тел
обняли небо, выплеснув наружу
колючий ливень, никому не нужный,
ведущий город в осень на расстрел,
и сброшен день в белесые просветы
между хребтами серых стен, согретых
мгновеньем плазмы в фосфорном костре.
С покатых крыш стекает нервный лепет,
сплетая в хор промокшие дома,
и, кажется, Нева сошла с ума,
швырнула ветру каменные цепи,
тугой волной привстала на дыбы
и гонит вспять течение воды,
и Питер тонет в сумрачном вертепе.

12

Ослепшей анакондой бьются волны
в гранитовую кость копченых стен.
Закат пролился из лиловых вен
на страж чумной, забытый, непокорный.
В пустых глазницах черных амбразур
зияют жилы ржавых арматур
кровавым блеском призрачным, тлетворным.
Форт Александр, на сумрачном сукне
очерчен морем твой холодный профиль.
Ты видишь лоск дворцовый Петергофа
сквозь маяки фарватерных огней,
но только здесь нашел свою Голгофу,
где льет волна ночной балтийский кофе
в иллюминаторы идущих кораблей.

13

Из недр ночных шагнула пустота
на шелк кувшинок бледными лучами,
рассыпалась в соцветьях молочая
рубинами воскресшая звезда,
и горизонт всевластием рассвета
добавил горсть тепла в ладони лета,
день начиная с чистого листа.
И лес вокруг, меняя очертанье,
последние мгновенья пил со дна
болот туманных, тлеющего сна
и жизнь ловил разбуженным сознанием.
И, каплю утренней росы стяхнув,
я, как паук, ползу по волокну
надежды неисполненных желаний.

14

Откликнется ли эхом тишина,
безмолвие ли вырвется наружу,
и облаков потерянную душу
отыщет ли бездомная луна,
    бредущая по звездному покою.
    Ей вторит в сумраке шоссе пустое
    да редкий свет неспящего окна.
Мелькает жизнь. Обочина, как память,
в ней проблеск фар неразличим из тьмы,
и призрак дней движением размыт,
и остановку трудно мне представить,
    лишь тенью верст отсчитывают миг
    песочные часы в кольце змеи
    и съжившийся мир ненужных правил.

Александр МОЛОТКОВ

ВОТ МОЯ ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ

Повесть

И воздастся каждому по делам его.

Евангелие от Матфея, гл. 16, ст. 27

Я возвращаюсь каждый раз домой, к берегам, где прошли мои детские, школьные годы, годы юности, и все это на самом берегу Байкала. Почти до восемнадцати лет я жил в Усть-Баргузине. Вот уже сорок лет я не живу дома: армия, учеба, распределение после учебы по диплому... обстоятельства сложились так, что мне пришлось проживать в других городах нашей России. Сил моих хватало жить вдалеке от дома родителей, родственников, нашего Байкала до отпуска. Какие бы ни были заманчивые путевки в дома отдыха, позже в невиданные страны — я ехал домой. Мои сердце и душа скучали и тосковали без родных берегов, без отчего дома. Каждый раз, подъезжая к родному поселку, я слушал, как от волнения билось мое сердце. Ком подкатывался к горлу, а глаза были готовы пустить слезу... «Отчего?» — спрашивал я сам себя и не мог найти объяснения. «Скучал», — объяснял я сам себе; разлука тянулась, как тяжелая болезнь, которую приходилось излечивать поездками домой каждый раз. Но это хроническое страдание — ностальгия по малой Родине.

Приезжая домой, отдохнув после долгой дороги, я шел на берег реки Баргузин к парому. Здесь самое излюбленное и оживленное место. Сюда спешат машины и люди, чтобы до наступления ночи переправиться на другой берег. Баргузинский тракт прерывает река Баргузин. Дорога вьется асфальтной лентой, соединяя деревни и поселки в Баргузинской долине. Здесь, у парома, столько было событий... Отсюда уходили на фронт мои дяди, здесь прощались навсегда с сыновьями. Проводы в Советскую армию в наше время тоже происходили здесь, уже на значимом месте. Здесь останавливался автозак перед дальней дорогой осужденных. Здесь мы пацанами переправлялись на пароме на ту сторону реки, на озеро Бармашово купаться или рыбачить.

Тихо плещется вода... Маленькие волны, гонимые ветром с Байкала, ударяются о сваи паромного пирса. Звук их сливается в неумолкаемый говор живого организма реки. Голубая лента реки жива, она дышит своей особой сыростью, холодком, всплеском волн и плавающей рыбой. Вот так из века в век несет река Баргузин свои воды Байкалу... Здесь, в самом устье реки, река медленная и спокойная, как будто торжественно входит в парадную дверь к царю — батюшке-Байкалу. Ее встречают в «лопатках» волны. Лопатками называют горловину, где воды реки встречаются с во-

---

Александр Леонардович Молотков родился в 1958 году в поселке Усть-Баргузин Баргузинского района Бурятской АР. Публиковался в журналах «День и ночь», «Байкал», «Чаян», в газетах. Живет в Зеленогорске.

дой Байкала. Здесь волны большие, крутые, морские, что отправляет ей навстречу баяшка-Байкал. «Здравствуй, дочь моя», — говорит он ей и обнимает дочку... А ветер и рад: закружит на волне белую пену, поднимет еще выше волну, танцуют волны, своими вершинами поднимутся выше, оглашая округу всплеском. Это надо видеть и помнить. Воды реки светлеют от царского приема отца Байкала, растворяются в его обворожительных владениях.

Сегодня ветрено. Ветер два дня не унимался. Ветер с Байкала гнал вдоль реки волны-беляки, нагло поднимал подола у девушек, которые на причале дожидались парома, пока он был на той стороне. Срывал головные уборы у мужиков, показывая свою силу, внезапность и хулиганство. Маленький кораблик на той стороне стал отделяться от парома, он натянул трос, забурился белым гейзером, поднимая снопом бурлящей воды под своей маленькой кормой, — паром тронулся. Вот наконец он возвращается. Осталось людям немного еще постоять на ветру.

Маленький кораблик уже близко. На носу у него надета и закреплена автомобильная покрывка, по бортам закреплён деревянный брус, на носу написано большими буквами «Ямал». И вправду он маленький.... Когда-то он был покрашен в сиреневый цвет, но теперь весь верх его черный, от копоти солярки. Маленькая мачта с зелеными огнями и с красным вымпелом, тоже почерневшая от соляра, — вот рабочая лошадка, все трудится!

Опытный рулевой-моторист Борис Mineевич Вульфoвич мягко, бортом подводит паром к пирсу, где двое паромных матросов набрасывают швартовы (канат) на «быков», тормозя пробег парома. Кораблик сбоку подталкивает паром вплотную к пирсу носом, ювелирно ставит точку в причаливании. Звучит сирена. Паром причален и закреплён, можно автомобилям и людям сходить на берег.

Вместимость парома восемь грузовых машин, легковых еще больше. Пассажиров никто не считает. Покупай билет за пять копеек и катайся на пароме. От ветра для людей на пароме — железный крытый салон, где закреплены деревянные клубные кресла, и как там удобно и тепло, когда ты спасаешься от ветра — я помню... На втором этаже паромная рубка. Туда путь открыт избранным... Спасибо тете Гуте Башаровой, ее мужу дяде Ване Башарову, которые в моем детстве работали на пароме, их уже давно нет. Царство им Небесное, хорошие люди были, при них мы в рубке катались на пароме бесплатно и когда хотели.

С левой стороны паромного причала в пятидесяти метрах — пирсы для кораблей и лодок. С правой стороны тоже пирсы и причалы, даже есть заправочная станция. Наш левый берег весь промышленный, до самого места, где впадает в реку Баргузин небольшая, но быстрая речушка Шанталык.

А на той стороне реки все зелено. Болотистый правый берег утопает в зелени трав, камышей до самого далекого темно-синего леса. Повсюду блестят, отражая лучи солнца, маленькие лужицы-озерки. Дикае утки большими стаями то поднимаются, то опускаются на эти озера, чуть не сбивая в полете чаек и кайр, свистят своими крыльями, пугают задремавших цапель, неподвижно стоящих на одной ноге, карауля в озерной воде добычу. А высоко-высоко в синем небе, почти у самых перистых облаков парят орлы. Черные бесстрашные птицы зорко наблюдают с высоты, высматривая добычу. За лесом нет горизонта, в синей дымке уходящих вдаль хребтов с белыми шапками на острие вершин гольцы. Гольцы — это высокие горы. Скалы, покрытые стлаником, у подножия их кедров. Горы каменной стеной тянутся до самого мыса Нижнее Изголовье — все это полуостров Святой Нос, который отделяет Баргузинский залив от Чивыркуйского залива.

Как хорошо, что пока не задул ветер «Нижняя Ангара», а дул трое суток ветер сарма, чередуясь с ветром култуком с противоположной стороны нашего берега. А если задует в середине лета «Нижняя Ангара» — надевай шубу. Этот ветер мчится с речки Нижняя Ангара через ледники, через снега, что лежат на вершине гольцов и еще не успели растаять. С гольцов ветер приносит холод, ежатся мужики и бабы на пароме, ворчат приезжие гости: «Как это так, в середине лета зима?» Смеются местные: «У нас не запотеешь сильно! Наш поселок приравнен к Крайнему Северу».

Семь утра местного, а все уже в движении... Работает паром, мчатся машины по Баргузинскому тракту, идут на паром люди; пассажирские автобусы разъезжаются в разные стороны. Открылось кафе, стоящее тут же с левой стороны парома; там проезжающие люди завтракают, пьют горячий чай с молоком и жуют бурятской кухни деликатес — позы или манты, а где и бузы их зовут. Этому кафе рыбаки местные дали название «Бабын слезы», а местная милиция называла его в сводках «Гайка». Названия у него не было, на вывеске было написано: «Рыбкооп столовая», и все... Сразу за кафе, где рабочий выход задней двери, совсем рядом расположен наш самый любимый и родной причал, он называется «Колхозный пирс». Напротив, тут же через дорогу, контора нашего рыболовецкого колхоза «Байкалец».

Как много видел этот причал: людей, кораблей, лодок и рыбы. В военные годы и после войны, когда начали строить БАМ, он жил своей жизнью. Весною, когда в Байкале еще плескались льдины, мы, пацаны, купались тут в речке. Разводили жаркий костер, жарили рыбу, встречали рыбацкие лодки и катера, бороздившие речку. Смотрели на пьяные драки рыбаков, бегали в одних трусах в кафе, где работала моя тетя Галя; покупали в старую кастрюлю несколько порций гречневой каши, которая стоила четыре копейки порция, хлеб был бесплатный в кафе; тут же съедали всей пацанской «бригадой» и еще у тети просили добавки. Мы знали все корабли, хотя их было так много, особенно леспромхозовских, которые таскали «сигары» связанного леса в Байкал, на большой пароход... Где это все? Все это кануло в бездну времени, одна река и пирс из того времени...

Я решил подойти к моему причалу детства. Обходя кафе, увидел открытую дверь, что была подсобным помещением летнего кафе. Давно знал, что с этого места работники принимают груз, топят печь, вносят через нее дрова, да и скупают рыбу у рыбаков. Сейчас из этой двери — женский голос в сторону перевернутых больших рыбацких лодок, что лежали у самой воды, — неслась словесная брань.

— ...Бичи, надоели, ходят, побираются, «дайте что-нибудь покушать», а сами каждый Божий день пьяные. На водку находят, на спирт, а кушать, закурить — дайте! Вчера мамой клялись: дров наколем, сухих дров принесем, забор где-то разобрать хотели... Обманули, напились, а харчи заранее забрали. Пришла в пять утра, а дров нет, «конь тут даже не валялся», но мужики пошли, а если завтра война, все за водку и спирт продадите... Как мне людей кормить? Чай холодный, «поз» не разогрела?

Я стоял в стороне и слушал, случайно оказавшись свидетелем какой-то перепалки. Женщина средних лет, розовощекая, в белом поварском чепце, в белом халате, она даже не видела меня, я стоял сбоку к открытым дверям подсобки. Перекидывая поленья, подбирая в руки щепу, она все время обращалась в сторону перевернутых лодок — «байкалок», которые, очевидно, приготовили для просмолки рыбаки.

— Козлы! — она выругалась, вошла и закрыла на засов двери подсобки.

После того как она хлопнула толстой, обитой железом дверью, наступила тишина... Минуты через две я услышал хихиканье, говор чьих-то голосов вперемежку с матерками. Я стал прислушиваться и каждый раз делал шаг в сторону, откуда до-

носились голоса. Я подошел вплотную к большой лодке, с которой был снят стационарный двигатель. Лодка лежала боком, так что ей крышей было ее килевое основание днища. Один борт лодки упирался в песчаный берег реки, второй борт был закреплен на деревянных столбиках, в пояс человеку. До меня отчетливо доносились голоса — там кто-то был...

— Теперь нам лафа кончилась? Катька — баба злая, не простит нам... Я тебе, Пашка, говорил, не нужны нам эти макариненские дрова, даже на сигареты денег не дали, пейте спирт, да и только, а дров целую поленницу переколотили этому типу...

— Бери свое деревянное ружье, облакайся в солдатский китель и айда на паром. Курить стрельнем! Весь день впереди, мир не без добрых людей... К вечеру Катьке дров наколем и забор тот принесем на дрова, что мы у сетевязалки видели. Если она нас кормить не будет, мы ноги с тобой протянем...

Я отошел к краю речки, от лодки тут было метров десять, но еще слышал, как два человека о чем-то шумно спорили. Я смотрел на прозрачную, чистую воду, на мальков, что маленьким рунцом плавали вдоль берега; смотрел на щучью подводную траву, которой не было в нашем детстве на этом месте, на вновь причаливающий паром и на чаек, что ныряли постоянно в воду. Я не слышал, как подошел со спины человек.

— Дядя, дай, пожалуйста, закурить.

Я обернулся. Человек средних лет, загорелый, коричневый, как колумбиец, с выпуклыми глазами навывает, лысый и с золотистой щетиной на лице, смотрел на меня умоляюще... На голое тело у него был надет выдавший виды замусоленный пиджак, солдатские брюки галифе образца 1943 года, на босую ногу без носков надеты резиновые калоши.

Я сунул руку в карман, доставая пачку сигарет, спросил:

— Ты чей? Кто таков?

— Коли Ильина сын, — ответил он мне, как будто он всю свою жизнь представлялся громкой фамилией своего папаша.

Я знал смолоду его отца, нашего усть-баргузинского сапожника, инвалида по рождению, с вывернутыми ногами, у которого костыли всегда участвовали при ходьбе, он на них опирался, а ноги закидывал вперед. Вот откуда эти выпученные глаза — фирменный знак сапожника. Запойного, но мастера. Тогда парень этот ходил еще под стол своими ножками. Маленькая сгорбленная женщина носила его на руках за Колей-отцом, которого все звали Вертолет... Проходя по рядам базара, он приказывал этой женщине, что купить — это значило: Коля-Вертолет хорошо подзаработал денег или получил пенсию по инвалидности. А после, когда жена с покупками отправлялась домой, начиналась всеобщая попойка. Попойка начиналась там, где Вертолета застало желание от души напиться: у трибуны на стадионе, у магазина, в школьном дворе или на рыбацком пирсе, на кладбище, в сельсовете... Вертолет угощал всех. Человек мог идти мимо, но его окликали: «Ты меня уважаешь? Пей стакан „Агдаму“». Кого только не было возле Коли-Вертолета: грузчики из Госпара, освободившиеся от тюрьмы люди, тетki вольного поведения, рыбаки. А после начиналась драка. Кто кому что сказал, да не так, кому-то что-то послышалось, а одного прохожего мутузили за то, что он угостил пьяную толпу, сказав: «Нате, ребята, закусите вафлями!» Часто этот Коля-Вертолет гулял в Госпаре. Государственная промысловая компания по приписке порт «Байкал». Там на берегу реки Баргузин мужики-грузчики каждый день перегружали муку в мешках на склады с большими баржей «Роза Люксембург» и «Клара Цеткин». В ящиках шло также вино, водка, конфеты — разные грузы. Каждый день вечером после получки (ее выдавали каж-

дый день грузчикам, так как народ этот не каждый день являлся на работу) на берегу реки начинался банкет. Вот тут Колины костыли выполняли функцию успокоителя. Коля кричал: «У меня все по справедливости!» Что они делили, было не понять, но костыль смачно бил по спине недовольных товарищей, и распри прекращались.

Эти пиршества на берегу Баргузина-реки разгоняла милиция. Дядя Саша Копылов — участковый милиционер, после того, как утонул на попойке молодой парень, только пришедший из армии, Саша Жеравен, — пирушки закрыл и запретил — пересажал на пятнадцать суток некоторых... Колю-Вертолета увозили в люльке милицейского мотоцикла. Ноги инвалида болтались над люлькой пропеллером, и было всем видно — Колю-Вертолета повезли домой на такси. Все равно пирушки перенеслись в кафе «Гайка» или «Бабы слезы» — официально (советские люди имели право). Этим истории не заканчивались... Все, все бы хорошо, под прикрытием кафе выпивать не запрещалось, но жительница поселка в винно-водочном магазине, что звали местные «дежурка», вывесила прямо на двери внутри магазина (так как в нем работала ее невестка) объявление... Объявление жительницы, бабушки, Зинаиды Ивановной Шалониной, — вот оно, я его помню дословно:

Объявление

Кто встречал нашего седого козла Федыку, сообщите по адресу: ул. Энгельса, 15. Если это мужчина, за сообщение получит бутылку, а если это женщина, получит, сама чего пожелает. Козел наш курит и пьет, научили его этому госпаровские грузчики. Федя наш любит жевать соломенные шляпы и шелковые бабы комбинации. Если он будет мочиться и опорожняться где попало, это наш Федыка. Сообщите, пожалуйста, бабе Зине.

Человечество наше зашевелилось! На кону стояла целая бутылка. Мужики и пацаны вели всех пойманных козлов в большом поселке к бабе Зине. Если учесть, что наш поселок десять тысяч населения и через дом у каждого козы. Бабе Зине вместе с ее дедом пришлось днями сидеть на крыльце своего дома и принимать делегации с недовольными, упирающимися козлами, которые норовили боднуть насильников.

Один человек знал, куда делся пьяница и беспардонник козел Федыка. И этот человек — после узнали мы — был Коля-Вертолет. Да он еще и заработал на этом козле... Однажды он вырулил на своих костылях в четыре часа утра. Долетел до бабушки Зины Шалониной, постучался в окно. Бабушке уже изрядно надоели ходоки с козлами, и она хотела узнать только, где упокоился ее Федя, прошло уже три месяца. Вертолет сказал: «Литр, я все скажу, только литр я сначала выпью». Баба Зина, как невинная девушка, поверила обманщику, согласилась и выставила ему две бутылки «Солнцадара». Вертолет запрокинул свою голову и, предварительно распечатав обе бутылки, разболтав их, стал заливать себе в рот без остановки. На что дедушка Шалонин, бабкин муж, сказал ему:

— Как на заправке, ух и мастер ты, Коля!

После Коля-Вертолет крякнул и спросил:

— У вас телевизор есть?

— Есть, есть! — ответили старики.

— Программы все принимает?

— Конечно, все, а что?

— Федыка ваш уехал в Красноярск, выступать в цирке! Главный их директор тут отдыхал, на пляже загорал. Увидел способности Федыки, как он пьет, курит. Говорит нам: «Это готовый артист — самородок значит. Кто хозяин, ко мне его! Козел этот

на всю страну прославит его имя, премия государства светит». Ну а где вас-то искать, он на Байкале был, козел ваш Федька, с отдыхающими. А мужики-то и говорят, что невод там тянули. Да заберите вы его, пускай бабка и дед по телевидению в цирке его смотрят, ведь радость-то какая — в артисты попал! Тут он надоел, обоссал, обкурил всех!

Баба Зина от волнения и от чувства гордости за своего любимца Федьку прослезилась и вынесла Коле-Вертолету еще бутылку «Агдама», только жалея козла, смогрела на деда:

— Кто у нас тепереча иманух, — это козы так у нас зовутся, — покрывать будет? Лишились мы приработка, два рубля за козу брали, — и погрозила деду пальцем, — отпил ты, дед, «Агдамчик».

А Коля-Вертолет сказал:

— Ну, я пошел, мужики ждут, болеют все... А вы телевизор включайте, смотрите в оба глаза, должны показать!

Не знаю я, увидели старики своего козла Федьку по телевизору в Красноярском цирке, да только нет их давным-давно. Хорошо, что ушли с мыслью, что Федька их в артистах.

Куда делся козел Федька, так и никто не знает.

Эти воспоминания оторвали меня от действительности, я посмотрел вдаль. Высоко над рекой уже поднялось солнце, играла блеском река, и горизонт в устьях реки катил навстречу реки волны Байкала. Я подошел к перевернутой лодке. Нагнулся и вошел под ее свод.

В носу большой рыбацкой стационарной килевой лодки был всегда небольшой для сна кубрик. У этой лодки кубрик был открыт, как и лодка, был перевернут. В кубрике валялись старые полосатые матрасы, рыбные ящики в чешуе. Прямо посередине перевернутой лодки стоял стол, заваленный всякими отходами, на середине стола возвышалась керосиновая лампа с закопченным, но целым стеклом. Рядом у стола из ящиков были сколочены импровизированные стулья, чуть дальше два лежака, тоже импровизированные из рыбацких ящиков. На одной из постелей на грязном матрасе спал черный, загорелый седой человек. Одной рукой он сжимал свое деревянное оружие, сделанное из сосновой доски, очень похожее на винтовку. Я невольно вспомнил изречение: «А где жить ты будешь? На берегу под лодкой?»

— Говоришь, Кольки Ильина сын? — задал я вопрос курящему захлеб парню. — Знаком я был с твоим отцом, все валенки нам подшивал, да так ловко, мастер сапожных дел был. Давно помер?

— Двадцать лет отец лежит, в девяносто восьмом, заснул и не проснулся.

— Тебя как зовут?

— Юрка, — ответил он мне. — Вы, видать, местный, чьих будете?

Я назвал свою фамилию. Конечно, она ему ничего не говорила, а по его небритому лицу я видел, что желания его улеглись, покурив, он прилег на грязный матрас на ящиках.

Я спросил его:

— Вы тут живете?

Он равнодушно ответил мне:

— А куда деваться... Работы нет, жилья не нажили, так за пару хвостов рыбы стоим колхозное добро. Покупателя не могут найти на рыбоколхоз «Байкалец». Да и кто его купит? Рыбачить запретили, сделали заповедник «Национальный парк». А лес воровать на всех не хватает. Мы вообще прибрежная зона Байкала, брошены на про-

извол судьбы. Туризм у нас три месяца в году, да и то летом ознобиться может. Ангара подует — все, шубу надевай. А бурят-депутат хурала приехал из Улан-Удэ: вот делайте поделки, сувениры — продавайте туристам... Ну не идиоты ли? Смотрела на меня жена, билась с детьми, сказала: «Как хочешь, я к маме». Она у меня не местная — из Астрахани. Вот там третий год меня ждет. Хорошо хоть арбузы вдоволь с детьми кушает, работа на поле нашлась ей, а мне ехать не на что.

Эта лодка вот третий год перевернутая, смолить решили, да разбежались: все квоты на омуля не дали, сеledку в магазине покупайте, кушайте, если у вас есть деньги, а в море не вздумайте с неводом ходить — посадим в тюрьму, и законы написали, что и водицы можешь из Байкала не попить.

Дай еще закурить, земляк! Если вы отсюда, то помните: работал рыбозавод, десять, а то и более рыбацких бригад ловили рыбу, тут же в Чевыркуе разводили рыбу омуля — отпускали в Байкал. А это было с 1922-го, все рыбачили, работа у каждого была. В войну дед и прадед мой снабжали фронт и после войны. Какую-то утку запустили: «Чехи выловили весь омуль». Не было этого никогда, кому это выгодно, тот и пускает слухи. Мы живем у воды, да ты разреши нам хоть по пять килограммов в месяц ловить, купить хлеба бывает не на что, биржа не платит, работы нет, и коммерсанты в долг не стали давать: неплатежеспособен. Еще у нас одна напасть... Из заповедника Давши орнитологи завезли птицу баклана, будь он неладен. У него нет врагов в нашей среде. И он расплодился, миллионы в стаях, все черно от него. А ныряет за рыбой на четыре-пять метров в воду — кушать ему надо. Острова помнишь: Бакланий, Голенький, Лохматый в Чевыркуйском заливе, все без растительности остались... Помет у этой птицы хуже атомной бомбы — ничего после него не растет. Конечно, рыба тоже неглупая — на глубину отошла, корма ей не хватает. Раньше она подойдет к устью реки — кормится, что река принесет, а теперь не подходит... Вот что наделали ученые и признать вину свою не хотят, мер не принимают никаких. Ты представь, раньше мы до баклана этого на шести сажнях рыбачили, подледным ловом, а теперь на ста двадцати сажнях рыбу ловим. Прадеды и деды наши говорят: «Не было здесь никогда этого баклана, бывало, один-два осенью в перелете завернут, и все». А орнитологи завезли штук сто, кормили его с рук, рыбу с рыбозавода брали и кормили. Короче, бакланию птицеферму сделали. И разбежались... Кто за это ответит? Вредители. Честь мундира им дороже. И слышать не хотят об этой проблеме.

Я все удивляюсь, читая Библию: Иисус шел берегом моря. Увидев рыбаков, вытаскивающих сети, он не закричал, не стрелял, не составлял протокол о нарушении, сразу предложил альтернативу: «...и сказал рыбакам, я научу вас ловить души». Что мне делать у воды, когда я и мои дети кушать хотят? Далеко шагнул прогресс, но позы желудка к еде остались прежние. Кто бы об этом думал? Где у людей, пишущих и разрабатывающих законы к моей судьбе, к нашей байкальской жизни, альтернатива? Как всегда, «жираф большой, ему видней»...

— Да! — сказал я. — Ты, Юрий, философ... Не зря говорили древние: «Если тебя любит жена, будешь счастлив, а если нет, станешь философом!»

На второй кровати из ящиков на грязном матрасе зашевелился спящий человек с деревянной винтовкой. Мы совсем забыли про него, увлеклись разговорами про жизнь.

— Да... — Юрка Ильин махнул рукой, — Пашка Фоминович, из психбольницы выпущенный...

— Как Пашка Фоминович? Мне говорили, он умер давно?

— Слухов полно было... После того как он пострелял из карабина причудившуюся ему бурятку-нерпу в воде, экипаж катера «Жемчуг», на котором он капитанил,

убедился, что дела совсем плохи. Скрутили — и в больницу Пашку. Пять лет его лечили где-то под Улан-Удэ, дали пенсию и привезли сюда, в Устья, в дом инвалидов. Мать у него к тому времени умерла. Жена уехала в Хабаровск, как узнала, что он такой и будет до конца своих дней. Пашкин дом заколочен, по Кировой улице, вы, наверно, знаете, красивый большой дом. Он у нас в дом престарелых теперь переведен, а там строго: не пить, не курить, не ходить, окна в решетках и на замке. Да и пенсию они забирают, копейки оставляют старикам. Пашке это не нравится, на лето он уходит от них. Живет, где придется, у знакомых, родни, друзей. Правда, их уже не осталось. Они там, в старческом доме, даже одежду его прячут, да у нас солдатской формы полно... Воинская часть снялась, у берега Байкала стояла. Ракетчики небо Байкала охраняли, помните? Они контейнера с солдатской одеждой оставили в подарок местным жителям. А нам что — разнюхали мужики. Теперь все мы солдаты, прапорщики и офицеры. Хотите, и в генерала вас приоденем? А что? Материал хороший, советский еще, крепкий, — носи, не сносишь...

— Спасибо, — на что сказал я ему, — пропьюсь или жизнь доведет, буду иметь шанс приодеться.

Я захотел посмотреть на спящего человека, ведь я не видел Пашку-капитана много-много лет.

Я подошел к постели, сколоченной из рыбных больших ящиков. На грязном матрасе лежал человек. Рука его была закинута над головой, как будто он танцевал, другой он сжимал свое деревянное оружие. Седые короткие волосы в полумраке белели, как первый выпавший снег; он был очень смугл, а неузнаваемое лицо было так страшно прочерчено морщинами, что я невольно сравнил с природными складками египетской кошки сфинкса. Один нос говорил мне — «это Пашка». Он был длинноват и с горбинкой.

Я посмотрел на него еще раз и отошел. Будить мне не хотелось его, мы с ним расстались в другой стране, когда он был здоров, носил синюю новую речную форму капитана с золотыми галунами на рукавах.

Юрка Ильин как бы читал мои мысли, сказал:

— Мы его все равно не добудимся, он пьет какие-то сонные таблетки, что приносит ему иногда племянница, он когда выпьет одну таблетку — спит как убитый. Тут на той неделе она его звала в больнице полежать в Улан-Удэ, он не захотел. Сказал «нет».

А память возвращала меня в те годы, когда все еще было впереди.

В тот год, когда мы получили аттестаты о среднем образовании, уже два года гремел и звал к себе на великую стройку наш Ленинский комсомол — Байкало-Амурская магистраль. БАМ. «Слышишь, время гудит — БАМ! На просторах твоих — БАМ, и седая тайга покоряется нам», — слагали поэты и композиторы в то время. Жители нашего поселка Усть-Баргузина хотя не прямо относились к стройке, но были ее вспомогательной артерией по перевозке и доставке грузов. У нас создавались склады, перевалочные базы, а самое главное — это ледовая дорога из Усть-Баргузина на палаточный Северобайкальск, Нижнеангарск, на Тынду и Уаян. По льду замерзшего Байкала на машинах перевозились грузы.

Повеселели глаза моих земляков: есть в работе и жизни большие надежды. Заработки на БАМе были приличные, за три года по целевому счету зарабатывалась машина «Жигули». Наш поселок наводнился новой техникой: «Магирусы», автокраны КАТО и прочее. В поселке открывались бамовские магазины, снабжение строителей, работающих в трудных условиях. Деликатесы стали у нас привычным товаром. Люди снимались, переезжали семьями и группами, в одиночку: туда, где кипит основ-

ная работа, туда, где начат Северо-Муйский тоннель. В нашем поселке на предприятиях стало не хватать рабочих рук. Люди увольнялись, уезжали за лучшей жизнью.

После окончания школы оставалось полтора месяца до поступления в высшее учебное заведение, и нам предложили подзаработать денег на дорогу. Мы с другом Анатолием Шрагерым устроились грузчиками в морозильный цех Усть-Баргузинского рыбокомбината, конечно, с оговоркой — временно.

Работа с мороженой рыбой в морозильной камере, где минус двадцать четыре, не очень нравилась нам, но сто пятьдесят советских рублей в месяц давали силы, чтобы мы выдержали это первое испытание в жизни.

Третий наш товарищ Александр Овчинников был принят матросом третьего класса на буксировочный катер «Жемчуг». Повезло, так повезло нашему другу, мы все бы хотели быть на корабле и еще получать зарплату! Но наш друг сразу решил, он никуда поступать не будет, сразу пойдет в армию, поэтому он устраивался на работу постоянно.

Трудовые дни наши были почти боевыми. После работы мы первые дни падали дома, так уставали грузить и развозить рыбу по цехам. Но за две недели мы сами стали удивляться: тяжесть и боль в руках и спине проходила после непродолжительного отдыха, мы стали вечерами выходить на улицу — ходить на танцы в ДК, да еще и повторять экзаменационные билеты. Родители наши говорили: «Вот и вы, детки, втянулись в физический труд, познайте это, „глаза боятся, а руки делают“. Да еще не забудьте: учиться легче, чем ящики с рыбой всю жизнь таскать». А мы воспитательному процессу и не возражали, молчали в лучшем случае.

Как-то раз в выходной я взял удочку и пошел на паром. Планов никаких у меня тогда не было. «Посижу просто с удочкой у воды, расслаблюсь». Придя на паром, я решил перейти на причал Колхозный, где стояли катера и вместе с ними корабль «Жемчуг». Светило солнце, шел первый месяц долгожданного лета. Два прошедших дня дул сильный ветер с той стороны Байкала — сарма. Еще недавно стояла солнечная безветренная погода. Рыбаки тянули невод на берегу Байкала, сетевые бригады выставили сети, надеясь на хороший улов, а ветер подул, никого не спросил... Заходили волны-беляки по реке, в «лопатках», вообще трехметровые волны. Не выйти лодкам и некоторым катерам в море на просторы Байкала, сиди и жди, когда ветер утихомирится или хороший и мощный ветер-верховик — баргузин — с верховья реки собьет волну, чтобы рыбакам выйти в море к своим сетям. Осенью, бывает, по неделе гуляют ветры и шторма, но это осенью — у нее оправдание.

И вот ветер стих. Заблестела под солнцем речка, тепло стало на любой завалинке. Только шум разбегающихся волн по приплеску песчаного берега напоминал о двухдневной стихии.

Из стоящих у причала катеров навстречу ко мне вышел мой друг Саша Овчинников.

— Привет, привет, как дела, как работа? А я матрос, пошли, познакомлю с командой. Все наши устьенские, да ты их знаешь или встречался. Вот ветер стихнет, и в рейс, в Северобайкальск, на этот раз не пиво, бананы, а взрывчатка для Северо-Муйского тоннеля. Килевая баржа «Чайка» загружена, представитель и шкипер на барже, а мы поведем ее до конечного пункта.

— Молодец, Александр, что устроился на корабль работать, и повидашь много, интересная работа. Мне даже завидно. Так хочется наш Байкал увидеть, его берега: мысы, бухты, поселки и села.

— И тебя взяли бы точно! Я же на постоянную работу нанимался до армии. Похожу в рейсы, навигация кончится, будем корабль ремонтировать, а там весна, мне в армию.

Я сел с заветренной стороны, размотал свою удочку, наживил на крючок намятый мякиш хлеба и с удовольствием стал смотреть на магазинный бело-красный поплавок. Поплавок плавно и ровно качался на речных волнах, тая сладкое предчувствие поклевки. Я на миг посмотрел на черную бровку еще кипящего от ветра Байкала в устье реки — в «лопатки», на порталные краны, стоявшие на госпаровском пирсе, как услышал Александра голос:

— Тяни, поплавок утонул!

Точно, поплавок я не увидел, где-то в воде была видна белая его головка. Я подсек и, сгибая удилище, надеясь на его прочность, вытянул хорошего подъязка. День только начинался, погода давала надежду на лучшее, можно было с удовольствием ловить рыбу хотя бы до обеда. Тут на пирс, на свой корабль пришел капитан Пашка Фоминович.

Он подошел к нам, сидящим на пирсе с удочкой, и поздоровался. Александр представил меня:

— Мой друг со школы! Вот он надежен на все сто.

— Ну, хорошо, берем его, только скажи, придется поработать!

Я смотрел на капитана. Он был среднего роста, со смуглой от загара кожей. Карие веселые глаза его не находили покоя, когда он о чем-то говорил. Черный волнистый чуб выглядывал из-под строгой, с массивной кокардой, капитанской фуражки. У него был чуть длинноват нос с горбинкой, но он был ему к лицу. Средней величины подбородок был гладко выбрит. Носил он, не сбривая, небольшие усы. Да, он был красив в своем новом кителе с золотыми галунами, вместо белой рубашки с галстуком под кителем была морская, в черную полоску, тельняшка.

Корабль также походил своей стройностью и красотой на капитана. Как только начала свою работу ударная всесоюзная стройка БАМ, наш богатый колхоз «Байкалец» закупил несколько малых рыболовецких судов МРС, в том числе буксировочный морской корабль «Жемчуг». Уже три года, как на него был назначен опытный аттестованный капитан Павел Фоминович, который вместе с семьей был вызван правлением колхоза в родные места из Хабаровска. Буксировочный корабль по договору предприятий был поставлен на буксировку баржей с грузами из Усть-Баргузина в Северобайкальск и Нижнеангарск. Люди, работавшие на нем, относились к строителям БАМа, имея все льготы и оплату.

Корабль был красив: борта с иллюминаторами, где спальный кубрик, камбуз, машинное отделение, каюты капитана, помещение радиста. Весь его низ был окрашен в черный цвет. Палуба была окрашена в коричневый цвет, все остальное было белого цвета. Высокая, обзорная на все стороны рубка, на рубке выше капитанский мостик, с бортиком, с прожекторами, с ручной дополнительной сиреной. Рында горела от блеска желтого металла, висела возле рубки, где стояла еще роскошная с согнутой спинкой скамейка, закрепленная к рубке. А на корме было буксировочное приспособление: электрическая лебедка, ручная вспомогательная лебедка с канатом. На корме катки горизонтального и вертикального направления тягового каната, за который цепляют баржу, — все было покрашено, сияло и блестело в лучах солнца.

— Александр, у тебя нет желания сходить с нами сегодня в море? Помочь нам?

Я смотрел на капитана, на своего друга Саньку.

— Как это нет желания? Огромное желание прокатиться с вами, в море выйти.

— Да и поработать надо будет, если сети сорвал с якорей шторм, их надо будет искать — «боронить». Если найдем, вытащить надо, двенадцать концов по шестьдесят метров, — уточнил капитан.

— Конечно, помогу, — заверил я, — день у меня свободный, я на выходном.

— Через час тронемся, пусть волна поутихнет, по мертвой зыби пойдём, пока рыбохрана ждёт штиля на море, — заключил капитан.

А солнце, наше теплое солнце своими лучами так грело, что пришлось с себя снять лишние одежды. Я сидел на пирсе с удочкой и голым торсом, когда капитан крикнул:

— Отходим!

В моем ведерке было уже поймано килограмма три рыбы: окуни, крупные ельцы и подъязок, я по совету друга взял их с собой на корабль, надеясь поджарить их на камбузе. Но этого делать было нельзя. Капитан сказал мне:

— Что, в первый раз? Нельзя рыбу с берега брать в море — примета плохая, сами за рыбой идем.

Все мои мечты о поджарке рыбы улетучились, я выплеснул свое ведро вместе с живой рыбой за борт корабля, извиняясь за свое несоблюдение рыбацких правил.

Капитан запустил двигатель, который работал почти беззвучно. Проверил еще раз, что все мы на борту. А нас было со мной четверо. И дал команду моему другу Александру: «Отдать швартовы!»

Мне показалось, что пирс плавно уходит от нас. Так уж бывает, если долго не был на корабле. Вот наш корабль освободился от опеки пирса и, как бывалый морской покоритель волн, разбивает речную, небольшую волну носом, жажда добраться до большой волны.

Пятнадцать минут хода по реке, и мы подходим к «лопаткам», все ближе. Нас встречают огромные волны. Волны не те, что в реке. Большие, с белыми гривами, на них корабль пытается забраться, но не успевает, волна до самой надписи «Жемчуг» поглощает корабль, еще мгновение, и вода ринется своим огромным потоком на палубу.

Но нет! Корабль замирает вместе с волной и падает всей своей железной грудью в бездну. Нырять в глубь впадины, отбрасывает тонны воды по бортам. Замирает тогда сердце, а вместе с ним душа. Грозит бездна своим концом безвозвратным. Но силен человек, его мозг гениален: корабль с килем сотворен им так, что он непобедим волной, стоек и смел перед всякой стихией. Мы прошли «лопатки» — это горнило штормового Байкала — мы в море!

Все мы собрались в в рубке. Капитан сам за морским штурвалом. Павел Фоминович сосредоточен. Капитан выбрал скорость хода корабля, как держать нос и корму к надвигающимся волнам. Бросает свой суровый взгляд на компас.

— Александр! — подзывает он моего товарища Александра Овчинникова, своего подчиненного, матроса третьего класса.

— Смотри, вон Билютинский мыс, видимость хорошая, нос корабля держи на него, смотри на компас, видишь градусы? В Холодянках мы поставили сети, как поравняемся с этим мысом — это наше место сетей, — так и держи один градус или полградуса, допускаю отклонение, полтора часа ходу на средних оборотах. Я подойду, сделаем сверку... Пока мы приготовим борону для сетей. Чувствую я, что сети наши сорвало с якорей и таскает где-то у берега, придется, наверно, «боронить». Двенадцать концов сетей под шторм попали, что с ними ветер за три дня сделал?

А вода Байкала блестела от яркого солнца и света. Белые струи зелено-синей воды вырывались с шипением из-под острого носа нашего «Жемчуга». Нос корабля погружался до середины видимого размера в волны. Мертвая зыбь — волна, покатающаяся после шторма, — поднимала и опускала корабль, и эта с детства знакомая тошнота под ложечкой начинала напоминать качку — морскую болезнь. Надо выйти на воздух, глотнуть его свежести, смотреть на волну, а не на палубу и стены, и она пройдет, и точно проходит...

Мы прошли втроем на корму. Александр Овчинников стоял у штурвала. Изготовление бороны — это простейшая задача для рыбаков и рыбоохраны. На веревочный канат мы берем его со спуска невода. Толстая капроновая веревка, метров ее должно быть сто — сто пятьдесят, в зависимости от глубины, где поставлены сети. Сто метров этого капронового каната и простой строительный лом железный, тяжелый, один метр пятьдесят сантиметров. Канат привязывается за середину лома прочным «беседочным морским» узлом, подстраховывается узлом «двойным удавом». Свободный конец каната закрепляется за буксировочное место корабля, а лом бросают в воду. По скорости движения корабля лом, привязанный за середину, в воде будет подниматься; меньше скорость движения корабля — опускаться. Капроновый канат берется, чтобы определить зацеп сетей. При зацепе канат начнет растягиваться, он не порвется. После работа руками, вытягивай, что зацепилось. Наша рыбоохрана в запрещенных местах для лова рыбы «боронит» браконьерские сети, на стальном тросе собирая их для ликвидации, поэтому у нас морские омулевые сети большая ценность.

Мы шарили глазами по береговой линии, которая лежала в сизой дымке тумана. Кое-где клочками туман прерывался, обнажая далекие леса и синие дымчатые горы, которые невозможно было отличить от таких же гор, лежащих еще дальше.

Капитан вышел из рубки с биноклем, он поднялся на капитанский мостик, долго осматривал береговую линию и произнес нам, стоящим внизу:

— Смотрите, ребята, по бортам, на левый и правый, наше место пошло, где мы сети ставили. Маяки ярко-оранжевые должны плавать на поверхности! Вижу в бинокль карьер холодяночный, в оба глаза смотрите.

Мы разошлись по бортам, напрягая свое зрение, высматривая маячки. Но шло время: вода и поднимавшие наш корабль волны, пустота, однообразие волн и легкий ветер, больше ничего. Шел уже второй час, как мы на «малых» оборотах корабля высматривали маячки.

— Все, ребята, нет наших сетей, маячки либо сорвал шторм, либо все наши снасти на дне — будем боронить.

— А какая здесь глубина? — спросил я из любопытства.

— Глубина здесь маленькая — сто пятьдесят — двести метров — хребет подводной скалы под нами, а вон там, через милю, — он показал в направлении к мысу Нижнее Изголовье, окончание полуострова Святого Носа, — семьсот — девятьсот метров!

— Да, оттуда не достанешь! — удивился я.

Напарник наш, член команды, моторист-рулевой Николай Демидов рассказал байку нам:

— Мужик-москвич приехал на Байкал рыбачить. По всему свету он испытал рыбалку и фильмы снимал по этой теме. Приехал и спрашивает у местных: а где у вас хорошо рыба ловится, мне везде разрешат фильм снять? А местные говорят: да напротив Святого Носа хорошо ловится, жди весны, погуляй с нами. Весной даже на крючок ничего наживлять не надо, брось в лунку крючок, привязанный к леске, он, омуль, сам схватит... Дело зимой было, в феврале. Не дождавшись весны, поехал этот дядя к Святому Носу, пробурил лунки, все честь по чести. Но такой дотошный был, надо, говорит он себе, прикормку на дно кинуть. Наложил, в чулок бармаша и давай погружать на дно свой спуск на леске. Сто метров лески опустил — дна не достал... «Да это что такое? — возмутился мужик. — Надо дно достать». Еще привязал сто метров... Было у него еще тринадцать катушек лески. Два дня он их связывал и погружал спуск с бармашем, чтобы дно достать... Тысяча пятьсот метров получилось — все равно дна

не достал. Стоит он на льду, и страшно ему стало, полтора километра под ним, а он тут бармаша разводит... Бросил все свои вещи и ползком к берегу по льду, с километром. Приполз, за вещами местных отправил. Аппаратура у него там дорогая осталась. Говорит он местным: «За что вы обманули меня, я вас столько водкой поил?» — «Как обманули? Глубина там тысяча шестьсот двадцать, уважаемый, не хватило-то совсем немного забормашиться. Вам говорили, не более двух саженей и в апреле, весной, мы же сказали — покажем! Мы-то думали, вы с нами до апреля пить водку будете? Нет, вы без нас уехали, мы вас искали, похмелиться хотели, не получилось. Ждите до апреля! Омуть начнет подниматься из глубин под лед косяками и рунцом под самый верх льда поднимется, кушать ему после зимы хочется. Лед весной и снизу тает, личинки, букашки всякие оттаивают, что с осени вмерзли в лед. Вот и лови на две сажени, хватает голый крючок омуль».

— На корму, ребятки, я разверну судно, и запускайте лом на канате, в полуводе сначала попробуем...

Над рассказанной Николаем байкой мы не успели посмеяться, впереди была не очень-то приятная работа по поиску сетей. Уже третий час мы на разных скоростях нашего небольшого судна боронили глубокие воды нашего кормильца Байкала. Белый витый капроновый канат в прозрачной воде просматривался далеко. Он то был на поверхности, то в полуводе, то преломлялся как-то неестественно, совсем на малой скорости корабля уходил почти вертикально вниз, теряясь в темноте глубины. Мертвая зыбь — волны — поднимали и опускали корабль своей плавной и гладкой махиной. Мы все заметили, что качка затихает, и если бы мы зацепили сейчас сети, то без особого труда вытянули их на корму корабля. Но зацепа не было... Мы все стояли возле капронового каната, трогали его руками и ждали, когда он натянется от зацепа. Время шло... День уже перевалил за полдень, капитан Пашка Фоминович сказал:

— Давайте еще пару раз пройдем и будем курс брать домой...

Вдруг Александр Овчинников показал рукой далеко вперед, в блеск синевы по левому борту...

— Нерпа! Интересно, что она тут делает?

Мы все прильнули рассматривать в той стороне, где показывал Александр. Да, действительно черная точка метров за двести то появлялась, то исчезала над водой. Гладкие, без белых гребней волны мертвой зыби то скрывали черную точку, то поднимали. Сбавив ход, корабль разворачивался в ее направлении. Мы уже без бинокля рассматривали, как нерпа ложится на спину, поднимает вверх задние ласты, нам оставалось сто метров до нее — она нырнула в байкальскую глубину и скрылась.

— Все, — сказал капитан, — теперь сорок минут не увидим ее. Интересно, что она делает в наших краях, так далеко от лежбища с молодняком? Детки появляются у них в марте, так далеко нерпа не забирается. У нерпы окот — ответственное дело, потому как нерпа относится к семейству млекопитающих кунных и рождает она в марте. Рыба? Вот что ее сюда привело, наши сети? Ищем, ребята, где-то здесь сети.

Он опустил свой бинокль себе на грудь, а Николай Демидов, моторист, закричал с кормы:

— Зацепили... Сбавьте ход... Есть, что-то поймали?

На наших глазах капроновый белый канат медленно стал напрягаться и растягиваться. Мы все, кроме рулевого, вцепились в канат, не давая слабины, напрягаясь, мы тянули его на себя. Канат медленно под нашими общими усилиями стал выбираться из воды.

Мы все смотрели за корму, куда в темную глубину уходил канат. Все меньше и меньше различался в воде неводной спуск, он уходил в невидимое, и создавалось впечатление, что мы поднимаемся над бездной не на корабле, а на самолете. Николай-моторист заметил мой испуг и сказал мне:

— Привыкнешь... Это эффект от чистой воды. Канат просматривается; сорок-пятьдесят метров, и твой глаз привязывает темноту и корму корабля, где ты стоишь. Между нами вода, но она так прозрачна, что не замечает ее наше зрение. А вот посмотри, что-то там далеко внизу во тьме показалось — сети? Вижу! Сети! Верхние поплавки на тетиве — поймали!

Мы, плавно перебирая руками и не давая слабину канату, метр за метром вытягивали из глубины нами пойманные сети. Вот уже первые снасти лежали на корме. В сетях веревка, которая держит на себе поплавки, называется «верхняя тетива», а на противоположной тетиве, нижней тетиве, крепятся грузила. Мы вытягивали две веревки, полотна сетей между ними не было.

Капитан Пашка повеселел, когда мы стали вытягивать из глубины верхнюю и нижнюю веревочную тетиву сетей, посмотрел на нас и спросил:

— А где полотно, ребята, где сам ячийник?

Вместо полотна сетей на поверхность мы поднимали рваные, кое-где оставшиеся куски сетей, в них иногда попадались морской барманша и головы объединенных омулей без туловища, глубинная рыбка голомянка. Сети были на дне, значит...

Кто-то из ребят сказал: «Смотрите, вон опять за нами следит нерпа!»

На зелено-голубых, освещенных солнцем волнах уже совсем недалеко, метрах в ста, на нас смотрела гладкая, усатая, с черным носом, с большими выпуклыми глазами нерпа. Она лежала спиной на волне, подняв свои передние и задние ласты, ее черная головка блестела от лучей солнца, она совсем не боялась нас.

Пашка-капитан кинулся к борту катера и закричал:

— Ты что наделала с моими сетями, шкодница? Двенадцать концов изуродовала, чем я людей кормить буду? Шесть концов вообще не мои, люди дали... — Он еще что-то кричал в сторону нерпы, махал рукой, прицеливался в нее, схватив корабельную швабру. Нерпа как будто не обращала на него внимания.

Вдруг Александр Овчинников крикнул:

— Держи, ребята, крепче тетиву: идет что-то крупное, большое и объемное.

Кряхтя и матерясь на нерпу-шкодницу, мы всей командой, что была на корабле, тянули кое-как скрученное в один большой клубок полотно сетей. Это все оборвано от тетивы — полотно ячийника.

— Я убью тебя! — кричал Пашка-капитан. — Ты съела всю рыбу и сети порвала... Я пристрелю тебя, шкодливая с...! Клянусь мамой, без карабина я не сунусь сюда, и ты получишь от меня пулю...

— Перестань, капитан, — сказал Николай Демидов, — это мы вторглись в ее воды, она у себя дома. Три дня шторм, конечно, и ей есть хочется. Вот только почему она не уходит от нас, что-то ее держит?

Капитан стал разворачивать судно. Мертвая зыбь уже была наполовину слабее. Все говорило о том, что воды Байкала успокаиваются после трехдневного шторма. Солнце сияло так ярко, что его лучи, падая на воду, делали ее такой же золотой, как солнце. Только вдали, ближе к мысу Изголовье полуострова Святой Нос вода синела. В сизой дымке проглядывался далекий берег, было тихо и тепло. Кто-то сказал:

— Ребята, смотрите, нерпа за нами плывет. Вот нахалка, изуродовала сети, еще и пули просит?

Капитан совсем сбавил ход корабля.

— Братцы, давайте разберем этот комок из полотна сетей. Время еще есть, на берегу нас вопросами замучают, да и не надо, чтобы посторонние видели. Мы на корме стали распутывать и разбирать ячийник.

Если ваши сети посетила нерпа, то вам достанутся дыры, хвосты и головы объединенного нерпой омуля. В этих сетях было все скручено, порвано, полотно было так жестоко изуродовано, что нам пришлось кусками вырезать ячийник. Клубок становился все меньше, но донный бармаш и останки омуля мешали нашей работе.

Я первый среди этого клубка увидел маленькую черную блестящую ласту. Я даже не успел удивиться находке и ее значению: что это?

— Ребята, — сказал я, — а тут какой-то зверек.

Мы все собрались вокруг находки и стали разматывать этот клубок. «Детеныш нерпы! Вон она, смотрите, ждет его. Он дня два как в воде плещется, мертвый, уже совсем закоченел!» Об этом догадались мы все сразу.

Метров в пятидесяти, высунувшись вполтуловища, мать-нерпа высматривала на нашей корме в комке сетей своего детеныша. Она крутила своей черной блестящей головой, на которой большие выпуклые глаза выражали страх, беспокойство, тревогу. Вот почему нерпа не отстаёт от нас? Она ждет своего маленького нерпенка, который давно мертв, он запутался в Пашкиных сетях, и, может быть, давно... Она рвала эту смертельную тетиву своим телом. Этот котенок не мог иначе, подчиняясь инстинкту, он плыл за матерью, он тоже хотел есть. Он поменял свою белую шубку на черный цвет, отливающий холодным металлом, коротенький мех.

Нерпа-мать смотрела на нас... Мне показалась, она издавала звук. Или это скрипели поелы нашего корабля, мать-нерпа ничего не боялась и была уже в тридцати метрах от нас.

Наконец мы выпутали из омулевых сетей маленькое бездыханное тельце. Нерпа котится в марте — в начале апреля, этому котенку всего около двух месяцев. Далеко нерпа-мать в поисках рыбы заплывала к нам, к мысу Холодянки или за косяками омуля потянулась, что весной поднимается с байкальских глубин. На Ушканных островах нерпы дом и лежбища, это километрах в ста от мыса Холодянки, где мы находились...

Маленькое блестящее тельце лежало на металлическом, крашенном в кирпичный цвет полу корабля, а над ним светило летнее солнце, грея и слепя, колыхались зыбкие волны, и столько счастливых дней лета было у жизненной дали впереди. Жаль, не для этого нерпенка — он был мертв.

Пашка-капитан заорал, обращаясь к матери-нерпе, которая наполовину своего тела высунулась из воды:

— Это все ты! Ты виновата... И сети мои угробила, вот я отдам тебе твоего детеныша по кускам, получи...

Мы не ожидали, что он поступит именно так. Он вытащил из камбуза разделочную доску, прихватил топорик для рубки мяса и прямо тут на корме у борта, где нерпа по пояс смотрела на своего детеныша, начал рубить на доске нерпенка. Он отрубил сначала маленькие крохотные ласты, ласты, может быть, чем-то похожие на человеческие руки. Мы отвернулись.

— Подавись, стерва непутевая! — кричал, бешено вытаращив глаза капитан.

Он отрубил уже голову детенышу и бросил матери-нерпе в море... Кровь от обезглавленного тельца залила доску, пролилась на палубу. Капитан Пашка схватил разделочную доску с телом нерпенка, выбросил за борт...

— Это тебе на сон грядущий, будешь знать, как ко мне в сети заплывать!

Мы увидели злое, искаженное лицо Пашки-капитана. Он был не в себе. Николай Демидов выхватил у него топор:

— Командир, успокойся, впору плакать, а ты?

Капитана увели в кубрик, где он еще долго орал: «Сети не ваши, вам все равно, а я начальству пообещал, рыба будет». Мы поняли, что поймать рыбы ему давали задание начальники колхоза «Байкалец». Особенно инженер по добыче рыб любил закинуть свои сети Пашкиной рукой...

— Смотрите, ребята, она не отстает от нас, надо прибавить ходу кораблю, — сказал Николай.

Нам всем было так неприятно в душе, и не радовали тепло, и начало лета, и красный закат над полуостровом Святой Нос. Мы смотрели за корму, где время от времени появлялась черная точка — голова нерпы, но и она исчезла в свинцовой темноте под вечерним небом в тучах, которые бросили свое отражение в воды Байкала...

Мы возвращались молча. Монотонно и ровно работал мощный дизель корабля, нос его разбивал черные от сумерек волны Байкала, но никто не пытался заговорить или сказать друг другу слова, каждый думал и переживал по-своему. Наконец Пашка-капитан начал стучать в железную дверь кубрика, материться и орать, чтобы его выпустили: «Я капитан, и вы все подчиняетесь мне, мало ли, что психанул, я один перед начальством в ответе за сети...»

Мы выпустили его. В рубке он остался один, взял штурвал в свои руки, кому-то доказывал, махая руками в пустоту, мы его не слушали, смотрели на приближающийся берег, на сигналы, подаваемые маяком, который уже в сумерках указывал вход в русло реки Баргузин. Через полчаса мы входили в лопатки. Волна улеглась. Небольшая мертвая зыбь еще ходила: разбегаясь с простора Байкала, проходя середину пути в устьях реки, волна затихала, слабела и раскатывалась по реке. Река течением утихомирила волну, говоря ей: «Все, подружка, нагулялась, теперь отдохни у меня в гостях».

Оглашая округу сиреней, прибывал корабль «Жемчуг». Пашка-капитан умело пришвартовал судно левым бортом к «колхозному пирсу», крикнув матросу, моему другу, команду: «Подать, закрепить швартовы, трап».

Эту отлучку от пирса в море я назвал «экскурсия», она была закончена впечатлением на всю жизнь... Я простился с командой, даже пожал Пашке-капитану руку, на что он мне почему-то сказал тогда:

— Все равно я ее, Александр, выловлю и накажу! У тебя, случаем, сетей нет в долг на пару недель?

— Нет, — ответил я ему, — своих сетей у меня еще нет, а отец мой работает на рыбозаводе, ему не до сетей. На удочку мы в основном рыбачим, да и уезжаю я скоро.

— Спасибо, спасибо, — сказал угрюмо Пашка-капитан мне, — за нами долг не заржавеет, и мы рыбой разживемся когда-нибудь! Послезавтра мы уйдем в рейс на неделю, может быть, чуть больше задержимся, потом будем рыбу ловить, так что «пайка» рыбы за нами.

И вот мы опять на работе с моим другом Толиком Шрагерым. Да мы уже давно втянулись в тяжелую работу, но с каждым днем нам становилась противней эта работа. На улице плюс двадцать четыре, а в холодильнике минус двадцать четыре. Мы в валенках на резине, в теплых штанах, свитере и в толстом морском бушлате, на голове шапка зимняя. Во всей этой одежде надо работать, грузить мерзлые рыбные ящи-

ки. Взвешивать на весах рыбу, загружать ящики на тележку, сортировать, везти, толкая впереди себя эту тяжелую телегу с рыбой в цех разморозки; но это не все: подойдут к вечеру корабли и лодки с уловом, надо принять рыбу, все через весы. Мы с Толиком мечтали, когда наступит 28 июля, последний день нашей работы по договору, получим деньги и в путь, поступать в институт. Мы уже мечтали, что будем учиться так хорошо, чтоб никогда и в страшном сне нам не пришлось катать эти тележки с мороженой рыбой. Мы поняли, что говорили мамы и папы: учись!

Прошло уже полмесяца, а Александр Овчинников так и не пришел к нам, он был еще в рейсе с экипажем на корабле «Жемчуг». А лето задалось на славу: теплое ночами, жаркое днем. Давно уже не было ветра, Байкал, как зеркало, был тих и спокоен и отражал кое-где проплывавшие в синеве перистые облака. По утрам казалось, вот начнется либо дождь, либо ветер. Но к полудню все признаки непогоды исчезали, день, «как яичко на блюде», был чист, ясен, безветрен — это лето баловало нас.

Заканчивалась третья неделя, как мы расстались на пирсе, ко мне наконец пришел Александр Овчинников. Мы поздоровались, я сразу отметил, как он загорел и обветрил-ся на Байкале. Он рассказал мне, какие неудачи преследовали их в рейсе:

— Первое — потеряли один якорь, второе — это прицепная баржа морского исполнения дала течь по ватерлинии. В бок барже когда-то был нанесен сильный удар, в том месте со временем металл проржавел и в пути дал течь, пришлось останавливаться и заделывать эту пробоину средствами, которые были под рукой. А потом все в напряжении транспортировали взрывчатку для Северо-Муйского тоннеля, а особо опасный груз не прощает ошибок. Ну и самое, самое, что волновало уже всю команду, Пашка-капитан опять в Холодянках, как только прибыли из рейса, поставил шесть концов сетей, конечно, для себя и для начальства... Ночевали в берегу, кинул якорь. Поутру, как только забрезжил рассвет, пошли на корабле «Жемчуг» к сетям. Поплавки сетей были видны. Море тихое, ни одной волны, гладь-зеркало, вдруг возле сетей вынырнула черно-глянцева голова нерпы, мы все бросились к левому борту корабля, где по воде в рассветных сумерках цепочкой на воде были видны поплавки и, как жирная черная точка в конце послания, виднелась голова нерпы. Пашка-капитан закричал:

— Шкодница, смотрите, ребята, явилась опять, я узнал эту гадину...

Мы выловили маячок-поплавок сетей и стали их выбирать. Верхняя и нижняя тетивы имели только вид; полотно же сетей между ними не было. Мы думали и надеялись, что вот-вот появится целое место и в сетях будет хоть какая-то рыба. Нет, все шесть концов были порваны, что не верилось глазам, как может зверь так чисто сработать. Удалить ячийник, как портной, кое-где оставив куски для связи. Пашка-капитан разразился такой руганью и проклятием в сторону далеко-далеко черневшей точки. Нерпа наблюдала за людьми и кораблем. Мы поняли все — нерпа мстит Пашке за своего детеныша...

— Зря ты, Пашка, разоряешься, сам ты виноват, изрубил ее маленького ребенка, бросал ей по куску, какая мать выдержит? Откуда мы знаем, может, у них есть мозг и интеллект, а может, они знают больше, чем мы? Это ее дом, она раньше людей поселилась здесь. Мы с тобой сколько раз видели, как из глубины Байкала вылетают блестящие шары, что это? — сказал ему Николай Демидов и продолжал: — Брось ты эту сетевую рыбалку, пусть начальство сами ловят, тебе вообще лет пять надо забыть о рыбалке, пока нерпа не забудет тебя.

Пашка-капитан не унимался:

— Я убью эту скотину и ее шкуру прибью себе на стенку над кроватью, я больше без карабина в море не пойду.. Пусть пуля снесет ей голову, стерва байкальская. — Он заплакал, заскулил, как слепой щенок.

Все это поведал мне мой друг Александр, добавил:

— Что-то мы натворили в природе ужасное, что нас преследуют какие-то неудачи и месть этой умной, шkodливой нерпы.

Пашка-капитан пил три дня. Он приходил на пирс, к своему кораблю «Жемчугу», с пирса кричал команде, что надо сделать, готовя судно к следующему рейсу, сам после уходил в кафе «Бабы слезы». Надо ему отдать должное, он всегда говорил своей команде и себе: «Ни шагу на корабль пьяным». И начальство знало, уважало его за трезвость и весь его плавсостав, команду. Продавщицы в кафе наливали Пашке в долг, они любили Пашку-капитана за его сговорчивость по любому вопросу. Когда начал строиться БАМ, всем надо было уехать, Пашкин «Жемчуг» и баржа «Чайка» заодно с грузом перевозили и пассажиров, которые ехали на БАМ потрудиться и подзаработать.

Пашка-капитан имел свои задумки и мысли. С кем надо, он заговаривал как бы издалека, «как танцуют из-за печки» — насчет продажи оружия нарезного. По физиономии, что заложила природа на людей, проживающих в Баргузинской долине, а это узкие глаза, обветренный и закопченный цвет кожи, он определял: кто может ему помочь с оружием из проезжающих вокруг лежащих деревень. И подвернулся ему местный баргузинский Дерсу-Узала. Цвилев Иннокентий давно не охотился, но раньше он был охотником — промысловиком, штатным. Кличка в народе много значит, вот и его кто-то, когда-то прочитав книгу писателя Арсеньева «Дерсу-Узала», стал называть именем героя этой книги. Добывал Иннокентий соболя за кордоном, по договору раньше медведя стрелял на желчь, тоже официально, для медицины... Беда крылась в том, что Кеха был запойным. Полгода в тайге ему на дух не надо спиртного. И не брал он с собой его никогда в тайгу, но выйдя из тайги, пропивал все, если не успели отобрать родные. Прямо беда...

Он попал в Усть-Баргузин по случаю свадьбы дочери. Все было хорошо, дочку выдали замуж за местного парня, сыграли, свадьбу, и... Иннокентию попала капля спиртного в рот, тут-то в кафе «Бабы слезы» они встретились. Знакомы они были давно, и поэтому Пашка-капитан сказал прямо:

— Иннокентий! Продай свой охотничий карабин, или давай обменяемся на мотоцикл «Минск» М-106. Я знаю, карабин — вещь дорогая, дефицитная, у тебя она есть... А «Минск» зятю твоему и дочке подарок свадебный будет. Мотоцикл мой еще почти новый, два года ему.

Иннокентий-Дерсу-Узала сказал:

— Наливай!

Капитан и старый охотник два дня обговаривали и обмывали сделку. Наконец перед отходом в новый рейс Пашка пришел на корабль трезвый, с карабином в старинном промасленном кожаном чехле. Он созвал команду в рубку и объявил:

— Вот, мужики! У меня от вас тайн нет, мы единая команда корабля «Жемчуг». Это оружие нарезное — «казачий карабин». Сменял я эту вещь, свой мотоцикл «Минск» М-106. Вы знаете для чего... Прошу вас быть бдительными и соблюдать технику безопасности при стрельбе. Завтра мы выходим с баржой в Северобайкальск, в пути будем пристреливать оружие, патронов у нас сто штук — две пачки.

А время летело, нам осталась одна неделя отработать до расчета. Лето в тот год было, как по заявке: теплым и жарким. Вода в Баргузинском заливе у берега прогрелась, омуль косяками уходил на глубину, он любит холодную воду. Щука и сазан, наоборот, искали по речке теплые, мелкие, прогретые солнцем заводи, становились там, грелись, их мы ловили руками. Утка вывела своих утят, везде был утиный детсад по водоемам, а чайки и кайры искали себе покормиться, у них тоже уже были птенцы.

Синие горы — гольцы, изрезанные глубокими руслами ручьев, сбросили свои белые шапки, их гребни, зелены, курчавил молодой стланик. Как не хотелось уезжать в даль дальнюю, но выбор сделан, и на учебу мы настроены серьезно.

Корабль «Жемчуг» с прицепленной на тросе баржой «Чайка» появился в устьях реки за два дня до нашего отъезда. Я встречал их на колхозном пирсе, где они после отвода баржи на рыбозаводский пирс пришвартовались. Команда сошла на берег. Я приветствовал всех.

— Ну как вы? — спросил я Александра.

— Нормально, — сказал он, улыбаясь, — погода хорошая, груз доставлен. Карабин пристреляли, почти пачку патронов извели. Стреляли по маячкам от Пашкиных сетей, изменяя планку прицела на дальность, потом начали попадать. Хорошо, что хоть Ушканьи острова проходили ночью. Пашка долго шарил прожектором по камням, где всегда нерпы греются на солнце, сжимал в руках казачий карабин, он какой-то в этот час был возбужденный и нервный. Мы перекрестились, что в два часа ночи никого из нерп не было на камнях. Слава богу, мы шли обратно в сильном тумане — нерп не встречали, — поведал он мне о рейсе.

— Завтра вечером идем ставить сети... — на прощание сказал Александр, — сегодня отсыпаемся. Ты пойдешь с нами? — спросил он меня.

— Нет, дружище, я завтра уезжаю поступать в институт, уже и билеты куплены.

— Бог помощь вам! Ни пуха ни пера! — сказал он мне.

Я ответил:

— К черту!

В превратности судьбы я особо не верю, но нам пришлось задержаться. Наш местный аэропорт, малой авиации, в далекие годы моей молодости исправно доставлял пассажиров по городам нашего Советского Союза. Наш рейс Усть-Баргузин—Улан-Удэ отложили на сутки из-за метеорологических условий. Самое интересное — у нас стояла солнечная погода, а там, в Улан-Удэ, был туман с плохой видимостью. Мысль сходить, с ребятами поставить сети мне пришла после, а пока мы с другом Толиком были расстроены, наше «ехало» не «повезло», и мы приземлились на чемоданы там, где были.

По времени я успевал пойти на «Жемчуге» в море, поставить с ребятами сети. Рано утром мы будем дома. В двенадцать, в обед, наш самолет. И я пошел на корабль, зная от Александра, что меня приглашал и капитан.

Команда меня встретила ухой и чаем крепким. Как только солнце начало опускаться и его красный диск залил кумачовым светом небосклон над полуостровом Святой Нос, мы вышли из устья реки Баргузин и отправились, держа курс на мыс Холодянки. Летом быстро не темнеет, и мы в сумерках были на месте. Мы спрашивали Пашку, зачем опять на это прокаженное место он решил ставить сети. Он ответил:

— Я все равно пристрелю эту шкодницу, она мстит мне: восемнадцать концов сетей изорвала полностью. Она мстит мне за своего детеныша. Вы не представляете, я и во сне с ней встречаюсь... Она приходит ко мне в образе молодой красивой бурятки с черными косами, с черными глазами, луннолицая, с алыми, нежными губами. Она говорит мне: пойдём со мной, убийца моего маленького сына, ты будешь теперь моим мужем, только там, в хрустальных водах Байкала. У нас с тобой будут дети, твои и мои. Мальчики и девочки. Я каждый год могу рожать, до двадцати лет. Кто-то из наших детей погибнет от таких, как ты, двуногих, всесильных и беспощадных пришельцев. Ты познаешь боль сердцем за своего не жившего еще совсем ребенка — не повинного ни в чем. Он родился в хрустальных наших водах Байкала, что принадлежат по праву

нам! Погиб от рук безластовых существ. Пойдем со мной! Она начинает меня ласкать и одновременно душить. Я уже пил водку, пил снотворное, ходил к нашей шаманке Зинаиде Аюшевой. Она изгоняла духов из меня, ничего не помогает. Мы с матерью моей пошли к старому нерповщику Гордею Ивановичу Вылкову, ему уже сто один год — мать его знает. «Не убьешь ты ее, сынок, а сойдешь с ума, — это у нас часто с нерповщиками бывало... Послушай меня, я тебе расскажу, как наши предки рассказывали мне».

Поведал он нам с матушкой вот такую историю.

Давно это было. Лет пятьсот, а может, тысячу назад. Об этом мой прадед рассказывал деду, дед отцу, потом уже мне. Жило близ Байкала в Саянах великое племя бурят. Был в этом племени великий и добрый богатырь по имени Улунтуй. Все знали, что сильнее его около Саян и в прибрежье Байкала никого нет. Но никто Улунтуя никогда не боялся. Все знали, что он никогда и никого пальцем не тронул, он не обидел самую маленькую мошку. Улунтуй жил своей семьей в радости и веселье, он целыми днями нянчил свою маленькую сестренку, которая рано осталась без родителей, звали ее Амар. Так и прожил бы свою жизнь Улунтуй и не знал бы горя, может быть, и не показал никогда своей истинной силы, как случилась беда. Вот в один из дней появился в округе непрощенный гость Харахан, которому понравилась повзрослевшая сестра Улунтуя. Улунтуй знал, что Харахан — жестокий и мстительный бурят. Ни одна жена не проживала с ним и года. Харахан запрягал жен в сани или в телегу, катался на них. Мог накормить лошадь, а жену не кормить, так он показывал свою власть и превосходство. Вот этот Харахан послал сватов в юрту Улунтуя, как только схоронил очередную жену. Улунтуй и Амар приняли сватов, как положено, и сказали сватам, чтобы Харахан сватов не посылал, а сам приехал свататься, потому как силу его еще не изведывал Улунтуй. Сваты возвратились к Харахану и передали ответ. Харахан рассердился, он был о себе такого большего мнения. Он считал, невесты сами должны к нему мчаться, как только он подумает об очередной женитьбе. Он посчитал Улунтуя и его сестру Амар людьми дерзкими. Он сказал своим приближенным: я проучу этих гордых людей. Я заставлю ползать их в моих ногах.

Сказав это, он вскочил на коня и вместе со своей свитой помчался к подножию Саян, где жили Улунтуй с сестрой. Услышав чужие голоса и топот коней, из юрты вышли Улунтуй и его сестра. Увидев невесту с черной длинной косой до пят, белолицую и черноокою Амар, окутанной нежностью, как дымка весеннего цветка, Харахан растерялся. Он потерял дар речи от красоты Амар, девичья красота на несколько минут укротила гнев Харахана. Он даже сказал себе: «А она красивей баргузинского черного соболя». Но опомнился гордый Харахан, ему за себя стало стыдно, что сердце его при виде красоты Амар в пятки ушло. Он даже не поздоровался, не сказав по-бурятски «менде», а сразу закричал: «Почему вы на предложения моих сватов так дерзко ответили?»

Улунтуй с достоинством выслушал его и ответил: «У меня есть юрта, поговорим там, такие дела не решаются, когда один на коне, другой стоя на земле!» Еще больше разозлился Харахан, он откусил кусок своей трубки и выплюнул на траву возле юрты. Улунтуй посмотрел на него, повернулся спиной к нему и пошел в свою юрту, а Амар следом за братом. Но кровожадный Харахан накинул на Амар свой аркан, бросил ее поперек на свое седло. Амар успела крикнуть брату, и Харахан помчался с нею в сторону Байкала.

Когда Улунтуй выскочил из юрты, он увидел только хвост коня Харахана и по ветру развивающуюся косу Амар. Не раздумывая, Улунтуй вскочил на своего пегого коня и что было сил помчался в погоню.

Мчался Харахан со своей свитой вдоль побережья Байкала, по самому приплеску. Да и у Улунтая пегий конь был самый резвый и выносливый в округе. Расстояние между ними сокращалась. Уже попадали кони свиты Харахана, и Амар была чуть жива поперек седла, и лишь один батюшка Байкал окатывал ее холодной, вдруг поднявшейся волной, давая попить ей и привести в чувства. Когда погоня уже шла по Баргузинскому заливу, на пути Харахана встал мыс Холодянки. Мыс подходил своими скалами к воде, был обрывист, крут и высок. Харахан никак не мог объехать мыс. Он бросил коня, положив на плечо бездыханную Амар, бросился на вершину утеса. Улунтуй схватил Харахана за пятку на самой вершине. Но злой и коварный Харахан бросил девушку вниз, в воды Байкала... Батюшка Байкал все это видел, он мог оживить Амар, но только предварительно превратив ее в подвластное ему существо. И когда Амар упала в воду, Байкал применил свою силу и сказал: «Амар будет жить!» Амар упала в воду, там было глубоко, но последний раз в образе человека она вынырнула и сказала: «Прощай, брат, я буду о тебе помнить всегда!» Она превратилась в нерпу с большими черными грустными глазами, которые всегда ищут своего любимого брата. С той поры нерпа приплывает к мысу Холодянки, поднимается наполовину своего туловища и высматривает своего любимого брата.

Долго стоял на вершине утеса Холодянки Улунтуй, он плакал, одной рукой он держал за пятку коварного Харахана. Все ждал — вдруг сестра покажется над водой и выплывет, но только волны и ветер срывали с его щек слезы. Наконец к концу дня он увидел черную точку, но это была нерпа.

Улунтуй двумя руками согнул Харахана в «бараний рог», связал его своим кожаным кушаком, привязал к седлу. Плача и рыдая о любимой сестре, он возвратился к своей юрте.

«Что же делать с этим преступником?» — размышлял Улунтуй. А так как он был добрый, он сказал Харахану: «Двоим нам не жить на этой земле, вблизи Байкала, будем бороться до смерти, кто победит, тот и останется на этой земле».

Поутру, как только взошло солнце, они начали бороться. Три дня у них были равные силы, но на четвертые сутки Улунтуй так крепко схватил Харахана и бросил на правый берег Иркутта. Там есть озеро, около горы Обруб, которое пахнет гнилью. Это озеро получилось от падения Харахана, там гниют его кости. А на левом берегу место, с которого Улунтуй бросил Харахана, называется Батор. По-бурятски это означает «богатырь». Так по имени Улунтуя названо то место Батором, и каждый бурят в старое время говорил: «Здесь в глубокую древность наш Батор охранял честь бурят». Каждую осень ему приносили в жертву жирного быка. А то место, где родился Улунтуй, прозвано было Улунгум, а сейчас зовется Улунтум. По-бурятски это одно и то же.

Долгие годы Улунтуй ездил на мыс Холодянки, смотрел в даль моря, высматривая сестру... Нерпа приплывала к брату со своими детьми. Долго смотрели они друг на друга, рассказывая о своей жизни. Плакал Улунтуй после во снах; являлась к нему Амар в человеческом образе. Она жаловалась, что не познала человеческого материнства, не познала супружеской любви. Божественный Байкал сохранил ей вечную жизнь, где ее душа перерождалась и переходила от старой нерпы к молодой. Вот так, из века в век, нерпа выглядывает, высматривает на мысе Холодянки брата, и жениха, и человека.

— Я рассказал вам, от чего все повелось. Передаем мы это из уст в уста, и буряты, и русские, уж так мы на земле этой вместе сроднились. Всех нас породил Байкал. Ты, Павел, ходишь на корабле, на лодке по Баргузинскому заливу, видишь, сколько па-

мятников установлено на берегу, где кто когда утонул, погиб. Людей, которых забрал Байкал как дань, как жениха для своей любимой нерпы Амар. Уходи ты с моря, иди скот паси в Баргузинскую долину или плотничай, шофери. Что-то ты страшное наде- лал? Эх, молодость, молодость! Пойду я спать, устал... Совет тебе мой будет только такой: уходи от моря.

Сказал и прилег тут же, у печки на лавку.

Байкал встретил нас ласково, волны не было. Хрустальные, синие валы отбрасывал с шипением нос корабля. Из-за кормы вырывался бурлящий поток газированного столба воды; чайки зачем-то садились на этот быстро тающий шлейф корабля, кричали, прося что-нибудь у корабельного следа. Красное солнце на горизонте затемняло воду, и от этого вода была фиолетовая, свинцовая, а смотреть по направлению света от солнца — вода была голубая.

Вот мы и подошли к месту, где всегда мы и рыбаки наши ставят сети. Перейдя на малый ход, Пашка-капитан и Николай вытащили из кубрика завернутые в брезент сети. Их было всего пять концов, все, что успел занять у рыбаков Пашка-капитан.

— Дай совсем малый, — крикнул он Александру Овчинникову, что стоял у штурвала в рубке, — нос держи на мыс, всё, поехали!

Сначала был сброшен большой лебедочный блок — это якорь сетей, он ушел на сто двадцать метров на глубину, сети пошли плавно в наплыв (поверхность воды), по мере движения корабля сети сами скользили с брезента через корму, расправляя в воде свой омулевый ячейник.

Белые, желтые поплавки вытянулись в одну линию, далеко оставляя корму. Поплавки занимали свои места. Все как-то затормаживало и страшило глаза: распростертая бездна под нами, глубина и миллиарды кубов воды, где было все одинаково и однообразно на темнеющей глади.

Вот и все, сети поставлены, сброшен второй блок-якорь, мы привязались веревкой к сетям, Пашка замерил течение воды (понос) под нами и объявил:

— Ночевать будем здесь, течения совсем нет, если что, мы тут рядом, давайте вахту распределим и с карабином на мостик по очереди...

Вахту несла только команда из трех человек. Каждому досталось по два часа, последним был капитан. Меня не взяли в охрану, «карабин я в руках не держал никогда», не пристрелен сам, а патроны дефицит — так мне объяснил капитан.

— Ты, Александр, гость наш, можно сказать, «ерданщик».

Мы все рассмеялись, зная значение этого слова у нас на Байкале. Я напомнил:

— Это человек без снастей пришел помочь рыбакам вытянуть невод, он за это получит, за свой труд у рыбаков рыбой — «пайкой».

Темнота надвигалась с той стороны, где всегда появлялся рассвет. Сумерки сгустились... Сплошным черным кругом вокруг нас чернела вода, только там, где Святой Нос вытягивался в море, играла зарница, и светлая полоска на горизонте отражала в небесах блики — она показывала, что день безвозвратно закончен. На белой и тонкой мачте капитан включил два красных огонька. Корабль наш весь окутан темнотой, зачернил свой силуэт, и только по бортам его горел тусклый свет, выдавая в темноте круглые иллюминаторы кубрика, где мы лежали на подвесных двухъярусных кроватях, переговаривались, спать никто не хотел. Первый в дозор пошел Николай Демидов. Решили, наблюдательный пункт у нас будет на рубке, где огорожен и защищен капитанский мостик. Там были сидушка, прожектор, опора для карабина, веревка, конец которой был привязан к сетям. Мы договорились, что курить не будем до тех пор,

пока не снимем сети. Запахи нерпа улавливает за пять километров с ветреной стороны, когда нерпа появится, мы не знали. Прошел ровно час. Вдруг Николай сказал:

— Ребята, а веревка от сетей дергается, кто-то в сетях запутался.

Пашка вбежал к нему на капитанский мостик, включил прожектор, долго они пучком света шарили по поплавам сетей, никто больше не дергал веревку. Ничего подозрительного не обнаружили. «Показалось!» — решили все.

Ночь, зеркало вселенной, показывала нам свою бесконечность. На наши головы с высоты, перемигиваясь в молчании, сияли звезды. Их были миллиарды: яркие и не очень, маленькие и большущие, красные, блестящие, рассыпанные и просверленные, в легком тумане и в пелене, падающие и мерцающие, — бесконечность нашего мира. И этот мир отражался на черном экране воды. О железный борт корабля ластились ночные одинокие волны, в воздухе пахло испариной и сыростью, палуба стала мокреть; часы перевалили за полночь. Я не помню, как я заснул — это мгновение, и я уже вскакивал от выстрела.

Мы выскочили на палубу из кубрика, но ничего не увидели. Нас окутывал плотный туман. «Откуда он взялся?» Промелькнуло в голове, но сознание приходило в себя — мы в открытом море. Туман был плотный; седые ползучие его белые космы окутывали корабль; ползучие, изгибаясь, скользили за борт и там, у воды, своим молоком скрывали поплавы сетей. Раздался еще выстрел. Пашка-капитан был на мостике с карабином.

— Я видел ее, — закричал он, — она здесь! Снимаем сети, если она их еще не изуродовала.

Николай-моторист запустил двигатель. Двигатель работал тихо, почти бесшумно, давая по-малому «задний ход», мы выбирали сети. Нерпа успела поработать над нашими сетями. Тетивы-полотна вначале вообще не было. Все было порвано, потом стали попадаться целые куски сети, где в ячейнике застряли только головы омулей. Видно было: она не успела порвать все сети, объедала рыбу, из сетей торчали головы, хвосты объединенного омуля. Как она постаралась, дыры-рванины попадались по два-три метра, еще бы немного, и сетей у нас не осталось... Раздался снова выстрел. Пашка-капитан стрелял в то, что ему виделось в тумане. В ползучем, косматом, скрывающем все своим молоком тумане ничего не возможно разглядеть... Александр Овчинников стал к рынде. Ударяя в нее, мы малым ходом развернули корабль и взяли курс на устье реки Баргузин. Пашка опять ругался и матерился, он, кажется, стал привыкать к противостоянию человека и природы. Он держал карабин в руках наготове, мы слышали, он разговаривал с нею. Но этот его бред походил на несвязные мысли бредящего, больного человека.

— А в кого ты стрелял? — спросили мы его?

— Я ее, стерву, печенкой чувствую, там она была, это точно! — ответил нам Пашка. — И во сне мне вчера сказала: «Жди меня, мой муженек, я приду туда, где мы с тобой ребеночка нашего потеряли, скучаю я без вас».

Мы переглянулись. Он говорил это нам на полном серьезе, и нам стало совсем страшно за него. И что происходит на самом деле?

Мы подходили к устью реки. Солнце уже стояло над речкой, оно было красным, но от его лучей еще не было тепла. Утром ранним свежесть и холодок реки заставляли нас съежиться; с мачты корабля, с рей, снастей капала вода, палуба и капитанский мостик были обильно мокрыми — это конденсировался туман. Одно радовало нас: у нас было два ящика рыбы, где-то пятьдесят килограммов. Мне команда выделила двадцать омулей, Пашка сказал:

— Ты извини, Саня, рыбой мы бы тебя завалили, но вот завелась в море пакость шkodливая, не дает поймать рыбки. Еще и в любви признается. Куда ни пойдём на «Жемчуге», везде нас преследует. Давай учись, и на тот год наверстаем!

В этот же день мы с моим другом Анатолием Шрагерым улетели на самолете Ан-2 («кукурузнике») в Улан-Удэ, оттуда в этот же день на Як-40 прямо в центр большого и красивого города Красноярска. Мы прилетели поступать в Сибирский технологический институт, 1 августа, а это завтра, у нас первый экзамен — математика.

Весь август был для нас волнительным и напряженным. Мы сдавали экзамены. Я помню тот день, когда после экзаменов с нами проводили собеседование по баллам. Потом в холле приемной аудитории были вывешены наши фамилии по факультетам — мы поступили оба. На собеседовании нам дали две недели съездить домой, собраться и к первому сентября вернуться в свою группу, где мы полным составом поедём на полтора месяца в колхоз, помогать в уборке урожая. Радостные, важные, крыленные успехом, душевно измотанные, мы вылетели в родной Усть-Баргузин, чтобы сообщить родителям радостную весть, собраться в колхоз, на учебу на целый год.

В первый день приезда домой мы никого не видели из наших друзей и одноклассников. На второй день встретились на пирсе Колхозном с Александром Овчинниковым. Он нам поведал историю, которая приключилась с ними в пути, когда они неделю назад шли из Нижнеангарска в Усть-Баргузин в прицепе с баржой «Чайкой», которая была загружена пассажирами: «Мы сначала и не заметили странного поведения нашего капитана. Разговаривает сам с собой, периодически перепрыгивает свой карабин. А когда стали подходить к Ушканьим островам, он заявил: „Давайте спирт с компаса сольём и выпьем? До островов, где живут эти черти, мы добрались. — Он показал рукой на острова. — Чтобы неповадно нерпе было, сожжём пулями это племя. Она здесь — стерва, угробившая мои сети“. Мы переглянулись. Что-то неладное было в его поведении, голосе, глазах. Мы ответили: „Нет, капитан, здесь нельзя стрелять, здесь заповедник, и нас за это судить будут“. А на прибрежных камнях лежали, греясь на солнце, отливая серебром и глянцевои чернотой, нерпы. Большие и маленькие, лежали, чуть приоткрывая свои большие черные глаза, они были привычны к кораблям. Они грелись на солнце. Раздался выстрел... Как моряки во время аврала, все нерпы бросились в воду. На камнях уже никого не было, раздалась второй и третий выстрелы, Пашка-капитан палил уже по сторонам, видя только сам нерп. Мы бросились все к нему на капитанский мостик. Вцепившись в карабин, он кричал и приказывал нам приготовиться вылавливать туши нерп. Он их сейчас настреляет, как травы накосит. И среди них будет обязательно та, которая рвала его сети. Решение к нам пришло сразу: с капитаном что-то неладное с психикой, он не был „белым“, „горячим“. Но его глаза были не такие, как раньше, что говорил, он сам не понимал. Его мы скрутили, связали простынями, Коля Демидов, он и радист, телеграфировал, чтобы подъехала к Колхозному пирсу „скорая помощь“. Нам оставалось шесть часов ходу. Пашка теперь в Улан-Удинской психиатрической больнице — его лечат», — закончил свой рассказ Александр.

Меня вырвал из воспоминаний Юрка Ильин:

— А вы не угостите еще сигаретой?

Я подал ему пачку... Я посмотрел еще раз на спящего Пашку-капитана, на его вверх поднятую руку, словно он в дикой пляске жизни надсмехается над всеми проделками судьбы. На деревянное ружье, которое он держал второй рукой. Эти годы он все

стрелял одному ему видимую нерпу-красавицу, он дышал, был жив. Я смотрел на него, и какая-то грусть заполняла всю перевернутую лодку и мое сердце. Как будто все давно пошло на дно при сильном шторме. Я не стал будить Пашку, он и не признал бы меня. Пусть выспится, бедолага...

— Пошли в магазин, — сказал я Юрке Ильину, — хоть на неделю продуктов возьму вам, и выпьем за прошлое...

Я уезжал на другой день... На кладбище я сходил, друзьям положил венки на могилы. Дом мой стал старым и покосился. Я увозил грусть, необъяснимые легенды обитателей Байкала, убеждаясь в тайнах, живущих в нашем море. Я обещал звонить своему другу юности Александру Овчинникову.

Вот за окном уже заканчивается январь. У нас на Крещение замерзает полностью Байкал. 19 января если замерзнет, будет хороший лед: метр десять — метр двадцать, это хорошо для рыбалки, по старой привычке я интересуюсь... И хорошо, что есть сотовая связь, я вызываю друга Александра Овчинникова.

«Привет, привет, как дела, как погода, как Байкал? Что нового у вас? Наверно, окунь хорошо ловится в заберегах и есть налим на острогу? В феврале закрепится лед морозом, и каждый день — рыбалка?» Мы разговариваем и рассказываем друг другу обо всем: «Ты знаешь, — говорит он, — ты же помнишь Пашку-капитана Фоминовича? С корабля „Жемчуг“. Вчера хоронили его бывшие наши местные капитаны». — «А что случилось?» — спросил я. «Замерз в своем доме. Он жил в доме престарелых, а тут ему денег от пенсии его правление дало. Он ушел из дома престарелых, сбежал, вернее, набрал водки и к себе домой, а дров дома нет. В доме никто давно не жил. Мать лет десять назад умерла. Видать, хотел выпить, вспомнить прошлую жизнь, выпил и прилег на свою кровать, заснул, и все, утром мужики нашли, а он уж, как рыба-расколотка, заснул и замерз, легко смерть принял! Жаль, ты же помнишь, как он нерпу все пристрелить хотел? Нерпятник тогда дед Вылков предсказал ему судьбу... У нас теперь нерпу никто не трогает, ни бельков, ни аргалов. Байкал еще не открывает нам свои тайны, да мы, дураки, и не знаем их, надо было у стариков записывать. Пока, звони, дружище, мы еще живы».

РАССКАЗЫ

Родившийся в Москве Сергей Устинов — тоже НЕСТОЛИЧНАЯ РОССИЯ. Ибо вот уже много лет живет на острове Бали (Индонезия), являясь директором каких-то там Legal Advisory Ltd и ООО «Лоусон энд Ванг Групп», регистрирует и продает компании по всему миру, ведет семинары по международному налоговому консалтингу, построению международных холдинговых структур и электронной коммерции.

Мне до этого нет никакого дела. Но он — талантливый литератор. Начинал с ныне широко известным Дмитрием Даниловым. Окончил под моим руководством ВЛК Литературного института. Много лет пишет очень интересный роман «Золотые косы» о построении бандитского капитализма в России, а сейчас вот разродился рассказами из «ИХНЕЙ», а может, и нашей новой жизни.

Евгений ПОПОВ

ИДЕАЛЬНАЯ ХИЖИНА

Врач Гордон Сапольски сунул руку, блестевшую от бережного ухода, с хорошим педантичным маникюром в карман белого накрахмаленного халата и вынул оттуда связку ключей. Лара Кей, в девичестве Лариса, отметила этот жест для себя с облегчением: кажется, в правильное место они обратились. Сапольски выбрал один из ключей, на котором пятнышком виднелась наклейка с изображением черного, восьмого бильярдного шара, повернул им в горизонтальной ячейке стальной картотеки, выдвинул ящик и достал из него пластиковую прямоугольную видеокассету в картонном чехле.

— Все выглядит несколько архаично, понимаю, — произнес он, несколько виновато хмурясь, однако миссис Кей сразу поняла, что это всего лишь отработанный прием, предназначенный, чтобы смягчить ситуацию, — но других решений, чтобы сохранить стопроцентную конфиденциальность, люди еще не придумали. Все эти машины, подключенные к Интернету, с вайфаем или оптоволоком, понимаете, словно ванная, наполненная дорогим и редким лекарством. В любой момент войдет ребенок и выдернет пробку. И неважно, какой запрет вы написали на двери ванной.

Лара Кей понимающе улыбнулась. Происходившее составляло странную атмосферу уюта, будто погружающую ее в детские годы, к тому моменту уже множество раз проработанные, прожитые и просмотренные у разных врачей и в разных техниках. Так действительно было комфортнее, вне зависимости от диагноза, анамнеза, объяснений, личных инсайтов или счетов, подписанных терапевтами.

Сапольски нагнулся над старым пузатым телевизором девяностых годов и вставил кассету в видеомагнитофон. Изображение на экране задрожало и засветилось. В углу горели квадратные цифры. Все походило на инсталляцию, посвященную культуре конца двадцатого века. На экране был муж Лары, известный пожилой американский политик, которого она по-домашнему звала просто Джонски. У него была сложная, героическая судьба военного. Последние годы они вынужденно жили вместе. Детей у них

не было, а странные привычки, которыми обростал ее муж, уже заставляли беспокоиться даже соседей. Лара не могла оставить его одного, не могла сдать в больницу (на что были веские причины финансового и юридического характера), да и в одиночестве встречать старость ей не очень-то и хотелось. А потому каждое утро она вынужденно будила в себе милосердие и начинала готовить ему именно тот завтрак, который он требовал.

Доктор Сапольски нажал на черную квадратную резиновую кнопку «плей» на пульте, некрасиво смятую от времени и человеческих пальцев, и Джонски, сидевший на мягком, велюровом кресле шевельнулся и заговорил.

— Она до всего прикасается, — произнесла седая по бокам, почти целиком полысевшая голова. — И предметы в доме сразу теряют свой заведенный порядок. Они приобретают новый, который просто ни в какие рамки. Знаете, как говорят русские: что ни начнешь собирать, а все получается автомат Калашникова. Видит бог, они это про Лару придумали. У нас в доме все по полочкам, каждая вещь лежит на своем месте, мы это обсуждали не раз. Вы должны это понять, я прожил много лет, много раз переезжал с места на место и всегда в каждом новом доме первым делом я устанавливал удобные и подходящие всем правила. Мы жили в Оклахоме, в Арканзасе, в Южной Америке, на Ближнем Востоке, в Нью-Йорке, наконец, и везде, абсолютно везде я следовал одним и тем же давно заведенным принципам.

Доктор Сапольски нажал на кнопку «пауза».

— Лара, можете предположить, о чем сейчас пойдет речь?

— О домовом обходе, — обреченно промолвила Лара. Она поправила прическу и попыталась спрятать взгляд, зацепившись им за странных плюшевых кукол на шкафу в дальнем углу комнаты, вероятно предназначенных для детской терапии. — Еще не разобрав багаж, выпив с дороги чай и откусив сэндвич, первым делом мы определяем место, где будут лежать очки, солнцезащитные и для зрения. Очки — важные предметы, потеряв которые можно натворить дел. Это место всегда должно находиться в спальне, рядом с кроватью. Затем мы находим место письменным принадлежностям. Там мы их раскладываем соответственно приоритету момента. Паспорт, дипломы должны быть в ближайшей доступности, ручка и карандаш могут потребоваться для быстрого подписания важной бумаги или заметки. Понятно, скорее всего, их внесут сообразно этикету вместе с документом, но ведь может и обнаружиться случай блеснуть! — Лара неторопливо протянула длинную худощавую руку (словно фламинго занимался йогой), подняла длинными пальцами с золотыми перстнями и небольшими камнями стакан воды и сделала глоток. — Мне продолжить?

— Вы можете сформулировать принцип, по которому строится этот порядок? — предложил Сапольски.

— Там ничего сложного. В доме определяются локации, по функциональным признакам они делятся на подлокации. Все раскладывается сообразно приоритету.

— Приоритету момента? — спросил Сапольски. — Можете уточнить, что это такое?

— Это довольно просто. Если мы проживаем в стране с дождливым климатом, в ближайшей доступности должны находиться зонты, плащи. Если вокруг пустыня — вперед выдвигаются солнцезащитные очки, тюбики с кремом для загара, поло с поднимающимся воротником.

Сапольски поднял со стола темно-синий планшет, к которому крепились листы бумаги, и взглянул на него.

— По большей части ваши ответы передают принципы, излагаемые мистером Кеем. Не будем тратить время и сразу двинемся к двадцать четвертой минуте и тридцать пя-

той секунде, — он нажал на прямоугольную кнопку «перемотка», и видеомаягнитофон загудел кассетой.

Джонски на экране задвигался в ускоренном режиме. Он с десятков раз поменял позу, складывая перед собой ладони то приглашающей к честному обсуждению птичкой, то внимающим уверенным ромбом, то вольно и открыто описывал ими круги в пространстве. На высокой скорости воспроизведения его движения казались Ларе словно вырезанными из листовки по мерам безопасности при крушении самолета. Затем ей вспомнились старые черно-белые диснеевские мультфильмы, где на одно движение героя часто приходилось слишком много кадров, отчего оно казалось неразумно долгим или заикленным. Это рождало странный комедийный эффект, отчего их внучатые племянники часто смотрели эти мультфильмы уже взрослыми, посмеиваясь и между собой называя криповыми.

Когда перемотка остановилась, Джонски источал милую покладистость и вслушивался в голос врача:

— Насколько серьезными бывают домашние ссоры по причине того, что Лара самовольно отклоняется или меняет порядок вещей в доме?

— Я бы не назвал это ссорой. Я бы даже не сказал, что срываюсь. Скорее, это у меня армейское. В некоторые моменты просто следует призвать к порядку. Для этого ничего нет лучше, чем ясная команда, сказанная громким, уверенным голосом.

— Как реагирует на это ваша жена?

Джонски молча облизнул и пожевал свои стариковские губы, отчего те напомнили Ларе двух обнимающихся дождевых червей. Сапольски нажал на кнопку «пауза».

— Он рассказал нам о случае, когда вы заехали в недавно купленную виллу в столице Колумбии, в Боготе. Можете предугадать, как он опишет ваше поведение в момент конфликта?

Лара приставила ладонь ко лбу, будто лампа на потолке кабинета засветила мариадой солнц. Она сказала, что попробует, и рассказала в подробностях об упомянутом случае, когда Джонски снес редкую реплику алебастровой вазы из утвари ассирийского царя Саргона Второго. Он орудовал своей лакированной ореховой тростью, украшенной головой орла, вырезанной из слоновьего бивня. Керамическая копия разлетелась салютом в мелкие брызги и пыль, словно древняя колонна от попадания ракеты. По инструкции, выдуманной Джонски, в доме требовалась расстановка произведений местных, в данном случае колумбийских ремесленников. Живя в Риме, будь как римлянин и все в таком роде. Однако ссора началась не с этого. Она началась с недоразумения касательно туалетного мыла. Его следовало класть отштампованным логотипом производителя вверх, а не вниз. Джонски усмотрел в этом угрозу (мало ли какое и сделанное из чего мыло ему могли подложить в этой новой стране). Несколько минут он нервно рыскал по туалетным ящикам и под конец взбесился.

Джон Кей крепко взялся и тянул ее за рукав махрового домашнего халата, когда она попыталась слинять в спальню прислуги, и чуть не поскользнулся на воде из разбитой вазы. Он весь дымился от гнева, словно черные облака заклинаний, выдавая странные фразы из придуманного им накануне вечером распорядка. Затем он, как смерч, много ходил кругами по просторной, торжественной зале второго этажа, открывал высокие стеклянные двери с национальными колумбийскими витражами, а когда непривычно жаркий воздух улицы врывается в дом, резко захлопывал их, отчего гигантская перевернутая пирамида хрустальной люстры, жалостливо скрипя, раскачивалась из стороны в сторону.

В этот момент рассказа Сапольски вынужденно прервал Лару, попросив ее быть ближе к ответу на свой вопрос и рассказать, что именно она, конкретно она делала и как реагировала на это происшествие.

— Я была опустошена. Я лежала в углу комнаты на диване, стараясь не плакать, и ждала, пока он не успокоится.

Сапольски взглянул в бумажный лист, прикрепленный к планшету.

— Здесь присутствуют факты, которые вы не упоминаете. Я вынужден включить запись, чтобы вы сами об этом услышали.

Доктор на десяток секунд отмотал пленку назад, до указанной в бумагах временной отметки, и нажал квадратную кнопку «плей».

— Как реагирует на это ваша жена? — прозвучал вопрос еще раз.

— Она меня разочаровывает. Нередко мне кажется, что она издевается. Брошенными фразами, отвратительными поступками она показывает, что ей больше не нужна и не интересна наша идеальная хижина. Я много лет делился с ней этим образом, очень важным для меня. В конечном счете я и предложение ей сделал, когда понял, что она та самая, кто понимает. Чьи глаза так же горят, стоит нам об этом заговорить.

Доктор Сапольски спросил, понимает ли Лара, о чем идет речь, и она ответила, что прекрасно понимает. Сложно об этом говорить, но раз все требования конфиденциальности соблюдены, то почему бы и нет. Она встретила Джона, когда он уже был боевым офицером, заслуженным героем и перспективным политиком. Они проводили вечера на озере Тахо, где психиатр прописал ему терапевтический отдых, реабилитационный режим от посттравматического синдрома. Лариса, внучка иммигрантов-дворян из царской России, с безыскусным трепетом слушала его истории о годах вьетнамской войны, где Джон воевал в том числе и с ее далеким народом, язык которого она к тому времени с трудом понимала. По-настоящему она полюбила его перед рассветом, когда звезды мерцали с необыкновенной силой, Луна была еще на своем месте, а Венера светила, как умалишенная, соревнуясь по силе лишь с восходящей зарей нежного цвета раскрываемой жемчужной ракушки. Лара и Джон, еще не бывавшие в настоящей интимной близости, остались тогда ночевать в индейском туристском вигваме. Не раз спавший в блиндаже под обстрелами, он уснул верным солдатским сном, а она, как настоящая принцесса на горошине, так и не смогла забраться даже в полудрему. Отчасти виной тому была магия ночи, которая заставляла ее любоваться благородными чертами его молодого, но мужественного лица, а отчасти причиной были его сны, кошмарные голоса которых эхом прорывались в романтическом мареве их индейского пристанища. Голоса вьетнамской войны, годы которой он провел сидя в плену, в страшной и безрадостной яме. Его однополчане, одни верные друзья, другие редкие подлецы, гибли рядом с ним, как цветы, уродливой, рукотворной и никому не нужной зимой, его нога заживо гнила и разлагалась, мокрые и грязные объедки заново возвращались в рот, а дух нечистот уплотнял воздух и превращался в обыденность.

А утром за завтраком он впервые рассказал ей об идеальной хижине. О доме, в котором они однажды поселятся. Это был дом пепельного цвета, стоящий на безупречном зеленом газоне, с античными колоннами, классической треугольной крышей, полный прислуги и важных гостей. Идеальный дом, живя в котором весь порядок, что они создадут, что будет у них под крышей, они смогут распространить на всю планету, на весь земной мир.

Вскоре Джон сделал ей предложение руки и сердца. Изящное по стилистике и строгое по содержанию, достойное его звездной политической карьеры и под гул кано-

нады на важном военном празднике, предложение, на которое она с ожидаемой готовностью согласилась.

Слушая рассказ Лары, Сапольски, не прекращая, возился с записями на своем планшете. Он энергично перелистывал их взад и вперед, внимательно просматривал, нервно ставил галочки в квадратах и бегло оставлял пометки на полях. Лара этого совсем не замечала, как словно бы некая небесная канцелярия вела за ее правым плечом свой вечный и незаметный учет, о котором никому не полагалось знать.

Когда она закончила рассказ, Сапольски зажал карандаш в передних зубах, как фонарик, поднял глаза от планшета к несколько утомленной Ларе и произнес:

— Если вы чувствуете в себе силы, возможно, вы все еще согласитесь ответить на пару вопросов? — Сапольски выждал дюжину секунд, убеждаясь в том, что не только автоматический кивок Лары, но и все ее существо подтвердило непререкаемое согласие, и продолжил: — В фрагменте, записанном на видео, который мы посмотрели, ваш муж сказал, что образ идеальной хижины вы отвергаете не только брошенными фразами, но и отвратительными поступками. Как врач, со всей вежливостью и прямотой я вынужден спросить вас, чувствуете ли вы себя достаточно комфортно и уверенно, чтобы рассказать мне об одном таком поступке?

Она невольно улыбнулась. Сапольски практиковал два десятка лет и отлично считывал месседжи с поз, которые занимали тела его пациентов. Сейчас дело обстояло так, что Лара Кей закинула ногу на ногу и отчетливо транслировала: ах вот зачем мы тут собрались, ну теперь понятно.

— Я могу повторить вопрос, — вежливо и настойчиво предложил Сапольски.

— Дело давно близится к разводу, — устало ответила Лара. — По правде сказать, я уже и не против. Да, я забрала и спрятала от него тот самый предмет. И я бы не хотела его возвращать. Поверьте мне, никто не хотел бы, чтобы я его возвращала.

— Совершенно верно, миссис Кей, — подтвердил Сапольски, — вы точно указываете причину, по которой мистер Кей ко мне обратился за помощью. Чтобы более эффективно продолжать терапию, я все-таки попрошу вас это сделать. На следующей встрече я лично передам предмет мистериу Кею.

Лара взглянула на плюшевых кукол на шкафу в углу комнаты и достала из кармана бархатный красный кругляш.

— И вот это — она? — удивленно спросил Сапольски.

— Да, это его красная кнопка, — отрешенно ответила миссис Кей.

КОРАЛЛОВЫЙ ГРЕБЕНЬ МОРСКОЙ

Сурок Мармот стоял под морозящим дождем в широкополой темно-зеленой шляпе и накинутом на плечи бежевом плаще. Задрвав кверху намокшую волосатую мордочку, он глядел на непомерно громадную стеклянную дверь. На двери прозрачным скотчем был приклеен белый лист бумаги с черными печатными буквами предостережения: «ТРАКТИР НЕ НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОХРАННОСТЬ ВЕЩЕЙ». Последнее слово было неизвестно почему замазано цветными фломастерами и карандашами, но при внимательном рассмотрении все же читалось.

Мармот простоял так несколько минут, пока хозяйка заведения — как сарделина, затянутая в спортивный светло-голубой костюм, и с лицом цвета дозревшей клубники — не отворила ему дверь. Будто раздумывая, стоит ли зайти, Сурок деловито за-

пустил когтистую лапу в карман полосатых брюк и за цепочку потянул оттуда новые, но уже изрядно поцарапанные золотые часы.

— Я всегда являюсь к назначенному, — обнажив пару длинных передних зубов, сердито проворчал он и указал хозяйке на белый циферблат с витыми стрелками.

— Но дверь была открыта, — округлым грудным голосом удивленно ответила дама.

Не удостоив ее объяснениями, Мармот прошел через порог и пристальным взглядом маленьких черных глаз оглядел зал. Двумя рядами стояли овальные столы на гнутых треногах. Их окружали черные стулья с покрытыми серебряной краской сиденьями. Трактир был привокзальный, и многие места занимали привычные его посетители: водители дальнебойных грузовиков, опоздавшие на поезда пассажиры, гости их провинциального городка, прибывшие к встрече Нового года. Белая электронная гирлянда волнами мерцала на синих и красных стеклянных шарах зеленой, живой елки. Под нею стояли упитанный игрушечный дед-мороз с сияющей, как сахарная вата, бородой, рядом стройная, усыпанная блестками пластмассовая снегурка и горящий светлым электронным пламенем филин.

Сурок Мармот бережно снял промокшую шляпу и скинул с плеч свой бежевый плащ прямо в руки хозяйки.

— Чем обязаны визиту? — спросила она неловкой для себя фразой, размещая его одежду на вешалке.

— В деле заметны новые подробности. Требуется повторно осмотреть помещения, — торопливо ответил Мармот. Затем двинул в сторону мордочкой, словно принохиваясь, и добавил: — Не забывая о подсобных комнатах.

— Белка песенки поет да орешки все грызет, — подбочась над стаканом черного чая, еле слышно сказал за столиком своему собеседнику морщинистый дядька в дальнем углу трактира.

— Я не белка, — твердым голосом сообщил Мармот, острым слухом уловив глупую остроу, и прошествовал через весь зал до кухонной двери. — Семейство беличьих, да. Но это условность.

— Ясно, не белка, — ответил шутнику его собеседник за столом, осоловело косясь на свой граненый стакан, — пришлось бы завязать.

Обменявшись репликами, говорившие даже не улыбнулись друг другу, ведь оба давно знали о Сурке и о его истории. Отлично знали, что по воле случая он был помещен в заповедник страны, где оказался единственным в своем роде. Проводя долгие годы в мечтах о побеге, он, как и положено суркам, ежегодно впадал в длительный сон, а выйдя из него, выдавал свои знаменитые пророчества (в действительности бывшие всего лишь его пожеланиями) на будущий календарный год. Однако случилось так, что очередной Волшебный Новый год он проспал. А проснувшись слишком поздно — было это уже второго февраля, — его никто не захотел слушать. И тогда, используя силу своего пророчества (или желания, кому как нравится), он загадал стать великим сыщиком.

— Откройте, — сухо приказал Мармот, подойдя к кухонной двери. Его левая лапка беспокойно перебирала острыми коготками, отчего в притихшей атмосфере трактира слышалось их диковинное мелодичное клацанье. Будто повинуюсь его слову, дверь отворилась, из кухни вышла молодая официантка, и, не замечая совершенно ничего, что ей могло встретиться ниже серебристого подноса с жареными чебуреками и хинкали, она проплыла мимо.

Из раскрытой двери Сурка атаковали чесночные, томатные, мармеладные и еще бог знает какие ароматы трактирной жаровни. Все его животные чувства работали в обо-

стренном режиме поиска улик, что заставило его блестящий и черный, как треугольная пуговица, нос вынужденно подрагивать в попытке уловить каждый запах. Стараясь не выдавать смущения, он достал из нагрудного кармана шелковой, цвета жженого сахара рубашки накрахмаленный белый платок и деликатно прикрыл им мордочку.

Здесь нам придется взять небольшую паузу, чтобы в некоторых подробностях описать суть того знаменитого дела, которым был занят наш Сурук. Дело это называлось «О пропаже косметических принадлежностей в трактире у городского вокзала». По крайней мере, именно так было написано твердым, наклонным в левую сторону, с изящными виньетками почерком на титульном листе картонной светло-лиловой папки, где оно было изложено. Эту папку Сурук хранил в мансардном этаже своего загородного дома, который был с любовью превращен в настоящий кабинет профессионального детектива. Здесь можно было встретить единственную в своем роде миниатюрную скрипку итальянского мастера Николо Амати для настройки не только музыкального слуха крошки Сурка, но и его чуткого, рассудительного ума. Встречались также и множество банок-склянок, микроскопов и реактивов его химической лаборатории для проверки улик, обнаруженных в ходе следствия. Были игральные карты, помогавшие дедуктивным методом вычислять преступника среди десятков подозреваемых. Была такая уйма всякого, что люди, узнававшие о его рабочей обстановке, долго еще потом удивлялись и пересказывали ее по памяти своим знакомым. Обычно все искали объяснение, как так получилось, что в одном маленьком зверьке словно переплелись жизни многих известных детективов прошлого. И чаще всего такие обсуждения заканчивались пугающей догадкой, что, по-видимому, зря никто ранее не подозревал о том, какой на самом деле большой силой обладало ежегодное пророчество (или, если угодно, желание) Сурка Мармота. Ведь именно его он направил на самого себя, пожелав стать сыщиком.

Правда, стоит отметить, что хоть догадка была пугающая, но никого она по-настоящему не страшила, ведь среди предметов его дома в изобилии встречались разные обаятельные подарки детей из многих-премногих стран мира. Например, там встречался черный плюшевый кот с розовым галстуком, которого Сурку подарила девочка из далекой страны Венесуэлы. Этим подарком местная отличница поблагодарила его за разгадывание весьма таинственного дела о пропаже из городского вольера редких тропических птиц. Был также и необычайно крупный золотой ключ, открывавший дверь в подzemелье, где хранились древние и очень необходимые людям знания. Говорили, что этот ключ весил целые килограммы и был подарен странным мальчиком, которого не то отлили на фабрике игрушек из цветной пластмассы, не то выстругали из деревянного полена.

Но бросим отвлеченные детали и откроем же наконец светло-лиловую папку дела «О пропаже косметических принадлежностей...». Что мы увидим внутри? Множество листов в линейку, аккуратно исписанных все тем же красивым наклонным почерком, каким писал Сурук Мармот, повествуют нам о каждом событии и каждой пропаже, о которой ему сообщали. К некоторым листам прикреплены фотокарточки с изображениями мест и предметов.

С первой страницы дело повествовало о том, что не позднее года назад с наступлением первых холодов в зале и женской туалетной комнате трактира у посетителей стали неизвестным образом пропадать вещи. Без исключения все эти предметы были женские и предназначались для наведения красоты их обладательницами. Подробный список сопровождали фотографии, скопированные и распечатанные с различных интернет-сайтов в качестве примера. Здесь были вырезанные по контуру и приклеенные

изображения туши для ресниц, губной помады, акриловых накладных ногтей, пудры для лица, заколок, ободка, а также около десяти видов расчесок для волос.

Белые в полоску страницы лиловой папки пестрели от разноцветных фотоснимков дамских вещей, но у одного предмета не было, что называется, референса. Рядом с описанием оставался пустой квадрат, куда еще предстояло вклеить фотографию. Описание пропажи было настолько экзотическим, что Сурок и не рассчитывал найти похожий снимок. Дело заключалось в том, что пропал не обычный гребень для волос, а найденный на затонувшем корабле где-то у далекого тропического острова местным ныряльщиком за жемчугом. Гребень был вытасчен из моря, но, как выяснилось, был и сам сделан из древнего окаменелого коралла. Его очистили от водорослей, грязи, вернув нежный мраморно-розовый цвет, и подробно изучили. Историки определили, что гребень принадлежал спасшейся с тонущего корабля французской герцогине, после чего мастера европейского музея полностью восстановили его, воссоздав на нем узоры из алых цветов, золотых лучей и бирюзовых трав.

Оставалось только удивляться, как такая антикварная вещь оказалась в трактире у вокзала. В ходе следствия Сурок сомневался, существовала ли она вообще. Не придумал ли чей-то изобретательный ум эту историю от начала и до конца, чтобы коварно испытать его острый детективный нюх или, чего вероятнее, помочь уйти от преследования истинным похитителем. Размышления эти, быть может, так бы и тянулись, не давая покоя и не приводя к результату, но одна из его любезных подруг, с которой он как-то при случайной встрече поделился подробностями этого дела, вдруг позвонила и рассказала, что к ней в магазин принесли вещь странно похожую на ту, что он мельком упоминал.

Магазин был комиссионный (где можно было не только покупать, но и продавать вещи), а также специализировался на белой магии и носил название «ЛЕЧИ-ПОЧИ-НЯЙ». В нем работала хорошая подруга Сурка, совсем молодая еще, добрая рыжеволосая волшебница Сузи, круглая сирота, мать и отца которой заменял вечно бесстрастный и негнибаемый, как скала над северным морем, оценщик магазина по имени Петр.

Так вот, однажды после долгого рабочего дня Сузи рассказала Сурку Мармоту, как, стоя накануне вечером за прилавком магазина, она повстречала двух чудных незнакомцев, которые обратились к ней с предложением купить у них точно такой гребень. Ростом они были немногим более метра, тела их полностью покрывали зеленые бархатные мантии с капюшонами, а лица скрывали маски. У одного незнакомца была маска пятнистого жирафа с ушами и маленькими рожками, у другого — маска зебры.

Когда они заговорили, из-под маски жирафа звучал хриплый мужской голос:

— В буклете вашего магазина сказано, что всякие древности накапливают волшебство.

Маска зебры добавила голосом женским, но таким низким, что звучал он почти как бас:

— Которое можно использовать и людям, и животным.

— Такое встречается, но нечасто, — ответила им Сузи. — Хотите купить что-то подобное?

— Мы хотим продать, — хрипло ответил Жираф, после чего его рука в кожаной перчатке проникла за полу бархатной мантии и достала оттуда розовый коралловый гребень.

Этот жест преследовало странное шипение и легкий свист, словно кто-то настраивал радиоприемник. Сузи тут же пришла в голову мысль, что, вероятно, под мантиями

у незнакомцев скрывались какие-то электронные устройства, которые меняли их голоса, специально делая их неузнаваемыми.

— Прекрасная реликвия, но есть ли в ней волшебство, у нас решает оценщик, — акkuratно держа гребень меж кончиков указательных пальцев и заинтересованно его разглядывая, ответила Сузи. — Сейчас оценщика в магазине нет. Хотите, можете оставить гребень у нас, оценщик вернется, проведет экспертизу, а я вам позвоню и сообщу результат.

— Пришлите ответ на e-мейл, — пробасила Зебра и положила на магазинный прилавок небольшой белый лист, на котором буквами, вырезанными из заголовков газет, был приклеен адрес электронной почты:

NASHA.MECHTA@LIST.RU

Выслушав рассказанную Сузи историю, Сурок Мармот поинтересовался, а что же установил оценщик. Сузи ответила:

— Он написал в заключении как-то странно — магии в гребне почти нет, максимум на один раз волшебного исполнения желания — и поставил печать: к покупке не рекомендую.

После этого разговора Сурок отметил в своей лиловой папке на очередной странице: «То, что она мне поведала, весьма славно пришлось недостающей частью в игрушечную машину расследования, которую я собирал из подручных деталей конструктора жизни. Теперь эта машина верно едет в прошлое и немного в будущее с беспроводного пульта моего таланта на тяге небесных электрических батареек истины».

Неизвестно, что именно хотел сказать Сурок, записывая эти слова, однако доподлинно известно: он не попросил Сузи отдать ему коралловый гребень с затонувшего корабля для лабораторного изучения или чего-либо еще, а также он точно не стал устраивать засаду и ждать таинственных посетителей в комиссионном магазине волшебных товаров. Вместо этого он вызвал такси и отправился в трактир у городского вокзала.

Если вы помните, там мы его и оставили — входившим на кухню с мордочкой, деликатно прикрытой накрахмаленным белым платком.

— Довольно много еды готовите для небольшого трактира, — отметил Сурок, проходя меж длинными кухонными столами, за которыми трудились повара.

— У нас заказы к новому-то году со всего города, — объяснила хозяйка, а через секунду, будто испугавшись подозрительных ноток, спохватилась и переспросила: — А на что именно вы намекаете?

Мармот остановился и молча повел лапкой с платком в сторону огромного рыбьего хвоста, величиной с половину гладильной доски.

— А, так это настоящего морского тунца хвост. Мы его пустили на селедку под шубой. Понимаю, не по рецепту, но как можем, так и работаем, — хозяйка расстегнула молнию своей спортивной светло-голубой куртки и, как веером, обмахивалась трактирным меню. — Мой старший брат привез. Рыбак он.

«А ей тут жарко, — подумал про себя Сурок Мармот. — Очевидно, на кухню она почти не заходит. Но все-таки как должно быть удобно иметь лицо такого кулинарного, клубничного цвета: можно без труда изображать стыд, если понадобится».

— Кто еще из родственников бывает в подсобных помещениях? — спросил он.

— Мой муж. Он работает водителем. Доставляет продукты и следит за складом. Пожалуй, больше никого, — хозяйка совсем разволновалась и уже так энергично обма-

хивала себя, что из трактирного меню чуть было не вылетали страницы. — А почему вы спрашиваете о нашей семье?! Знаете, мы вас не для этого вызывали.

— Подумайте еще, — из внутреннего кармана пиджака Сурок вытащил фотографию кораллового гребня. — Одну из пропавших нам удалось найти в скупке комиссионного магазина. Мы переписывались с продавцами по электронной почте, предлагали им отправить деньги на счет в банке, но выяснилось, что у них нет банковского счета, — Сурок Мармот говорил уверенно и быстро, с интересом наблюдая, как медленно бледнело лицо хозяйки, теряя свой насыщенный клубничный цвет. — Тогда мы предложили отправить им деньги сорокиной почтой. В том комиссионном магазине это обычный способ доставки. Вы сообщаете им адрес, и специально обученная сорока приносит конверт с деньгами вам прямо домой. И нам на электронную почту прислали адрес. Знаете какой? Адрес вашего заведения. Поэтому я повторю еще раз: кто из родственников заходит в подсобные помещения?

Услышав от обычно скромного и молчаливого Сурка эту многословную тираду (в которой отчетливо звучали обвинительные нотки), хозяйка пошатнулась, схватилась рукой за спинку кухонного стула и оперлась на него, чтобы не упасть.

— Дайте воды!! — гаркнул на всю кухню Сурок, подобно тому как кричат все другие сурки где-то в дикой природе, а сам подумал весьма рассудительно: «Эта женщина еле держится на ногах. Быть может, лицо у нее клубничного цвета не просто так, а из-за какой-то болезни».

— Повышенное давление. Гипертония, — словно подтвердил его мысли помощник повара, передавая наполненный водой стакан.

Сурок тут же почувствовал ноющий укол совести за свои циничные оценки в отношении больной женщины. Волна сочувствия и светлой жалости захлестнула его.

— Успокойтесь, подышите, — сказал он. — Хотите свежего воздуха? Пойдемте на улицу?

— Не надо, — ответила хозяйка. — Сейчас пройдет. Я отвечу на ваш вопрос. К нам заходят двойняшки. Мои племянники. Дети моего брата, рыбака. Девочка и мальчик.

Сурок Мармот уточнил у хозяйки, бывает ли у двойняшек доступ к электронной почте на компьютере, и, получив утвердительный ответ, попросил ее проводить к ним в детскую.

— Нет у них никакой детской, — ответила дама. — Часто они сидят в пристройке за складом: ставят крепости из стульев и всякого хлама, в школу играют, в поликлинику, бывает, кукольный театр нам показывают.

— Вот так преступники! — с негодованием сказал Сурок и, ведомый хозяйкой, прошел длинными коридорами трактира прямо до комнаты, где обычно проводили время двойняшки.

Хозяйка повела Сурка через боковой проход кухни в складское помещение, а там, за грудками ящиков и коробок, отворила ему узкую, почти незаметную дверь, казалось, потайную, которую можно было бы случайно посчитать за чем-то прибитой к стене крышкой небольшого стола, например школьной парты.

Первым делом Сурок заметил две бархатные зеленые мантии с капюшонами, висевшие на прибитых к стене гвоздях. В самом углу, рядом со старым, пузатым монитором компьютера двигались две детские фигуры. Они мастерили что-то вроде скульптуры или большой игрушки, которая стояла в тени. Услышав звук открывшейся двери, фигуры обернули свои головы и застыли в странном оцепенении.

— Икара и Герд, прошу, как говорится, любить и... — произнесла хозяйка трактира, но Сурок (в свойственной ему манере говорить быстро и уверенно) перебил ее:

— Жаловать не обещаю!

Сказав это, он подошел к скульптуре, рядом с которой стояли дети. Это был причудливый дубликат, застывшая копия его самого, Сурка Мармота, в полный рост. Его молчаливый двойник, как и полагалось, стоял на задних лапах. Передняя лапа была поднята в указывающем или повелительном жесте, мордочка уверенно глядела вперед глазами, сделанными из стеклянных пуговиц. Ресницы заменяли разобранные кисточки макияжной туши, а язык был ловко сделан из затвердевшей клейкой ленты и (для повторения натурального цвета языка) жирно покрыт красной губной помадой. На лапах двойника вместо когтей сияли лаком накладные акриловые ногти, все почему-то крашенные в разные цвета, не говоря уже о том, что на каких-то даже были цветные наклейки с мультяшными героями. Шерсть копии-куклы Сурка, его прекрасную и крепкую лоснящуюся шерсть, заменяли чьи-то волосы — рыжие, темные, блондинистые — волосы, приклеенные довольно аккуратными прядями к плюшевому основанию, из-под которого в некоторых местах неловко выглядывал проволочный каркас.

— Сдавайтесь, похитители женских расчесок! — гаркнул Сурок, подняв переднюю лапку и указывая ею на детей.

— Мы тоже хотим говорящего сурка! — вдруг заревела и залилась слезами Икара.

Герд, ее брат, сразу бросился к сестре и прижал ее голову к своей груди.

— Не плачь, маленькая, смотри, наш двойник Сурка не ожил, но зато он сам пришел к нам, — произнес он, как-то по-взрослому приглаживая ее каштановые волосы и не поднимая глаз на явившихся в их детскую обитель.

— Ну и что вы на это скажете? — сердито спросила хозяйка, обращаясь к Мармоту.

— Вот и я вышел, как говорится у нас, у детективов, на себя самого, — широко улыбнулся Сурок, обнажив оба своих длинных передних зуба.

Эта история так и осталась бы очередной, мастерски разгаданной Сурком Мармотом детективной историей, если бы не волшебство кораллового морского гребня. Как вы помните, оценщик, заменявший Сузи отца и мать, выяснил, что магичества в гребне хранилось крайне мало, быть может, на один только раз волшебства. Также стоит раскрыть небольшую тайну и признаться, что Сурок Мармот был до бабочек и мурашек влюблен в эту самую Сузи из волшебного магазина. После того как дело было раскрыто, они вдвоем встретились, и он предложил ей потратить волшебство кораллового гребня. Он так и спросил ее:

— Сузи, пока я не вернул гребень владельцам, может быть, ты пожелаешь что-то, и мы используем его волшебную силу? Ведь мы это заслужили — мы сделали такое большое дело, распутав это странное детское преступление.

— Да, у меня есть одно заветное желание, — после долгого и грустного молчания ответила Сузи. — Я бы хотела хоть на мгновение увидеть своих родителей. Ведь так давно они от меня ушли.

И довольно скоро Сурок и Сузи поразмыслили и придумали, как использовать силу гребня, чтобы это желание исполнить. И уж лучше, чем рассказывать об этом волшебстве, я покажу тебе стих, который ему посвятил Сурок Мармот:

Коралловый гребень морской
С затонувшего корабля
Принесла ты к себе домой,
О потерянном мире скорбя.

И с тоской пригладив волосы
Себе, как последней дочери,
В глубь лица ты струила полосы —
Родовые многоточия.

Ты стояла босая у зеркала,
Маленькая вселенная,
И солнца по ванной свёркали,
Лучезарные и нетленные.

А в тех солнцах рдели милые
Души в обликах херувимов,
Овевая тебя, любимую,
Выметая снежную зиму.

Сурок скупно хранил это стихотворение у себя в столе и никому не показывал. Но нам-то с тобой, мой любезный читатель, известно, что любовь и связанные с ней истории нельзя прятать в сейфах, за амбарными замками и уж тем более в обычных столах.

Карл Бернгард — литературный псевдоним датского писателя Андреаса Николая де Сен-Обен (1798—1865), придуманный его троюродным племянником Иоганном Людвигом Хейбергом. Псевдоним понадобился Хейбергу, чтобы опубликовать в 1834—1835 годах роман Сен-Обена «Год в Копенгагене» (1835). Дед автора, француз Николя Сен-Обен, служил камер-юнкером при дворе датского короля Фредерика V. Делая первые шаги в литературном творчестве, Бернгард находился под сильным влиянием известной датской писательницы баронессы Томазины Гюллембург-Эренсверд, с которой он находился в родстве. Выбрав юриспруденцию в качестве карьеры, Бернгард вскоре делает литературу своим основным занятием. Первым серьезным произведением и несомненным успехом автора становится вышедшая в 1836 году повесть «Баловень судьбы», написанная с элементами импрессионизма. В 1840 году он обращается к жанру исторического романа и остается в истории литературы в первую очередь как автор книг об эпохах Кристиана VII, Кристиана II, о жизни Эрика Померанского и проч.

ЗОЛОТОЕ РУНО

Рассказ

В прежние времена, чтобы обрести счастье в жизни, недостаточно было, как сегодня, отправиться месяца на полтора в Калифорнию — в наши дни все происходит стремительно, ты берешь в руки лопату, прямо-таки выкапываешь из земли нужное тебе золото и катишь его на тележке домой; прежде так не делали по той простой причине, что калифорнийское Эльдorado на тот момент еще не было обнаружено. В ту пору отправлялись в Ост-Индию, где приходилось заключать сделки, торговать, работать не покладая рук, в течение многих лет и ко всему прочему зависеть от удачи. Но и состояние сколотить можно было куда побольше, чем у иных калифорнийцев в наши дни, и если такой человек возвращался однажды в свои края, то возвращался он богатым, как Крёз, и все вокруг величали его набобом, а это что-то да значило. Правда, у возвращения домой была и обратная сторона медали: такой набоб не только приобретал в дальних краях загар, но и выгорал изнутри в тропическом климате, подагра ежедневно напоминала ему о бренности всего земного, а он ведь только начинал наслаждаться жизнью, ибо до сей поры был занят приготовлениями к этому. И все-таки он был набобом; и потом — подобными взглядами человек обзаводится лишь уже став богачом, а не на пути к этой цели. И вот двадцатидвухлетний юноша покинул отчизну, оставив все, что у него было: любящую мать, невинную девушку, внимавшую его заверениям в страстной любви, уютный дом, ожидавшее его скромное, но спокойное будущее и преданных друзей — ведь он считал, что у него нет ни гроша за душой, и грудь его в тот момент будоражила не столько горечь разлуки, сколько радость ожидания. Если бы богиня счастья обещала ему исполнить три заветных желания, он бы все три раза пожелал денег — всякий раз многократно больше, — и когда наполненные слезами глаза посылали ему последнее «прощай», а голоса людей, так горячо любивших его, срывались и хрипли, он беспечно взмахнул шляпой и, не колеблясь, воскликнул: «Счастливо! Я найду золотое руно, как это сделал Ясон, и, вернувшись, озолочу вас всех!»

Со дня разлуки минуло много времени: за первыми пятью годами, которые он намеревался провести на чужбине, последовали следующие пять, потом еще десять и еще, он был движим одной только мыслью — разбогатеть, а когда человеком движет единственное желание, оно, как правило, исполняется. Удача была к нему благосклонна, дела пошли в гору, вскоре он стал компаньоном пожилого холостого торговца, взял на себя управление компанией, потом унаследовал и состояние партнера, и торговую марку фирмы, после чего отправился в другие края Ост-Индии, приобрел еще более крупные плантации и расширил свое дело. Говоря языком торговли, он зарабатывал барыши на хлопке, на специях и индиго, под конец даже на золоте и бриллиантах и в итоге стал просто купаться в деньгах, превратился в истинного набоба. Однако, странным образом, никак не мог достичь богатства, которого ему было бы довольно, поскольку потребности росли пропорционально средствам, требовавшимся для их удовлетворения. Родной дом за всем этим давным-давно забылся. По истечении первых пяти лет переписка, происходившая в то время очень медленно, окончательно иссякла, и последнее письмо из дома, полное тоски и жалоб, он оставил без ответа; теперь он писал исключительно деловые письма в Англию и Голландию, и в них было больше цифр, чем слов, а чувства отсутствовали вовсе.

Когда таким образом минуло двадцать лет, он наконец оказался на вершине счастья; ему было доступно все, стоило только указать пальцем, он был всевластным господином над всем и вся, его окружающим, его воля исполнялась по первому же мановению его руки, он уже не знал, чего бы еще пожелать. В этой непростой для себя ситуации — алчущий человек ведь не может уже прожить без утоления новых желаний — в этой непростой ситуации его мысли в один из изнуряюще жарких дней, возможно, впервые за все годы обратились к далекой Дании с ее прохладным морским бризом, и, несмотря на страстное желание сделать свое состояние поистине солидным, до чего, как ему казалось, все еще недоставало некоторой суммы, сколь оно ни росло, богатый обитатель Ост-Индии, окруженный вельможной роскошью и несметным богатством, почувствовал ностальгию по маленькой бедной Дании. У него появилось смутное ощущение, что не всякую тоску утолишь золотом, и существуй уже на тот момент замечательное стихотворение Поуля Мёллера «Какое счастье, Дания, что ты есть», он бы нашел в этих строках отражение собственных мыслей:

Сын Востока, с веером, в шервани,
Борется за воздуха глоток.
Пестры птицы, яркие созданья,
Бессердечны девы, мягки ткани,
И ничем не пахнет здесь цветов.

Купишь ли на серебро и золото
Верность девы Севера, скажи.
Бриз, волнами посланный куда-то?
Сень лесов, восходы и закаты,
Клевера луга, колосья ржи?

Жизнь в Ост-Индии тем более претила ему, чем больше он проводил эти невольные параллели. В окружении спящих вокруг рабов он чувствовал себя одиноким, трапезы больше не доставляли ему привычного удовлетворения, он утратил аппетит; посреди восточных излишеств он вспоминал, с какой-то тоской, времена своей глупой молодости и ее нехитрые радости, и стоило ему вспомнить о своей старушке матери и девушке, в которую он был влюблен в юности, как сердце его сжималось.

Он написал одному из своих адресатов в Лондоне, тот через третьи-четвертые руки разузнал, как обстоят дела в Дании; новости были утешительными, все, о ком он расспрашивал, еще были живы, никто не умер. Он подумал, что заработал пока что довольно, свернул свои дела, перевел состояние в солидные бумаги, откупился от семьи, в которой успел обзавестись многочисленными детьми с оливкового цвета кожей — в сердце своем он уже не был с семьей, она все более тяготила его, — и, как настоящий набоб, поплыл в родные края, набив трюмы ост-индийскими богатствами — он намеревался одарить ими на родине людей, о которых так долго не вспоминал. На все эти приготовления ушло около года, но ощущение счастья по-прежнему не покидало его; в общей сложности он отсутствовал дома двадцать один год, но по-прежнему был в самом расцвете сил, как принято говорить об этом возрасте, ему было всего лишь сорок четыре года, и он не без некоторого самоудовлетворения подвел промежуточные итоги своей жизни. Конечно, не обошлось без небольших минусов, но разве бывают итоги, которые их лишены? Таких, как, например, подагра. Бесспорно, подагра присутствовала, но не в такой уж и тяжелой форме. Полысел ли он? Да, довольно сильно, но в Лондоне он планировал заказать себе парик. Лицо приобрело желтоватый оттенок шафрана? Да, слегка, но ведь ост-индийским набобам так и полагается, можно сказать, это что-то вроде униформы. Был ли он набобом? Несомненно. Так же неоспоримо, как неоспорима теорема Пифагора в математике. Когда ты набоб, в золото превращается все, к чему ты прикасаешься, — и тут внезапно ему вспомнилась юность, и он воскликнул, взмахнув соломенной шляпой навстречу показавшимся европейским берегам: «Я добыл золотое руно, подобно Ясону, и теперь могу озолотить всех в родном краю!» И ему стало так приятно на душе, что он немедленно спустился в каюту, перевернул содержимое всех чемоданов и достал драгоценную, шитую золотом ост-индийскую шаль, которая в случае необходимости призвана была служить доказательством огромного богатства. Найдя шаль, он перекинул ее через руку и встал перед зеркалом в той позе, какую принял знаменитый предводитель аргонавтов, возвращаясь из Колхиды.

Нищим юношей, «без гроша за душой», отправился он в чужие края; богатым, как Крёз, у которого есть «все, чего душа пожелает», возвращался он домой. Слухи о его богатстве опережали его, и биржа, поклонявшаяся золотому тельцу, едва на голове не стояла, желая продемонстрировать почтение прибывающему.

Несколько дней спустя набоб уже сидел в удобном экипаже, направляясь по проселочной дороге в те места, где он некогда лежал в колыбели. Чемоданы были полны драгоценных вещей, шитая золотом шаль наготове лежала на переднем сиденье. Он добрался до цели на закате. Стоял погожий летний вечер, небо было безоблачным, розоватым от закатных лучей, от лугов поднимался туман, сено ароматно пахло, в кустах заливались соловьи, коровы и быки мычали на травянистых пастбищах, на церковных колокольнях звонили в колокола, и легкий ветерок пробежал по буковым кронам, где бесчисленные птицы все еще щебетали в густой листве. Приветливый и ласковый пейзаж открывался его взгляду: луга и поля, леса и море, церкви и веси — полная и совершенная идиллия; думаю, даже норвежец не стал бы здесь возражать, забыв на мгновение о своих вечных сетованиях на отсутствие в местном пейзаже гранитных валунов.

На возвратившегося из Ост-Индии богатая природа родного края произвела глубокое впечатление, а его черный, как смоль, негр тем временем дремал на козлах, мерно покачиваясь назад и вперед, словно в такт невидимому языку колокола. Неведомые доселе чувства наполняли грудь вернувшегося: это были родные места, вон там стоял уютный домик его матери — на краю села, сразу за ним начинался сплош-

ной лес, она все еще жила там, на том же месте, той же спокойной, размеренной жизнью, в то время как он объездил весь свет в поисках богатства, которое теперь на несколько процентов уменьшилось, перенесенное в эти некогда оставленные им края и в эту изобильную природу.

Экипаж остановился перед домом, негр очнулся и соскочил с козел, как обезьяна с ветки, набоб сошел на землю, подобно Ясону, сходящему на берег с корабля «Арго», неся шаль перекинутой через руку. Они звонили и стучали, однако несмотря на то, что дом казался обжитым и было отчетливо слышно, как внутри, за плотно задернутыми занавесками, кто-то ходит, дверь и окна оставались закрытыми. Стайка деревенских ребятишек с почтительного расстояния разглядывала негра, как опасного зверя, наконец один из тех, что постарше, собрался с духом и подошел так близко, что мог окликнуть стучавших и сообщить им, что «эти в доме» не отопрут, стучать бессмысленно, треба ехать к пастору, если им что-то надобно от «этих в доме». И мальчик в испуге убежал обратно к остальным, а экипаж — с набобом, шалью и мавром — покати к дому священника.

Священник был все тот же, что и в дни юности набоба, только вместо шестидесяти четырех ему теперь было восемьдесят шесть, он почти ничего не видел, но в остальном был еще крепок. Набоб едва был с ним знаком, и пастор вовсе не узнал его, что было совсем неудивительно, даже если бы его глаза видели лучше; ибо откуда ему могло прийти в голову, что стоявший перед ним мужчина с шафраново-желтым оттенком лица был тем самым розовощекиим юношей, которого он уже давно считал ушедшим в мир иной.

Пастор предположил, что чужеземец, спрашивавший о доме у леса, был покупателем, привлеченным красивым местоположением. Но сейчас дом не продавался, в нем все еще жила пожилая дама, владевшая им много лет. Стало быть, он не ошибся, мать не умерла, она по-прежнему жила в своем старом доме. Пастор похвалил дом и высказал мнение, что, вне всяких сомнений, тот хорошо сохранился, как снаружи, так и внутри. И у пожилой дамы есть средства к существованию, особенно после того, как она получила наследство, доставшееся ей от сына.

А что, ее сын умер?

Да, он умер, беспокойный был парень, из числа тех, кому невоготу дома и кто не хочет взяться всерьез за какое-нибудь дело; так вот он удрал в Ост-Индию, в погоне за счастьем, как он это называл, и там покинул этот бренный мир. Он отсутствовал уже больше шести лет, когда скончался один из его родственников, оставив ему кругленькую сумму с условием, чтобы юноша вернулся домой и заботился о матери; если он не вернется в течение двух лет, наследство отходило к его матери. Его искали повсюду, но безуспешно, он исчез без следа. Его мать тяжело это переживала и в итоге стала странной и меланхоличной.

Но она же не осталась одна-одинешенька, покинутой всеми после отъезда сына? Разве в доме с ней не жила молодая девушка?

Да, вы правы, жила, продолжил дружелюбный священник, который понемногу разговорился. Но это не особо помогло. Дело в том, что пропавший юноша заверял ее в горячей любви, а молодые девушки ведь легковверны, когда речь идет о делах сердечных. Она все ждала и ждала, ведь он должен был вернуться и сделать их мечты явью. Некоторые пытались отвлечь ее от этих мыслей, и в женихах недостатка не наблюдалось, поскольку девушкой она была красивой, очень миловидное создание, не говоря уже о том, что пастору никогда не встречались люди, настолько отдававшие себя другим и жертвовавшие собой ради ближнего. Но ожидание забрало у нее силы, она тяжело захворала от тоски и печали и едва не умерла, так бы и случилось, реши Господь

забрать ее к себе. Понемногу девушка выздоровела, но рассудок ее слегка помутился, от этого она так и не оправилась. Так продолжалось несколько лет, потом ее состояние стало ухудшаться, и в итоге рассудок совсем покинул ее.

Боже милосердный, как ужасно!

Да, господин прав, это действительно было ужасно, и все из-за жалкого юнца, решившего поймать удачу за хвост! Тут его пожилая мать и сама опустила руки, а как не опустить, когда постоянно живешь рядом с помешавшейся умом, к тому же и сама переживаешь горе. А оставить девушку одну она и думать не хотела. Ведь их сердца были разбиты одной скорбью. Однако Господь снисловился над ними: сумасшествие это не самого плохого рода. Они прожили так уже с десятков лет. Никому не причиняя вреда, почти все свое время, день за днем, они проводили в приготовлениях к возвращению блудного сына, на это у них уходила вся первая половина дня, а после обеда они проводили время в ожидании и оживленных разговорах о нем — вечером же, опечаленные, ложились спать, чтобы на следующее утро опять проснуться с надеждой и снова приняться за приготовления. Это по-прежнему их главное занятие, и дом содержится с необычайной тщательностью. Священник долгие годы был и остается их другом и попечителем, он нашел им добросовестную служанку, которая не оставляет их, ежедневно их навещая. Сами они никогда не выходят из дома и не желают видеть людей, да и какая им в том была бы радость? Старик пастор был в этом с ними согласен.

А что если этот юноша все еще жив, что если бы он сейчас вдруг вернулся домой, оправдав их ожидания? Ведь все еще можно поправить, особенно если бы он вернулся богачом.

Нет, пастор думал иначе. Во-первых, сын этой женщины уже не вернется, потому что он давным-давно умер, а во-вторых, вернись он, это стало бы величайшим несчастьем. Доктор ясно дал понять, что это либо убило бы их, либо ухудшило течение болезни. Он обсуждал с доктором такую возможность, ведь мы часто говорим о самых невероятных вещах, но они сошлись во мнении, что обоим женщинам лучше всего живется так, как они живут сейчас. Богатство не смогло бы изменить их взгляд на жизнь, у них было все необходимое, они даже откладывали какие-то деньги, чтобы ежегодно делиться с нищими в тот день, в который юноша когда-то уехал в чужие края. Это было для них сродни искупительной жертве, полагал пастор, так они хотели искупить легкомысленность, с которой он их оставил.

— Но как быть, если болезнь ухудшится... — сказал мужчина, которого глубоко тронул рассказ пастора, слова давались ему с большим трудом, а лицо его сделалось пепельно-серым.

Пастор был убежден, что, когда пробьют их час, они угаснут без боли и страдания, как две свечи, неспособные больше гореть в тлетворном воздухе этого мира. И это могло случиться в любое мгновение, поскольку их жизнь висела на волоске, и они уже практически не принадлежали больше миру земному. Они не могли обойтись друг без друга, Господь проявит к ним доброту за все, что они сделали, и позволит им уйти в иной мир вместе. Пастор был совершенно уверен в этом, он не сомневался, что хоть он и стар, он еще бросит горсть земли на крышку гроба каждой из них, и этот день будет для него радостным; ведь нет ничего важнее смерти, а их души были набожными, испытанными и хорошо подготовленными к возвращению домой, на небеса. Тогда можно будет обсудить и продажу дома, и любой сможет купить его, поскольку наследников не осталось.

Чужеземец провел у пастора еще около часа. Снова садясь в экипаж, он уже был владельцем дома, купленного им теперь заранее по цене, во много раз превосходящей ту, что могли предложить при самом счастливом стечении обстоятельств. Он сказал,

что снова отправляется путешествовать и хотел бы уже сейчас знать, что однажды найдет пристанище в краю, милом его сердцу. Деньги были переданы пастору, который, будучи поручителем обеих женщин, несказанно обрадовался удачной сделке, которая ни малейшим образом не меняла их привычного образа жизни, при этом еще больше упрочивая их существование.

— Теперь они богаты, — сказал пастор, провозжая чужеземца к экипажу. — И смогут сделать еще больше добра нуждающимся. Это единственная оставшаяся им радость. Благодарю Господа за эту милость!

Незнакомец с серьезным видом достал пачку крупных банкнот из своего портмоне и протянул их пастору со словами:

— Примите это в качестве скромной лепты, пусть достойные женщины потратят ее на благодеяния — и помолитесь Господу, чтобы он вскоре послал им покой.

— Господин, — сказал старик пастор, — вы оказываете этим женщинам и нуждающимся моего прихода большое благодеяние такими роскошными подарками. Вы, наверное, очень богаты, если можете это себе позволить. Вы благородно распоряжаетесь богатством.

— Нет, — ответил набоб. — Я очень беден, хотя денег у меня довольно. Когда-то я был богат, но это было очень, очень давно... И я не берег того, что имел.

И он поехал прочь вместе со своим мавром — и лицо негра было менее черным, чем мысли его хозяина.

Когда пастор на следующее утро вошел в свой кабинет, где накануне принимал щедрого гостя, он обнаружил на одном из кресел дорогую, шитую золотом ост-индийскую шаль. Он принял ее за подарок от великодушного незнакомца, который тот не стал афишировать, и с тех пор накрывал ею алтарь в дорогой его сердцу церкви.

Из всех тех, кто оставлял отчизну и отправлялся в чужие края за счастьем, наш набоб был самым удачливым, он вернулся, как и мечтал, с «золотым руном». Сегодня его имя лишь время от времени упоминается в связи то с одним, то с другим крупным фондом, которые он завещал основать на его деньги, прожив безрадостную жизнь в богатстве и изобилии.

Но спустя много лет после его смерти алтарь в маленькой сельской церкви все еще покрывала драгоценная, шитая золотом ткань; никто толком не знал, откуда появилось это иноземное чудо роскоши, однако дьякон слышал, что вроде бы его как-то подарил церкви один богатый человек — в память о счастливом возвращении домой из далеких земель.

Софус ШАНДОРФ

Софус Шандорф (1836—1901) дебютировал в 1863 году лирическим сборником «Стихотворения», тексты которого были написаны в духе романтизма. В этом же ключе создан вышедший в 1868 году сборник «Новые стихотворения». Однако в семидесятые годы XIX века Шандорф переключается на прозу и становится одним из ведущих писателей скандинавского культурного движения «Современный прорыв», целью которого было создание произведений искусства, заостряющих внимание публики на проблемах современности. Серьезным образом повлияло на смену координат в творчестве Шандорфа изучение им русского и французского реализма, а также знакомство с программой известного датского публициста, социолога и литературоведа Георга Брандеса, и в период с 1876-го по 1901 год Софус Шандорф издает по книге в год. В своих романах и короткой прозе он изображает, главным образом, жизнь провинции: деревень и маленьких городков. Первый сбор-

ник рассказов Шандорфа этого периода так и называется — «Из провинции» (1876). Рассказ «Визит врача», представленный вашему вниманию, дает, как нам кажется, хорошее представление о его творчестве.

ВИЗИТ ВРАЧА

Рассказ

I

Дело было декабрьским вечером: доктор Фалькенберг едва успел вернуться в одиннадцать часов к себе домой, а жил он сразу за городом, как вдруг началась страшная пурга. Он наслаждался мягким и приятным теплом, проникавшим в спальню от печи в гостиной. А улегшись в постель и уютно завернувшись в стеганое одеяло, он ощутил еще более глубокое блаженство. Снег хлестал и щелкал по оконному стеклу, ненадолго стихая, и в этих паузах в спальню проникали приглушенные звуки: шипение и свист, стон и писк ветра.

«Слава тебе, Господи, я добрался до дома, опередив рой этих белых пчел!» — сказал себе под нос доктор Фалькенберг, зевнул, вытянулся в постели и погрузился в сон, убаюканный доносившимся из гостиной потрескиванием дров в изразцовой печи, которая не без некоторой мещанской оседлой снисходительности с глухим бормотанием посмеивалась над глупой и безоглядной цыганской жизнью, бушевавшей за окнами.

Но что это за внезапный щелчок? Выстрелило в печи сучковатое полено? Или пошел крупный град? От резкого звука задремавший было доктор проснулся... Нет, звук долетел от оконного стекла, и теперь он повторился... Но это не может быть град, это просто невозможно! Тьфу ты, это же кто-то барабанит в окно костяшками пальцев. В эту чудовищную непогоду в окно несчастного доктора стучали. Ладно, может, речь шла всего лишь о пациенте в городе.

— Да, да, слышу, уже иду.

Он приоткрыл окно. Снег настойчиво рванулся в глубину гостиной, осыпая зябнущие в домашних туфлях ноги доктора.

— Это я... Мортен Персен из Обю-Марк.

Две мили по проселочным дорогам, на телеге, у которой даже рессор нет — и это в такую погоду! Запряженная двумя лошадьми телега стояла снаружи, из-за метели доктор не услышал, как она подъехала.

— Что случилось?

— У нашего сына, который остался у нас последний, похоже, язва глотки, та, что в мае прикончила старшую и малыша Оле.

Доктор заметил, как большой, некрасивый рот крестьянина трясется в конвульсиях, и услышал вырывающиеся у него сдавленные рыдания.

— Входите в дом.

— Нет, мне не отойти от телеги. Я одолжил ее на одном хуторе в Обю-Марк, и левая лошадь, скажу я, себе на уме.

Доктор моментально оделся и взял аптечку. Слуга с крестьянином помогли ему закрепить на высокой дощатой телеге переносное сиденье со спинкой: было бы чересчур — посылать сейчас крестьянина за рессорным экипажем и заставлять его возить с ним посреди ночи в такую пургу.

— Ему совсем скверно?

— Да дело проще некуда, господин доктор. Он задыхается и сипит. Воздуха не хватает ему.

II

И теперь лошади едва плелись по дорогам, заметенным снегом до неузнаваемости. Телега кренилась с боку на бок, подобно ялику, покачивающемуся на волнах, ремни, которыми было закреплено сиденье доктора, натужно скрипели, а пружины кряхтели и гулко звенели. Снег то с воем хлестал доктора по лицу, тая и стекая по ресницам, то с приглушенным звуком сек шубу доктора; снег валил отовсюду, слепил и сбивал с верного пути. То и дело налетал бешеный порыв, и телега останавливалась, или крестьянин сам останавливал лошадей, чтобы оглядеться по сторонам и отыскать взглядом тонкий и высокий ствол ивы — они росли по сторонам дороги и служили ему ориентиром. Прежде чем снова тронуть лошадей, он поворачивал лицо к доктору, как будто хотел ему что-то сказать, но лишь повторял это движение снова и снова, не произнося ни слова; только кривился беззвучно его большой рот. Наконец ему удалось выдать несколько слов в пространство между огромным шерстяным шарфом и черным силуэтом меховой шапки, надвинутой по самые брови:

— Так он как же, отправится вслед за остальными?

— Я не могу ничего сказать, пока не осмотрел его.

— Да, это-то понятно. Он был, вообще-то, очень славным. И у нас ведь больше не осталось детей, кроме его.

— Мы не могли бы ехать чуть быстрее, Мортен Персен?

— Нильс Хансен с потрохами меня съест, если что стрясется с конягами или телегой.

Мощный толчок сотряс телегу! Ремни, доски телеги и сиденье доктора затрещали так, словно сейчас разлетятся на куски. Телега накренилась так сильно, что казалось, вот-вот перевернется. Лошади трясли головами, били передними копытами и тянули упряжь. Телега въехала в кучу щебня, сваленную у края дороги. Они не перевернулись, но застряли намертво. В очередной раз безуспешно пытаясь сдвинуть телегу с места, крестьянин произнес с глубоким вздохом:

— Он, похоже, до Сочельника не протянет! А так хотел пойти в школу на елку, в Обю.

— Я не могу вам ничего сказать, пока не увижу его.

— Да, это-то понятно... Кого там?

Вопрос был обращен к фигуре, которая только что появилась, словно вылепившись из снега. Она дышала так шумно, что это было похоже на стон. В ответ донеслось:

— Да... Погодка еще та. Я это, кузнец из Топсхоя.

— Тебе же с нами по пути, кузнец. Можем с тобой чередоваться: один сидит и правит лошаадьми, другой идет впереди и показывает путь. Мы с доктором едем к нашему сыну, он у нас последний остался... а тут... язва глотки.

— Да уж, дела, — произнес кузнец.

Доктор и крестьянин с трудом спустились с телеги. Они приподнимали и толкали, один — левое переднее колесо, другой — левое заднее, а кузнец тем временем держал лошадей под уздцы. Наконец общими усилиями удалось вытащить телегу, и она встала ровно.

— Упряжь, однако, выдержала, — сказал кузнец.

И преодолевая такого рода препятствия, они понемногу продвигались вперед: крестьянин и кузнец чередовались: пока один, сидя на телеге, правил лошаадьми, другой шел впереди и показывал дорогу.

Через три часа ожесточенной борьбы с ненастьем крестьянин заметил огонек в низеньком окне, горевший в ночи бледно-желтым светом. Он свернул на короткую, за-

саженную низенькими тополями аллею — на маленькую дорожку, которая вела к его одиноко стоявшему дому. Кузнец попрощался с попутчиками и вскоре пропал в густо валившем снеге и ночной мгле, плотно сомкнувшейся вокруг одинокого путника.

III

Это была, при всей бедности, очень приятная маленькая сельская комната. Стены были оклеены обоями в крупный коричневый горошек между коричневыми и желтыми полосками. Над скамьей, под двумя низкими окнами, подоконники которых были плотно уставлены горшками с садовой гвоздикой и геранью, висели на стене в деревянных рамках король и кронпринц, а также несколько цветных рисунков, изображавших распятие и воскресение Христа. На выкрашенном красной краской деревянном столе горела керосиновая лампа, явно из самых дешевых. Деревенская печка раскалилась почти докрасна, но метель с такой силой набросилась на окна, изобиловавшие щелями, что не успевавшая таять снежная крупа лежала на черепичном полу, поблескивая в свете лампы. На большой двуспальной кровати, прозванной в народе «парной упряжкой», у противоположной стены лежал больной двенадцатилетний мальчик. У кровати, на некрашеном деревянном табурете — той конфигурации, что может использоваться в качестве стремянки, — сидела мать мальчика.

По природе она была статной женщиной, на голову выше и лет на двадцать младше своего ссутуленного, разменявшего шестой десяток мужа; глубокие морщины бороздили его лоб и щеки — от уголков губ до ушей. На голове у женщины был темный платок в горошек, завязанный под подбородком. Форма носа у нее была почти классическая, рот небольшой с узкими, ровными губами, нижняя часть лица, напротив, бесформенная, было бы грубо сказать, что в ней было что-то животное — но в ней и правда было нечто мертвенное и тупое, словно отставшее в развитии от прочих черт. Глаза, светло-голубые и широко раскрытые, пристально смотрели в лицо доктору.

— Долго ехали, — сказал ее муж. — Но... просто...

— И без тебя ясно, — коротко сказала женщина. — Мне посветить лампой господину доктору?

Доктор кивнул, потом осмотрел больного светловолосого мальчика, задал ему несколько вопросов; у того были мамины глаза, но некоторая рыхлость носа вызывала опасения, что он со временем может стать таким же широким и бесформенно плоским, как у отца. Дышал он с тонким присвистом, а голос звучал глухо и хрипло.

Доктор задумчиво кивнул. Диагноз не вызывал сомнений. Мать мальчика сидела совершенно недвижно и, искоса поглядывая на доктора, ловила каждое его слово, каждое движение. Она сидела на табурете, в то время как муж стоял, склонившись над столом и опершись на него ладонями. Из его больших серых глаз капали слезы, так в только что начавшуюся оттепель срываются капли с кровли.

— Это, наверное, та же болезнь, что... — начала женщина.

— Нет, — ответил врач, — не совсем.

— Слава тебе, Господи! — вырвалось у крестьянина.

— Она еще хуже той? — спросила его жена.

— М-м-м... — отозвался доктор.

— Ну же, — сказала женщина, стиснув безымянным и указательным пальцами черное кольцо на среднем, которое она носила от ломоты в суставах.

— Думаю, отчаиваться не стоит, — сказал доктор женщине на ухо.

— Я и не думала отчаиваться, — ответила она почти зло, едва слышно фыркнув.

Ее муж поднял руку, чтобы почесать затылок. Ему казалось, что он должен что-то сказать.

— И что это за... как эта хворь зовется?

— Круп, — коротко ответил доктор и сунул руку в карман за медицинской аптечкой.

— Во-от как? — сказал крестьянин уже спокойнее. — Лошадь с крупом долго может протянуть, так что, верно, с людьми оно и не хуже бывает, ежели до этого дойдет.

— Ты бы лучше помолчал, — сказала его жена.

Больной застонал, в горле засвистело, послышался хрип. Одновременно с этим завывала за окном вьюга, и снег хлестнул по окнам. Женщина сложила свои крупные руки на коленях и сказала:

— Когда Господь говорит вот так, он предупреждает нас, чтобы не забывали думать о Нем, только...

— Что «только»? — спросил доктор и протер носовым платком блестящие острые щипцы-ретрактор, которые он извлек из сумочки и теперь разглядывал на свет.

Холодный, отсутствующий тон, с которым доктор задал вопрос, вызвал гневное выражение во взгляде женщины.

— Я более верую в Господа нашего, чем в докторов, — сказала она. — Когда умер малыш Оле — а до него не стало Кирстины, — я обещала Господу, что не буду роптать, если Он оставит мне Нильса, потому что забрать его у меня было бы величайшим грехом, а Господь наш, будучи совершенным, не может согрешить. Я знаю это.

— Все это, может, и так, — пробормотал доктор и приладил к ретрактору какую-то маленькую штучку.

— Может, господин доктор пропишет что-нибудь? — спросил крестьянин, подошел к выкрашенному красной масляной краской подобию бюро и собирался уже открыть крышку, чтобы достать бумагу, перо и чернильницу.

— В этом нет надобности, — сказал доктор, — но...

— Вот как... Да, домашние снадобья, поди, и не хуже будут, — сказал крестьянин.

Больной мальчик дышал все тяжелее.

Доктор закончил с ретрактором, повернулся к женщине и сказал:

— Вашего сына, по всей вероятности, удастся спасти, прооперировав этими инструментами.

Женщина только теперь устремила пристальный взгляд на щипцы и трубку. С перекосенным лицом, словно кто-то хлестнул по нему плетью, она вскочила с табурета.

— Никому не дозволено резать плоть моего сына, — сказала она.

— Нет, мама, нет, пусть доктор делает со мной, что хочет, — раздался глухой голос мальчика.

— Мортен, Мортен! — позвала женщина мужа. — Помоги мне, он хочет резать нашего маленького Нильса. Мортен, выгони его.

Муж громко всхлипнул.

— Мама, пусть доктор делает со мной, что хочет, если только это... — простонал ребенок.

— Мортен, — продолжала кричать женщина, — он хочет ввести Господа в искушение! Если на то воля Господа, что мальчик должен умереть, он не имеет права препятствовать пути мальчика в вечность, раз уж решение принято... И раз уж Господь не смог помочь...

И она гневно ударила рукой по ретрактору Труссо, так что он со звоном полетел на пол вместе с остальными деталями.

Доктор пожал плечами, поднял инструменты и осмотрел их. Они не пострадали. Он убрал все в аптечку.

— Пусть доктор... — донеслось из кровати, но у мальчика не осталось сил закончить.

Доктор быстрым шагом вышел из комнаты, с силой хлопнув дверью. Крестьянин выскользнул за ним и со слезами в голосе сказал:

— Надеюсь, обратно господин доктор доберется лучше, чем сюда. Вон там стоят сани Ханса Кристенсена, и его слуга как раз собирался в город.

Он склонился к самому уху доктора и прошептал:

— Он умрет?

— Да, если ничего не предпринять, он непременно умрет. Можете быть уверены.

— Грета говорит, что Господь способен сотворить чудо, ежели пожелает.

— Что ж, спокойной ночи.

На следующий день, в полдень, Мортен Персен приехал к доктору Фалькенбергу. Стояла совершенно ясная морозная погода. Из глаз мужчины текли слезы, а щеки были синими от мороза.

— Малыш Нильс умер, — сказал он.

— Да вы... Я же предупреждал вас. Что ж, передайте привет жене и скажите, что это она...

Крестьянин, защищаясь, выставил руку.

— Будет уже, господин доктор! Ваш грех.

Рыдания, которые он сдерживал, прорвались наружу всхлипом, какой издает раненый зверь, потом он снова совладал с собой, приблизился к доктору и сказал:

— Наверное, господин доктор все же...

Он достал из кармана кожаный кошелек и начал развязывать тесемки.

— Уберите. Завтра я заеду к вам, чтобы осмотреть тело и выписать свидетельство о смерти.

4

Доктор Фалькенберг никогда бы не признался, насколько сильное впечатление произвел на него этот случай. Он пытался убедить себя, что забыл о нем. Он хотел о нем забыть, и хотя он имел обыкновение во время своих поездок по окрестностям заглядывать во все отдаленные улочки и проводывать бедных, обращавшихся к нему за помощью, он объезжал стороной дом Мортена Персена с того самого дня, как осмотрел тело малыша Нильса, даже отворачивался в противоположную сторону, если ему казалось, что окна одиноко стоявшего дома могут попасться ему на глаза в лучах заходящего солнца.

Но однажды весной, когда распускались листья, Мортен Персен объявился в приемной.

— Снова что-то случилось? — спросил врач довольно сухо.

— Все хуже некуда, так скверно еще никогда не бывало, — сказал мужчина, дал волю своим чувствам, коротко взыв, потом секунду помолчал и продолжил: — Грета... умерла.

— Хм. Но на то ведь, видимо, была воля Божия, так? Вы ведь поэтому не приехали за мной. Когда у людей не в порядке с головой... Да, да, Мортен Персен, вы... Вам пришлось пережить тяжелые испытания... Поплачьте, если вам это нужно. Она долго болела?

— Нет... да... Но она сделала это своими руками. Она...

Он не мог выговорить больше ни слова и обхватил горло пальцами, чтобы показать, что он имел в виду.

Доктор задал несколько коротких деловых вопросов относительно того, были ли совершены процедуры, связанные с самоубийством, которые закон предписывал совер-

шить в первую очередь. Да, ему остается лишь сделать то же, что и во время последнего визита в Обю-Марк. Крестьянин рыдал, пока не обессилел. Ему немного полегчало, и он думал, что ему полегчает еще больше, если он сможет избавиться от слов, так же, как избавился от слез.

— Да, видите, вот оно как, не знаю, хотят ли господин доктор, чтобы я рассказал, как оно все случилось, поскольку я приехал с Нильсом Хансеном, а он сейчас в лавке, закупается разными товарами, поэтому оно терпит ехать обратно, нет, так что не знаю...

У Мортена Персена был такой доверчиво-умоляющий вид, что у доктора сжалось сердце. Отец «мальша Нильса» стоял перед ним — забавная и в то же время трогательная карикатура на сына, — и его хриплый голос вызывал в памяти последнюю мольбу мальчика: «Пусть доктор делает со мной, что хочет».

— Просто расскажите мне обо всем, Мортен Персен, — сказал врач.

— Да, видите вот оно как, она ведь всегда очень хорошо знала Библию, читала книжки с проповедями и псалмы и в этих делах могла заткнуть за пояс школьного учителя, да и перед пастором не так чтоб очень терялась, хотя он, думается, все же утер бы ей нос. И она ведь верила, что у нее с Господом личный договор касательно Нильса, потому что она никогда не жаловалась на то, что Он забрал у нас Кирстину и Оле, она только поблагодарила Его и попросила отпустить ей ее грехи и мои заодно вроде. Поэтому она была такой заносчивой и не хотела, чтобы господин доктор резал Нильса. Но все тогда случилось так, как случилось, и мне думается, что-то сломалось внутри нее. Ведь насколько она была набожной, настолько же она была прежде ужасно упрямой и всегда стояла на своем, и я никогда не мог сказать, что думаю, потому что она всегда приводила доводы против из разных книжек. Но после смерти Нильса она позволяла мне делать и говорить, что мне вздумается, и ей было совершенно все равно, пьян я или трезв. Она только и делала, что читала и думала, думала и читала, но ей становилось от этого только хуже, у нее было тяжело на сердце, эта тяжесть ни на минуту не отпускала ее, она не спала ни днем, ни ночью, всегда была дородной женщиной, а тут так счахла, что ни капельки жира не осталось в теле. А когда я по вечерам возвращался с работы, она всегда сидела на новом табурете-стремянке, не знаю, помнят ли его господин доктор — она поставила его под одной из растущих вдоль дороги ив и так сидела, уставившись перед собой в пространство, а когда я заговаривал с ней, миролюбиво упрасивая ее вернуться в дом, потому что дул холодный ветер, она смотрела на меня и делала такое лицо, словно только что упала с луны. На все, что я говорил ей, она отвечала как-то чудно и странно.

Крестьянин высморкался, вежливо пройдя для этого к плевательнице.

— Да вот, я же спросил ее, не сходить ли мне за пастором, но она отвечала только, чтобы я не лез не в свое дело. И все же я как-то привел пастора, потому что пастор, он порядочный человек, у которого всегда находится доброе слово и небольшая денежка для бедных неученых людей. Так что он пришел однажды в апреле, когда Грета сидела под своей ивой с бугристой корой и размышляла. Он спросил, над чем она так усердно думает. Она сказала: «Я борюсь с Господом». Да, что она хотела этим сказать? Она сказала, что так искренне верила в Него, предала все в Его руки и выказала такое презрение к человеческой помощи, когда умирал Нильс. Да, она поступила неверно, так сказал пастор; она просто искушала Господа, сказал он, потому что не желала, чтобы Он помог ей через людей ученых и усердных.

На что Грета ответила, что Господь не может нуждаться в том, чтобы какой-то доктор, не верующий в Него, помог исполниться Его воле такими крохотными щипцами; нет, если Господь тот, кто Он есть, то Он поддержал бы ее против доктора, сотворил чудо и не дал бы Нильсу умереть. Он обещал ей это во сне две ночи спустя после

смерти остальных детей. Да, сны, ответил пастор, сны иллюзорны. Тогда Грета заговорила обо всех тех снах, что она читала в Библии, но пастор ответил, что это были только очень святые люди, к которым Господь Наш обращался вот так вот. Но знаете ли, Грета была очень смелой и гордой и ответила, что она, может быть, ничем не хуже пекаря или языческого короля. Тогда пастор сказал одну вещь, которую мне трудно было передать, но сказано было примерно так, что в наши времена, когда Господь научил людей таким многим наукам и... дал им инструменты, люди должны пользоваться ими и благодарить Его. Но Грета спросила пастора, не получается ли тогда, что между Господом и людьми уже не один посредник, а больше. Тут я перестал улавливать, о чем они говорят... Он говорил, да, о разных приспособлениях... которыми пользовался Господь и что тот посредник, которого она имела в виду, это вовсе другое, и тогда они принялись обсуждать веру, а под конец Грета побледнела и громко закричала, поскольку пастор самыми разными доводами показал ей, что в ней-то как раз не было веры, и она сказала пастору, что он такой же язычник, как... ну, в общем, вот так оно было.

— Как я? — спросил доктор.

— Да, господин доктор сами это сейчас сказали, — пробормотал крестьянин. — Пусть господин доктор не говорят об этом пастору, что я все передал господину доктору, потому что пастор такой приятный человек, и все же он ответил Грете, что она фане... фна...

— Фанатичка.

— Наверное, так он и сказал. Но вот оно как, я хотел сделать как лучше, приведя пастора, но с тех пор много раз сожалел об этом. С этого дня Грета так много думала обо всем, что совсем выжила из рассудка. А как прикажете крестьянской бабе выдерживать такие мысли, господин доктор? Однажды утром она поднялась раньше меня, и я услышал, как она гремит чем-то на кухне. Я прокрался туда босиком и тихонько приоткрыл дверь. Она держала в руке эти клещи, сперва приставила их к своему горлу и ждала, вскрикнув от боли, потом сдавила ими шею курице, которую я зарезал накануне и собирался отнести супруге пастора за то, что он уразумлял Грету. Потом она отшвырнула клещи и села на чурбан для разделки мяса, глубоко о чем-то задумавшись.

Ей становилось все тягче и тягче на сердце, она вздыхала так, словно разом хотела выпустить из себя весь воздух, бродила кругом, грозя небу, потом падала на колени и бормотала псалмы, а плакать уже не могла, могла только всхлипывать. Ни разу за все это время она не произнесла имени Нильса или кого-то из детей, и если бы я не следил, как мог, за их могилками на кладбище в Бальслоу, они заросли бы сорняками, потому что она ни разу не сходила туда.

Под конец мне удавалось поднять ее с постели только далеко за полдень, и она, которая была прежде такой красивой женой, следила за чистотой своего тела и чистотой в доме, теперь сделалась чумазой, как мавр.

Да, так вот позавчера... Я вернулся с работы от Нильса Хансена... Она сделала это на том самом дереве, под которым сидела так часто. Отчего так вот все выходит, а, господин доктор? Ну да, иногда задумываешься над разным... Она забралась на этот свой табурет... Может, господин доктор его помнят... А вот и Нильс Хансен подъехал. Так господин доктор смогут поехать с нами?

**Перевод с датского
Егора ФЕТИСОВА**

Егор Фетисов родился в 1977 году в Ленинграде. Писатель, переводчик, редактор литературного журнала «Новый берег». Автор четырех романов, сборника рассказов, а также детских книг. Перевел на русский язык многих современных датских писателей. Живет в Дании.

Станислав МИНАКОВ

КСЕНИЧКИНЫ «ДУНОВЕНИЯ»

С блаженной Ксенией Петербургской у меня особые узы. Кто-то весьма точно называет такого рода связь космической интимностью. Ксеничкины «дуновения» в моей жизни начались в декабре 2010 года, когда я приехал в Питер получать железобетонно обещанную литературную премию и не получил ее: за час до церемонии все было перерешено. Но есть кое-что поважней премиальных денег и триумфального звона.

Гостиница располагалась в получасе ходьбы от Смоленского кладбища, и ноги «сами» привели меня к его воротам. Здесь все показалось родным и домашним: вот — привратная надпись на мраморе об упокоении Арины Родионовны, вот — Смоленский Богородичный храм, по сходням которого блаженная тайно подносила по ночам кирпичи, чтоб быстрее строился, вот — место первого захоронения Блока, вот — Ксенина часовня, к которой я пришел и в день отъезда...

От часовни я тогда долго шел по обильному снегопаду, продолжая свою внутреннюю беседу со святой Ксенией Петровой. До поезда оставалось несколько часов, и, как поется в песне, «а на Старом мосту вдруг заныло в груди», и... почти отвалилась подошва на левом ботинке. Я примотал ее шнурком, да-да, там же, на Дворцовом мосту, «на вечном ветру», но она продолжала зачерпывать мокрый снег и отваливаться. Спас меня Спас-на-Крови, храм-музей, в котором обязательны голубенькие полиэтиленовые бахилы — я натянул их на мокрые носки, обулся и поверх ботинок насадил еще одну пару. Броня была крепка. Я еще не знал, что в моем далеком Харькове моя проблема уже разрешилась самым радикальным образом.

С тех пор привелось не однажды бывать в Петербурге, и всякий раз причина поездки становилась своего рода способом доставки меня в «город на Неве», а прямо говоря, к часовне на Смоленском кладбище, в которой покоится блаженная подвижница. И всякий раз в ответ на мои молитвенные вопрошания и воздыхания Ксения подавала какой-то знак.

Не могу не считать провиденциальными знакомство и дружбу с петербургским иконописцем и художником Александром Простевым, создавшим в живописи жанр «серия свято-житийных картин» (о Ксении Петербургской, Сергии Радонежском,

---

Станислав Александрович Минаков — поэт, прозаик, переводчик, эссеист, публицист. Автор книг стихов и прозы, энциклопедий и альбомов. Родился в 1959 году в Харькове (УССР). Жил в Белгороде, куда по причинам преследований за инакомыслие вернулся в 2014 году. В 1983-м окончил радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники. Член Союза писателей России, Русского ПЕН-центра. Из Национального союза писателей Украины исключен в 2014-м после двадцатилетнего членства в организации. Лауреат Международной премии Арсения и Андрея Тарковских (2008), премии имени Фазила Искандера (2024), Всероссийской поэтической премии имени Анны Ахматовой (2024) и других литературных и журналистских премий России и Украины.

Петре и Февронии Муромских) и несколько лет назад расписавшим первый в Петербурге храм в честь блаженной Ксении. Это именно «крылатый Простев» привел меня на место, ныне называемое Матвеевский парк, где когда-то стояла церковь в честь святого апостола Матфия, моего небесного соименника, единственная в империи, и именно с этой деревянной церковью и ее каменной «дочерью» связывают личные духовные события Ксении Григорьевны: крещение, венчание и отпевание.

В последней декаде мая 2025 года мы с женой, прибыв в Питер на полтора дня по поводу очередной премиальной церемонии, конечно же, чаяли навестить Смоленское. К удивлению и радости, 23 мая погода встала непитерская — теплая и ясная, и традиционной огромной очереди страждущих поклониться гробу святой не было!

В заполненной часовне негромко звучал акафист блаженной, людская череда, явственно влекомая духовной гравитацией, медленно плыла к источнику притяжения — мраморной гробнице Ксении. Молящиеся несли цветы, тихо подавали требы о своих усопших, павших, болящих, здравствующих. Припадали ко гробу — кто с печалью, а кто и с благодарностью.

Выйдя из часовни и увидев изрядную людскую очередь, мы поняли: часом раньше Ксеничка именно для нас, грешных, приоткрыла небесную калитку ипустила к себе.

Не успели сделать и десятка шагов по кладбищенской тропинке, как вдруг — словно изнутри, меж нами — зазвучал низкий женский голос. Медленно, размеренно и спокойно его неведомая обладательница читала стихи, в которых мы ошарашенно узнали строки Марии Боруховой, написанные семь с половиной месяцев назад на кончину — 6 октября — нашего сына Саши. Звук исходил из моего кармана, в котором лежал смартфон. Я извлек удивительное устройство. Мобильник не был включен, а голос продолжал звучать и явил нам, потрясенным, также второе приношение Маши Боруховой памяти Саши, а затем — стихотворение Елены Мониц. Эти три поэтических сочинения, написанные дочерьми поэта Светланы Кековой, были собраны мной в текстовый файл в конце октября 2024 года, фактически сразу после ухода Саши. Тогда же я сделал приписку: «Сестры Мария и Елена укрыли Сашу венками».

Впечатление — ошеломляющее.

Наверное, можно найти простое объяснение: этот никогда не звучавший файл попал (неведомо как, случайно) «на язык» функции озвучки. Но потрясает другое: голос почему-то зазвучал именно в этот момент, в этом месте, и читал он эти стихи.

* * *

*Памяти Натальи Михайловны Алисовой
и Александра Станиславовича Минакова,
безвременно ушедших в октябре 2024 года*

Не могу насмотреться в окно
На желтеющих листьев каскад,
Вспоминая о том, что в вино
Превратится к зиме виноград.

И покроется снегом трава.
И закончится птичий полет.
И попавшие в сердце слова
Будут биться, как рыба об лед.

И настанет назначенный час.
И сравняются чаши весов.
И учитель, покинувший класс,
Не услышит чужих голосов.

И прольется пронзительный свет
На просторы земной тишины,
Где вопросов о будущем нет
И ответы уже не нужны.

*Мария Борухова,
Саратов, 20.10.24*

Автор поясняет: «Я начала писать это стихотворение именно памяти Александра Минакова. А закончила — когда после продолжительной болезни ушла мама моей близкой подруги. И оно соединило в себе память о двух людях, совершенно разных и далеких друг от друга, но отошедших ко Господу в этом октябре».

* * *

Станиславу Минакову

Слишком быстро яблоня пожелтела,
Слишком поздно жимолость отцвела.
Замерла душа, прикрываясь телом,
Отложив до завтра свои дела.

Пройден путь от встречи до расставанья,
И разбит кувшин с дождевой водой.
Растеряв в дороге очарованье,
Мимо день промчался, как конь гнедой.

Затерялось время в пустом конверте.
Неизвестны адрес и адресат.
Если наша жизнь есть прообраз смерти,
Значит, время можно вернуть назад.

*Мария Борухова,
27.10.24*

Памяти Саши Минакова

С любовью и скорбью — его отцу Станиславу

Сонаследник Духа, заложник персти,
Ты живешь на свете, не чужа смерти,
Суэта привычна, да быт размерен,
Только вдруг в окно залетает птица,

И тревожно сердце в груди томится,
Хотя в целом вроде не суеверен.

Птице должно жить в беспредельном небе,
Звезд крылом касаться, купаться в неге,
Петь семи ветрам в голубом просторе.
Птицу тянет ввысь, птица вне системы,
Не по чину ей потолок и стены,
Не к лицу ей скорбь, теснота и горе.

А отцу не должно заочным чином
В невеликой церкви прощаться с сыном
И в руке сжимать чернозема мякоть,
Первозданной персти живую глину,
Не имея голоса крикнуть в спину,
Не имея слез, чтобы просто плакать.

Будет день и час, станет полной мера,
И огнем твоя искусится вера,
А пока живи ей, люби, дыши с ней.
МОЖЕТ, ЗАВТРА, МОЖЕТ, УЖЕ СЕГОДНЯ...
Камо мы бежим от лица Господня?
Ты имеешь, Боже, глаголы Жизни.

*Елена Монич,
Апшеронск, 28.10.24*

Мы не умеем трактовать знаки. Но важно, что они есть.
Ксеничка, моли Бога о нас, грешных!

Николай МАРКЕЛОВ

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: «СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЧИТАЯ...»

Русская классическая литература о Кавказе — это почти всегда война. Лучшие ее представители оказались свидетелями или даже участниками бесконечной кавказской драмы. Обстоятельства их жизни зачастую переплетались с суровой военной реальностью тех давних лет. Сегодня, неторопливо перелистывая пожелтевшие страницы старых книг, можно обнаружить много неожиданных подробностей, проливающих свет на творческую историю хорошо известных нам произведений.

«Где рыскает в горах воинственный разбой...»

Первая, нечаянная поездка Пушкина на юг подарила читающей России «Кавказского пленника».

Справедливости ради отметим, что литературную моду на кавказских пленников открыл для русской публики французский писатель. Звали его Ксавье де Местр. Уроженец Савойи, с присоединением последней к Франции Наполеоном, он эмигрировал в Пьемонт, откуда в 1800 году попал в Россию вместе с армией А. В. Суворова, возвращавшейся из Итальянского похода. Стал офицером русской службы, участвовал в кампании 1812 года. Несколько лет воевал и на Кавказе, где его внимание привлекла история офицера, побывавшего в плену у горцев. В ноябре 1808 года майор Каскамбо и несколько других офицеров, сопровождаемые небольшим казачьим конвоем, отправились из Моздока в Ларское укрепление на Военно-Грузинской дороге. Путешествие длилось недолго: в двадцати верстах от Моздока команда была атакована крупной партией чеченцев, достигавшей четырехсот человек. Многие были убиты на месте, другие ранены и захвачены в плен. Каскамбо и его денщик, уведенные в горы, провели в неволе

Николай Васильевич Маркелов родился в г. Минеральные Воды в 1947 году. Окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (1972). Место работы: старший научный сотрудник ГБУК Ставропольского края «Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова» (Пятигорск). Член Союза писателей России. Автор четырех книг и более 600 публикаций о русских писателях на Кавказе и событиях Кавказской войны XIX века (журналы «Дон», «Московский журнал», «Нева», «Новый мир», «Родина», «Рубеж», «Русская словесность» и др.). Удостоен гранта Президента Российской Федерации для поддержки проектов общенационального значения в области культуры для издания книги «Лермонтов и Северный Кавказ» (2007). Лауреат Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» (2012), премии Министерства обороны Российской Федерации в области культуры и искусства (2019), премии журнала «Нева» (2019).

больше года. Военные сводки сохранили некоторые подробности этой драматической истории. Вот что сообщалось в рапорте командовавшего тогда на Кавказе генерала А. П. Тормасова в Петербург:

«По переправе Майора Каскамбы на нашу сторону объявил он Полковнику Тарасову, что он избавлением своим обязан Сотнику Чернову, который чрез мирных Чеченцев нашел способ открыть с ним сношение, и истощив все средства, чтобы избавить его чрез своих приятелей, послал ему туда по требованию его железную пилочку, чтобы он ею перепилил железа и приготовил себя к побегу в назначенное от него место, что употребивши в пользу, Майор Каскамбо принужден был наконец решиться с помощью деньщика убить во время ночи хозяина, где он содержался, и жену его собственным того хозяина кинжалом, дабы обеспечить побег свой...»¹

Повесть де Местра «Пленники Кавказа» была опубликована в Париже в 1815 году на французском языке. События здесь представлены еще более жестко, чем это было в действительности: чтобы проложить путь к свободе, верный денщик Иван хладнокровно убивает старика, его невестку и спящего внука Мамета, любимца майора. За пленного офицера был назначен невысказанный выкуп — десять тысяч рублей. Беглецы, вырвавшись из недр ущелий и находясь уже у заветной цели — берега Терека, вынуждены были все же прибегнуть к помощи здешнего жителя, мирного чеченца, согласившегося за двести рублей укрыть у себя обессиленного в пути Каскамбо.

«Точность исторических реалий, — замечает современный исследователь, — соседствует в повести Ксавье де Местра с прекрасным знанием топографии и этнографии края, о котором он пишет. Любопытно, что в отличие от многих последующих писателей, в том числе и Пушкина, которые обозначали горские племена более или менее произвольными названиями, Ксавье де Местр пишет именно о чеченцах, стремясь воссоздать своеобразие их национального быта и психологии... Вся тонкость мысли, выраженной Ксавье де Местром в своей небольшой повести, состоит в том, что в изображенной им трагедии вину несут все, и похитители, и жертвы, ибо зло порождает зло»².

В 1815 году де Местр написал еще одну повесть о России. Она была переведена на русский язык и под названием «Параша Сибирячка» получила широкую известность. Кроме того, де Местр публиковал научные работы по физике и химии и прекрасно рисовал. Одно время он даже давал уроки живописи в знатных русских домах и учил рисованию Ольгу Пушкину — старшую сестру будущего поэта. Сохранился выполненный им миниатюрный портрет матери Пушкина — Надежды Осиповны. Был ли знаком сам поэт с французским графом и его повестью на жестокий кавказский сюжет? Однозначного ответа на этот вопрос сегодня нет.

Называют еще книгу Фредерики Фрейганг, жены русского дипломата, сопровождавшей мужа в поездке на Кавказ в 1811 году. Ее книга под названием «Письма о Кавказе и Грузии» была издана без имени автора в 1815 году в Гамбурге на французском языке. Книга содержит краткое описание истории Каскамбо и сведения о подобном же случае с полковником И. П. Дельпоццо, пробывшим в плену у горцев больше года. Однако о том, читал ли Пушкин эти «Письма», можно лишь строить догадки.

Так или иначе, отголоски истории Каскамбо или какой-то другой истории, услышанной Пушкиным на юге, и дали, вероятно, первоначальный толчок к замыслу поэмы «Кавказский пленник». В давнем романе Д. Л. Мордовцева «Железом и кровью», посвященном ермоловским временам на Кавказе, приводится эпизод, когда Пушкин

¹ Рапорт генерала от кавалерии Тормасова военному министру М. Б. Барклаю де Толли, 15 января 1810 г. // Известия. — 2000. — 2 марта. — С. 9.

² Забавурова Н. В. Кавказский сюжет графа Ксавье де Местра // Научная мысль Кавказа. — 1998. — № 3. — С. 55–56.

вместе с Николаем Раевским слушает в духане на Кислых Водах поразивший его рассказ бывалого казака. Ветеран, на деревяшке и с солдатским «Георгием» на груди, поведал поэту, как его горцы арканом перетащили за Кубань. Свободу ему вернула черкешенка Зольма, сама распилившая узнику кандалы. Как считал Мордовцев, «рассказ этот и послужил темой для знаменитой поэмы Пушкина». В подтверждение автор добавил от себя особое примечание: «В детстве, в 40-х годах, я знал одного донского войскового старшину, который рассказал мне об этом пребывании Пушкина в Кисловодске»³.

Кое-какие интересные сведения о том, откуда Пушкин мог почерпнуть сюжет поэмы, приводит и издатель «Русского архива» П. И. Бартенев: «Внешним содержанием Кавказскому Пленнику послужил рассказ одного из его московских знакомых и дальнего родственника Немцова, человека страстно любившего выдумывать про себя необыкновенные анекдоты и умевшего передавать их с правдоподобием и увлекательностью. Он однажды рассказывал при Пушкине, будто живя на Кавказе, попался в плен к горцам и был освобожден Черкешенкой, которая в него влюбилась. О таком происхождении Кавказского Пленника сам Пушкин передавал Жуковскому. Немцов был пасынок известного московского стихотворца и остряка Алексея Михайловича Пушкина. Его жена, мать Немцова, Елена Григорьевна (рожд. Воейкова) была очень дружна с Жуковским, который и передавал ей это уже по смерти Александра Сергеевича... Слышано от ее внучки, Марьи Ивановны Постниковой, рожденной Пушкиной... Может быть, также, образ петербургской актрисы Истоминой, родом Черкешенки, за которой Пушкин ухаживал в Петербурге и которую потом так блистательно вывел в Онегине, носился в его воображении, когда он писал Кавказского Пленника»⁴.

Не все, однако, склонны верить в справедливость такой истории. «Достоверность этого рассказа ничем не подтверждается», — замечает исследователь. «Понятно, что эти, в прямом смысле слова, „бабушкины сказки“ никакого значения не имеют», — заключает другой⁵. К тому же Истомина вовсе не была черкешенкой.

Среди знатных иностранцев, способных каким-то образом повлиять на замысел пушкинского «Пленника», обычно называют Байрона или Шатобриана, но и тут все довольно сомнительно, ибо, как справедливо признал один высокий ум, «все попытки свести поэму к тому или иному источнику оказались наивными»⁶.

Реальным основанием для «Кавказского пленника» мог стать рассказ о злключениях майора Павла Швецова, взятого в плен горцами 6 февраля 1816 года. Случай этот получил особую известность благодаря тем решительным мерам, которые принял А. П. Ермолов для освобождения своего офицера, считавшегося одним из лучших в Кавказском корпусе. Военный историк В. А. Потто во втором томе «Кавказской войны» посвятил этой печальной истории особую главу.

Швецов служил в Грузинском гренадерском полку и еще под знаменами П. С. Котляревского участвовал в тяжелых сражениях с персами под Асландузом и Ленкоранью. Получив отпуск, он отправился из Шемахи в Кизляр, чтобы повидаться с родными. Надеясь выгадать время, Швецов избрал не кружной путь по Военно-Грузинской дороге, а поехал через Дербент и некоторое время спустя достиг укрепления Казийурт в Северном Дагестане, откуда до желанной цели оставалось уже не более одного дня пути. Тут благоразумнее было бы дожидаться оказии, но Швецов поступил иначе.

³ Мордовцев Д. Л. Собрание сочинений. — СПб., 1902. — Т. 48. — С. 119.

⁴ Бартенев П. И. Пушкин в южной России. — М., 1914. — С. 69—70.

⁵ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. — Л.: Наука, 1978. — С. 53; Некрасов А. И. О литературных источниках «Кавказского пленника» Пушкина // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. — Л., 1934. — С. 158.

⁶ Томашевский Б. Пушкин. Книга первая. — М.; Л.: Изд. АН СССР, 1956. — С. 395.

Поскольку по заведенному тогда порядку за безопасность проезда отвечали местные владельцы, он обратился с просьбой о конвое к кумыкскому князю Шефи-беку. Из путчиков и княжеских узденей составилась отряд в двадцать человек, отважившийся пуститься в последний и, как оказалось, роковой переход. Когда до Кизляра оставалось несколько верст, из придорожных кустов грянул ружейный залп, и следом вылетела партия конных чеченцев. Итог короткой и отчаянной схватки оказался печальным: большинство путников было убито и ранено, лишь трое смогли прорваться к Кизляру. Сам Швецов потерял лошадь и, оставаясь на поле боя, изрубил шашкою троих врагов, но был повержен неожиданным ударом сзади по голове.

В городе подняли тревогу. Брат Швецова, служивший в Кизляре полицмейстером, кинулся с людьми в погоню и, взяв верный след, к ночи настиг нападавших. Вот как рисует этот эпизод военный историк: «Хищники, в свою очередь увидев, что им не уйти без боя, остановились. С их стороны выехал парламентар, и между тем они вывели вперед пленного Швецова, по бокам которого стали двое чеченцев с обнаженными кинжалами. Парламентар объявил, что если чеченцев не пропустят, они будут драться до последнего человека, но что первой жертвой неминуемо делается пленный...»⁷

Швецов покорила своей участи и просил брата прекратить преследование. Не встречая больше помех на своем пути, чеченцы ушли в горы и увели пленников, Швецова и его денщика, в аул Большие Атаги. Там их заковали в кандалы и посадили на цепь, а вскоре назначили и цену выкупа — десять арб серебряной монетой. Попытки разыскать пленника в горах успеха не имели, а только ухудшили его положение: Швецова, скованного по рукам и ногам, посадили в глубокую яму, укрытую сверху толстыми досками.

Письмо о цене выкупа денщик майора доставил на Кавказскую линию, которой командовал тогда генерал Дельпоццо. Сумму удалось сбить до двухсот пятидесяти тысяч рублей, но и эти огромные деньги взять было негде. Знаменитый генерал Котляревский и адмирал Головин, лично знавшие Швецова, открыли подписку для сбора средств на его выкуп. Среди прочих на их призыв откликнулись солдаты нашего корпуса, оставленного во Франции после разгрома Наполеона. Они отчисляли в пользу Швецова часть своего жалованья, но набрать необходимую сумму все же не удавалось.

Дело могло затянуться, если бы не вмешался назначенный командующим на Кавказ генерал Ермолов. В письме к матери пленника он честью поклялся, что участь ее несчастного сына не останется без внимания. Как повествует Потто, Ермолов «приказал генералу Дельпоццо вызвать всех кумыкских князей и владельцев, через земли которых провезен был Швецов, заключить их в Кизлярскую крепость и объявить, что если через десять дней они не изыщут средства к освобождению Швецова, то все, в числе восемнадцати человек, будут повешены на крепостном бастионе».

Средства нашлись. Размер выкупа удалось снизить до десяти тысяч, и Ермолов, не желая платить их от имени правительства, сделал так, чтобы внес их аварский хан. По некоторым сведениям, окончательная цена свободы составила 8155 рублей. Пленника отпустили, когда его душевные и физические силы были на исходе. Оковы на всю жизнь оставили следы на его теле. Он продолжал служить на Кавказе и получил в командование Куринский полк. Умер от лихорадки в 1822 году и был похоронен в Дербенте.

Хотя в «Кавказском пленнике» Пушкин и упоминает гремящие цепи и ноги узника, закованные в «железы», передать средствами романтической поэмы весь ужас долгого плена было невозможно, к тому же автор имел в виду совсем другие художественные цели. В посвящении к поэме он не преминул еще раз вспомнить о своем недавнем

⁷ Здесь и далее: Потто В. А. Кавказская война. — Ставрополь: Кавказский край, 1994. — Т. 2. — С. 54, 56.

пробывании в краю, «где рыскает в горах воинственный разбой». О близкой угрозе нападения Пушкин мог судить и по личным впечатлениям, полученным во время кавказских странствий. В письме к брату он сообщал: «Ехал в виду неприязненных полей свободных, горских народов. Вокруг нас ехали 60 казаков, за ними тащилась заряженная пушка с зажженным фитилем. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на них положиться; в надежде большого выкупа они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан какого-нибудь чеченца».

Приведем еще выдержку из записок хорошо известного на Кавказе военного топографа Ф. Ф. Торнау: «Вечерняя встреча в поле с конными людьми в мохнатых шапках, когда, к тому же, лица были укутаны башлыками, и у передового ружье вынуто из чехла, редко предвещала добро. Сердце сжималось болезненно, когда в степи неожиданно появлялась шайка подобных ездоков; рука судорожно ложилась на курок ружья или пистолета, и тоску отводило только в счастливом случае, если удавалось разглядеть у них более сапогов, чем чевяк: значит казаки, а не чеченцы и не закубанцы»⁸.

Торнау очень хорошо знал, о чем писал: в свое время он осмелился, как говорили о нем горцы, «сунуть свою голову в пасть волку», то есть в одиночку проникнуть в горы. Эта дерзость обошлась военному разведчику слишком дорого: он провел в мучительном плену два года и два месяца. Хозяин пленника Аслан-бек Тамбиев надеялся получить за него пять четвериков (двадцать пудов) серебряной монеты. История дошла до государя Николая Павловича, распорядившегося выкупить несчастного офицера, если разбойники умерят требования. Но горцы не пошли на уступки и оценили своего пленника буквально на вес золота. Достоверный и подробный в деталях рассказ Торнау о днях, проведенных в неволе, постоянно заставляет вспоминать пушкинского «Пленника»: здесь и тяжкие оковы, и распиленная цепь, и помощь влюбленной в узника девушки Аслан-Коз, снабдившей его лепешками и ножом, и попытка преодоления при побеге полноводной горной реки Сагуаши. Правда, все описанные действительные события относятся к 30-м годам XIX века, когда поэма была уже хорошо известна русским читателям. Ну что ж, это тот замечательный случай, когда не литература делает свои пронизательные наблюдения над жизнью, а жизнь удивительным образом подтверждает реальность поэтического сюжета.

Смерть за любовь к человечеству

Для полноты сведений приведем еще один пример того, как дела с пленниками обстояли не в литературе, а в реальной действительности.

В 1774 году был захвачен горцами и окончил свои дни в плену профессор Самуил Готтлиб Гмелин. Приехав из Германии по приглашению Российской академии наук, Гмелин возглавил экспедицию по изучению областей, окружающих Каспийское море. В Астрахани он получил в свое распоряжение небольшое вооруженное судно, на котором совершил путешествия к восточным и западным берегам Каспия. Побывал профессор и в персидской области Гилян, потратив на все свои исследования около четырех лет.

В ноябре 1773 года, возвращаясь из вторичной поездки в Гилян, Гмелин решил проделывать маршрут в Астрахань не по морю, а сухим путем, через Баку и Дербент. Обстоятельства этого путешествия, оказавшегося для профессора роковым, известны благодаря подробным записям, сохранившимся в его дневнике. По требованию Гмелина из Кизляра в Дербент заблаговременно был прислан казачий конвой из 20 че-

⁸ Торнау Ф. Воспоминания о Грузии // Русский вестник. — 1869. — № 1. — С. 9.

ловек во главе с офицером, а с ними и двое татарских мурз в качестве переводчиков. Эта нелишняя предосторожность в данном случае оказалась напрасной: не спасли и казаки! В первых числах февраля 1774 года небольшой отряд покинул Дербент и вскоре достиг границ Кайтаха — области, находившейся во владении уцмий (правителя) Эмира Гамзы. Уцмий пребывал в это время в своей зимней резиденции — селении Берекей.

Вежливо приняв поначалу чужеземного гостя, Эмир Гамза не устоял перед соблазном и решил не упускать выпавшую на его долю удачу. Недолго поколебавшись, он задержал у себя и профессора и весь его довольно ценный багаж, а заодно и нескольких его спутников, участников экспедиции. Вскоре была объявлена и цена выкупа — 30 тысяч рублей. Выплатить такие большие деньги астраханские власти могли только с разрешения Петербурга. Началась долгая переписка, а между тем кизлярский комendant Штендер пытался каким-то образом вызволить несчастного узника.

Вот что сообщает об этих событиях известный в прошлом кавказовед Е. Г. Вейденбаум: «Из официальной переписки видно, что Штендер употребил все доступные ему средства к освобождению пленника. Он грозил уцмью жестоким наказанием, старался подействовать на него чрез родственников Эмира Гамзы и различных влиятельных в Дагестане лиц, наконец, пытался освободить Гмелина хитростью. Но все эти способы не только не имели успеха, но, напротив, ухудшили положение пленника. Чем более стараний прилагал Штендер, тем более уцмий убеждался в том, что в руках его находится ценная добыча, и тем не менее обнаруживал склонности к уступкам. Желая добиться скорейшего исполнения своих требований, он, по принятому в горах обычаю, делал Гмелину разные притеснения, чтобы заставить его усерднее и настойчивее просить себе помощи»⁹.

Вероятно, в Берекее Гмелин пользовался еще относительной свободой: он подготовил отчет о последней поездке в Гилян, составил географическое и этнографическое описание Кайтаха и даже принимал местных жителей, нуждавшихся в медицинской помощи. Но вскоре ситуация заметно ухудшилась. Разлученный с женой, ждавшей его в Астрахани, и лишенный привычных ученых занятий тридцатилетний профессор начал терять присутствие духа. Последняя запись в его дневнике относится к 7 апреля. После этого у пленника отобрали перо и бумагу, а самого его под охраной увезли дальше в горы. Пробыв в неволе более пяти месяцев и, по-видимому, не питая уже надежды на освобождение, Гмелин надломился душой.

«Опасаясь похищения пленника, — продолжает Вейденбаум, — уцмий перевел его на жительство далее в горы, сначала в селение Мадфалис, а потом в Ахмет-Кент. Гмелин предался полному отчаянию. Он впал в апатию, едва принимал пищу... По выражению состоявшего при нем студента академии Ивана Михайлова, „господин профессор был телом еще жив, а духом давно уже мертв был“. Вскоре Гмелин слег в постель и после тяжких страданий скончался в сел. Ахмет-Кент вечером 27 июля 1774 года. Едва весть об этом разнеслась по селению, как нукеры Эмира Гамзы разграбили последнее имущество, оставшееся после покойного. Мертвый Гмелин не имел никакой цены для уцмий...»

Нет худа без добра: смерть Гмелина принесла свободу его спутникам. Держать дальше в неволе студента и рисовальщика (грош им обоим цена) смысла не было, и их отпустили восвояси. Погрузив тело профессора на арбу, вчерашние пленники повезли его в Кизляр, но и мертвому Гмелину достичь этой заветной цели не удалось. Из-за сильной жары его пришлось похоронить близ селения Каякент, у подножия небольшого холма. Место это со временем затерялось, и только в 1861 году возвращавшийся из Персии академик-востоковед Б. А. Дорн разыскал его и отметил деревянным крестом.

⁹ Здесь и далее: Вейденбаум Е. Г. Академик Самуил Готтлиб Гмелин. Его плен и смерть в Дагестане // Баку. — 1902. — 29 декабря.

Остается сказать, что в Петербурге в 1838 году вышла в свет повесть Павла Каменского «Самуил Готлиб Гмелин», поведавшая миру о печальной участи нашего немца. Автор, правда, позволил себе изрядно пофантазировать на его счет и придал всей истории мелодраматический эффект. В этих целях он прибег к испытанному сюжетному ходу: заставил дочь уцмий влюбиться в пленного профессора. Испытав на себе гнев ее отца, Гмелин погибает в неволе, а горская красавица в отчаянии бросается в бурные воды реки Дарваха.

Пару страниц в своей пятитомной «Кавказской войне» уделил Гмелину историк В. А. Потто. Когда известие о пленении ученого достигло Петербурга, то возмущенная Екатерина приказала генералу Медему, в то время начальствовавшему на Кавказской линии, разорить владения зловредного Гамзы. Глухой генерал (так горцы прозвали Медема, не слышавшего на одно ухо) выступил в поход в марте 1775 года и учинил в горах «страшный погром», надолго оставшийся в преданиях местных племен.

Вероятно, Потто видел и крест, установленный Дорном на могиле несчастного собрата. «Гмелин, конечно, заслуживает лучшего памятника, — писал историк. — Но величественно хорош и этот крест Спасителя здесь, вдали от христианского мира, среди мусульманских надгробий — лучший и верный символ страданий за любовь к человечеству»¹⁰.

Страдальца упомянул в своих «Кавказских очерках» и Александр Бестужев, считавший, что «Гмелин заплатил жизнью за страсть к познаниям».

«И влек за ним аркан летучий младого пленника...»

Известно, что поэма Пушкина вызвала волну подражаний, «посвященных, — как отмечалось в критике, — описанию Кавказа, сторожевых казаков, столкновений казака и черкеса, грузинских и чеченских песен и т.п., которые свидетельствуют о господствовавшем в 1820-х и 1830-х гг. эпидемическом увлечении Кавказом...»¹¹ Напомним, что сюжетной канвой пушкинского оригинала воспользовался и юный Лермонтов, сумевший исправить, так сказать, географическую неадекватность изображенной там ситуации. Реку, в которой тонет черкешенка, Пушкин не удостоил названием, так как Терека к тому времени еще не видел и проявил тут понятную осторожность, упомянув его только в эпилоге, где возвращался к событиям недавней еще военной истории и славил победы нашего оружия на Кавказе. Подкумок же, на берегу которого поэт часто сживал с Александром Раевским, русскому читателю был тогда совершенно неизвестен и совсем не походил на быструю и глубокую реку с пенными волнами, описанную в поэме.

Лермонтов побывал на Тереке еще в детские годы, посетив с бабушкой Шелкозаводское — имение своих родственников Хастатовых. С тех пор название реки не сходит со страниц его кавказских произведений. Его «Кавказский пленник» хотя и представляет собою даже не подражание, а ученическую попытку переписать заново, на свой манер, пушкинский оригинал, но в географическом смысле возвращает ситуацию на ее законное место: Лермонтов, сообразно имевшимся личным впечатлениям, перенес действие на пограничный Терек, разделивший череду казачьих станиц на левом берегу и чеченские аулы — на правом. Пленник, правда, находится (как и в пушкинской поэме) в неволе у черкесов, но так в те времена часто называли всех горцев вообще, в дальнейшем же подобных этнографических абстракций Лермонтов избегал. Название Терека он упоминает в тексте шесть раз, описывая при этом,

¹⁰ Потто В. А. Кавказская война. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — Т. 1. — С. 54.

¹¹ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. — Л.: Наука, 1978. — С. 253.

как черкесы преодолевают его бурное течение — верхом или вплавь «на верном тулуке». Для русского пленника река — непреодолимая преграда, отделяющая его от желанной свободы:

Хотя цепями скован был,
Но часто к Тереку ходил.
И слушал он, как волны воют,
Подошвы скал угрюмых роют,
Текут, средь дебрей и лесов...
Смотрел, как в высоте холмов
Блестят огни сторожевые;
И как вокруг них казаки
Глядят на мутный ток реки,
Склонясь на копья боевые.

В тексте военный статус пленника (равно и у Пушкина) никак не обозначен, но известен детский рисунок Лермонтова, вклеенный в рукопись поэмы, — прекрасная автоиллюстрация, на которой изображен черкес Гирей, скачущий среди гор и влекущий на аркане русского в военной форме:

Вдруг пыль взвилася над горами,
И слышен стук издалека;
Черкесы смотрят: меж кустами
Гирея видно, ездока!

Он понуждал рукой могучей
Коня, подталкивал ногой,
И влек за ним аркан летучий
Младого пленника...

Примечательно, что художники-иллюстраторы — к Пушкину ли, к Лермонтову — тоже не раз рисовали пленника в мундире, а то и с эполетами на плечах. Развязку сюжета Лермонтов переписал по-своему: если у Пушкина пленник, переплыв реку, обретает свободу, а черкешенка топится в отчаянии от разлуки с ним, то у Лермонтова пленник, с цепью, распиленной черкешенкой, и вооруженный кинжалом, при попытке к бегству застрелен ее отцом, сама же она после этого кончает жизнь в волнах Терека. Дальняя перспектива «Героя» отсюда пока не видна, не все персонажи еще в сборе, да и будет там все совершенно иначе: не черкешенка освобождает русского офицера, а он, напротив, подстраивает ее похищение и держит у себя в плену.

Свои соображения к развитию сюжета (правда, несколько запоздалые) высказывал и основоположник темы. В 1822 году в черновом письме к Гнедичу Пушкин набросал возможные пути к дальнейшей романизации недавно законченной поэмы: «Характер главного лица (а действующих лиц — всего-то их двое) приличен более роману, нежели поэме, — да и что за характер? Кого займет изображение молодого человека, потерявшего чувствительность сердца в несчастиях, неизвестных читателю; его бездействие, его равнодушие к дикой жестокости горцев и к юным прелестям кавказской девы могут быть очень естественны, — но что тут трогательного, — легко было бы оживить рассказ происшествиями, которые сами собою истекали бы из предметов. Черкес, пленивший моего русского, мог быть любовником молодой избавительницы моего героя —

вот вам и сцены ревности, и отчаянья прерванных свиданий и проч. Мать, отец и брат могли бы иметь каждый свою роль, свой характер — всем этим я пренебрег, во-первых, от лени, во-вторых, что разумные эти размышления пришли мне на ум тогда, когда обе части моего Пленника были уже кончены — а сызнова начать не имел я духа».

Этот предположительный, конспективный, а в некоторых деталях буквально точный план лермонтовской «Бэлы» говорит лишь о том, что будущий (пока только тринадцатилетний!) автор «Героя», переписывая на свой лад пушкинского «Пленника», то есть следуя ходу мысли своего литературного патрона, легко угадывал грандиозный сюжетный потенциал его замысла. Вспомним, что действие «Бэлы» происходит за Терекком, в роли «ездок» выступает любящий Бэлу Казбич; присутствуют на сцене также отец и брат героини. Что касается происшествий, которые «сами собой истекали бы из предметов», то автора повести едва ли возможно упрекнуть в «бедности изобретения». Сам Пушкин, кстати, признавал, что его «поэму приличнее было бы назвать „Черкешенкой“». Как видим, Лермонтов и здесь попал в самую точку.

Трагедия Кизляра

Речь пойдет о событиях полуторавековой давности. Кизляр называли тогда Парижем левого фланга Кавказской линии, и население его составляла «разноязычная толпа»: грузины, армяне, кумыки, ногайцы, черкесы, татары, персы, русские. На базарах появлялись и чеченцы. В 1830-х годах комендантом Кизляра служил полковник Павел Катенин, знаменитый драматург, друг Пушкина и Грибоедова. Издавна здесь проходил торговый путь, по которому товары шли в Баку и Тифлис, Персию и даже в Индию. В городе было три рынка: русский, армянский и татарский. Вспомним, что лермонтовский Печорин, пытаясь добиться расположения Бэлы, «отправил нарочного в Кизляр за разными покупками». Однажды война нагрянула и сюда.

С начала 30-х годов XIX века в русских военных сводках на Кавказе стало появляться имя имама Кази-Муллы, отряды которого предпринимали дерзкие вылазки из глубины гор, и эти неожиданные удары часто оканчивались успехом. В августе 1831 года силами до пятнадцати тысяч человек Кази-Мулла попытался взять Дербент, и хотя был отбит и после ряда неудач ушел в горы, стало ясно, что теперь русским противостоит грозный и неукротимый соперник. В обороне Дербента принимал участие опальный декабрист Александр Бестужев, переведенный из сибирской ссылки рядовым в кавказские войска. В письме к Н. А. Полевому, описывая военную обстановку на Кавказе, он дает трезвую и глубокую оценку горскому воителю: «Все сунниты собираются под знамена Кази-Муллы, человека очень неглупого и хорошего вождя. Он действует неутомимо, играет назади наших войск и быстро перелетает с места на место, неуловимый нигде. Теперь цель его возмутить все угория, чтобы растянуть наши войска, а потом он станет брать города...»¹²

Той же осенью крупный отряд генерала Панкратьева провел экспедицию в Дагестане. Генерал Вельяминов после кровопролитного штурма взял хорошо укрепленный чеченский аул Чир-Юрт. Но потесненный войсками Кази-Муллы с поразительной легкостью нанес русским внезапный и болезненный ответный удар. С тысячью отборных мюридов он переправился через Терек и захватил Кизляр. Город давно носил статус крепости, имел гарнизон, земляные валы и бастионы с пушками, что, впрочем, нисколько не смутило нападавших. На Востоке недаром говорят: кто думает о последствиях, тот никогда не проявит храбрости...

¹² Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: В 2 т. — М.: Художественная литература, 1958. — Т. 2. — С. 499.

Вот что рассказывает об этих событиях хроника Кавказской войны, составленная в 1909 году подполковником военно-исторического отдела штаба Кавказской армии Семеном Эсадзе: «Между тем Кази-Мулла, пользуясь отвлечением сил с Линии, предпринял смелый набег на Кумыкскую плоскость. Явившись в Гудермес, имам призывал жителей к всеобщему восстанию. Переезжая из аула в аул и проповедуя газават, он имел громадный успех. Кази-Мулла направился на совершенно беззащитный город Кизляр. Оторопелое население, не зная, что делать, металось из стороны в сторону; раздававшийся на колокольнях трезвон еще более усиливал переполох и суматоху. Ворвавшиеся в город горцы рубили кого попало, врываются в дома и магазины. Захватив громадную и богатую добычу, Кази-Мулла направился обратно в Дагестан»¹³.

Приведем также отрывок из официального рапорта генерал-лейтенанта А. А. Вельяминова от 5 ноября 1831 года, повествующий о событиях во время захвата Кизляра: «В городе сделалась тревога, и открыт был из орудий огонь, коим неприятель принужден был скрыться за домами. В одно время с сею партией другая толпа мятежников переправлялась в город в Топольской роще, около часовни святого Георгия, а третья против части города, называемой Окочинскою. По совершении переправы одна толпа бросилась на слободку, грабя дома и забирая пленных, а другие две партии произвели тоже в городе в частях Армянской и Татарской по правую сторону Тополки, но по приближении к Тезицкой хищники встречены были ружейным огнем жителями оной, которые, заслоняя улицы арбами, отражали нападение и наносили неприятелю большой вред; из слободки же он был выбит солдатами Линейного батальона № 8 и грузинами с помощью пушечных выстрелов. Наконец, в 3-м часу все неприятельские толпы с добычей и пленными переправились обратно за Терек...»¹⁴

Александр Дюма, побывавший в городе двадцать лет спустя, слышал отголоски разыгравшейся трагедии: «Заметно было, — пишет он в путевых очерках „Кавказ“, — что мы вступали в землю, где каждый опасался повстречать врага и, не рассчитывая на помощь власти, сам думал о собственной безопасности. И действительно, мы приближались к тому самому Кизляру, который в 1831 году был взят и разграблен Кази-Муллою — учителем Шамиля. Многие еще вспоминают о потере или родственника, или друга, или дома, или имущества во время этого ужасного происшествия...»¹⁵

«Бич христиан», как назвал его русский поэт и воин Александр Полежаев, имам Кази-Мулла применял извечную тактику горцев — неотразимый набег. После него этим излюбленным боевым приемом пользовались и владыка гор Шамиль, и явившиеся на исходе XX века его запоздалые «внуки» и «одинокие волки». Напомним, что именно эта тактика получила в свое время высокую оценку классика марксизма. Фридрих Энгельс писал, что «сила кавказских горцев заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл русских передовых линий, в засадах на пути русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и они полностью использовали это преимущество. Фактически, во всех случаях даже временно успешных восстаний горцев эти успехи, таким образом, были результатом наступательной тактики»¹⁶.

Сила солону ломит. Русские достали Кази-Муллу ровно через год — взяли приступом его родной аул Гимры. Сам Кази-Мулла погиб, а израненный Шамиль чудом избежал пленения или смерти. Война от этого не прекратилась, и жаркое пламя газа-

¹³ Эсадзе Семен. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. — Тифлис, 1909. — С. 56—57.

¹⁴ Кавказский сборник. — Тифлис, 1912. — Т. XXXII. — Ч. 1. — С. 49—50.

¹⁵ Дюма Александр. Кавказ. — Тбилиси: Мерани, 1988. — С. 31.

¹⁶ Энгельс Фридрих. Избранные военные произведения. — М., 1956. — С. 100.

вата бушевало еще три долгих десятилетия. Многие ее трагические сцены запечатлела русская литература.

Кизляр же в апреле 1910 года пережил новую трагедию — налет знаменитого чеченского абрека Зелымхана Гушмазукаева. Его конный отряд в 60 человек вошел в город среди бела дня. Сам Зелымхан, нашив для маскировки полковничьи погоны, ехал впереди. Целью нападения были кладовые казначейства. Однако казначей Копытко в последнюю минуту сумел выбросить ключи в окно и был тут же застрелен Зелымханом. Услышав выстрелы, караулившие на улице абреки открыли беспорядочную стрельбу. В тот день Кизляр лишился девятнадцати горожан. А Зелымхан перебил охрану и ушел за Терек, не потеряв ни одного человека. В двух хурджирах налетчики унесли то, что смогли забрать, — новенькой медной монеты на пять тысяч рублей.

В январе 1996 года кровавый рейд на многострадальный Кизляр совершил чеченский боевик Салман Радуев. От селения Первомайского, где на обратном пути его отряд был блокирован федеральными войсками, всего два-три километра до Аксяя. Раньше этот населенный пункт носил название Таш-Кичу (в переводе — Каменный Брод), и здесь в русской крепости стоял с ротой лермонтовский Максим Максимыч. В этих местах разбойничал Казбич, и здесь же погибла Бэла — пленница русского офицера. Печоринские места!

Хроника большой дороги

«Черкесы нас ненавидят, — писал Пушкин в первой главе „Путешествия в Арзрум“. — Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги». Рыскающий в горах воинственный разбой еще долго тревожил русскую литературу, подвергая вполне реальной опасности пленения ее лучших представителей.

В июле 1828 года А. С. Грибоедов, назначенный министром-резидентом в Персию, совершил переезд по Военно-Грузинской дороге. Только случайность уберегла его от нападения горцев и возможного плена. За несколько верст до станции Коби, как вспоминает его спутник и второй секретарь посольства Карл Аделунг, «нас встретил майор Челяев со свитой примерно в 10 человек казаков и грузин; он был знаком с Грибоедовым раньше; узнав об его приезде, вышел его приветствовать... После того как мы прошли верст 5 по очень трудной дороге, встретились нам несколько осетин, которые отозвали Челяева в сторону и что-то сказали ему на ухо. Мы узнали, что в трех верстах отсюда собрались 300 осетин, чтоб напасть на проезжающих; люди, которые сообщили нам это известие, были разведчиками. Несмотря на это предупреждение, Грибоедов решил ехать дальше, но, уступив в конце концов просьбам и мольбам Челяева, вернулся, с тем чтоб продолжить путь на другой день»¹⁷.

В 1829 году горцы обстреляли экипажи персидского принца Хозрев-Мирзы, посланного в Россию с «извинительным письмом» за убийство Грибоедова. Обыденность происшествия могла бы и не оставить следа в кавказских хрониках, но с посланцем шаха на Военно-Грузинской дороге столкнулся Пушкин. «Я пошел пешком, не дождавись лошадей; — сообщает поэт в первой главе „Путешествия в Арзрум“, — и в полверсте от Ананура, на повороте дороги, встретил Хозрев-Мирзу. Экипажи его стояли. Сам он выглянул из своей коляски и кивнул мне головою. Через несколько часов после нашей встречи на принца напали горцы. Услыша свист пули, Хозрев выскочил из своей коляски, сел на лошадь и усакал. Русские, бывшие при нем, удивились его смелости».

¹⁷ Мещеряков Виктор. Жизнь и деяния Александра Грибоедова. — М.: Современник, 1989. — С. 421.

Сам Пушкин также мог серьезно пострадать на большой дороге, о чем упоминает на страницах того же «Путешествия»: «Не доходя до Ларса, я отстал от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между коими хлещет Терек с яростью неизъяснимой. Вдруг бежит ко мне солдат, крича издали: „Не останавливайтесь, ваше благородие, убьют!“ Это предостережение с непривычки показалось мне чрезвычайно странным. Дело в том, что осетинские разбойники, безопасные в этом узком месте, стреляют через Терек в путешественников. Накануне нашего перехода они напали таким образом на генерала Бековича, проскакавшего сквозь их выстрелы».

На обратном пути Пушкин, обретя уже некоторый боевой опыт в действующих войсках, сам искал опасности. Из Владикавказа поэт и его спутники выехали с оказией, то есть с отрядом при артиллерийском орудии. Вот как вспоминал об этом Михаил Пущин: «Все прекрасно обошлось во время медленного нашего следования от Владикавказа до Екатеринограда и оттуда до Горячеводска или Пятигорска. Ехали мы втроем в коляске; иногда Пушкин садился на казачью лошадь и ускакивал от отряда, отыскивая приключений или встречи с горцами, встретив которых, намеревался, ускакивая от них, навести их на наш конвой и орудие; но ни приключений, ни горцев во всю дорогу он не нашел»¹⁸.

Декабрист Александр Бестужев был переведен из сибирской ссылки рядовым в войска Кавказского корпуса. «Зачинщик русской повести», как назвал его Белинский, сумел здесь вернуться к литературной деятельности и опубликовал под псевдонимом Марлинский многие увлекательные повести. Полный новых впечатлений, он в первом же кавказском очерке делится наблюдением, сделанном в горном краю: «Там над головою путника вьется разбойник воздуха — орел, там рыщет разбойник лесов — волк и разбойник гор — черкес; припав за камнем, готовит им и себе добычу». Перу Бестужева принадлежит и «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», составленный, как можно заключить, на основе реальных событий. Объясняя склонность горцев к грабительским набегам, писатель приходит к выводу, что «хищничество есть единственная их промышленность, единственное средство одеться и вооружиться. Скалы родные дают ему скудную пищу, стада — грубую одежду, но ему хочется иметь винтовку с насечкою, кафтан с галуном; хочется купить прекрасную жену и пить густую бузу или вино — и как вы хотите, чтобы человек храбрый от привычки, потому что он осужден от колыбели выбивать свое существование у грозной природы, чтобы человек сильный, и к этому всему нищий, не хотел присвоить себе все, что ему по силам? На грабеж идет он как на охоту, и добыча, взятая им из зубов опасности, для него и плата за труд, и слава за подвиг, и приманка на будущие набег»¹⁹.

Считается, что Бестужев погиб в июне 1837 года при высадке русскими десанта на мысе Адлер. Однако тело его после боя найдено не было, и, по существующему предположению, он окончил свои дни, томясь в горском плену.

Как сообщает дагестанский краевед Булач Гаджиев, «несколько сот солдат, не выдержав армейской жизни, в разное время перешли на сторону Шамиля»²⁰. Наиболее желанной боевой добычей для горцев были русские офицеры. В стихотворении «Валерик» Лермонтов приводит предсмертный бред раненого капитана («Спасите, братцы, / — Тащат в горы...»), передающий, видимо, вполне реальный боевой эпизод. Сам Лермонтов также подвергался опасности пленения. Вот что сообщал он другу в письме о своих кавказских делах: «Два раза в моих путешествиях отстреливался: раз ночью мы ехали втроем из Кубы, я, один офицер нашего полка и черкес (мирный, разу-

¹⁸ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. — М.: ГИХЛ, 1950. — С. 387.

¹⁹ Русские повести и рассказы А. Марлинского. Изд. 2-е. — СПб., 1837. — Ч. 8. — С. 203—204.

²⁰ Гаджиев Булач. Буйнакск в истории и легендах. — Махачкала, 1961. — С. 27.

меется), и чуть не попались шайке лезгин». Позднее в его странствиях был еще случай, когда поэт едва ушел от настигавшей его погони. По рассказу журналиста и издателя А. А. Краевского, Лермонтов подарил ему свой кинжал, которым однажды отбивался «от трех горцев, преследовавших его около озера между Пятигорском и Георгиевским укреплением. Благодаря превосходству своего коня поэт ускакал от них. Только один его нагонял, но до кровопролития не дошло. — Михаилу Юрьевичу доставляло удовольствие скакать с врагами на перегонку, увертываться от них, избегать перерывающих ему путь»²¹.

Рассказ этот подтверждают и воспоминания кавказского офицера П. И. Магденко, попутчика в одной из поездок поэта. По его словам, Лермонтов «указывал нам озеро, кругом которого он джигитовал, а трое черкес гонялись за ним, но он ускользнул от них на лихом своем карабахском коне»²².

Весной 1839 года в Пятигорске побывал молодой офицер, направлявшийся из Петербурга в кавказские войска. Это был Дмитрий Алексеевич Милютин, в будущем — военный министр России, занимавший этот пост в течение двадцати лет, и последний за всю нашу историю генерал-фельдмаршал. Помимо блестящей военной карьеры Милютин прославился еще тем, что оставил в назидание потомству несколько томов воспоминаний. Что касается его пятигорских впечатлений, то они тоже связаны отчасти с близкой опасностью, грозившей местному населению и приезжим со стороны горцев: «23 апреля, в воскресенье, утром, выехали мы с Вревским из Пятигорска. Вдоль всей дороги тянулась линия казачьих постов; ибо в те времена даже в ближайших окрестностях Пятигорска и Георгиевска случались „происшествия“. Шайки „хищников“ пробирались незаметно через несколько кордонных линий, нападали на проезжих, на безоружных жителей, убивали или уводили в плен, угоняли скот или забирали другую добычу»²³.

В 1840 году наиб Шамиля Ахвердил-Мухаммед, совершив стремительный рейд по русским тылам, нагрянул в Моздок. Среди прочих пленных он привел оттуда дочь богатого купца-армянина Анну Улуханову. Девушку, поразившую горцев своей красотой, доставили в Дарго к Шамилю. Она вскоре перешла в ислам, получила имя Шуанат и стала женой Шамиля.

Осенью 1843 года два месяца в плену у горцев провел приятель Лермонтова — Михаил Глебов (секундант на последней дуэли поэта). Нет худа без добра: история эта, а также удачный побег Глебова наделали много шума и способствовали, как полагают, его быстрой служебной карьере, в чине гвардии ротмистра он попал в адъютанты к самому кавказскому наместнику князю М. С. Воронцову.

26 октября 1850 года в Чечне на Рошнинской поляне партия горцев напала даже на конвой цесаревича Александра (будущего императора Александра II). Наследника сопровождала многочисленная свита во главе с самим Воронцовым. Нападение было успешно отбито, сам цесаревич под пулями держался храбро и заслужил Георгиевский крест.

Иногда за голову узника назначали выкуп, а иногда производили и размен пленных. Известен случай, когда чеченцы удерживали захваченного ими штабс-капитана Клингера два с половиной года, обменяв потом на семерых своих. Хозяева пленника могли пойти и на «бартер». Так, прапорщика Вышеславцева удалось выменять у горцев за 200 пудов соли.

²¹ Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. — М.: Современник, 1987. — С. 304.

²² М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1989. — С. 390.

²³ Милютин Д. А. Воспоминания. 1816—1843. — М.: Студия «ТРИТЭ» — «Российский Архив», 1997. — С. 199—200.

Иногда участь пленников оказывалась плачевной. Секретарь Шамиля Мухаммед Тахир аль-Карахи в своей известной хронике «Три имама» передает, что «в 1845 году Шамиль получил достоверные сведения, что русские готовятся к серьезным операциям против него. Он тотчас же приказал казнить всех офицеров, взятых им одновременно в плен. Их особенно много было захвачено при очищении русскими Нагорного Дагестана в 1843 году»²⁴.

Сведения о том, какой была казнь у чеченцев, есть в упомянутой книге Потто. Томьясь в плену, майор Швецов готовился к худшему: «Конец был известен. По обычаю страны его привяжут к дереву, и каждый из присутствующих на этом суде будет наносить обреченной жертве не смертельные, но мучительные удары ножом, пока, наконец, не потухнет последняя искра жизни в несчастном мученике»²⁵.

«Едва не попался в плен, но вел себя хорошо...»

Толстой приехал на Кавказ молодым человеком двадцати трех лет. Не окончив курса, он оставил Казанский университет. В Ясной Поляне пробовал заняться устройством быта своих крестьян. Жил в Москве и Петербурге, не зная толком, чем занять себя. Толчком к поездке стали рассказы старшего брата Николая, служившего артиллерийским офицером на Кавказе, где в то время была в разгаре война с Шамилем.

Позднее, в черновой рукописи «Казаков», Толстой описал свое душевное состояние перед отъездом, говоря словами своего героя Оленина, «что ехал для того, чтобы быть одному, чтобы испытать нужду, испытать себя в нужде, чтобы испытать опасность, испытать себя в опасности, чтобы искупить трудом и лишениями свои ошибки, чтобы вырваться сразу из старой колеи, начать все снова — и свою жизнь и свое счастье».

Черед суровых кавказских испытаний имела неожиданный результат: Толстой стал писателем и, подобно Полежаеву и Лермонтову, запечатлел в своих произведениях трагические картины войны, в которых текли потоки горской и русской крови. Кавказ, как говорил сам Толстой, стал для него настоящей школой жизни. Здесь он был солдатом и жил среди простых солдат, казаков, горцев и строевых офицеров. И вечное его стремление опроститься зародилось здесь же, в условиях вольной самобытной жизни терских станиц.

В конце мая 1851 года братья прибыли в казачью станицу Старогладковскую, там размещалась батарея, где служил Николай. Всего на Кавказе Толстой пробыл два года и семь с половиной месяцев. Большую часть этого времени он прожил в Старогладковской, остальное время провел в походах и разъездах: выезжал в Грузию, два раза лечился на Кавказских Водах, совершил путешествие на берег Каспийского моря. Старогладковская — одна из старейших станиц Гребенского, или Терского, казачьего войска. Станицы на расстоянии восьмидесяти верст протянулись по левому берегу Терека и представляли собою границу с Большой Чечней. На противоположном берегу находились замиренные, но еще беспокойные чеченские аулы.

Вскоре Толстой принял участие в пятидневной боевой экспедиции русских войск в Чечне. Командующий левым флангом Кавказской линии генерал А. И. Бяратинский разрешил молодому человеку сопровождать отряд в качестве добровольца, или, как тогда говорили, волонтера. Поход был первым соприкосновением Толстого с войной, и, говоря словами волонтера из толстовского «Набега», его «занимал только вопрос: под влиянием какого чувства решается человек без видимой пользы подвергать себя опасности и, что еще удивительнее, убивать себе подобных».

²⁴ Мухаммед Тахир (аль-Карахи). Три имама. — Махачкала, 1990. — С. 80.

²⁵ Потто В. А. Указ. соч. — 1994. — Т. 2. — С. 57.

По совету Барятинского, оценившего храбрость и выдержку Толстого в походе, тот принял решение остаться служить на Кавказе. Для определения на военную службу Толстому пришлось выехать в штаб Отдельного Кавказского корпуса в Тифлис. Дело осложнялось тем, что на руках имелись не все необходимые документы; бумажная волокита затянулась, а пока Толстой получил назначение состоять в 4-й батарее 20-й артиллерийской бригады в чине фейерверкера 4-го класса. Он принял участие в зимней экспедиции 1852 года. Поход остался памятен тем, что в сражении на берегах реки Гойты погиб «баярд» Кавказской армии казачий атаман Феликс Круковский. В том же бою горцами был изрублен и хорунжий Руфин Дорохов — приятель Пушкина и боевой товарищ Лермонтова, будущий прототип Долохова из «Войны и мира».

Жизнь в условиях труднейшей горной войны требовала от Толстого выносливости, мужества, храбрости. Он записывает в дневнике: «Не боюсь смерти. Не боюсь и страданий, но боюсь, что не сумею хорошо перенести страданий и смерти». Жизнь молодого артиллериста не раз подвергалась опасности. Так, уже 78-летним стариком Толстой писал одному из знакомых: «Сегодня 53 года, как неприятельское ядро ударило в колесо той пушки, которую я наводил. Если бы дуло пушки, из которой вылетело ядро, на $\frac{1}{1000}$ линии было отклонено в ту или другую сторону, я был бы убит».

На Кавказе Толстой много размышлял о войне с горцами, пытаясь понять, на чьей стороне справедливость. Пока он еще разделяет общее тогда мнение, что справедливость на стороне русских. «Ежели бы не было этой войны, — думает он, — что бы обеспечивало все смежные богатые и просвещенные русские владения от грабежа, убийств, набегов народов диких и воинственных?» Но вот в набросках к рассказу «Набег» он рисует потрясающую картину отчаяния чеченца Джеми при приближении русских войск к его аулу и приходит к выводу, что и этот горец, борясь с русскими, действует по чувству самосохранения и что поэтому и на его стороне остается справедливость. Спустя десять лет, работая над повестью «Казачьи», Толстой уже вполне определил свое отношение к войне на Кавказе и выразил его через героя повести Оленина, по чьим понятиям, война «была самая последняя деятельность, которую мог избрать благородный человек, особенно война на Кавказе с несчастным рыцарским племенем горцев, отстаивающих свою независимость».

Дело с производством в офицерский чин тянулось бесконечно, и Толстой начал думать об отставке, тем более что его первые писательские опыты имели успех: в сентябре 1852 года в некрасовском «Современнике» вышла повесть «Детство», а в декабре Толстой отослал в журнал и свой первый кавказский рассказ «Набег». Литературные занятия были прерваны зимним походом 1853 года: выступив из крепости Грозной, Чеченский отряд в составе 12 батальонов пехоты при 24 орудиях перевалил Качкалыковский хребет и прибыл в укрепление Куринское. Началась рубка леса — прокладка просек в вековых лесах, шириной на ружейный, а иногда на пушечный выстрел. Горцев все более оттесняли в бесплодные горы. Работы постоянно прерывались перестрелками и стычками. Известно, что Толстой принимал участие в сражении у реки Мечика 17 февраля. Впечатления похода отразились в его рассказе «Рубка леса».

Неудачи с наградами и волокита с производством в офицеры приводят Толстого к мысли оставить военную карьеру. «Я уже писал тебе, что подал в отставку, — сообщал он из Пятигорска брату Сергею. — Бог знает, однако, выйдет ли и когда она выйдет теперь, по случаю войны с Турцией». Узнав, что с началом Крымской войны отставки и отпуска запрещены, Толстой подал новый рапорт — о переводе с Кавказа в действующую Дунайскую армию. И только в январе следующего 1854 года он получил первый офицерский чин прапорщика. 19 января выехав из Старогладковской, Толстой навсегда

покинул Кавказ. Впоследствии жена писателя Софья Андреевна передавала со слов самого Льва Николаевича, что «лучшие воспоминания его жизни принадлежат Кавказу».

Среди этих «лучших воспоминаний» Толстой, несомненно, не раз возвращался мыслью к событиям, разыгравшимся 13 июня 1853 года, когда он едва не угодил в плен к чеченцам. Он возвращался из крепости Воздвиженской в Грозную. Путь был неблизкий — 29 верст. Надтеречная степь давно отцвела, и теперь здесь царили пекло, пыль да густой бурьян. Подобные перемещения производились тогда со всеми необходимыми предосторожностями, то есть в сопровождении войск, в данном случае это были три роты пехоты при двух орудиях. Такая колонна, или, на кавказском армейском жаргоне, «оказия», составленная из повозок и экипажей и окруженная с обеих сторон цепями пеших солдат, с казаками в авангарде и арьергарде, шла медленно, с бесконечными остановками, к тому же отделяться от нее было строжайше запрещено. Приказом по корпусу начальникам колонн вменялось в непрременную обязанность открывать картечный огонь по самовольно отъезжающим из оказии вперед, а затем предавать их военному суду. Открывать огонь по своим! — немислимая, невероятная, но совершенно оправданная, как мы скоро убедимся, жестокость.

Возглавлял отряд офицер Куринского пехотного полка Владимир Алексеевич Полторацкий. Он был молод (приходился одногодком Льву Толстому), отважен и уже довольно опытен, с восемнадцати лет служил в кавказских войсках, а впоследствии получил и генеральский чин.

Несмотря на все запреты, за несколько считанных верст до Грозной, вблизи Ермоловского кургана, небольшая группа, в которой были Толстой, его чеченский кунак Садо Мисербиев и еще три молодых офицера, решила все же ускорить движение и опрометчиво вырвалась вперед. Попытка избежать монотонного движения в колонне окончилась для них печально: атака многочисленной партии конных чеченцев была, как всегда, внезапной и молниеносной.

Тут компания наших храбрецов разделилась: Толстой и Садо поскакали в сторону Грозной и сумели оторваться от погони, состоявшей из семерых вооруженных абреков. Еще до происшествия кунаки поменялись лошадьми, и теперь под Толстым была резвая степная ногайская лошадь, он был вооружен шашкой и легко мог уйти от чеченцев, но не хотел оставлять друга в беде. Под Садо был красавец кабардинец, незадолго до роковой поездки купленный Толстым. Для бешеной скачки кабардинец не годился, Садо отставал, он наводил свое незаряженное ружье на преследователей и что-то кричал им на своем языке.

Остальные повернули к отряду, но лишь один офицер успел спастись. Двое других серьезно пострадали: Павел Полторацкий, племянник командира колонны, получил несколько сабельных ударов, а Г. Д. Щербачев вскоре скончался от тяжелых ран. О происшествии Толстой записал в дневнике: «Едва не попался в плен, но в этом случае вел себя хорошо, хотя и слишком чувствительно». Трудно сказать, какой неповторимый опыт приобрел бы в чеченской неволе будущий автор «Казаков» и «Хаджи-Мурата». Во всяком случае, описанная ситуация явно напоминает ту, когда пленниками гор оказались его Жилин и Костылин.

Подробности дела удалось разыскать в воспоминаниях В. А. Полторацкого, видевшего все своими глазами:

У Ермоловского кургана по обыкновению был сделан привал, а когда через полчаса я тронул колонну, то сам с Вавилой и двумя казаками опять вернулся к правой цепи. Отошли с версту. Из-под казака выскочил русак и потянул по направлению к Грозной. Вавила с неистовым азартом бросился за ним и, во все горло атукая, ста-

рался указать его собакам, которые метались из одной стороны в другую и, высоко подпрыгивая над бурьяном, не могли всмотреться в косога. Не увлекаясь скачкой Вавилы и казаков, я подавался вперед рысью, но поровнявшись с серединой вытянутой по дороге колонны, я вдруг увидел недалеко от авангарда влево на верхней плоскости между Хан-Кале и Грозненскою башней конную партию в 20–25 человек чеченцев, стремительно несущихся с уступа наперерез пути колонны. Тут ясно представилась уму моему другая травля, в которой, конечно, роль зайца играл кто-нибудь из наших джигитов, уехавших вперед от колонны. Стремглав бросился я к авангарду и на скаку слышал залп ружейных выстрелов, но еще не достигнув 5-й роты, за сотню шагов, увидел уже снятое с передков орудие и поднятый над ним пальник. «Отставь, отставь, там наши!» — кричал я что есть мочи и, к счастью, успел остановить выстрел, уже направленный на горсть толпившихся на дороге всадников, между которыми, очевидно, попались и наши. Не успел третий взвод по приказанию моему броситься вперед и пробежать несколько шагов, как чеченцы пошли наутек степью к Аргуну, и тогда по ним вдогонку были пущены две гранаты. В ту же минуту от места схватки прискакал в колонну растерянный, бледный, как смерть, барон Розен, и почти вслед за ним прибежала без седла гнедая лошадь, по форменному седлу которой артиллеристы признали ее лошадью их взводного офицера. В это время из-за мелких по дороге кустов показался идущий пешком и сам артиллерийский прапорщик Щербачев. Молодой и краснощекий 19-летний юноша, Щербачев, за несколько перед тем месяцев оставший скамью артиллерийского училища, удивлявший всех здоровьем и необыкновенным телосложением и силой, и в эту минуту поразил нас. Он шел медленными, но твердыми шагами, не хромя, не охая, и только когда спокойно подошел к нам, мы увидели, как он дорого поплатился чеченцам. Кровь буквально ключом била из ран его в грудь и обе ноги пулями, в живот ружейною картечью и по шее шашечным ударом... Между тем, Розен, несколько оправившийся от первого испуга, сумел объяснить, что они впятером поехали от оказии вперед, и что в минуту нападения горцев граф Лев Толстой, Павел Полторацкий и татарин Сада, вероятно, ускакали в Грозную, тогда как Щербачев и он повернули лошадей навстречу идущей колонне.

— Ваше благородие, — прервал артиллерийский солдат, лежавший на высоком возу сена, — там на дороге еще кто-то лежит, и сдается мне, что он шевелится!

Я крикнул 3-му взводу: «Вперед, бегом», и сам бросился по дороге... В пятистах шагах от авангардного орудия лежал убитый знакомый нам вороной конь, а из-под него торчало изуродованное тело Павла. Громко стонал он и отчаянным голосом просил освободить его от невыносимой тяжести трупа. Соскочив с лошади и бросив поводья Вавиле, я с необычайной силой, одним удачным взмахом опрокинул труп безжизненной лошади и освободил страдальца, исходящего кровью. Все раны были нанесены ему холодным оружием, тремя ударами по голове и четырема по плечу. Последние были так жестоко сильны, что буквально разворотили надвое правое плечо, раскрыв всю внутренность...

Все описанное произошло в течение нескольких минут, давших, однако, возможность нам оказать первую помощь раненым, а грозненской кавалерии выскочить по тревоге из Грозной. Бакланов, рассмотрев с кургана спокойное положение колонны и уже скрывающихся на горизонте чеченцев, счел излишним за ними гнаться и вернул войска в крепость, но от них отделилось несколько всадников, которые понеслись к нам в колонну, стоявшую от Грозной не более четырех верст. Прискакавшие к нам были Пистолькорс и несколько кунаков его, мирных чеченцев грозненских аулов.

Общими силами, соорудив для раненых из солдатских шинелей носилки, мы уложили обоих и тронулись вперед. Пистолькорс гарцевал от одного к другому и, вполне удовлетворив собственное любопытство, в свою очередь сообщил нам, что граф Лев Толстой с татаринцом Садой, хотя и были очень ретиво преследуемы семью че-

ченцами, но, благодаря быстроте коней своих, оставив им в трофей одну седельную подушку, сами целы и невредимы достигли ворот крепости.

В свой рассказ Полторацкий добавил еще несколько важных деталей, ставших ему известными после расспросов непосредственных участников происшествия:

Все пятеро хотели поскорей приехать в Грозную и отделились еще у Ермоловского кургана... Отъехав от колонны на сотню шагов, они условились между собою, чтобы двое из них для освещения местности ехали бы по верхнему уступу, а остальные нижнею дорогой. Только что поднялись Толстой и Сада на гребень, как увидели от ханкальского леса несущуюся прямо на них толпу конных чеченцев. Не успев, по расчету времени, безнаказанно спуститься обратно, граф Толстой сверху закричал товарищам о появлении неприятеля, а сам с Садою бросился в карьер, по гребню уступа, к крепости. Остальные внизу, не сразу поверив известию и, конечно, не имея возможности сами увидеть горцев, несколько минут провели в бездействии, а когда уже чеченцы (из которых человек семь отделилось в погоню за Толстым и Садою) показались на уступе и ринулись вниз, то Розен, повернув лошадь, помчался назад к колонне и счастливо достиг ее. За ним бросился и Щербачев, но казенная лошадь его скакала плохо, и чеченцы, нагнав его, ранили и выбили из седла, после чего он пешком добрался до колонны. Хуже всех оказалось положение Павла. Увидев чеченцев, он инстинктивно бросился вперед по направлению к Грозной, но, тотчас же сообразив, что молодая, изнеженная и чересчур раскормленная лошадь не выскочит в жаркий день до пяти верст, отделяющих его от крепости, — он круто повернул ее назад в ту самую минуту, когда толпа неприятеля уже спускалась с уступа да дорогу, и, выхватив шашку наголо, очертя голову, как выразился сам, хотел напролом прорваться в колонну. Но один из горцев верно направил винтовку и, выждав приближения Павла, почти в упор всадил пулю в лоб его вороному; он со всех ног повалился и прикрыл его собою. Чеченец с коня нагнулся к Павлу и, выхватив у него из рук в серебро оправленную шашку, стал тащить с него ножны, но при виде бежавшего на выручку 3-го взвода он полоснул лежащего по голове шашкой и поскакал сам наутек. Его примеру, один за другим, последовали еще шесть горцев, нанеся на всем скаку жестокие удары шашками по голове и открытому плечу Павла...²⁶

Чтобы избежать дальнейших неприятностей, которые неизбежно должны были последовать для виновников происшествия, и без того уже жестоко пострадавших, Полторацкий подал по начальству рапорт, описывая разыгравшиеся события совсем не так, как было на самом деле. Партия немирных чеченцев напала якобы на чеченцев мирных, и тогда наши офицеры бросились из колонны на их защиту. Обман открылся. Но только что назначенный на левый фланг линии барон А. Е. Врангель дела раздуть не стал. Выслушав личный доклад Полторацкого, он потребовал только, чтобы рапорт был заново и честно переписан.

Приведем еще выдержку из дневника С. А. Толстой за 7 сентября 1908 года, с передачей того, как сам восьмидесятилетний писатель-патриарх вспоминал в этот день давний случай из своей кавказской молодости:

Сегодня Лев Николаевич чувствует себя недурно, хотя опять сидит в кресле с вытянутой ногой, которая слегка припухла. Обедал с нами, ел охотно и рассказывал, что получил сегодня письмо от какого-то незнакомого полковника, спрашивающего его, на какой лошади он ускакал от чеченцев на Кавказе.

Дело было так: собралась ехать так называемая на Кавказе в то время «оказия». Ехали в экипажах и верхами, а сопровождали солдаты. Желая погарцо-

²⁶ Полторацкий В. А. Воспоминания // Исторический вестник. — 1893. — Июнь. — С. 672—675.

вать и похрабриться, трое отделились от «оказии» и поскакали вперед, а именно: Лев Николаевич, его кунак (приятель) Садо и Полторацкий. Под Львом Николаевичем была высокая серая лошадь, дорого заплаченная, красивая, но тяжелая, с прекрасным проездом, то есть иноходец. Дорбгой Садо предложил поменяться лошадьми, чтоб Лев Николаевич испробовал резвость ногайской породы лошади Садо. Только что они поменялись, вдруг им навстречу из-под горы показались вооруженные чеченцы. Ни у Льва Николаевича, ни у Полторацкого не было оружия. Полторацкий был на плохой артиллерийской лошадке, он отстал, в него выстрелили, попали в лошадь, а его изрубили на месте шашками, но он остался жив. В то время как Садо, махая ружьем, что-то по-чеченски кричал своим землякам, Лев Николаевич успел ускакать на быстроногой маленькой ногайской лошадке своего кунака Садо. — И так опять-таки случай спас жизнь Толстого²⁷.

Близкая опасность, наступающая погоня, кровавые раны товарищей и смерть одного из них — все это, разумеется, не могло подействовать на Толстого иначе, чем «слишком чувствительно». И само происшествие, и связанные с ним переживания оставили резкий отпечаток в душе писателя, но должно было пройти почти двадцать лет, прежде чем эти памятные картины послужили основой для рассказа «Кавказский пленник».

Толстой имел, как видим, несомненное преимущество перед своими литературными предшественниками. Действие его рассказа происходит там же, где когда-то в горском плену томились герои Пушкина и Лермонтова. Но сам Пушкин в тех краях, а тем более — в чеченских аулах, никогда не бывал. Лермонтов бывал и воевал в тех местах, но все это случилось уже много после того, как его детский «Пленник» был написан.

Рассказ был создан Толстым, можно сказать, за один присест — между 11 и 25 марта 1872 года — и включен им в «Четвертую русскую книгу для чтения», а отдельной брошюрой, с двумя иллюстрациями, впервые вышел в издательстве «Посредник» в 1885 году. Если для завязки послужили, это понятно, личные воспоминания автора, то для дальнейшего сюжета (пребывание русских пленников в чеченском ауле и попытки побега) он мог, по мнению исследователей, использовать записки упомянутого нами Ф. Ф. Торнау или рассказ еще одного кавказского офицера, напечатанный за подписью «Н. М.» в журнале «Библиотека для чтения» в 1838 году.

Рассказ этот, под таким же классическим названием «Кавказский пленник», повествует о двух наших офицерах, захваченных партией черкесов под предводительством абрека Хамурзина. После долгих злоключений один из них совершает побег и находит укрытие у чеченцев, обещавших за обычный в таких случаях выкуп, шапку серебра, доставить его на линию. В финале оба офицера возвращаются к своим.

В «Хаджи-Мурате» Толстого есть горькие и честные строки о ненависти чеченцев к русским. Отметим, однако, и другое: в нашей классике русский пленник всегда обязан своей вновь обретенной свободой горянке. Реальность непримиримой войны была намного страшнее, но, даже понимая это, авторы «Пленников» переписывали исход жестокого сюжета по-своему — так, как им подсказывало сердце.

Награды и кровь

Скажем еще несколько слов о русских наградах, связанных с событиями Кавказской войны, их не так много. За всю шестидесятилетнюю историю этой войны была учреждена всего одна медаль, посвященная отдельному сражению. Отчеканили ее из серебра и носили на георгиевской ленте. На одной ее стороне значилось: «За взятие штурмом Ахульго. 22 авг. 1839 г.». Другую украшал вензель Николая I.

²⁷ Дневники С. А. Толстой, 1897–1909. — М.: Север, 1923. — С. 235.

Ахульго — горная твердыня Шамиля в Северном Дагестане, блокада и осада которой длились восемьдесят дней. Ахульго пал, но цели своей русские не добились: Шамилю с горсткой верных мюридов удалось укрыться в пещере на берегу рект Койсу, а потом ночью совершить побег, пробившись с боем через русские посты. Получивший при Ахульго несколько пуль штабс-капитан Шульц поведал Лермонтову, как лежал, истекая кровью, под палящими лучами, и тот под впечатлением от рассказа написал свое знаменитое стихотворение «Сон».

Когда отгремели залпы Ахульго, прошло долгих двадцать лет, и только после падения Гуниба и пленения Шамиля была учреждена в 1860 году еще одна медаль (серебряная и бронзовая). На лицевой стороне — вензель Александра II, на оборотной — надпись по окружности «За покорение Чечни и Дагестана», а в центре — даты: «в 1857, 1858, 1859». Война велась так долго, что теперь историки спорят, когда же именно она началась. А выбор дат для этой медали должен был, вероятно, подчеркнуть особую роль князя А. И. Барятинского, при котором русские добились решающих успехов. Участники боев получали, разумеется, и другие награды: офицеры и генералы — ордена, а нижние чины — знак отличия военного ордена (солдатский Георгиевский крест). Цена этих наград была чрезвычайно высока. За годы кавказской службы Барятинский получил несколько ранений и собственной кровью оплатил орден Александра Невского, Владимира 1-й степени и Георгия 2-й, Андрея Первозванного с мечами и золотую саблю с надписью «За храбрость».

В 1850 году цесаревич Александр (будущий император Александр II) побывал на местах сражений с горцами на Северном Кавказе. Обстоятельства сложились так, что 26 октября в Чечне на Рошнинской поляне его конвой столкнулся с отрядом мюридов. Цесаревич, оставив позади свиту, вместе с казаками участвовал в стычке и храбро держался под пулями чеченцев. Очевидец происшествия — кавказский наместник М. С. Воронцов представил его к награде орденом Святого Георгия 4-й степени. Государь Николай Павлович это ходатайство удовлетворил и, не ожидая, пока наследник получит крест в установленном порядке, послал ему свой собственный.

Не у всех, впрочем, наградные дела складывались столь удачно. Четыре года на Кавказе провел опальный поэт Александр Полежаев, в то время — рядовой Московского пехотного полка. По представлению генерала Вельяминова, в котором отмечалось, что Полежаев «находился постоянно в стрелковых цепях и сражался с заметной храбростью и присутствием духа», поэт был произведен в унтер-офицеры, но в дальнейшем повышении ему отказали. Да еще за поэму «Эрпели», прочитанную в кругу офицеров, автор был удостоен своеобразной литературной премии: дивизионный командир генерал Розен 4-й презентовал ему 25 рублей.

На Кавказе представителям русской литературы фатально не везло на награды. Солдатский крестик не получил и опальный Александр Бестужев. Участник декабрьского мятежа в Петербурге, он был осужден на ссылку в Сибирь, но сумел добиться перевода рядовым в кавказские войска. Отличился при штурме турецкой крепости Байбурт. Потом служил в линейном батальоне в Дербенте, когда город был осажден отрядами горского предводителя Казимуллы. Бестужев проявил в сражении отчаянную храбрость, его шинель была изорвана пулями, а заслуженную награду, по обычаю времени, ему присудили сами солдаты. В ноябре 1832 года он писал об этом из Дербента брату Павлу: «В батальон прислано два Георгия; один, по избранию нижних чинов, ротных командиров и батальонного командира, присужден мне... Я заслужил этот крест грудью, а не происками, и желаю его иметь поминкой Кавказа»²⁸. Надеж-

²⁸ Васильев В. Бестужев-Марлинский на Кавказе. — Краснодар: Краснодарское книгоиздательство, 1939. — С. 16.

ды декабриста на знак отличия не оправдались; согласно монаршей воле, о его боевых заслугах можно было только доносить, но к повышению не представлять. «Странно, что ни одно обо мне представление не выходит. Не-уже-ли в целом кавказском корпусе только я один не стою никакой награды?.. — с горечью восклицал он. — Когда же могу я вновь заслужить свой крест, трижды заслуженный — и на окопах Байбурта, и под стенами Дербента, и на мосту Чиркея?»²⁹

Только через шесть лет изматывающей кавказской службы Бестужев получил первое повышение — производство в унтер-офицеры. О нем хлопотал граф М. С. Воронцов, в то время генерал-губернатор Новороссии. В личном письме к государю он ходатайствовал о смягчении участи писателя. Но Николай счел мнение Воронцова «совершенно несостоятельным» и в резолюции начертал, что «не Бестужеву с пользой заниматься словесностью; он должен служить там, где сие возможно без вреда для службы».

Еще через год, в мае 1836 года, монаршее снисхождение дошло наконец до того, что Бестужеву вернули первый офицерский чин прапорщика. «Я произведен в офицеры, — сообщает он братьям, томившимся в Сибири, — эта весть меня поразила радостью... Перейти вдруг от безыменной вещи в лицо, имеющее право». И добавляет, что свое производство «выстрадал и выбил штыками»³⁰. Брату Павлу в апреле 1837 года Бестужев пишет о том, что представлен к награде орденом Святой Анны 4-й степени. Когда-то он уже имел этот знак отличия, но был лишен его вместе со всеми чинами и званиями после декабрьского мятежа. «Анну» 4-й степени давали исключительно за военные заслуги, и ее красный эмалевый крест крепился на холодном оружии, которое в офицерском быту так и называлось — Анненским. Получить свою повторную «Анну» декабрист не успел, сложил голову в бою при высадке десанта на мысе Адлер. Сестра Бестужева Елена впоследствии рассказывала, что эта награда не принесла Александру счастья: «Первый раз принес ему 14-е декабря, второй — он был убит»³¹.

Декабрист Николай Иванович Лорер, переведенный из сибирской ссылки в Кавказский корпус, вспоминал впоследствии, как «таскался по трущобам Кавказа в цепи застрельщиков», то есть участвовал в многочисленных стычках с горцами в дремучих лесах за Кубанью. Полноватый, всегда опиравшийся на палку, сорокапятилетний Лорер был, разумеется, не лучший воин в полку, и в подобных случаях при нем всегда находился рядовой Антонов, который, собственно, и вел по противнику огонь. «Мой верный Антонов, — упоминает об этом в своих записках Лорер, — отличный стрелок, как я уже сказал, за меня отстреливался. В одном деле он в моих глазах положил двух горцев, и мы после ходили на них смотреть. Я просил своего полкового командира наградить моего телохранителя Георгиевским крестом из числа присылаемых в роты, но, оставив в то время отряд, не знаю, получил ли мой Антонов тот крестик, за который кавказский солдат делает часто чудеса молодечества, храбрости, отваги»³².

Надо сказать, что природная отвага русских солдат подкреплялась еще и тем, что маленький серебряный крестик избавлял их от телесных наказаний и давал право на пожизненную пенсию в размере жалованья.

У Лермонтова о наградах говорится мало. В повести «Княжна Мери» есть замечание о Грушницком: «У него георгиевский солдатский крестик». И в очерке «Кавказец», размышляя о превратностях кавказской службы, поэт сообщает о своем персонаже:

²⁹ Семевский Михаил. Александр Александрович Бестужев (Марлинский). 1798—1837 // Отечественные записки. — 1860. — Июнь. — С. 317—319.

³⁰ Васильев В. Указ. соч. — С. 32.

³¹ Воспоминания Бестужевых. — М.; Л.: Издательство АН СССР, 1951. — С. 408.

³² Записки декабриста Н. И. Лорера. — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. — С. 257.

«...хотя грудь его увешана крестами, а чины нейдут». Сам Лермонтов боевых знаков отличия удостоен не был, хотя в наградных релициях командиры не раз отмечали его самоотверженность и храбрость.

30 декабря 1840 года командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Е. А. Головин направил рапорт военному министру А. И. Чернышеву, ходатайствуя о награждении отличившихся в сражении у реки Валерик в Чечне 11 июля. К рапорту был приложен список представленных к наградам офицеров, подписанный генерал-лейтенантом А. В. Галафеевым. Здесь же следовало и описание боевых отличий каждого, а напротив имени Лермонтова стояли слова: «Во время штурма неприятельских завалов на реке Валерике имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника об ее успехах, что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами, но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы»³³.

В испрашиваемой награде — ордене Святого Станислава 3-й степени (орден Святого Станислава учрежден в Польше в 1765 году; позднее был включен в состав российских наград и имел три степени. — *Н. М.*) — было отказано в силу означенной на этом же списке резолюции самого государя: «Высочайше повелено: Поручиков, Подпоручиков и Прапорщиков за сражения удаивать к Монаршему благоволению, а к другим наградам представлять за особенно отличные подвиги». «Из Валерикского представления меня здесь вычеркнули, — с огорчением признавался поэт в письме из Петербурга кавказскому сослуживцу, — так что даже я не буду иметь утешения носить красной ленточки, когда надену штатский сюртук».

Носить ордена на штатской (неформенной) одежде не полагалось, и что касается «красной ленточки» на штатском сюртуке, то здесь Лермонтов, скорее всего, имел в виду фрачную миниатюру, то есть уменьшенную копию ордена. Ее размеры не превышали, как правило, полутора-двух сантиметров и крепились на одежде с помощью ленточки в виде розетки, повторяющей цвета соответствующей орденской ленты. Упомянутый Лермонтовым цвет («красная») объясняется, возможно, тем, что наиболее вероятным для него могло быть награждение одним из «младших» российских орденов — Святого Станислава (красная лента с белыми продольными полосами), или Святой Анны (красная лента с узкой золотой каймой), или пусть даже более значительным орденом Святого Владимира (красная лента с черными полосами по краям).

Судя по всему, Лермонтов питал некоторые надежды на награду, в чем и признался в письме к Алексею Лопухину: «Я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков, — разный сброд, волонтеры, татары и проч., это нечто вроде партизанского отряда, и если мне случится с ним удачно действовать, то авось что-нибудь дадут...» Желанная награда открывала путь к монаршему прощению и отставке, о чем Лермонтов уже подумывал, мечтая целиком посвятить себя литературе. Но видимо, оказанных отличий было мало...

За успешные действия в осенней экспедиции 1840 года в Чечне Галафеев просил о переводе Лермонтова «в гвардию тем же чином с отданием старшинства» и в служебном рапорте весьма похвально отозвался о своем офицере: «В делах 29-го сентября и 3-го октября обратил на себя особенное внимание отрядного начальника расторопностью, верностью взгляда и пылким мужеством, почему и поручена ему была коман-

³³ Здесь и далее: Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. — М.: Русская панорама, 2003. — С. 393, 505, 499, 503, 524.

да охотников 10-го октября; когда раненый юнкер Дорохов был вынесен из фронта, я поручил его начальству команду, из охотников состоящую. Невозможно было сделать выбора удачнее: всюду поручик Лермонтов, везде первым подвергался выстрелам хищников и во всех делах оказывал самоотвержение и распорядительность выше всякой похвалы. 12-го октября на фуражировке за Шали, пользуясь плоскостью местоположения, бросился с горстью людей на превосходного числом неприятеля и неоднократно отбивал его нападения на цепь наших стрелков и поражал неоднократно собственною рукой хищников. 15 октября он с командою первый прошел шалинский лес, обращая на себя все усилия хищников, покушавшихся препятствовать нашему движению и занял позицию в расстоянии ружейного выстрела от опушки. При переправе через Аргун он действовал отлично против хищников и, пользуясь выстрелами наших орудий, внезапно кинулся на партию неприятеля, которая тотчас же усакала в ближайший лес, оставив в руках наших два тела».

За экспедицию в Малой Чечне в октябре—ноябре 1840 года, когда одно из сражений вновь разгорелось на берегах Валерика, полковник князь Д. Ф. Голицын представил Лермонтова к награде золотой саблей с надписью «За храбрость», подробно описав в рапорте его боевые заслуги: «Во всю экспедицию в Малой Чечне с 27-го октября по 6-е ноября поручик Лермонтов командовал охотниками, выбранными из всей кавалерии, и командовал отлично во всех отношениях, всегда первый на коне и последний на отдыхе, этот храбрый и расторопный офицер неоднократно заслуживал одобрение высшего начальства; 27-го октября он первый открыл отступление хищников из аула Алды и при отбитии у них скота принимал деятельное участие, врываясь с командою в чащу леса и отличаясь в рукопашном бою с защищавшими уже более себя, нежели свою собственность, чеченцами; 28-го октября, при переходе через Гойтинский лес, он открыл первый завалы, которыми укрепился неприятель и, перейдя тинистую речку, вправо от помянутого завала, он выбил из леса значительное скопище, покушавшееся противиться следованию нашего отряда, и гнал его в открытом месте и уничтожил большую часть хищников, не допуская их собрать своих убитых; по миновании дефиле поручик Лермонтов с командою был отряжен к отряду г. генерал-лейтенанта Галафеева, с которым следовал и 29-го числа, действуя всюду с отличною храбростью и знанием военного дела; 30-го октября при речке Валерике поручик Лермонтов явил новый опыт хладнокровного мужества, отрезав дорогу от леса сильной партии неприятельской, из которой малая часть только обязана спасением быстроте лошадей, а остальная уничтожена. Отличная служба поручика Лермонтова и распорядительность во всех случаях достойны особенного внимания...»

Награждение золотым оружием считалось необыкновенно почетным, и обладатели этой вожденной боевой регалии очень ею дорожили. Однако и здесь судьба отвернулась от поэта, и представление полковника Голицына успеха не имело. Впоследствии имя Лермонтова еще раз было внесено в наградной список «за участие в экспедиции в Малой Чечне с 27 октября по 6 ноября 1840 г.». Генерал П. Х. Граббе испрашивал для него орден Святого Владимира 4-й степени с бантом. Орден Святого Владимира учрежден в 1782 году; награждение начиналось с четвертой, низшей степени ордена; бант из орденской ленты, красной с черной каймой, означал награду за военные подвиги. Командир Отдельного Кавказского корпуса Головин снизил представление до ордена Святого Станислава 3-й степени. По прошествии нескольких месяцев, 30 июня 1841 года, дежурный генерал Главного штаба граф П. А. Клейнмихель уведомил Головина что «Император... не изволил... изъявить монаршего соизволения на испрашиваемую награду».

Государь мог в награде и не отказать. Казенные бумаги столь же неспешным порядком ушли бы назад, в Тифлис. И там, в штабе корпуса, их получили бы только осенью. Так что утешить поэта такая награда все равно не могла, к этому времени он был уже мертв и покоился в пятигорской земле.

В повести «Княгиня Лиговская» Лермонтов дает характеристику своему главному герою, принимавшему участие в войне с поляками: «Печорин в продолжение кампании отличался, как отличается всякий русский офицер, дрался храбро, как всякий русский солдат...» Эти же слова в полной мере можно отнести и к самому Лермонтову, никогда не ронявшему чести русского офицера.

Обошли награды и фейерверкера 20-й артиллерийской бригады Льва Толстого. Первый раз, когда зимой 1852 года он участвовал в экспедиции, но формально не числился на военной службе. Необходимые документы из Тифлиса еще не были получены в станице Старогладковской, где находилась батарея. «В походе я имел случай быть два раза представленным к георгиевскому кресту и не мог его получить из-за задержки на несколько дней все той же проклятой бумаги, — сообщал он в письме Т. А. Ергольской. — Я был представлен 17 февраля, но были принуждены отказать, из-за отсутствия этой бумаги. Список представленных к отличию был направлен 19-го, а 20-го была получена бумага. Откровенно сознаюсь, что из всех военных отличий этот крестик мне больше всего хотелось получить, и что эта неудача вызвала во мне сильную досаду. Тем более, что для меня возможность получить этот крест уже прошла. Конечно, я скрыл свою досаду, не только от чужих, но и от Николеньки; по той же причине я и вам об этом не упомянул»³⁴.

С суждением о том, что возможность получить заветный крест для него уже прошла, Толстой явно поторопился. С производством в офицерский чин он действительно потерял бы право на солдатскую награду. Однако примерить офицерские эполеты он смог еще очень не скоро, только два года спустя.

Не удостоился солдатского «Георгия» Толстой и за зимний поход 1853 года. Тогда за упущение по службе он получил взыскание и во время награждения сидел под арестом. Накануне, заигравшись в шахматы, он не заступил в караул и за это был отправлен на полевую гауптвахту. «То, что я не получил креста, очень огорчило меня, — заносит он в дневник. — Видно, нет мне счастья. А признаюсь, эта глупость очень утешила бы меня. Я даже жалею, что не отказался от офицерства»³⁵.

Был еще случай, когда по совету батареинного командира подполковника Алексева Толстой уступил Георгиевский крест старому солдату Андрееву. «Вы заслужили крест, — обратился Алексеев к Толстому, — хотите, я вам его дам, а то тут есть очень достойный солдат, который заслужил и тоже ждет креста, как средства к существованию»³⁶. Толстой поступил благородно, отказавшись от награды в пользу Андреева, которого любил за покладистость и добродушие.

Буквально в последние дни на Кавказе Толстой все еще надеялся получить вожденный знак отличия. «Спросить Алексева о представлении, — пишет он в дневнике и спустя несколько дней добавляет: — За обедом не спросил о кресте, который сильно тревожит меня...» Покидая Кавказ, 20 января 1854 года в Старом Юрте Толстой делает еще одну запись: «Известие о том, что мне не вышло креста, очень огорчило меня; но странно — через час я успокоился... Был слишком горяч, когда узнал о неудаче»³⁷.

³⁴ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. — М.: Государственное издательство «Художественная литература». — Т. 59. — С. 191–192.

³⁵ Толстой Л. Н. Указ. соч. — М., 1937. — Т. 46. — С. 158.

³⁶ Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. — М., 1954. — С. 427.

³⁷ Толстой Л. Н. Указ. соч. — М., 1937. — Т. 46. — С. 225, 228, 231.

В рассказе «Рубка леса» писатель приводит рассуждения офицеров о сложившемся в России преувеличенном представлении («предании») о том, что «на Кавказ стоит приехать, чтобы осыпаться наградами». Позднее Толстой пришел к убеждению, что война с горцами намеренно затягивалась высшим командованием. В черновиках повести «Хаджи-Мурат» есть такая запись: «Успех горцев надо приписать тому, что русские баловались войной, поддерживали войну, убивали горцев и губили жизни своих солдат только затем, чтобы поддерживать практику убийства и иметь случаи раздавать и получать кресты и награды»³⁸.

Покинув Кавказ и участвуя в Крымской войне, Толстой в 1855 году удостоился награждения орденом Святой Анны 4-й степени — «за отличие, оказанное при бомбардировании Севастополя»³⁹. Известно всего лишь одно, сделанное в шуточной форме, упоминание Толстого об этом отличии — в его письме к брату Сергею: «От командующего всей горной артиллерии Крыма, подпоручика и кавалера...»⁴⁰ На деле же командовал он тогда не всей горной артиллерией, а только одним взводом, в состав которого входило всего лишь два легких орудия. За участие в сражении у Черной речки Толстой получил чин поручика. Производство состоялось 20 ноября, когда писатель находился уже в Петербурге.

Позднее Толстой получил и две медали. Одна из них, «За защиту Севастополя», имела на оборотной стороне, в дополнение к названию, надпись: «С 13 сентября 1854 по 28 августа 1855». Последняя дата, 28 августа, означала окончание героической обороны, то есть день отступления наших войск из Севастополя, и совпала с днем рождения Толстого, о чем он с огорчением записал в дневнике: «Севастополь отдан, я был там в самое мое рождение»⁴¹. Толстому исполнилось в тот день 27 лет. В одном из писем той поры он признался: «Я плакал, когда увидел город объятый пламенем и французские знамена на наших бастионах...»⁴² Вторая медаль, полученная Толстым, была учреждена в память войны 1853—1856 годов.

Менее известно, что свои награды были и у горцев. Шамиль ввел их в начале 40-х годов — в пору своего высшего могущества. Судя по арабским надписям, они именовались «орден» (нишан), «знак» (алямат) и даже «медаль». Выглядели эти ордена как круглая, чуть выпуклая бляха, реже имели форму полумесяца или близкую к треугольнику. Выполнялись только из серебра и отделялись чернью, а иногда и позолотой, могли иметь украшение в виде кисти.

Правом награждения обладал не только Шамиль, но и его наибы. Некоторые знаки имели маленькую тангру (клеймо) в виде полумесяца с именем «Шамиль», что говорило о награде, пожалованной самим имамом. Иногда можно прочесть и имя наиба, даровавшего знак. Часто на наградах изображалась шашка, реже пистолет или ружье, но самыми интересными были надписи — простые («Это знак храброго», «Обладатель — муж отважный») или по-восточному афористичные («Кто станет размышлять о последствиях, тот не проявит храбрости»). Высшей наградой служил знак, принадлежавший самому Шамилю, с надписью: «Единственный наместник (Мухаммеда), султан величайший и первый из возвеличенных эмир правоверных Шамиль, да продлит Всевышний Аллах его государство». Этот орден, как и другие, является настоящим произведением ювелирного искусства.

³⁸ Гусев Н. Н. Указ. соч. — С. 405.

³⁹ Дорощенко С. Лев Толстой, воин и патриот. — М.: Советский писатель, 1966. — С. 218.

⁴⁰ Толстой Л. Н. Указ. соч. — М., 1935. — Т. 59. — С. 320.

⁴¹ Толстой Л. Н. Указ. соч. — М., 1937. — Т. 47. — С. 60.

⁴² Толстой Л. Н. Указ. соч. — М., 1935. — Т. 59. — С. 335.

Михаил ДЕНЕЖКИН,
Григорий ВЕРХОВСКИЙ

ОТРАЖЕНИЯ. «ЗЕРКАЛО–2025»

В начале июля 2025 года в Ивановской области закончил работу ежегодный международный XIX кинофестиваль «Зеркало» имени Андрея Тарковского, получивший теперь расширенное название «Фестиваль кино, музыки и архитектуры».

Вновь главной темой этого фестиваля была философия Тарковского. В обширной программе «Зеркала» с кинопоказами, выставками и музыкальными концертами традиционно значительное место отводится просветительской программе. Одним из событий в 2025 году стала встреча с фотографом и кинооператором Григорием Верховским, это была очередная презентация книги — альбома «Сталкер Андрея Тарковского в фотографиях Григория Верховского». Верховский принимал участие в съемках легендарного фильма в 1978 году.

Творческую встречу с Григорием Верховским провел куратор кинофестиваля «Зеркало», историк Михаил Денежкин.

М. Д. Считаю важным начать наш разговор с достаточно банального хода, открыв вашу книгу. Здесь первые строки Марины Арсеньевны Тарковской. Расскажите, как они появились.

Г. В. Да, книга открывается вот таким приветствием Марины Арсеньевны Тарковской, писателя-мемуариста, редактора и критика: «У Григория такие чудные фотографии! Как бы хотелось иметь такой альбом и мне, и музеям!.. Поздравляю с выходом воспоминаний о „Сталкере“. Прочла с жадностью, если можно так сказать. Большое спасибо за такую, я бы сказала, свежую, будто написанную по горячим следам статью!»

Опечален тем, что Марина Арсеньевна недавно ушла из жизни, так и не увидев альбом о работе ее брата над фильмом «Сталкер».

М. Д. Насколько мне известно, у вас в архиве есть автограф отца Марины Тарковской — поэта Арсения Тарковского.

Михаил Геннадьевич Денежкин — историк, автор и менеджер культурных проектов, куратор международного фестиваля кино, музыки и архитектуры «Зеркало. Философия Тарковского».

Григорий Соломонович Верховский — российский кинооператор и фотограф. Его имя указано в титрах тридцати пяти фильмов, которые снимали такие выдающиеся режиссеры, как Рязанов, Самсонов, Зархи. Выставки его фоторабот и по сей день проходят по всему миру. Он автор нескольких фотоальбомов по искусству и архитектуре. В 2024 году в издательстве «Эксмо» вышла его книга-альбом «Сталкер Андрея Тарковского в фотографиях Григория Верховского».

Г. В. Да. Следующим знакомством с Тарковскими стала встреча с отцом Андрея Арсеньевича — замечательным и очень мною любимым поэтом Арсением Тарковским. Произошло это уже через три года после смерти Андрея Арсеньевича в Париже.

Во время съемок фильма «Счастливчик», которые велись в Матвеевском, в Доме ветеранов кино, кто-то из съемочной группы сказал, что в этом доме сейчас живет отец Андрея Тарковского — поэт Арсений Тарковский. Надо сказать, что его поэзию я знал еще до съемок «Сталкера» сначала по восточным переводам Аль-Маарри и Махтум-Кули. У меня был и сборник его избранных стихов 1974 года, выпуск которого удивительным образом совпал с выходом фильма его сына Андрея Тарковского «Зеркало» на экраны страны. Я обрадовался возможности познакомиться с любимым поэтом, к тому же отцом Андрея Тарковского, и решил подарить ему фотоportреты сына, сделанные мной на съемках. Жена Арсения Александровича, Татьяна Алексеевна Озерская предупредила меня, что он очень болен, тяжело переживает потерю Андрея. Из показанных мной фотографий Арсений Александрович выбрал один портрет и, поблагодарив, написал на другой фотографии свой автограф. Я не стал докучать ему просьбой сфотографироваться. Рука слабеющего поэта была нетверда, и я не смог разобрать написанное. Позднее его дочь Марина Арсеньевна помогла мне прочитать эти строки: «Я боюсь, что слишком поздно стало сниться счастье мне... 1989. А. Тарковский».

Из сотни фотографий на съемочной площадке в пригороде Таллина и на завершающем этапе съемок в Москве я сделал слайд-фильм «Страсти по Андрею» и передал Марине Тарковской. В знак признательности Марина Арсеньевна подарила мне свою книгу «Теперь у нас новый адрес... Московские адреса Тарковских» со своим автографом: «На память о семье Тарковских. 2015 год».

М. Д. Правильно понимаю, что ваша публикация фотографий со съемок «Сталкера» — одна из последних? И Сергей Бессмертный, и Арво Ихо, и Георгий Пинхасов опубликовали свои работы ранее. Почему ваши шедевры так долго ждали выхода в свет?

Г. В. Не совсем так. Мои фотографии Андрея Тарковского появились в российских и зарубежных изданиях одними из первых еще в 1989 году — сначала в книге историка кино Майи Туровской в лондонском издании «Кино как поэзия» и в ее российской книге «7 с половиной», в то же время ряд моих фотографий был показан в залах Российской академии художеств на выставке «Диалог поколений», а после выставки они вошли в крупнейшую антологию русской фотографии «От Родченко до наших дней».

Многие зарубежные авторы обращались ко мне с просьбой дать им фотографии для своих книг — так мои фото появились на страницах двухтомного издания в Испании, посвященного творчеству Андрея Тарковского, затем моими фотографиями иллюстрировались избранные сценарии Тарковского, изданные в Америке, и книги известного американского литературоведа и киноведа Роберта Берда «Стихии кино».

Двадцать моих фото со съемочной площадки «Сталкера» вошли в каталог выставки Русского музея «Андрей Тарковский. Художник пространства» в 2017 году.

Каталог той юбилейной выставки, подготовленный художником и одним из ее кураторов Иосифом Киблицким, — единственное издание, в котором собраны вместе и мои фотоработы, и Георгия Пинхасова, и Сергея Бессмертного, и Арво Ихо. Мы все приехали в Русский музей на открытие выставки и участвовали в проведении «круглого стола». На тот момент снимки Бессмертного были опубликованы только в Интернете, а позже показаны на выставке в Эстонии и затем на кинофестивале «Зеркало». Фотографии, сделанные Георгием Пинхасовым на «Сталкере», принадлежат международному агентству по распространению репортажных снимков «Магnum» и никог-

да не публиковались отдельным альбомом, посвященным Тарковскому. Лишь Арво Ихо удалось недавно издать книгу своих «сталкеровских» фотографий при финансовой поддержке Министерства культуры Эстонии, которое было заинтересовано показать те места в Таллине и пригородах, где проходили съемки культового фильма всемирно известного режиссера.

Основной причиной долгого пути альбома к читателю была сложность с финансированием: иллюстрированное издание в твердом переплете — очень затратное дело, и не каждое издательство, заинтересованное в моем материале, могло позволить себе финансировать печать альбома с целой сотней фотографий.

Мне было неинтересно распылять свой «сталкеровский» архив по разным книгам, хотелось издать целостный альбом с моими воспоминаниями о работе на последней картине Тарковского, снятой им в России. К счастью, необходимые для печати альбома средства нашлись у крупнейшего издательства «Бомбора» — одной из многочисленных ветвей холдинга «Эксмо».

М. Д. Насколько я понимаю, в период подготовки съемок и Андрей Тарковский, и композитор Эдуард Артемьев читали диссертацию Г. Померанца о дзен-буддизме. Вам Андрей Арсеньевич давал ее читать? Вообще, чувствовалась ли на съемках какая-то особенная интеллектуальная атмосфера?

Г. В. Вокруг Тарковского в работе над фильмом всегда была интеллектуальная атмосфера. Ведь он занимался созданием второй реальности и сравнивал кинорежиссера с творцом, демиургом. И писал о том, что создавать вторую реальность «все равно, что отделять твердь от воды и свет от тьмы». При этом никогда не объяснял окружающим, зачем нужно что-то в кадре, и на вопросы «Почему?» отвечал скупой по кочану.

Относительно увлечения его дзен-буддизмом — было такое поветрие в те годы среди интеллигенции. Мне труд Померанца не давали, но еще за несколько лет до съемок «Сталкера» я читал книги по восточной философии — Лао-цзы, Упанишады и другие. Что же касается влияния идей дзен, то они вошли в окончательный сценарий Стругацких, видимо, при обсуждении с Андреем Арсеньевичем одного из вариантов сценария, бесконечно переписывающегося по настоянию Тарковского. Это звучит в словах Сталкера-Кайдановского: «Черствость и сила — спутники смерти, гибкость и слабость выражают свежесть бытия. Поэтому что отвердело, не победит».

Атмосфера на съемочной площадке была напряженно рабочая, с предельной, я бы даже сказал, запредельной требовательностью Андрея Арсеньевича, что некоторые принимали за придирчивость. Ведь на самом деле на съемках все переделывалось по мановению его руки — переделывалась даже натура: то он требовал избавиться от ярко-желтых одуванчиков на поляне перед комнатой исполнения желаний, то перекрасить листву дерева краской-серебрянкой, чтобы достичь нужного ему оттенка и эффекта.

М. Д. Есть ли для вас объяснение личных конфликтов Тарковского при работе над «Сталкером»? Рерберг и Тарковский? Работа с художниками?

Г. В. Мне кажется, что причин тому было несколько: и технический брак пленки, и личные отношения, и изменение видения картины самим Тарковским.

Известно, что на конфликты с оператором и художниками в большой степени повлияло и вмешательство жены Тарковского Ларисы Павловны, ее недоброжелательное отношение к Рербергу, который после кинопроб Ларисы Тарковской на роль жены Сталкера предложил Тарковскому пригласить на эту роль потрясающую Алису Фрейндлих. Ко времени съемок второго варианта «Сталкера» стиль декораций «мосфильмовских» художников Александра Бойма и затем Шавката Абдусаламова уже сложился

и вполне устраивал Андрея Арсеньевича. К тому же у Андрея Арсеньевича было художественное образование: в юности он учился в художественной школе, рисовал и даже писал маслом. На втором «Сталкере» ему больше не нужен был художник, а требовался декоратор — точный исполнитель замысла фильма, существовавшего в воображении Андрея Арсеньевича. Им стал Рашит Сафиуллин, делавший все фактуры в построенных декорациях и на натуре. А в титрах фильма в качестве художника Тарковский поставил свое имя, ведь, по сути, он и был художником пространства, создателем визуального образа своего фильма. Именно на съемках «Сталкера» Тарковский стал часто смотреть в лупу камеры, отстраняя главного оператора, и, лишь убедившись, что все выглядит так, как ему надо, давал команду «Мотор!». При таком непосредственном участии в съемке его имя могло бы стоять в титрах рядом с именем оператора-постановщика Княжинского. Да и на съемках своих последних фильмов он смущал знаменитых зарубежных кинооператоров привычкой самому смотреть в камеру.

М. Д. Почему Андрея Тарковского на протяжении всей жизни так много связывало с фотографией? На «Зеркале» он внимательно работал со снимками Льва Горнунга и по ним строил некоторые сцены фильма. А потом и сам Андрей Арсеньевич работал с полароидами.

Г. В. Думаю, прежде всего потому, что черно-белое кино, которое так любил Тарковский, вышло из искусства фотографии. Сам Тарковский говорил, что фотография — это документ. И призывал фотографировать жизнь, как она есть, потому что этого скоро может и не быть. Фотографии Горнунга — это и есть запечатленное детство Андрея Тарковского, счастливое для него время, когда отец Арсений Тарковский и мать Маруся Вишнякова еще вместе, отец рядом с ним и с его сестрой Мариной. Это, конечно, сильно повлияло на образы и стиль фильма «Зеркало».

Несмотря на мою работу на «Сталкере», самым любимым фильмом Тарковского для меня остается «Зеркало». Этот фильм очень высоко оценил Бергман. Мне близка эстетика этого фильма и, конечно, восхищает блистательная операторская работа Георгия Рерберга. В своей любви к отражениям я совпадаю с Рербергом.

Мне с ранней юности нравился этот магический предмет — зеркало. И мотив зеркала рано появился в моих фотографиях. Я любил снимать отражения — у меня есть и автопортреты, и фигуры людей, и предметы, отражающиеся в зеркалах. Если у меня в кадре не было зеркала, то я снимал отражения в стеклах витрин, в застекленных картинах.

М. Д. Если не ошибаюсь, первые ваши фотографии были опубликованы в поэтическом сборнике Роберта Рождественского. Расскажите немного об этом.

Г. В. Первые мои фотографии появились в книге стихов поэта Рождественского «Радиус действия» в 1965 году.

Они иллюстрировали его стихи «Дождь», «Снег» и «Третий лишний». Тогда я много снимал зарисовок в стиле, названном Картье-Брессоном, «стрит фотогафи». Дождь снят на Манежной площади, а снег с балкона моей квартиры в районе метро «Университет». Эти фотографии, как и множество снимков московских бульваров и видов тогдашнего Ленинграда, я объединил в серию «Элегии двух столиц», который хотелось бы издать отдельным альбомом. Мои знакомые поэты и художники считают эти снимки поэтичными.

М. Д. Итак, поэзия. Насколько для вас это важно в искусстве? «Сталкер» — фильм о поэте, как вы считаете? А Анни Жирардо, с которой вам довелось работать на съемках, ее игра — тоже поэзия?

Г. В. Я не представляю свою жизнь без поэзии — среди любимых поэтов, конечно — Пушкин и Баратынский, поэты Серебряного века: Ходасевич, Георгий Иванов. Из зарубежных — Бодлер, Уитмен, Паунд.

Многие историки кино определяют стиль Тарковского как поэтический кинематограф. Взять хотя бы его излюбленный образ рассыпанных на земле яблок или сцену с отражением в колодце в фильме «Иваново детство». Шумящая листва, луч солнца в кувшине с водой. Его пейзажи Григорий Козинцев называл «выстраданными». Мне кажется, в его фильмах явно чувствуются отголоски поэзии его отца, которую режиссер хорошо знал и глубоко чувствовал. Причем поэтическую ткань своих кинолент Андрей Тарковский создает не только звучанием стихов с экрана, но и прямыми «визуальными цитатами». Внимательный зритель может заметить сходство строк с его кинообразами. Кто-то из киноведов писал, что отец и сын совпадают в лирическом переживании природы, которая для них и «дом», и «тайник». Вот пример таких «визуальных цитат» — в сцене свидания Сталкера с Зоной он, уединившись, принимает лицом к влажной траве, будто вслушивается в шум природы. Как этот кадр переключается со строками Арсения Тарковского:

Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала, как флейта, звучать.

Или в кадрах, где герои пробираются по заросшему лугу к заброшенному зданию:

Сама ложилась мята нам под ноги...

А в преддверии Комнаты исполнения желаний необъяснимым образом через потолок проливается очищающий души героев дождь, и это напоминает другие строчки поэта:

То были капли дождевые, летящие из света в тень...

Какое потрясающее слияние звука и зримого образа! И таких визуальных цитат немало в фильмах Тарковского.

Согласен, что поэзия присутствует и во вдохновенной игре такой актрисы, как Анни Жирардо, с которой мне довелось быть рядом на съемочной площадке фильма «Руфь» о трагической судьбе выдающейся французской пианистки. Жирардо — воплощенная «французскость», не в смысле глянцевого красота, а по сочетанию тонкости и ума. Ее игра — образец высокой духовности. Мне посчастливилось сфотографировать ее, и, приняв мою фотографию, она написала на моем экземпляре автограф: «Григорию с любовью».

Иванна ДУНЕЦ

РУССКИЙ ГОФМАН. ЛИЦА: ТРИ ПОЭТИЧЕСКИЕ НОРНЫ

Судьба. Фатум. Провидение. В славянской и скандинавской мифологии есть очень похожие мифы о трех богинях Судьбы. У скандинавов — это норны Урд (прошлое), Верданди (настоящее) и Скульд (будущее) — волшебницы, наделенные даром определять судьбы людей и богов. Живут они у источника Урд в Мидгарде, в срединной земле, в мире людей, и плетут нити судеб из шерсти дерева Иггдрасиль. У славян — это богиня Макошь и ее помощницы — Доля и Недоля, тоже прядущие нити человеческих и божественных судеб...

Поэтический текст как средство познания личности автора. Закономерно ли это утверждение? Уже на протяжении долгого времени задаются исследователи данным вопросом, очень дискуссионным, к слову. И пытаются понять — «обнажает» ли себя автор поэтического произведения, или происходит добровольная сегрегация личности поэта на лирического героя и автора стихотворения?

Способен ли поэтический текст рассказать нам о пишущем человеке сокровенное, настоящее, бытийное? Или для того, чтобы познать автора стихотворного произведения, нам важно (и нужно!) быть знакомым с ним лично или, в случае невозможности оно, изучить биографию современного поэта с ключевыми событиями жизни, происходящими здесь и сейчас?

Современные реалии писательского мира в России в XXI веке дарят уникальную возможность авторам быть активно вовлеченными в литературный процесс. Интернет-сообщества, союзы, поэтические и прозаические сайты, книжные блогеры, презентации, книжные ярмарки, литературные конкурсы и фестивали. Благодаря последним и происходит одна из важнейших составляющих литературного процесса: современный автор выходит на авансцену не только через свои произведения, но и лично, во всей своей физической реальности. И у его читателей и коллег появ-

---

Иванна Дунец родилась в городе Мирном, Республика Саха (Якутия). Выпускница филологического факультета ТГПУ и ГПНТБ Сибирского отделения Российской академии наук по специальности «Библиотечно-информационная деятельность». Работает библиотекарем организационно-методического отдела МБУ «Библиотека». Руководитель детско-юношеской литературной студии «Первая капель». Поэт. Эссеист. Лауреат «Слова», «Русского Гофмана», «Золотого пера Руси», международного конкурса им. Ю. Н. Куранова, «Творческой Сибири», «Сказаний мудрого кедра» и других конкурсов. Публикации в изданиях «Мастерская. Вестник томских писателей», «Начало века», «Северо-Муйские огни», «Петровский мост», «Причал», «Балтика», «Роман-газета», «Литературная газета» и других изданиях. Автор двух книг — сборник стихотворений «Сpaces» (Пространства) (2016), сборник стихотворений и эссе «Невесомость» (2024).

ляется возможность узнать поэта не только через призму творчества, но и напрямую, общаясь с ним на литературных конкурсах или фестивалях.

Международный конкурс-фестиваль «Русский Гофман» — не исключение. В 2025 году конкурс стал юбилейным и прошел уже в десятый раз. «Русский Гофман» — значимое явление в современном российском литературном процессе. Он не просто консолидирует российский литературный мир, являясь настоящим проводником в творчество авторов, он дарит возможность на практике поэтам и писателям XXI века быть признанными друг другом не только через печатное слово. К юбилею одного из лучших у нас в России конкурсов-фестивалей, на примере реальных поэтов — знаковых и значимых личностей, представляющих «Русский Гофман», — мы и попытаемся найти ответы на поставленные вопросы.

ГРАНЦЕВА (УРД)

Я стою на Дворцовой в окне слюдяном...

Представить «Русский Гофман» без Натальи Анатольевны Гранцевой невозможно до сих пор. Известие в феврале 2024 года об уходе поэта, эссеиста, главного редактора журнала «Нева» и члена жюри конкурса-фестиваля «Русский Гофман» потрясло всех конкурсантов-«гофманцев».

Наталья Анатольевна на «Гофмане» почти всегда держалась отстраненно, очень редко вступала в диалог с конкурсантами вне творческих площадок и мастер-классов, лишь изредка могла улыбнуться или отпустить уместную остроту. Рядом с нею всегда был ее верный рыцарь и друг — поэт, член жюри «Русского Гофмана» Владимир Шемшученко. Опираясь на его руку, только с ним она могла рассуждать о вечном — о литературе и вдохновении. Только на его плече она позволяла себе уснуть в экскурсионном автобусе, когда нам предстояло из точки «а» в точку «б» Калининградской области перемещаться несколько часов. И только из его рук она могла принять так любимый ею горячий кофе эспрессо.

Но при всей своей отстраненности не было на «Гофмане» человека более погруженного в творческий процесс. На прозаические мастер-классы к настоящему мастеру эссеистики, исследователю творчества Шекспира и Ломоносова конкурсанты записывались в первый же день приезда с надеждой, что именно их произведение — рассказ/эссе/отрывок повести — Наталья Анатольевна прочтет и проанализирует, укажет на достоинства и недостатки. И вечерами в течение недели прозаики «Русского Гофмана» внимали заветным словам.

Жестко, хлестко, не щадя самолюбия авторов, Гранцева препарировала их тексты. Были те, кто спорил и отстаивал свои литературные идеи и методы их воплощения, были те, кто молча слушал, иногда после анализа на какое-то время вовсе прекращая писать, были и те, кто не принимал ее аналитики и разборов. Но когда мастер-классы подходили к своему завершению, все участники прозаических баталий ждали из уст главного редактора «Невы» сокровенную фразу: «Пришлите, пожалуйста, ваше произведение на мой электронный адрес».

Случайным образом на одних из чтений «Русского Гофмана» в прошлом году мне в руки попал сборник стихотворений Натальи Гранцевой. Прочитав несколько, я искренне растерялась. Сильная строгая женщина предстала передо мной во всей своей невероятной нежности и ранимости поэта. Со стихотворений Натальи Анатольевны смотрела на меня трогательная, любящая лирическая героиня или сам автор?

Сто тысяч раз по Невскому прошла,
сто тысяч слов любовных прошептала,
разбила и сердца, и зеркала,
но все равно от жизни не устала,
но все равно под солнцем и в ночи,
в дождях алмазных, в сумраках чернильных
бегу, теряя годы, и ключи,
и удивленья ропот ювенильный.
Но все равно, читая вензеля,
бреду сквозь зданий каменную драму
от детства — золотого корабля,
до старости — таинственного храма...

Вчитываясь в строки, пыталась осознать, что за маской-щитом жесткой, сильной женщины была сокрыта от постороннего взгляда настоящая Гранцева, о существовании которой в реальном мире было дано знать лишь единицам людей — ее близким, любимым и родным.

Он говорил: лишь ты — моя фиалка,
Он в ресторанах воровал ножи,
Смеялся, что восточная гадалка
Его учила верности и лжи.
Как в клетке тигр, метался по квартире,
И клял судьбу на разных языках,
И забывал о Северной Пальмире,
О царских парках, влажных сквозняках.
Там пел сентябрь, как тенор в полумаске,
О том, что все пути предрешены.
И Ватикан молился о Дамаске,
И мир дрожал в предчувствии войны.

Поэтические тексты Натальи Гранцевой стали не просто откровением, они послужили ответом, тем самым средством познания личности автора. Отсюда вопрос. Так дает ли поэтический текст нам достаточно полное представление о личности автора? Важно ли потенциальному читателю быть знакомым с автором произведений, чтобы уловить столь неуловимое в его жизни/судьбе?

Угасают судьбы огни
меж метелей и хризантем.
Время действия — наши дни,
в стиле милитари Эдем.
Место действия — жизнь моя,
жесткий экшн чужих страстей,
волчья ягода бытия,
скоростная боль новостей.

Только изредка на луну
на чугунном ядре взлетишь,

глянешь в круглую глубину,
разом будущее простишь.
Без отчаянья и тоски,
сквозь космическую пыльцу,
словно с чьей-то легкой руки
милый мир поднесешь к лицу...

Наталья Гранцева, родившаяся в Ленинграде и прожившая в нем всю жизнь, безусловно, наследница Санкт-Петербургской поэтической традиции в ее классическом блоковском понимании. Поэтический голос Гранцевой в большинстве текстах отнюдь не «с женским лицом», звучит довольно жестко, характерно, по-мужски. Излишняя sentimentalность и девичья многословность ему совсем несвойственна.

Вопреки этому он звучит теперь в моей памяти чуть иначе. Наталья Анатольевна рассказывает не только о непростом пути литератора в современном мире, она позволяет сохранить веру в то, что сильная женщина способна на любовь и нежность, на трепетное понимание и постижение сути бытия. Чтобы быть признанной в своей литературной деятельности как поэту, эссеисту и главному редактору одного из ведущих российских литературных журналов, ей позволили не только характер и стойкость к предлагаемым испытаниям, тонкое поэтическое чутье, но и любовь, освещающая путь истинного творца.

ПОЛЯНСКАЯ (ВЕРДАНДИ)

*Обыденная суетность метро
Смягчает боль прощания навеки...*

С творчеством поэта Екатерины Полянской из Санкт-Петербурга, победителем «Русского Гофмана» и впоследствии его членом жюри, обстоятельства встречи были иные. Ее «Скрипач» был услышан мною в первые дни конкурса-фестиваля «Русский Гофман» в одном из старейших зоопарков, основанном в 1896 году в Кёнигсберге. В аудитории стало настолько тихо и весомо от произносимого ею текста — было невозможно поверить, что уровень такого воздействия поэзии способен существовать в современных реалиях. И я заплакала, что, поверьте, абсолютно несвойственно моему «мужскому характеру».

Скрипач

Памяти Муси Пинкензона

Вздогнула скрипка у мальчишеского плеча.
Офицер, пришурившись, смотрит на скрипача.
Офицер доволен: расстрел обещает быть
Даже забавным... Он успеет убить.
...О, в этих скрипках всегда такая печаль...
Он позволит музыке прозвучать.
Мальчик, не медли, сыграй что-нибудь! Поспеши!
Ну же, сыграй для sentimentalной души —
Что-нибудь нежное для немецкой души...

Он же сказал:
 Понравится — будешь жить.
 Что ты можешь, мальчишка, — маленький, как сверчок!..
 К подбородку взлетает скрипка, к небу — смычок.
 Самое главное — не опускать лица:
 Мертвых не видеть — матери и отца.
 Ну же, сыграй ноктюрн, не сходи с ума.
 Но горячей молитвы, мощней псалма
 Словно взрывает пространство перед тобой:
 ...это есть наш последний
 и решительный бой!..
 Это есть наш последний бой, наш последний — на землю — взгляд.
 Дергается в конвульсиях автомат,
 Хриплым лаем захлебывается другой.
 ...Это есть наш последний и решительный бой!..
 Это есть наш последний — разорванной грудью — вдох.
 Он так глубок, что в него умещается Бог —
 Бог, так похожий на твоего отца.
 Смерти нет.
 Есть музыка — без конца.

Поэтический текст Полянской не просто перенес аудиторию на десятилетия назад, погрузив нас во времена одного из тяжелейших испытаний для нашей Родины — в годы Великой Отечественной войны, ее текст стал откровением, позволив узнать об авторе что-то такое едва уловимое, что-то предельно настоящее, бессмертное. Сколько состраданием, любовью и терпением обладает Екатерина Полянская...

Прикасаясь через поэтический текст к ее прекрасной душе, почти каждый участник конкурса-фестиваля испытывает редкое чувство, столь забытое в суровом XXI веке: «Творец слова, ты — уникален, талантлив, и тебя обязательно полюбит твой читатель».

Вот же мы, Господи, — весь Твой улов.
 Сыплются острые камушки слов
 Сквозь нарастающий шорох и треск,
 Сквозь ледяной ослепительный блеск.
 Вот мы, пригоршню осколков схватив,
 Ловим едва различимый мотив,
 Но ускользает незримая нить —
 С вечностью время не соединить.

Вот мы — «известные в узких кругах»,
 Вечно в долгах, как в дырявых шелках,
 В горьком похмелье на каждом пиру —
 Ребра открыты любому перу.
 Вот мы. И каждый — не больше, чем стих.
 И в раскаленных ладонях Твоих
 Дудочкой хрупкой сгорает любой...
 Вот же мы, Господи, — перед Тобой.

Поэтические мастер-классы Екатерины Владимировны на «Гофмане» — иные, чем у других мастеров. Стиль их отличен от общепринятых разборов в литературной среде. Когда ты оказываешься участником мастер-классов Полянской, ты видишь, насколько они пронизаны уважением и любовью к слову и бережным отношением к тому, кто его создает.

Шаг за шагом, погружаясь в строки поэтов, мастер будет бережно отделять зерна от плевел, показывать способы и средства достижения максимально эффективного взаимодействия со словом, что позволит будущему читателю сопереживать, постигать и любить творения поэтов.

Я уважаю классиков,
преклоняюсь перед их мудростью,
восхищаюсь талантом,
глубиной слова и мысли,
ужасаюсь предвиденью.
Эти глыбы, эти тома
непостижимы,
всегда адресованы вечности.
Однако же я их читаю
внимательно и серьезно,
ведь я же — не варвар,
ведь я размышляю
о мире,
о людях,
о космосе внешнем и внутреннем,
о безднах
внутри самого человека
и много еще о чем,
поскольку
«cogito, ergo...»
ну и так далее.
И все же, когда мне плохо,
плохо по-настоящему,
плохо без оговорок,
тогда,
словно в детстве,
я снова в руки беру
незатейливую,
простую до примитивности,
но такую чудесную
книжку
про капитана Блада.

И снова хочу жить.

Екатерина Полянская, поэтическое мировоззрение которой всегда направлено в сторону экзистенциальных вопросов, врачует не только в мирской жизни, но и в поэтической. Рефлексия о жизни и смерти, о предназначении человека в этом мире, о рани-

мости, но стойкости души маленького человека, о любви, — Полянская проговаривает наше настоящее как истинный доктор, пытающийся помочь, излечить не только тело, но и душу человека.

Цельная, любящая, верующая в людей, созидающих слово. Ее поэтический текст — проводник в самое сокровенное, обнаженное до кости. Без лукавства, излишнего кокетства и, так любимого сейчас молодыми начинающими поэтессами, заигрывания с публикой. Но если вам случится побывать на ее поэтическом вечере или принять участие в мастер-классе, который она ведет, — вы станете еще на шаг ближе к тому, чтобы постичь талантливого творца.

ОРЫНЯНСКАЯ (СКУЛЬД)

*Что знает собака о смерти? Что смерти нет.
Есть одуванчики, снег, прелые листья.
Так будет всегда — у собак не бывает лет.
И это важней человеческих истин...*

«Это литературная магия!» — первое, что подумала, когда в одной из библиотек на «Русском Гофмане» на авансцену вышла Полина Орынянская и начала читать свои стихотворения. Насколько органичен оказался ее текст, насколько уникально было авторское прочтение: эмоционально и сдержанно, музыкально и в рваном темпе, но всегда проникающее в самое сердце. Многим позже читая стихотворения из ее новой книги «Старушки, псы и прочее», я уже не могла не слышать авторскую интонацию.

Иду себе

Полосочкой огней на дальнем берегу
и прошлое мое, и будущее время.
А я иду себе по мокрому песку,
по звездам и по мху, что на боках деревьев.

Ах, как же ночь тиха! Медведица ковшом
крадет туман с реки в туманность Андромеды.
А я иду себе, и так мне хорошо,
и сонная волна ползет за мной по следу.

Я в полночь, может быть, присяду отдохнуть
и буду размышлять о самом сокровенном.
А искры от костра умчатся в Млечный Путь
и звездами навек застрянут во Вселенной.

А что там впереди? За левое плечо
мне трижды наплевать и дальше — без оглядки.
Мне топать до зари немерено еще,
и теплая вода мои щекочет пятки...

Волшебство слова, не иначе. Полина Орынянская — третья поэтическая норма «Русского Гофмана» — победитель конкурса и уже несколько лет член жюри. Поэтические тексты ее насыщены нашим настоящим и предчувствием будущего. Они о том,

кто мы есть, что для нас ценно и как необходимо нам быть честными с собой и со своим читателем. Но прежде всего, конечно, о необходимости сохранить в себе, сберечь самое драгоценное для человека — нашего внутреннего ребенка.

Подобно пыли

Когда совсем беда, тоска и боль,
мне хочется рассыпаться, лететь,
подобно пыли в солнечных лучах,
легко, тепло, послушно и безвольно.

Мне кажется, что рай такой и есть —
тепло и свет, безмыслие, ничто.
И маленький ребенок босиком
стоит на рыжем солнечном пятне
и щурится на свет.

И это я.

Открывает ли нам себя автор? Безусловно. Нет лукавства. Есть ирония, но не та ирония, которая способна убить наше естество. Прячется ли автор за образами бесчисленных лирических героинь? Нет. В каждой книге Полины перед нами простая, но при этом бесценная по своей сути история современного поэта о том, что он проживает, чувствует, что его радует, огорчает, или о том, над чем он сейчас размышляет. Но и эта простота обманчива, за ней сокрыты сложнейшие вопросы современности и тревожное ожидание будущего.

Что касается поэтики Орынянской, при прочтении ее текстов мы видим, насколько виртуозно она владеет многообразием стихотворных техник — ее читатель даже не замечает искусных, а порой и достаточно сложных поэтических приемов. За этим стоит нечто более фундаментальное, чем тривиальное применение на практике навыков стихосложения, иначе не объяснить удивительную гармоничность ее стихотворений.

Важно ли читателю услышать хотя бы единожды поэтический голос Полины вживую? Да. Орынянская прочитывает нам жизнь свою здесь и сейчас тихо, музыкально, сокровенно, при этом считая себя самым обычным человеком, таким же, как и многие другие люди. Возможно ли, не зная ее лично, постичь ее поэзию, просто прочитав? Конечно, возможно. Поэзия Полины Орынянской — тот самый редкий случай, когда читатель сможет считать все смыслы, дарованные нам поэтом. Но и это только кажущееся полное понимание, последующие прочтения этого же произведения будут наполнены новыми откровениями. И для этого не нужно шумного представления, шоу, музыки или танцоров, перемежающих прочтение стихотворений. Для этих открытий достаточно поэтического текста. Ну а бонусом бытия для читателя Орынянской, конечно, будет возможность услышать ее голос.

Девочка на шаре

Это не бессонница, а бессолница —
время звезд и внутреннего света.
Все, что сейчас попросишь, потом исполнится —
если умеешь просить об этом.

Ковш облаками наполнен. Сверчки в ударе.
Август ночами смородинно-черен и сладок.
Чувствуешь себя девочкой на шаре —
таком маленьком среди звездопада.

Утро приходит розовым, как младенец.
Птицы пробуют звуки на вкус и нежность.
Лежишь тихо-тихо, уснуть надеясь,
между прошлым и будущим... между... между...

ЭПИЛОГ

Три прекрасные поэтические норны «Русского Гофмана», плетущие нити судеб конкурсантов, в своей поэзии, безусловно, даруют нам сокровенное — самих себя. Почти в каждом стихотворении Натальи Гранцевой, Екатерины Полянкой и Полины Орынянской вы можете разглядеть его творца почти воочию. Талантливые поэтессы с уникальными поэтическими голосами органично взаимодействуют с каждым из нас, открываясь в своих произведениях.

Но насколько при этом они разные в реальном общении. Предельно сокрытая от постороннего взгляда сильная, жесткая, но ранимая и нежная Наталья Гранцева... Искренне верю, что Наталья Анатольевна, находясь сейчас в верхнем мире, в мире богов, по-прежнему продолжает творить и продвигать талантливое слово. А Екатерина Полянская и Полина Орынянская, в чьих руках сегодня судьбы конкурсантов «Гофмана», в прямом смысле — самоотверженно, с любовью и пониманием будут продолжать прясть не только нити судеб будущих конкурсантов «Русского Гофмана», но и свою уникальную волшебную поэтическую пряжу на радость российскому читателю.

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Елена КОЗАЧУК

ГЕРОИКА ВОЕННОГО ДЕТСТВА

Тарковский, Косенков, Прасолов

Дети и война — нет более ужасного сближения противоположных вещей на свете... Призванные самой сущностью детства жить на воле, в 41-м они в одночасье потеряли это свое законное право.

Александр Твардовский. Военный дневник

Идея соединить в одном — докладе, сообщении, пространстве — фильм Андрея Тарковского «Иваново детство», графические листы Станислава Косенкова и стихотворения Алексея Прасолова возникла во время подготовки беседы за круглым столом в мемориальном музее-мастерской Станислава Косенкова. Встреча была приурочена ко Всероссийской акции «Ночь музеев», с общей темой для юбилейного, восьмидесятого года Великой Победы — «Герои». Тема, что и говорить, сильно актуализовалась — в нынешних реалиях белгородской прифронтовой жизни у нас обострился взгляд и на события прошедших лет, корректируется и наше восприятие искусства XX века, особенно советского периода.

Творчество художника Косенкова уже полвека является культурной доминантой Белгородчины, Черноземья, всей России. Музей-мастерская размещается на верхнем

Елена Анатольевна Козачук — младший научный сотрудник музея-мастерской заслуженного художника РФ С. С. Косенкова. Родилась в городе Лесном Свердловской области. Окончила Полтавский государственный технический университет им. Ю. Кондратюка. Специальность — архитектура. Работала художником-дизайнером в Белгородской областной типографии, издательствах. В 2010–2025 годах — участник городских, областных и региональных художественных выставок.

этаже обычного многоэтажного жилого дома на улице Князя Трубецкого, 52. Здесь хранятся творческое наследие художника, книги, личные вещи. Пространство камерное, с особенной атмосферой художественных мастерских 1980-х — инструменты мастера, офортный станок, книги, даже керамика и сухоцветы, — здесь все косенковское, то самое, включая столы и табуретки, которые смастерил сам хозяин. С 1995-го, за годы существования музея, сформировался круг постоянных посетителей, друзей художника и его семьи, участников-единомышленников, приходят и новые гости. Собранных вокруг работ художника: недавно открылась выставка «Детство, опаленное войной». Неизбывная, циклическая косенковская тема, в которой боль и нежность личного переживания неотделимы от общего трагизма тех грозных лет.

Время нелинейно, и воспоминания людей, переживших Великую Отечественную, сегодня оживают и для нас, нередко напоминая «новости дня онлайн». В конкретном музейном пространстве, здесь и сейчас, появляется новый контекст, и он требует новой оптики взгляда на проблему героики военного детства в отечественном искусстве.

Возможно ли расширить границы восприятия знакомых произведений? Авторы которых — сопоколенники, дети войны. Попробуем провести художественные и идейно-философские параллели с помощью визуальных цитат и сюжетных аллюзий.

В творчестве Андрея Тарковского образ ребенка, мальчика, вбирает в себя целый космос. Особая связь детского мировосприятия с инобытием, универсумом предрождения проявляется в первой же полнометражной картине режиссера — «Иваново детство», и еще более ярко и ощутимо воплотится в более поздних киноработах мастера. Дети в его фильмах смотрят в мир с особенной, словно отрешенной, пристальностью, они созерцатели, обладающие особым даром — ощущать незримое Присутствие.

Николай Болдырев в своей книге описывает перегруженный созерцанием лунатический взгляд ребенка из киноповествований Тарковского, космичность его «мощного ока», способного в том числе проникать мир природы с его «подрагивающими потусторонней дрожью волхвующими кустами» и смиренной лошадь. Хрестоматийная сцена «Иванова детства» с рассыпающимися по земле яблоками и лошадь у кромки воды вызывает в памяти стихотворение воронежца Алексея Прасолова, где образ одинокой лошади, несущей на себе «тяжесть человеческих веков», возведен во вселенскую степень бытия, наравне со звездами и светилами:

Мирозданье сжато берегами,
И в него, темна и тяжела,
Погружаясь чуткими ногами,
Лошадь одинокая вошла.

Перед нею двигались светила,
Кольхалось озеро без дна,
И над картой неба наклонила
Многодумно голову она.

Поэтический язык Прасолова и визуально-пластический Тарковского становятся категориями личностного смысла, выражают особенный внутренний план постижения мира. И для нас важно, что подобное восприятие доступно именно детскому взгляду. Вспомним сновидчески просветленные картины начала «Иванова детства». Тем страшнее, что в реальной жизни мальчик воплощает собой разрушенный мир, замкнутый на себе с ненавистью и болью, с энергией космологической катастрофы, когда из-

вращается сама природа, проявляется двойственность существа, одиноко и неразрывно связанного с войной, мстью и смертью.

По мнению французского философа Жана Поля Сартра, природа героизма Ивана саморазрушительна, а потребность мальчика совершать все более рискованные поступки основана на самоубийственной ненависти и желании спастись от невыносимого ужаса не самой войны даже, а ее последствий — мучительных снов, в которых он, безоружный и уязвимый, снова и снова становится свидетелем убийства его родных. Сартр пишет: «Кто он, Иван? Безумец, чудовище, маленький герой? В действительности он — самая невинная жертва войны, мальчишка, которого невозможно не любить, вскормленный насилием и впитавший его. Нацисты убили Ивана в тот момент, когда убили его мать и уничтожили жителей деревни. Однако он продолжает жить. Но жить в прошлом, когда рядом с ним падали его близкие».

Сны-видения Ивана всегда начинаются светописью счастливого детского мира, окутанного нежностью, удивленно распахнутого в попытке равно постигать реальное и ирреальное в окружающем. Но затем с постоянством кошмара оборачиваются пыткой и мучительным пробуждением, возвращением в искаленную войной реальность.

Именно сновидческие фрагменты фильма Тарковского сближают его с некоторыми работами Косенкова. Мир детства в произведениях художника тоже по-своему космичен и созерцателен. Это видно, если последовательно рассматривать его графические листы. Свои образы-метафоры автор тщательно разрабатывал, уточнял и воплощал в графике (серии рисунков, офортов и цветных линогравюр) и живописи. Миры косенковских мальчиков обволакивает просветленная нежность, они созерцательно обособлены, органичны в своей бытийности с деревьями, травами, рекой. Яркий тому пример — созвучный с эстетикой Тарковского офорт «Островок» из серии «Времена года». Есть и другие пейзажи, в них ландшафты прорезаны разломами оврагов — «ранами земли», композиционно разделены на два временных и пространственных плана глубокой тенью или особого оттенка фиолетовым цветом — символом небытия, потусторонности — как, например, в цветных линогравюрах серий «Детство», «Память», «Прохоровское поле».

Разграничение на два плана — бытия и небытия — вызывает в памяти «Иваново детство», где два берега болотистой реки разъединяют художественное пространство. На одном берегу, где происходит долгожданная встреча, есть место для краткого отдыха, дружеских разговоров и мимолетной нежности. Здесь читают береженные от огня книги и звучит музыка. На другом — только враги и смерть. «Два берега» — название рисунка Косенкова из цикла прасоловских иллюстраций. Эти образные параллели возникают независимо, но в их основе — общее поле визуальной культуры.

Журналист Святослав Бирючин в своем эссе рассматривает некоторые характерные средства художественной выразительности и композиционные приемы визуального повествования фильма. Интересно, что большинство из них присутствует в работах С. Косенкова, несмотря на то что арсенал средств художника-графика вроде бы ограничен рамками традиций пластического искусства.

Так, искусственное обрамление в виде деревянных качелей или пустой арки дверного проема в прасоловских иллюстрациях, лейтмотив прямоугольника разрушенных ворот в цикле иллюстраций к рассказу Евгения Носова «Красное вино Победы» — это говорящие детали и возможные аллюзии к фильму Тарковского (вспоминается одинокая скрипящая дверь посреди поля, в границах которой появляется безумный старик). Разработка линейной перспективы, специфические ракурсы, в том числе и «голландский угол», активный второй план, который обогащает композицию пла-

стически и дает дополнительную сюжетно-смысловую нагрузку, тонкая проработка деталей и моделировка светотени, как и виньетирование, — Косенкову были известны эти художественные и композиционные приемы. Более того, он уверенно применял их в графике со впечатляющим результатом.

Погибший лес из фильма Тарковского и одинокие огарки деревьев вызывают в памяти одну из самых проникновенных и горьких работ Косенкова — рисунок «Безотцовщина». Дети стайкой, словно птенцы-подранки, вспорхнули на столбики обрубленных деревьев и балансируют на них между надеждой на возвращение отцов и отчаянием из-за невозможности встречи с ними. Лев Аннинский назвал этих косенковских послевоенных детей русскими «столпниками», стоящими посреди Русской земли «как памятники ожиданию».

«Возникшая у Льва Аннинского ассоциация со святыми подвижниками поражает как своей неожиданностью, так и точностью, — отмечает в свою очередь друг графика писатель Станислав Минаков. — Действительно, духовная работа, которую должны были осуществить эти лишенцы, да и осуществили ее своим поколением (что мы и видим, в частности, на примере творчества С. Косенкова, ставшего ярчайшим выразителем этой ноты и идеи в отечественной культуре) — есть деяние немалое. И в этом смысле тоже — можно говорить о провиденциальности Великой войны».

Этот образ стал сильным эмоциональным и художественным высказыванием и несомненной творческой удачей С. Косенкова. Сюжетно композиция построена на лаконичной и точной метафоре. Работа выполнена в реалистичной манере, но ее невозможно упрекнуть в схематизме. Сновидческая ирреальность этого листа отсылает к некоторым эпизодам «Иванова детства» и той нарративной манере, которую упоминал в своем эссе французский мыслитель Сартр, а русский поэт А. Вознесенский определял как «социалистический сюрреализм».

Тема детства без отца стала одним из сквозных мотивов в творчестве каждого из рассматриваемых авторов. Если для Тарковского отъединенность от отца и отцовского мира была следствием вольного расставания родителей, то Косенкова и Прасолова роднила тема сиротства — обеих война превратила в мальчишек-подранков, потерявших отцов на войне:

Итак, с рождения вошло —
 Мир в ощущении расколот:
 От тела матери — тепло,
 От рук отца — бездомный холод.

Алексей Прасолов, будущий поэт, ребенком увидел зияющую бомбовую воронку на месте родного дома. Вся жизнь он будет помнить этот взрыв, расколовший мир. Образ черной пустоты и смерти для Прасолова навсегда останется символом непоправимо разрушенного миропорядка.

«Восторженность жизни и золотая ее полнота, — признается Прасолов, — это никогда не приходило ко мне ни в жизни, ни в стихах. И вряд ли придет».

Мертвое сухое дерево как символ отжившего присутствует в финальных кадрах «Иванова детства» — этот визуальный, библейской мощи, образ станет программным в творческой системе Тарковского. Он выражает не только идею смерти, но и потенциал чудесного возрождения при условии приложения усилий веры и творческой воли. Мысль о необходимости сохранить в себе внутреннего ребенка проведена едва ли не во всех фильмах А. Тарковского: «... пусть поверят в себя и станут беспомощными,

как дети, потому что слабость велика, а сила ничтожна...» — произносит Сталкер в одноименной кинокартине. И далее там же, размышляя о природе слабости и силы, Сталкер продолжает свой монолог вольной цитатой из Лао-цзы: «Когда человек рождается, он слаб и гибок, когда умирает, он крепок и черств. Когда дерево растет, оно нежно и гибко, а когда сухо и жестко, оно умирает. Черствость и сила — спутники смерти, гибкость и слабость выражают свежесть бытия. Поэтому что отвердело, то не победит».

Алексей Прасолов в 1965 году написал поразительные строки:

Я услышал: корявое дерево пело,
Мчалась туч торопливая, темная сила
И закат, отраженный водою несмело,
На воде и на небе могуче гасила.

И оттуда, где меркли и краски и звуки,
Где коробились дальние крыши селенья,
Где дымки — как простертые в ужасе руки,
Надвигалось понятное сердцу мгновенье.

И ударило ветром, тяжелою массой,
И меня обернуло упрямо за плечи,
Словно хаос небес и земли подымался
Лишь затем, чтоб увидеть лицо человечье.

Работая над прасоловским томом, Косенков сделал два графических листа с изображением человека, сидящего под отжившим старым деревом, в ветвях которого покойно разместились родная деревня и отчий дом, тогда как современный городской пейзаж отступил на дальний план. Композиция листов зеркально повторяется с той лишь разницей, что на одном из них изображен поэт Прасолов, а на другом — сам художник. Так Косенков выразил несомненную для него идейную и биографическую общность с Прасоловым, их пространственное, временное, мировоззренческое поколенческое сродство.

В графике Косенкова одушевленные деревья встречаются часто, их изображение является одним из образных приемов художника. Старые и покалеченные, павшие и сгоревшие, борющиеся за жизнь или полные жизненных соков — мастер постоянно варьировал этот образ. В одних графических листах деревья стали говорящими деталями, а в других — главными героями сюжетов. Иногда они равноправно и равноценно с человеком занимают свое место в пространстве листа.

Несмотря на трагизм опаленного войной детства, в творческом мире Косенкова нет совершенно «разрушенных» детей. Даже в выжженном войной мире образы косенковских мальчиков светлы, их фигуры символизируют возрождение и продолжение новой жизни. Изображения часто лишены портретной конкретности и в своей обобщенности обладают своеобразной витальной растительной энергией: руки мальчиков раскинуты, как ветви молодых деревьев, и так же, как молодые побеги, тянутся к солнцу. В творческом наследии художника есть целая галерея рисунков, эстампов и живописных этюдов с этим сюжетом.

В отличие от Прасолова Косенкову суждено было в полной мере познать тепло собственного семейного дома и радость отцовства. Свет той «восторженности жизни и золотой ее полноты», о которой писал поэт, в зрелые годы был источником творческих

сил и вдохновения для художника. Героика косенковских мальчиков воплотилась в их стремлении преодолеть наследие страшных лет и открыть в себе новые силы для обновления, созерцания, творчества:

Весна — от колеи шершавой
До льдинки утренней — моя.
Упрямо в мир выходят травы
Из темного небытия.

И страшно молод и доверчив,
Как сердце маленькое — лист,
И стынет он по-человечьи,
Побегом вынесенный ввысь.

Никто столь остро не чувствовал в себе надлом от пережитых за годы войны лишений, как дети военного времени. К сожалению, жизненный путь обоих, Косенкова и Прасолова, прервался преждевременно и трагично. И невозместимые потери первых лет их жизни, безусловно, оставили отпечаток на личности и судьбе каждого из них.

Коснись ладонью грани горной —
Здесь камень гордо воплотил
Земли глубинный, непокорный
Избыток вытесненных сил.

.....
Здесь нет случайностей нелепых:
С тобою выйдя на откос,
Увижу грандиозный слепок
Того, что в нас не улеглось.

Родственность мироощущения и внутреннего ландшафта, понятия совести, долга и чести — этические основы их творчества, — все это было заложено от рождения, сформировалось в глубине их существа и, как зерно, проросло в жизнь из опаленного войной детства, а возможно, определило и схожесть судеб.

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

У БЕРЕГОВ ИСПАНИИ

Часть 6

Когда-то крепость, защищавшая Кадис с моря, была грозной. Здесь были собраны крупные морские силы, и тогдашний испанский король Филипп II (1556–1598) решил, что «отсель грозить мы будем Англии». Но королева Елизавета I не стала ждать нападения и в 1587 году направила к Кадису флотилию под командованием Фрэнсиса Дрейка (1540–1596). Он реализовал на практике разработанную впоследствии маршалом Жуковым теорию «упреждающего удара». Крепостные стены не смогли остановить нападавших; англичане заняли Кадис, а испанские суда, находившиеся в гавани, были уничтожены.

Но эта утрата не отрезвила Филиппа II. Будучи ревностным католиком, он задумал одним ударом сокрушить протестантскую Англию, лишить мятежные Нидерланды их опоры в борьбе за независимость от Испании и таким образом уничтожить протестантизм в Западной Европе. И вот в апреле 1588 года из Кадиса к берегам Англии двинулась «Непобедимая армада». 30 июля в Ла-Манш с юга вошла огромная парусная эскадра; здесь были собраны лучшие силы: 130 больших кораблей и множество вспомогательных судов. 180 корабельных священников молились в поте лица, чтобы внести успокоение в души испанских моряков¹. Но большая часть «Армады» погибла от бурь и нападений английских и голландских кораблей. Ночью 2 августа англичане внезапно напали на испанскую эскадру, и когда рассвело, Фрэнсис Дрейк составил в своей каюте донесение лорду Адмиралтейства: «Мы порядочно их пощипали, а остатки развеяли по всем румбам. Мы потеряли 100 человек, но ни одного корабля».

Перо летописца, зафиксировавшее это событие, нацарапало на бумаге заключительную фразу: «*Britania, rule the waves*» («Британия, правь волнами»), которую Томпсон использовал впоследствии для своего стихотворения. Королева Елизавета I приказала отчеканить памятную медаль; надпись на ней гласила: «*Afflavit Deus et dissipati sunt*» («Дунул Господь, и они рассеялись»)². Могуществу Испании был нанесен тяжелый удар. Всего лишь 60 кораблей из всей «Великой армады» добрались после этого плавания до гавани Лиссабона.

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ См.: Ханке Х. Люди, корабли, океаны. Л., 1976. С. 112.

² Там же. С. 115–116.

В этом сражении принимал участие и будущий испанский драматург Лопе де Вега; он едва не погиб на одном из кораблей. Участие в морской битве в большой степени повлияло на творчество Лопе де Вега. Он получил гуманитарное и богословское образование в мадридской коллегии монашеского ордена «Общество Иисуса». Вот как он воспел свою первую встречу с океаном:

Привет Тебе, непостижимый Боже, —
Рай для акул, раздолье осьминогам,
Где мидии таятся по чертогам
И все страшит и радует до дрожи!

Ты, ни на что иное не похожий,
Губивший корабли по всем дорогам —
Трагедии с кровавым эпилогом
Судьба смотрела с рифов, как из ложи!

Ты, умудривший Дрейка с Магелланом
Пройти через пролив, почти вдоль стыка,
Назло волнам, сиренам и кайманам,

Не утай, Всеведущий Владыка, —
Я сыт отчизной, скукой и обманом, —
Откуда тут отплыть в Пуэрто-Рико?³

В возрасте 45 лет (1608) Лопе де Вега был приписан к разряду приверженцев (*familiar*) инквизиции, а в 52 года (1614) принял сан священника. Его перу принадлежит несколько десятков пьес на религиозные сюжеты, а подобных одноактных пьес («аутос сакраменталос») Лопе де Вега сочинил свыше четырехсот. Лопе де Вега касался даже таких мало кому доступных тогда в Европе тем, как русская: его перу принадлежит драма «Великий князь Московский»⁴.

В то время уже поддерживались русско-испанские связи, и это — благодаря развитию морского флота. Во второй половине XVI века в России имелись судостроительные верфи в Вологде, Ярославле, Нижнем Новгороде, Астрахани, Казани. Успешно действовали также и местные монастырские верфи. Уже в те годы русские порты посещали испанские корабли, и это отнюдь не являлось исключительным событием. Так, в 1589 году, всего лишь через год после разгрома «Великой армады», возникла необходимость отправить из Москвы морским путем Никласа фон Варкоча, имперского агента, обслуживавшего политические интересы испанского двора. Это дело было поручено Яну де Валле, пребывавшему в Москве в качестве испанского королевского купца, прозванного здесь Иваном Белобородой. В русской правительственной инструкции предусматривалась такая возможность отправки заморского посланника: «А будет Ивановых (Яна де Валле. — *Авт.*) кораблей придет корабль наперед из Ишпанской земли или из цесаревы области из Андробка (Антверпена. — *Авт.*), которому верить мочно корабленнику, которому Иван Белобород поверит, в том корабле отпустить цесаревых немец (Варкоча и его свиту. — *Авт.*) тотчас, не медля»⁵.

³ Поэзия испанского Возрождения. М., 1990. С. 310.

⁴ См.: Культура Испании (сборник статей). М., 1940. С. 194–195.

⁵ См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. I, столбец 1215.

...Оправившись от разгрома 1587 года, Кадис снова приобрел известность как крупный торговый порт. В связи с этим можно упомянуть интересный исторический документ последней четверти XVI века; речь пойдет о так называемой «Торговой книге», составленной в посаде одного из крупных торговых центров, по всей вероятности, в московском посаде. В «Торговой книге» есть раздел: «Память как продавати русский товар в немцах». Мы узнаем, что пуд воска можно в Испании продать по шесть рублей: «делают в нем свечи», — сообщает «Торговая книга». Есть и такая запись: «А дешево делати на Руси корабли, да отвозят продавати в Шпанскую землю»⁶.

Выгодное положение Кадиса, основанного на перекрестке морских путей, не давало покоя противникам Испании. Английские католики, мечтавшие о возведении на английский престол испанской инфанты Изабеллы, в течение нескольких лет обращались к Филиппу II за помощью. Два раза к Филиппу обращались ирландские католики с просьбой оказать им поддержку в борьбе против английских протестантов. И хотя король больше ничего не предпринимал против Англии, тем не менее там считали, что он попытается осуществить новый десант. Для предотвращения потенциальной испанской угрозы в 1596 году Елизавета I послала объединенную англо-голландскую экспедицию под начальством графа Эссекса, адмирала Говарда и Ралея, которая взяла Кадис и уничтожила все испанские корабли, стоявшие там на якоре. «Не осталось больше ни корабля, ни флота, ни Кадиса»⁷, — сообщалось в донесении Филиппу II.

И лишь с большим опозданием в Кадис вошли войска герцога де Медины, проходившие подготовку в Севилье. Но их помощь уже не потребовалась: город лежал в развалинах. Об этом с иронией писал другой испанский драматург — Мигель де Сервантес Сааведра (1547—1616), который одно время трудился как сборщик недоимок в Севилье и Гранаде. Он знал, о чем писал, повествуя о воинственности англичан и о нерешительности испанского герцога:

И в Кадис — не спеша, достойно, важно, —
Когда граф Эссекс отбыл без помехи,
Вступил с триумфом доблестный Медина⁸.

Но сегодня, похоже, былая вражда прекратилась, и в гавани, куда вошли наши ладьи, испанские суда мирно соседствуют с кораблями из разных стран; на мачтах некоторых из них полощется «Юньон Джек»⁹.

Итак, русские пилигримы в Кадисе. Тихо пришвартовались наши ладьи у пирса, в стороне от шумного центра, там, где на воде покачиваются яхты местных жителей. Точно так же наши предки — члены посольства, прибывшие в 1667 году «в испанскую землю, к городу Кадиксу, пришли декабря 4 числа, и встали от города версты за три»¹⁰. Путь российских посланников до Кадиса был такой же продолжительный по времени, что и у нас. 7 июля 1667 года члены посольства по повелению царя Алексея Михайловича выехали из Москвы в Испанию. Вместе с П. И. Потемкиным в путь отправились дьяк Семен Румянцев, Федор Ушаков, переводчик и прочие служилые люди.

⁶ См.: Шмелева И. Н. Русская торговая книга XVI в. Л., 1948, машинопись. С. 92—95.

⁷ Кудрявцев А. Е. Указ. соч. С. 221.

⁸ Поэзия испанского Возрождения. М., 1990. С. 204.

⁹ В 1603 году, со времени правления короля Иакова I, произошло номинальное объединение Англии и Шотландии. Новый государственный флаг был образован путем наложения шотландского — с косым «андреевским» крестом — на английский — с прямым крестом. Новый флаг получил название «Юнион Джек» («Объединенный Иаков») (прим. авт.).

¹⁰ Статейный список посольства... в 1667 году... С. 360.

Они прибыли в Архангельск 25 августа; 1 октября 1667 года «поехали в испанскую землю, к городу Кадиксу, на корабле, который пошел с армянскою икрою в Италию»¹¹.

Читатель может спросить: при чем здесь «армянская икра»? Дело в том, что в XVII веке Кадис вел крупную торговлю с Арменией, представители которой образовали в этом порту многочисленную колонию и занимались торговлей шелком, составлявшим основной источник богатства персидского шаха — союзника Филиппа III. А один из армянских купцов — Клот — даже основал в Кадисе торговый дом¹².

В Кадисе российских посланников встречали с «радостью велией», поскольку, по словам местных властей, «как и государство испанское стало, послов и посланников из великого российского царства (здесь) никогда не бывало». Ликование сопровождалось пушечной пальбой: «...в то время с корабля, на котором посланники приехали, и с иных кораблей, стрельба из пушек была великая»¹³. Но и члены экипажа были объяты не меньшей радостью, поскольку в те годы угроза для жизни на море была не только от штормов, но и от различных супостатов. Как сообщали потом члены посольства, «капитан и корабельщик с корабля из пушек стреляли многожды на радости, для того, что дал Господь Бог до испанского государства доехать и от турецких воровских (пиратских. — *Авт.*) кораблей прошли на море в добром здоровье»¹⁴.

Сегодня в Кадисе и других приморских городах Испании имеется регулярное паромное сообщение с портами стран Магриба: Марокко, Туниса, Алжира. Суда с названиями, выполненными на борту арабской вязью, не вызывают нынче удивления в испанских портовых городах. Но в 1667 году нашим послам рассказали, что «испанские воинские корабли и катарги¹⁵ беспрестанно ходят на море для опасенья от турецких воровских кораблей, и катарги когда сойдутся с турецкими кораблями и с катаргами испанские корабли и катарги, и у них бывают бои великие, и на всякий год без того не бывает, чтоб кораблю или катарге на море не пропасть, либо турецкой, или испанской, И бывает, что испанские люди турецких побивают, а в иное время турецкие испанских побивают»¹⁶. Вот какие страсти царили на Средиземноморье до эпохи адмирала Ушакова...

Впрочем, и в самом Кадисе тогда была взрывоопасная ситуация. Дело в том, что в некоторых портовых городах было сосредоточено большое число рабов, например в Кадисе, где в начале XVII века находилось более 800 мавров и негров, а в 1654 году — более 1500. Работали они там обычно на погрузке и разгрузке судов, на военных и торговых складах, и т. д. Труд рабов применялся также на общественных работах, а в более поздний период — на галерах. Скопление большого количества рабов в Кадисе вызвало необходимость в специальной полиции, созданной для предупреждения возможных мятежей¹⁷.

В том же XVII столетии испанские корабли должны были опасаться не только турецкого флота, но и флота европейских держав, боровшихся за господство на море. Так, в 1625 году английский король Карл I напал на Кадис и на испанский заокеанский флот. Правда, оба нападения были безуспешными, но в 1684 году, во время войны Испании с Францией, Кадис был блокирован эскадрой де Турвиля¹⁸.

¹¹ Там же.

¹² Альтамира-и-Кревеа Рафаэль. История Испании. Т. II. М., 1951. С. 227, 242.

¹³ Статейный список... С. 361, 365.

¹⁴ Там же. С. 364.

¹⁵ Каторга (от греч. *κάτεργον* — катергон) — большое гребное судно с тройным рядом весел; позднее такое судно стали называть галерой.

¹⁶ Статейный список посольства... в 1667 году... С. 383.

¹⁷ См.: Альтамира-и-Кревеа Рафаэль. Указ. соч. С. 139.

¹⁸ Там же. С. 101, 120.

А в начале следующего столетия подписанный в результате войны за «испанское наследство» Утрехтский мир (1713) лишил Испанию многих ее владений, которые отошли к Англии, Пруссии, Савойе, Австрии. Попытки Испании вернуть утраченное заставили ее искать союзников в Европе, в том числе и в России. 11 августа 1718 года английская эскадра разбила испанский флот у Сиракуз. Ожесточенный бой продолжался весь день: девять испанских кораблей было потоплено, два сожжено, четыре захвачено англичанами. Уцелевшие от разгрома 12 испанских кораблей были на следующий день блокированы и сдались на «дискрецию». Из всей испанской эскадры спаслось только одно судно, укrywшееся на Мальте. По мнению тогдашнего русского посланника в Англии Ф. Веселовского, главной причиной этого бедствия была недостаточная бдительность испанского правительства. «Побитие флоту гишпанского, — писал Веселовский, — учинилось против чаяния оного Двора, и сие бесщастие ему приключилось от того, что безосновательно мыслил об Англии, якобы оная для своего имеющаго комерция (английская торговля с испанскими владениями в Америке. — *Авт.*) не имела смелости поступать таким насилием, как то учинилось»¹⁹.

В России разгром испанского флота в 1718 году вызвал беспокойство. Россия протягивала руку помощи Испании. Общность интересов обеих держав побуждали их к союзу. Испанское правительство просило Петра I о присылке восьми военных кораблей в полном вооружении и с экипажем. Россия решила вступить в борьбу против Тройственного союза — Англии, Австрии и Франции. В 1719 году Петр I пытался удержать испанского короля от капитуляции перед Англией и с этой целью даже перебросил в Кадис из Венеции российских гардемарин — под предлогом обучения навигации²⁰.

К этому времени Кадис стал крупным центром военно-морского искусства. Еще в царствование Филиппа II по инициативе генерал-адмирала Диего Брачеро была усовершенствована техника испанского кораблестроения. В 1642 году впервые были применены так называемые «огненные галеоны», или брулоты, которые с успехом применялись в Голландии и во Франции. Для обучения строительству и вождению этих кораблей в Кадисе была открыта пиротехническая школа²¹.

И вот в июле 1719 году 22 русских гардемарина прибыли в Кадис, где находился главный корпус испанской морской эскадры. Надежды питали юношей, но на большее рассчитывать не приходилось, как, впрочем, и нашим молодым паломникам, объявившимся в этом городе через 270 с лишним лет. И каждый из них с пониманием прочтет строки, так хорошо описывающие и наше положение в Кадисе. Вот что сообщали гардемаринны русского флота президенту Адмиралтейской коллегии графу Ф. М. Апраксину в письме из Кадиса от 30 июля 1719 года: «Повелели определить нас во Академию и содержать тако, как своих гардемарин, — и жалования нам против оных по два рубли с половиной на месяц, а мундиру нам не определено. И ныне мы подрядили себе кварталы и содержимся одним хлебом и водою, и затем не остается ничего, чем бы содержать рубашки, и башмаки, и чулки, и протчие нужды»²².

К счастью, нашим паломникам не пришлось тратиться на «кварталы», поскольку ночевали мы на палубах своих судов. Но нельзя было спать спокойно: неподалеку от нашего причала был пришвартован старый баркас, переоборудованный под танцевальную площадку. И до четырех-пяти часов утра, усиленные мощными динамиками, уши благочестивых паломников закладывали звуки «тяжелого рока». Где уж тут до молитвенных размышлений под звездным небом!

¹⁹ См.: Крылова Т. К. Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века // Сборник «Культура Испании». М., 1940. С. 333.

²⁰ Там же. С. 336—337.

²¹ См.: Альтамира-и-Кревеа. Указ. соч. Т. II. С. 194.

²² Цит. по: Россия и Испания. Т. I. М., 1991. С. 70.

Впрочем, нашим гардемаринам было не слаще. Вот что писали они графу Ф. М. Апраксину в своей челобитной: «И во Академии мы толко учимся салдацкому артикулу, и танцавать, и на шпагах битца, а математики нам учить невозможно для того, что мы языку их не знаем... А мы дворяне небогатые, от домов своих не токмо векселей, ни писем не получаем... А ныне приключилась здесь великая нужда, ничем не меньше прежней. Первое — что голодни, второе — что имеем по одному кафтану, а рубашек и прочего не имеем... Ежели мы будем многое число в Академии, то практику морскую можем забыть, а вновь ничего не присовокупить, понеже тонцование и шпажное учение нам не на пользу»²³.

Затянувшаяся Северная война связывала руки России, и дальность расстояния затрудняла возможность непосредственной военной поддержки дружественной Испании. Поэтому в феврале 1720 года российские гардемарины выехали из Кадиса в Россию, и многие из них продолжили службу на флоте. А если представить себе, что они бы услышали в Кадисе на «тонцовании» ту музыку, которая несколько дней подряд сотрясала наш причал! Быть может, они воспользовались бы словами известного летописца игумена Панфила, который писал: «И возбесятся гудением струнным, и всякими неподобными играньями сатанинскими, плесканием и плясанием, женам же и девам и главами киванием, и устами их неприязнен клич, вся скверные бесовские песни, и хребтом их вихляние и ногами их скакание и топтание...»²⁴

Прошло несколько дней с того времени, как наши ладьи встали в гавани Кадиса. Наши пилигримы успели за это время дать интервью журналистам, выступили по местному радио — в общем, приобрели известность. В нашу бытность в Барселоне при такой популярности это быстро стало известно российскому консулу, и он специально приехал, чтобы пообщаться с земляками. В Кадисе никто из наших представителей к нам не приходил, хотя еще в петровские времена было известно, что «всех европейских наций в Гишпании в городе Кадиксе обретаются консулы»²⁵.

А один из наших предшественников — А. А. Ефрон, побывавший в Испании в 1888 году, писал: «В Кадиксе наше правительство содержит генеральное консульство с целым штатом чиновников и адъюнктов». При этом российский журналист добавлял: «Еще император Петр I учредил генеральное консульство в Кадиксе; в то время этот порт был, действительно, важнейший в Испании, так как, по тогдашним законам, все суда, приплывавшие в Испанию, должны были проходить через Кадикс»²⁶.

Итак, русское присутствие в Кадисе восходит к петровской эпохе. И действительно по приказу Петра I в 1723 году в Кадисе было учреждено российское консульство. Первым русским консулом в этом портовом городе стал Яков Евреинов, при нем в качестве помощника находился Алексей Вешняков²⁷. Но этому событию предшествовала неофициальная деятельность россиян. Предварительно в Кадис был отправлен советник коммерции князь Иван Андреевич Щербатов, которому, собственно, и поручалась организация консульства в Кадисе; он должен был ехать в этот город «под именем валентира» (то есть волонтера — частного человека, путешествующего по собственным делам), «как и прежде многие российские люди ездили»²⁸.

²³ Там же. С. 70–71.

²⁴ Цит. по: Скальковский К. Путевые впечатления по Испании, Египту, Аравии и Индии. СПб., 1873. С. 317.

²⁵ Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке. Т. I. М., 1899. С. 121.

²⁶ Ефрон А. А. Письма из Испании и Бельгии. СПб., 1889. С. 111–112.

²⁷ См.: Уляницкий В. А. Указ. соч. С. 1.

²⁸ Там же. С. 116.

Какие задачи ставило перед нашим консулом в Кадисе российское правительство? Среди прочих в задачу консула входило: «разведать подлинно об их (испанском. — *Авт.*) флоте, которой в Америку ходит, какое число и какие товары российские туда отпускаются и в которые времена; также и корабли каким образом от других наций они покупают и какое на их употребляется довольство такелажу; и о том о всем писать с подлинным обстоятельством, не упуская времени»²⁹. Как видим, интересы пересекались: ведь наша паломническая флотилия тоже направлялась в Новый Свет.

А вот еще одно любопытное поручение: «Смотреть и предостерегать того, чтобы их (русских. — *Авт.*) приходящие корабли без изъяснения все права и привилегии против других наций имели, а особливо в том, чтоб в осмотрах их корабли ничем против других наций отягчены не были»³⁰. Что же, можно с удовлетворением отметить, что эти предписания испанские власти исполнили безукоризненно: полицейские только снаружи осмотрели наши ладьи, а владельцы яхтенной гавани отвели нам бесплатную стоянку в течение нескольких дней, понимая, что все равно с убогих паломников взять нечего.

У некоторых из участников экспедиции кончились отпускные дни, и паломники рассчитывали вернуться в Россию с помощью нашего консула. Позже мы узнали, что такового в Кадисе ныне не имеется, а если бы и был, то вряд ли чем смог бы помочь. Впрочем, так было всегда, и нашим матросам издавна приходилось рассчитывать только на свои возможности. Вот красноречивый пример. В 1725 году в Кадисе объявились два русских матроса, состоявших на службе на французском корабле. Они просили консула Якова Евреинова освободить их от этих обязанностей и отправить в Россию, так как они отслужили обусловленный по контракту срок. Однако выяснилось, что никаких инструкций на подобные случаи нет, «наименьшее того — никаких денег не учреждено, из которых ему (консулу. — *Авт.*) весьма и необходимо расходы иметь должно на отправление таких людей, когда впредь случаться станут, а особливо в большом числе»³¹. Так что русским матросам пришлось вернуться на французский корабль, а нашим паломникам — на свой страх и риск пробираться в Россию через Францию и Германию.

Но тем не менее в петровское время консульская служба в Кадисе обреталась; плоды ее деятельности проявлялись в развитии русско-испанских торговых связей. Что могли предложить России испанцы? Есть известное выражение о том, что «любовь и голод правят миром». Торговые отношения двигала еще и жажда, но не только наживы, а определенного рода. Вот что намеревался предложить России местный кадисский купец Франциско Перрата: «Русские люди, — писал он, — должны себя оборонить от крайней суровости зимной, ибо она продолжается многовременно, для того принужденны искать способу покупать вины и вотки, и колико такая питья лутше и сильнее, толико суть вящей чести и почтении... А также и табуку для курения как обще подлейший народ употребляет»³².

В составленном Ф. Перратой проекте русско-испанского торгового договора (Мадрид, 13 января 1724 года) потенциальным русским покупателям был представлен широкий выбор напитков; в тексте договора говорилось про «изобилие виноградных садов в двух андалусских провинциях, где делаются повсягодно (ежегодно. — *Авт.*) прелезнейшие вина». «И так много ж случаетца, — продолжал Перрата, — что недоста-

²⁹ Там же. С. 123. § 4.

³⁰ Там же. С. 124. § 5.

³¹ Там же. С. 143.

³² Цит. по: Россия и Испания. Т. I. М., 1991. С. 92.

ет суден, куда их вместить, а паче славные фалернские вина, которые в долговременном провозе не токмо не портятца, но от того вящую воспринимают силу и зело суть потребны в студеных странах северных»³³.

А надо сказать, что еще в конце XVI века из Кадиса и Севильи ежегодно отправлялось в Америку (где разведение винограда было запрещено) 500 000 арроб вина (одна арроба равна 55,5 литра). Только эти два города имели право торговать с Америкой; правда, это не распространялось на Канарские острова, куда направлялась наша небольшая эскадра. Портам Канарских островов еще в 1508 году было разрешено вести самостоятельную торговлю с Америкой³⁴.

Франциско Перрата был не только кадисским купцом, но и чиновником испанской Торговой палаты. Поэтому его усилиями проект договора в январе 1724 года был представлен российскому посланнику в Мадриде князю С. Д. Голицыну (1722–1726). Сергей Дмитриевич незамедлительно переслал документ в Санкт-Петербург, откуда вскоре пришел высочайший рескрипт: «Объявить испанскому Двору с обнадеживанием, что мы к установлению прямой директной между обоими государствами коммерции весьма склонны»³⁵.

Что же предлагалось в обмен на «растормаживающую жидкость»? Кроме традиционных предметов экспорта, таких, как лес, воск, деготь, смола, Петр I намеревался отправлять в Испанию изделия «высокой технологии», а именно — корабли. «Понеже мы известие имеем, что Гишпании ныне корабли военные потребны, — писал Петр I С. Д. Голицыну, — того ради присылается тебе при сем табель о препорции наших кораблей продажных, которые в здешнем порте (Петербурге. — *Авт.*) обретаются»³⁶.

Петр I сполна оценил выгодное местоположение Кадиса, о чем сообщал ему Голицын: «Самый большой торг происходит в Кадиксе, ибо в оном наибольшее истребление (спрос. — *Авт.*) всем товарам бывает по причине Индей Западных»³⁷. Поэтому вскоре Петр I приказал учредить компанию из торговых людей для снаряжения корабля в Кадис, добавляя при этом: «...но понеже всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут, того ради Коммерц-коллегия для сей новости дирекцию над сим и управление должна иметь как мать над дитятем во всем, пока в совершенство придет». Эта компания «споможена имеет быть кораблями и матрозами от Адмиралтейства»³⁸, — указал при этом российский император. По распоряжению Петра I на первые российские корабли, снаряженные в Кадис, товар следовало погрузить разный, «не взирая на то, что у которых товаров будет наклад, но только чтоб комерция была зачата»³⁹.

Примечательно, что испанское правительство благожелательно отнеслось к этому начинанию. В резолюции, начертанной на проекте о развитии торговых отношений, отмечалось, что поскольку «московский народ не имеет никакого торгова в (испанском) королевстве, от чего бы народ мог пользу иметь», то пусть русские купцы «чрез обхождение свое покажут знаки доброй корреспонденции и близшего согласия, каково может имеемо быть между двумя дружескими коронами»⁴⁰. Хотя никаких торговых

³³ Там же. С. 93.

³⁴ См.: Альтамира-и-Кревеа Р. Указ. соч. Т. II. С. 268.

³⁵ Цит. по: Уляницкий В. А. Указ. соч. С. 128.

³⁶ Там же. С. 132.

³⁷ Там же. С. 134.

³⁸ Там же. С. 137.

³⁹ Там же. Т. II. С. 115.

⁴⁰ Там же. С. 121. 8 июля 1725 г.

льгот при этом не предоставлялось (чтобы купцы из разных стран имели в Кадисе равные условия), русские корабли начали готовиться к дальнему плаванию.

12 мая 1725 года три первых русских корабля: «Девоншир», «Амстердам Галей» и «Кронделивде» — вышли из Ревеля в Кадис под начальством шкипера Ивана Михайлова (под этим именем в судовой роли значился капитан флота Кошелев). 17 августа того же года корабли прибыли в Кадис и встали на рейде. Таможенного досмотра местные власти не производили, что было своеобразной привилегией, а офицеры русских кораблей были приняты местным губернатором «со всякими учтивостями»⁴¹. Корабли встали под разгрузку; $\frac{1}{3}$ груза составляли казенные, «адмиралтейские» товары, а $\frac{2}{3}$ — купеческие.

На первых русских кораблях в 1725 году были присланы для обучения в Кадис «двое российских купеческих человека» (Холшевников и Басков). Но по-видимому, на сей раз они были выбраны из «номенклатурной обоймы»: чистая анкета и чистое, ничем не замутненное сознание. Вскоре выяснилось, что эти выдвиненцы были «весьма не очень пригодны к тому, для чего оные присланы, ибо летами уросли дабы в состоянии быть чему обучиться, к тому же и природою не очень достаточны к какому перенятию, наивящее всего с нуждою и грамоте своей имеют, (и) никакой пользы по намерению от них ожидать не можно»⁴².

Похоже, что их «собратья по разуму» хорошо поработали в Ревеле при загрузке кораблей. В перечне товаров, доставленных в Кадис на первых русских судах, были фузеи (ружья), явно непригодные для продажи. По этому поводу Голицын писал в Санкт-Петербург, что «такое ружье здесь (и нигде инде) годно быть не может, ибо оно инфантерии за великой тяжестью пригодно быть не может»⁴³. А что касается других товаров — например, парусного полотна, то «присланные сорта (в 2 и в 3 нитки толщиной) были подходящи и сполна распроданы»⁴⁴.

Интересно, что в ходе русско-испанской торговли к продаже в Кадисе предназначались изделия церковного назначения. Так, свечи, употреблявшиеся в местных католических храмах, содержали воск из православной России. «Воск с севера приходящий почитается за наилучший пред здешним, — сообщал С. Д. Голицын, — и для удобрения (улучшения. — *Авт.*) здешнего воску оный воск мешается вместе из севера приходящим воском, которого половину числом против здешнего кладется»⁴⁵. (Так что уже в то время идеологические стряпчие могли провозгласить девиз: «Русские пчелы — лучшие в мире!») Голицын писал также про «брусья сосновые — употребляются для потолков как в церкви, так и в дома»⁴⁶, и как знать, быть может, до сих пор где-то на юге Испании сохранились храмы с деревянными стропилами из России?

Три недели стояли российские корабли под загрузкой в Кадисе и уже было собиравались в обратный путь. Но к несчастью, «Девоншир» столкнулся с испанским судном и получил серьезные повреждения. Поэтому в Россию небольшая флотилия отправилась только в конце октября, и лишь весной 1726 года корабли прибыли в Санкт-Петербург. А в декабре того же 1726 года был издан указ о присвоении Кошелеву звания капитана 1-го ранга за то, что «он в Гишпании с российскими кораблями первым был»⁴⁷.

⁴¹ Там же. Т. I. С. 148.

⁴² Там же. Т. I. С. 142.

⁴³ Там же. С. 154.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Т. II. С. 107.

⁴⁶ Там же. С. 108.

⁴⁷ См.: Россия и Испания. Т. I. М., 1991. С. 101.

К этому времени Петр I уже скончался, и многие его проекты не получили дальнейшего развития. Коснулось это и русского присутствия в Кадисе: осенью 1727 года кадисское консульство было упразднено по причине больших издержек: «на содержание консулей и на корешпонденцию надобно в год денежной казны более 6000 рублей, а ежели тех консулей соизволено будет впредь содержать, — токмо для партикулярного купечества»⁴⁸ — так было обосновано это решение. Что касается самого консула, которым к тому времени стал А. Вешняков, то ему был дан наказ, «чтобы все товары поручил распродать, а сам бы он, консул, потом ехал в наш империум»⁴⁹.

Так завершился первый период в истории русско-испанских отношений в Кадисе. В Мадриде по-прежнему находился российский представитель в ранге полномочного посланника. В этой должности подвизались такие известные государственные деятели, как И. А. Щербатов (1726–1730), П. И. Репнин (1760–1762), П. А. Бутурлин (1762–1766), О. М. Штакельберг (1766–1772), С. С. Зиновьев (1772–1792); в конце XVIII столетия Россию в Мадриде представлял поверенный в делах Н. Н. Бицов (1792–1799).

Новая страница в истории русско-испанских связей была открыта в эпоху правления Екатерины II (1762–1796). В 1765 году государыня повелела развивать русско-испанскую торговлю и «на первые годы кораблям всевозможное сделать обласкание»⁵⁰, то есть взимать умеренную пошлину. В 1765 году русский подданный, прибывший из Кадиса в Санкт-Петербург, фридрихсхафенский уроженец Иоганн Фридрих Бранденбург был утвержден в должности российского консула в Кадисе. Ему дана была инструкция продвигать на местный рынок «мануфактурованные товары и прочие продукты российские, пригодные для Испании или Америки»⁵¹.

Поскольку русская торговля в Кадисе возобновлялась после долгого перерыва, И.-Ф. Бранденбург советовал проявлять осторожность: «русским купцам не полезно еще иные в Кадиксе делать опыты как досками»⁵², — писал он. Но как и прежде, в Испании ценился воск из России, и российский консул предлагал поставлять в Кадис изделия из этого ценного сырья: «Белыя восковые свечи добрый составляют товар, лишь бы не больше их было, как по 5 в фунте»⁵³, — писал он в своем донесении в 1765 году.

Развитию русско-испанской торговли большое внимание уделял граф Александр Романович Воронцов (1741–1805). При Екатерине II он занимал должность президента Коммерц-коллегии и всячески ратовал за возрождение корабельного дела и торговли с заморскими странами. «Держава, не имеющая собственного кораблеплавания и торгова, не может никогда быть страшною на море, сколько б впрочем ни строила кораблей»⁵⁴, — считал он не без основания.

Примечательно, что в своих проектах А. Р. Воронцов учитывал и церковные традиции католической Испании. Так, он предлагал ввозить в Испанию рыбу, обосновывая это такими соображениями: «Известно, сколько гишпанцы соблюдают пост, — писал он. — По недостатку рыбы голландцы и англичане привозят для простого народа сухую и соленую; чаятельно, чтоб российские подданные могли оную дешевле ставить в рассуждении великого множества рыбы в реках Волге, Двине, Яике и в Белом море; удивительно, что по сю пору о том совсем еще и не думали».

⁴⁸ Уляницкий В. А. Указ. соч. Т. II. С. 105–106.

⁴⁹ Там же. Т. I. С. 151.

⁵⁰ Там же. С. 310.

⁵¹ Там же. С. 306.

⁵² Там же. Т. II. С. 201.

⁵³ Там же. С. 200.

⁵⁴ Там же. С. 184.

Другим товаром, предназначенным для церковных нужд, мог бы стать все тот же воск, «на который великий расход как в Гишпании, так и в ея селениях для церквей; венециане делают оным великий торг, а по дешевизне конечно б от нас охотнее брать стали»⁵⁵. В скором времени воск для свечей стал поступать из России в Испанию в больших количествах; так, с 1772-го по 1774 год в Испанию было отправлено 2039 пудов воска⁵⁶.

Завершая свой проект, предназначавшийся для высочайшего рассмотрения, А. Р. Воронцов указывал на Кадис как на «город, служащий сборищем и сохранением не только сокровищам Гишпании, но и всех почти европейских купечествующих народов»⁵⁷. Дело быстро начало развиваться; из росписи на 1767 год видно, что русская колония в Кадисе состояла уже из 11 человек, в том числе консула и состоявших при нем купца Кабацкого и секретаря Достоевского⁵⁸.

В Россию из Испании шел встречный поток товаров; так, купец из Бильбао Фелипе Чоне в 1767 году намеревался «для опыту нагрюзить корабль, называемый „Св. Иосиф“ в Петербург с винами валдепеньяйскими, сарагоскими, наварскими и кастильскими красными и белыми»⁵⁹. Тот же Фелипе Чоне основал в столице Российской империи первый испанский торговый дом: в 1771 году в Санкт-Петербурге была учреждена первая испанская купеческая контора, вслед за этим, в 1773 году, и вторая, которые «ежегодно на довольно знатные суммы наших продуктов в Испанию отправляли»⁶⁰.

В июне 1772 года секретарь испанской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге Мануэль Делитала (с 1763-го по 1771 год) сообщал о том, что «в прошлую пятницу, 24 числа сего месяца, в Кронштадте бросили якорь испанские корабли компании графа де Клонареца (из Кадиса) и дона Фелипе Чоне (из Бильбао). Один из кораблей отплыл из Кадиса 22 мая, другой — „Нуэстра Сеньора де ла Консепсьон“ („Непорочное зачатие Богородицы“. — *Авт.*) отплыл из того же порта значительно позже, догнал первый корабль в Зунде, откуда они прошли вместе по Балтийскому морю без каких бы то ни было происшествий»⁶¹.

До 1770 года испанские корабли использовали для оснащения судов исключительно голландские парусные полотна. Но приток дешевых изделий из России потеснил голландцев из этой сферы торговли. Так, в 1770 году в Кадисе было продано 4000 кусков парусного полотна; хорошо шли также пенька и канаты⁶². Прогноз А. Р. Воронцова оказался верным: еще в середине 1760-х годов он писал о том, что «холст наш очень дешев, итак могло б оногo ужасное число идти в Новый Свет, как для белья, так и ушивания всех в Новый Свет отправляемых товаров»⁶³.

Но не все шло гладко в этом сложном деле. Далеко не каждый русский купец решался отправлять товары за три моря, предпочитая традиционные рынки сбыта. Несмотря на то, что было «сделано снисхождение в пошлинах на гишпанские вина», многие русские купцы не спешили отозваться на призыв российского консула в Кадисе И.-Ф. Бранденбурга расширить торговлю, а многие «призыв его в смех обращали»⁶⁴.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 205.

⁵⁷ Там же. С. 185.

⁵⁸ Там же. Т. I. С. 327.

⁵⁹ Россия и Испания. Т. I. М., 1991. С. 205. Донесение посланника России в Испании барона О. М. Штакельберга Екатерине II. Мадрид, 4/15 июня 1767 г.

⁶⁰ См.: Уляницкий В. А. Указ. соч. Т. I. С. 336.

⁶¹ Россия и Испания, Т. I. С. 215. С.-Петербург, 17/28 июля 1772 г.

⁶² См.: Уляницкий В. А. Указ. соч. Т. I. С. 335.

⁶³ Там же. Т. II. С. 184.

⁶⁴ Там же. Т. I. С. 339, 341.

Консул отчетливо видел слабые стороны тогдашнего российского торгового флота; по его словам, «собственные (частные. — *Авт.*) российские купецкие корабли еще таковы, что для худого своего строения, для малости их и для океана вовсе ненадежны, да и экипажи их, хотя бы и чужестранные были, но смешаны с российскими матросами, крайне еще неспособны»⁶⁵.

Одно такое «совместное предприятие» закончилось плачевно для его строителей, о чем И.-Ф. Бранденбург сообщал в своем донесении: «Купец Попов, получив дозволение выпустить на своем собственном корабле знатный груз досок в Испанию, потерял, не доезжая еще Голландии, и груз, и корабль от того только одного, что большее только число посадил на оном для дешевизны российских матросов, которые, перепившись пьяны, и шкипера чужестранного прибили, и корабль разбились»⁶⁶.

Но все же российский консул не терял надежды на лучшие времена; в 1777 году он писал о преимуществах прямого фрахта отечественных судов (без посредничества голландцев) для торговли с Испанией и, подводя итог своим рассуждениям, восклицал: «...сколько бы (дохода) превзошло, ежели бы вся Испания, Португалия и Франция и прочие страны нашим кораблехождением запаслись!»⁶⁷

Препятствия для успешной торговли возникали и по политическим причинам, когда вспыхивали конфликты между соперничавшими или враждовавшими странами. Так, в 1780 году мимо Кадиса следовал с грузом зерна в Барселону голландский корабль «Конкордия», принадлежавший Архангельскому торговому дому. Власти Кадиса задержали голландское судно и, конфисковав его, продали с молотка, чем нанесли существенный материальный ущерб судовладельцам⁶⁸.

Этот единичный случай был сочтен за недоразумение, и русско-испанские отношения по-прежнему оставались хорошими. Но в том же 1780 году было конфисковано российское судно «Св. Николай», принадлежавшее петербургскому купцу Якову Жадумировскому. Оно было нагружено «российскими товарами и послано в один из портов гишпанских — Малагу для продажи их, с тем, чтобы там набрать вин для здешних мест»⁶⁹.

Вскоре после этого обеспокоенная императрица Екатерина II разослала рескрипт в столицы главных морских держав — в Париж, Лондон и Мадрид — с требованием прекратить незаконные действия. Этот демарш был подкреплён конкретными мерами: по распоряжению государыни были выделены средства «на вооружение из флота при Кронштадте 15-ти кораблей и 4-х фрегатов и на содержание их в такой готовности, чтоб они по первому повелению в море пуститься могли»⁷⁰. В результате энергичных мер, предпринятых российским правительством, корабль «Св. Николай» вскоре был освобожден «с выплатой ему компенсации за причиненные убытки»⁷¹.

⁶⁵ Там же. С. 340.

⁶⁶ Там же. С. 340—341.

⁶⁷ Там же. С. 344.

⁶⁸ См.: Россия и Испания. Т. I. М., 1991. С. 278.

⁶⁹ Там же. С. 282.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 296.

Contents

Prose and Poetry

- Mikhail Gundarin.** Poems • 3
Ksenia Zhukova. Renovation. *Story. Prev. E. Popov* • 7
Andrei Korovin. The Man Didn't Leave St. Petersburg... *Poems* • 37
Inna Kabysh. Childhood – Adolescence – Childhood. The Little Prince. Who Do Hamsters Love? Music Lesson. Get Ink and Cry... Linden Lida. Apple Tree. Three-Letter Word. My Police. Solveig. *Short stories* • 43
Vera Zubareva. Confessions of a Writer. *Poems* • 59
Alexander Kuraptsev. Ferris Wheel. Hope. On the Warpath. Fredidrakula. Ferris Wheel. Ravine. Sister Mama. *Short stories* • 65
Tanzilya Iskandarova. Prisoner. *Short story* • 77
Svetlana Kryukova. Nothing Superfluous. *Poems* • 83
Alexandra Medvedkina. The Korczak Method. Planet. The Korczak Method. *Short stories* • 87
Igor Rodin. I Am the One Who Killed Che Guevara. *Short story* • 92
Nikolay Yakimchuk. Poems from the Cycle „Unfinished Gambit“ • 99
Viktor Peregudov. On the Strangeness of Love. Return. Masha. *Short stories* • 105
Oleg Gatsenko. The Breath of St. Petersburg. A Cycle of St. Petersburg Sonnet *Elegies* • 138

Non-Capital Russia

- Alexander Molotkov.** This Is My Earthly Life. *Story* • 144
Sergey Ustinov. The Ideal Hut. Coral Sea Crest. *Short stories. Prev. by E. Popov* • 169

Translations

- Karl Bernhard, Sophus Schandorff.** *Short Stories. Translation by Egor Fetisov* • 181

Favorite Corners of Russia

- Stanislav Minakov.** Ksenichka's „Breaths“ • 194

Publicistic Writings

- Nikolai Markelov.** The Caucasian War: „Reading the Pages of the Past...“ • 198
Mikhail Denezhkin, Grigory Verkhovsky. Reflections. „Mirror-2025“ • 223

Criticism and Essays

- Ivanna Dunets.** The Russian Hoffmann. Faces: Three Poetic Norns • 228

Petersburg Bookman

- Territory of Memory.** *Elena Kozachuk.* The Heroics of Wartime Childhood. Tarkovsky, Kosenkov, Prasolov • 237

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** Off the Coast of Spain. *Part 6* • 243

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал «Нева»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефоны: (812) 314-72-50, 312-49-23
E-mail: nevaredaction@mail.ru, officeneva@mail.ru

Рукописи принимаются только в электронном формате

Сайт «Невы»: neva-journal.ru

По вопросам, связанным с интернет-сайтом, обращайтесь
по адресу web@neva-journal.ru

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет АО «Почта России»,
подписной индекс П1743.

Свежий номер журнала в Санкт-Петербурге можно приобрести в магазинах
прессы у станций метрополитена.

**По вопросам, связанным с оптовой и мелкооптовой продажей,
приобретением** отдельных номеров журнала за последние годы, обращайтесь:

в Санкт-Петербурге — в редакцию журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18,
тел. (812) 312-49-23, e-mail: officeneva@mail.ru).

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала
«Нева» на территории РФ осуществляет редакция.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-83135 от 26 апреля 2022 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Учредитель: ООО «Журнал «Нева»

Сдано в набор 18.12.2025. Подписано в печать 20.01.2026.
Выход в свет 10.02.2026. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 650 экз. Свободная цена. Заказ № 6

Адрес издателя ООО «Журнал «Нева»: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 18

Отпечатано в типографии ООО «ИПК „БИОНТ“»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр., 86
Тел. (812) 207-58-43

Дорогие друзья и читатели! К нашему большому сожалению, финансовое положение журнала остается сложным. Мы старались справиться своими силами, но рост стоимости печати и коммунальных расходов создал критическую ситуацию. Мы верим в наше общее дело и надеемся на ваше участие. От всей души благодарим за любую помощь!

Реквизиты для банковского перевода:

Наименование — название организации: ООО «Журнал «Нева»

ИНН: 7810328498

КПП: 784101001

Расчетный счет: 40702 810 6 5500 0029700

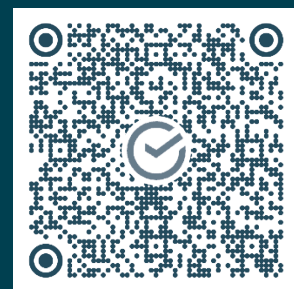
Банк получателя: СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ БАНК
ПАО СБЕРБАНК

БИК: 044030653

Корсчет: 30101 810 5 0000 0000653

В графе «Назначение платежа»

важно написать «финансовая помощь»

Еще проще помочь нам переводом по QR-коду

Благодарим вас, дорогие друзья!

Журнал «Нева» выходит с периодичностью
1 раз в месяц и распространяется по подписке

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ
осуществляет **АО «Почта России»**, индекс П1743

Объединенный каталог «Пресса России», индекс 73276

Агентство подписки «Урал-Пресс», индекс 73276

Интернет — neva-journal.ru

